

ISSN 2078-7626

ВЕСТНИК

Сургутского
государственного
педагогического
университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 5 (86) 2023 г.

ВЕСТНИК

СУРГУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

Основан в августе 2007 г.

№ 5 (86) 2023 г.

«Вестник Сургутского государственного педагогического университета» входит в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук».

Журнал включён в индексы научного цитирования и в международные библиографические базы данных: РИНЦ, Cyberleninka.ru, Scientific Indexing Services (SIS), ESJI, Ulrich Plus.

Учредителем и издателем СМИ «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» является бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Сургутский государственный педагогический университет».

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-29393 от 24 августа 2007 г.

Главный редактор: КОНОПЛИНА Надежда Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, Президент Сургутского государственного педагогического университета

Адрес издательства, редакции и типографии:

г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2.

Телефон: 8 (3462) 22-31-87 (доб. 4-493).

E-mail: vestnik@surgpu.ru

Периодичность издания: 6 выпусков в год.

Выход в свет: 06.12.2023 г.

Формат 70x100/16. Авт. л. 18,8.

Печать цифровая. Гарнитура

DejaVu Serif. Тираж 1000.

Заказ № 429_23 .

Отпечатано в РИО СурГПУ.

© Сургутский государственный педагогический университет, 2023.

Распространяется бесплатно, 12+

ISSN 2078-7626

**Surgut
State
Pedagogical
University**

BULLETIN

AN ACADEMIC JOURNAL

№5 (86) 2023 г.

SURGUT STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY

BULLETIN

AN ACADEMIC JOURNAL

№ 5 (86) 2023 г.

This Bulletin has started its publishing activity since 2007.

«Surgut State Pedagogical University Bulletin»
is in «The List of Russian peer-reviewed journals
recommended by State Commission of Academic Degrees
and Titles for publication of main scientific results of Doctor and Ph.D. theses».

The Journal is in the list of Science Citation Index and international bibliographic database:
RSCI, Cyberleninka.ru, Scientific Indexing Services (SIS), ESJ, Ulrich Plus.

This academic journal has been registered
in the Russian Federal Agency supervising over the mass media,
tele- and radio-communication saving
in its way the Russian Federation State Cultural Heritage.

The Mass-Media Information Registration Certificate
is ПИ № ФС 77-29393, August 24, 2007.
Founder of journal: Budgetary Institution of Higher Education
of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra
«Surgut State Pedagogical University».

The Chief Editor: KONOPLINA Nadezhda Vasilyevna, Doctor of Education, Professor,
President of the Surgut State Pedagogical University.

Address of the publishing house, editorial office and printing house is:
628417 Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra,
Surgut, 50 let VLKSM st., 10/2.
Phone: 8 (3462) 22-31-87 (ext. 4-493). E-mail: vestnik@surgpu.ru

Publication frequency: 6 issues per year.

Release date: 06.12.2023
Format 70x100/16. Auth. l. 18,8.
Digital printing.
The DejaVu Serif headset. The
circulation is 1000.
Order No. 429_23.
Printed in RIO SurGPU.

Distributed for free, 12+

© Сургутский государственный педагогический университет, 2023.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ. ПРЕПОДАВАТЕЛИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ КАК СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ

Зборовский Г. Е.	От типологии вузов к типологии в вузах.....	9
Власова О. В.	Инновационный потенциал НПР вуза: понятие, структура, функции.....	21
Амбарова П. А., Мальцев А. В., Ермолаева С. Г.	Мотивация членства научно-педагогических работников в университетском профсоюзе.....	30
Нидергаус Е. О.	Профессиональные ценности преподавателей разных поколений в условиях перехода к модели предпринимательского вуза.....	43

СОЦИОЛОГИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ. ОБУЧАЮЩИЕСЯ ВУЗОВ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ

Амбарова П. А.	Социальное благополучие учащейся молодежи северного региона: константы и динамика изменений.....	50
Засыпкин В. П.	Социальное благополучие студенческой молодежи Югры в общероссийском контексте (социологический срез динамики и тенденций).....	62
Косинцева Т. Д.	Влияние академического стресса на студентов.....	69
Нархов Д. Ю.	Ресурсный потенциал научно-исследовательских практик студентов вузов.....	74
Осипова Л. Б., Толстоухова И. В.	К вопросу о трудоустройстве выпускников вуза (по результатам социологического исследования).....	87
Горева О. М.	Формирование цифровой грамотности студентов вуза: компетентностный подход.....	94
Заглодина Т. А., Панкратова Л. Э.	Имидж преподавателя высшей школы в оценках студентов.....	102

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

Исакова К. Л., Прямикова Е. В.	Установки обучающихся общеобразовательных организаций на работу в промышленной сфере (на примере Свердловской области).....	110

Яцевич О.Е., Омелаенко Н.В., Ткачёва Н.А., Шабатура Л.Н., Юдашкина В.В.	Пандемия и постпандемия как основные факторы, повлиявшие на социальную активность молодёжи.....	119
Богдан Д.И.	Социальное благополучие работающей молодежи северного региона в сфере образования и науки.....	128
Гараева Э.И., Костина Н.Б.	Отношение молодежи к добровольной бездетности в контексте обеспечения национальной безопасности.....	139

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

Думинская М.В., Брык В.В.	Особенности и проблемы социально-профессиональной адаптации сотрудников социальных учреждений: на основе материалов социологического исследования.....	151
Калегина Ю.В., Анфалов Е.В., Аверьянов Ю.И.	Методологические основания организации стажировок по охране труда.....	163

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТРАСЛЕВЫХ СОЦИОЛОГИЙ

Гаврилов В.В.	Ключевые проблемы и тенденции развития современного массового медиаобразования (на основе изучения мнения представителей медиасообщества Уральского федерального округа).....	174
Кутявина Е.Е., Пак Г.С.	Синдром отложенной жизни — теоретическая интерпретация.....	184
Третьякова О.В., Зайцев К.Д.	Феномен креативной социологии.....	193
Захарченко С.С.	Этнофолизмы в контексте ассоциативного эксперимента (представления студенческой молодежи).....	202
Миронова Е.Н., Ваторопин А.С.	Социально-демографический портрет активного участника сообщества полиаморов.....	212
Гоголева Е.Н.	Социальная идентичность в социологическом дискурсе: теоретико-методологический анализ.....	218
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....		227
ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРАМИ.....		235

CONTENTS

SOCIOLOGY OF HIGHER EDUCATION. HIGHER SCHOOL TEACHERS AS A SOCIO-PROFESSIONAL COMMUNITY

- Zborovsky G.E.** From the Typology of Universities to the Typology in Universities.....9
- Vlasova O.V.** Innovative Potential of Scientific and Pedagogical Workers of the University: Concept, Structure, Functions.....21
- Ambarova P.A., Maltsev A.V., Ermolaeva S.G.** Motivation of Membership of Scientific and Pedagogical Staff in the University Trade Union.....30
- Nidergaus E.O.** Professional Values of Teachers of Different Generations in the Conditions of Transition to the Model of an Entrepreneurial University.....43

SOCIOLOGY OF HIGHER EDUCATION. UNIVERSITY STUDENTS AS A SOCIAL COMMUNITY

- Ambarova P.A.** Social Well-Being of Students of the Northern Region: Constants and Dynamics of Changes.....50
- Zasytkin V.P.** Social Well-Being of Ugra Students in All-Russian Environment (Sociological Cross-Section of Dynamics and Tendencies).....62
- Kosintseva T.D.** The Impact of Academic Stress on Students.....69
- Narkhov D.Yu.** Resource Potential of Research Practices of University Students.....74
- Osipova L.B., Tolstoukhova I.V.** On the Issue of Employment of University Graduates (Based on the Results of a Sociological Study).....87
- Goreva O.M.** Building Digital Literacy University Students: Competence-Based Approach.....94
- Zaglodina T.A., Pankratova L.E.** The Image of a Higher Education Teacher in Students' Evaluations.....102

SOCIOLOGY OF YOUTH

- Isakova K.L., Pryamikova E.V.** Institutions of Students of General Educational Organizations to Work in the Industrial Sphere (by the Example of the Sverdlovsk Region).....110
- Iatsevich O.E., Omelaenko N.V., Tkacheva N.A., Shabatura L.N., Iudashkina V.V.** Pandemic and Post-Pandemic as the Main Factors Affecting the Social Activity of Young People.....119

Bogdan D. I.	Social Well-Being of Working Youth of the Northern Region in the Field of Education and Science.....	128

Garaeva E. I., Kostina N. B.	Attitude of Youth to Voluntary Childrenless in the Context of Ensuring National Security.....	139

SOCIOLOGY AND SOCIAL WORK

Duminskaya M. V., Bryk V. V.	Features and Problems of Social and Professional Adaptation of Employees of Social Institutions: Based on the Materials of a Sociological Study.....	151

Kalegina Yu. V., Anfalov E. V., Averyanov Yu. I.	Methodological Grounds for Organization of Occupational Safety Internships.....	163

TOPICAL ISSUES OF BRANCH SOCIOLOGIES

Gavrilov V. V.	Key Problems and Trends in the Development of Modern Mass Media Education (Based on the Study of the Opinion of Representatives of the Media Community of the Ural Federal District).....	174

Kutyavina E. E., Pak G. S.	Delayed Life Syndrome — Theoretical Interpretation.....	184

Tretyakova O. V., Zaytsev K. D.	Zaytsev the Phenomenon of Creative Sociology.....	193

Zakharchenko S. S.	Thnophaulisms in the Context of Associative Experiment (Representation of Student Youth).....	202

Mironova E. N., Vatoropin A. S.	Socio-Demographic Portrait of an Active Participant in the Polyamorous Community.....	212

Gogoleva E. N.	Social Identity in Sociological Discourse: Theoretical and Methodological Analysis.....	218

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS.....		227

RULES FOR SUBMITTING MANUSCRIPTS BY AUTHORS.....		235

Не претендуя на сколько-нибудь полное раскрытие причин сложной ситуации в высшем образовании и поиск путей их преодоления, не подвергая критическому анализу государственную политику в отношении высшей школы (что не делают сегодня только совсем ленивые), подойдем к оценке ситуации в ней с нетрадиционной точки зрения. Взамен обсуждения вызывающих неудовлетворенность образовательных практик займемся размышлениями по поводу значимых теоретических вопросов, касающихся высшего образования, чтобы затем с помощью обновленного теоретического анализа подойти к возможным практическим рефлексиям по поводу некоторых проблем развития высшей школы.

Начнем с рассмотрения сугубо общих теоретико-методологических позиций. В качестве методологии теоретического исследования используем три подхода к анализу вузов и образовательных общностей внутри них: типологический, общностный и ресурсный. Определяющим среди них мы рассматриваем типологический подход, который используется в статье как для выявления места, положения и роли вузов, их типов в системе высшей школы, так и для конкретной характеристики типов образовательных общностей и их ресурсов в самих вузах. Поэтому в название статьи вынесен лишь один подход — типологический, являющийся методологически центральным в ее архитектонике. Два других названных подхода (общностный и ресурсный) будут использоваться в процессе конкретизации типологического анализа высшего образования при переходе от типологии вузов к типологии в самих образовательных организациях, объектом которой станут образовательные общности и их ресурсы.

ЦЕЛЬ статьи состоит в исследовании положения вузов и в них самих под углом зрения их типологического анализа в контексте происходящей трансформации высшего образования. Вытекающие из цели задачи ориентируют, во-первых, на возможности использования типологии как метода научного познания применительно к трактовке проблем высшего образования, во-вторых, на характеристику типов вузов, которые во многом определяют положение дел в высшей школе, в-третьих, на анализ типов образовательных общностей и их ресурсов в самих вузах, влияющих на трансформацию университетов и их роль в регионе и обществе.

Тип исследования в статье — теоретический с использованием трех названных выше методологических подходов и статистического материала о высшем образовании как общероссийского характера, так и отражающего ситуацию в макрорегионе — Уральском федеральном округе (УрФО). Эмпирический материал для статьи был получен в ходе исследования проблем ресурсности научно-педагогических работников (НПР) и представлен результатами полуструктурированного интервью 40 специалистов из 11 вузов УрФО, проведенного в первой половине 2023 г. Среди них — 14 мужчин и 26 женщин, 19 информантов моложе 39 лет, 21 — старше этого возраста. 26 НПР обладали ученой степенью кандидата наук, 6 человек — доктора наук, 8 чел. не имели ученой степени и научного звания. Среди участников исследования были специалисты в области естественных, технических, социальных, гуманитарных, экономических наук.

Типология как метод научного познания высшего образования

Проблема типологии имеющегося и вновь создаваемого знания является одной из определяющих для развития любой науки. Поэтому вряд ли можно согласиться с бесспорностью утверждения о том, что типология выступает методом социологического научного познания. Конечно, этот метод рассматривается именно в таком качестве, когда речь заходит о социальных явлениях и процессах. Это означает, что он «вторгается» в канву широкого социологического анализа и занимает свое достойное место в системе иных методов эмпирического и теоретического социологического исследования. Но с таким же успехом

можно говорить о типологии в физике, химии, биологии, экономической, исторической и иных науках. По сути, это общенаучный метод познания и исследования.

Дифференциация социального знания позволяет его конкретизировать и выводить на определенный уровень обобщения, достигаемого с помощью присвоения статуса «тип». Это обобщение социального знания предстает как определенная совокупность свойств, черт, характеристик, присущих его данному типу. Такой подход дает основания рассматривать типологию как «научный метод, основа которого — расчленение объектов и их группировка с помощью обобщенной модели или типа» [13, с. 369].

Гораздо реже, чем метод типологии, используют другой, «рядоположенный» метод — типологизации. Между тем он не менее важен, поскольку конкретизирует первый и подчеркивает процессуальный характер создания типологии, то, как происходит выделение типов и как формируется та или иная типология в качестве сложившейся научной структуры. Типологизация определяется как «метод социологического исследования, в основе которого лежит выявление сходства и различия множества социальных объектов, поиск надежных способов их идентификации, устойчивых сочетаний свойств социальных явлений в системе переменных, их группировка с помощью обобщенной идеализированной модели. Результатом типологизации является выделение определенных типов социальных явлений» [13, с. 369]. Здесь мы вновь должны вернуться к приведенному выше суждению о том, что типологизация (как и типология) может быть методом не только социологического, но и, более широко, любого научного познания и исследования. Акцент же в дефиниции именно на методе социологического познания объясняется просто: сам словарь является социологическим, и авторы сочли необходимым обратить внимание в определении метода именно на это обстоятельство.

Типология как метод научного познания означает, по существу, типологический анализ социальной реальности. Он выступает как исследовательская стратегия многомерного рассмотрения данных и имеет дело в первую очередь с качественно однородными совокупностями, которые целесообразно трактовать как «латентно существующие общности — носители социальных типов» (Г.Г. Татарова). В каждой такой общности, продолжает она, «наблюдается однородность по одним переменным и неоднородность по другим; одно и то же количество интерпретируется как одно и то же качество; структура взаимосвязи социальных показателей специфична в отличие от аналогичных общностей; одно и то же явление может объясняться посредством вполне определенной закономерности, не свойственной другим общностям» [14, с. 139].

Таковыми качественно однородными совокупностями, подлежащими типологическому анализу, несомненно, являются вузы как определенные целостности. Исследователи считают подобные качественно однородные совокупности латентными, скрытыми, требующими структурной расчлененности и выявления новых совокупностей как новых социальных типов внутри вузов.

Далее мы будем характеризовать некоторые из этих типов в качестве социальных/образовательных общностей. Так, речь пойдет о студенчестве, научно-педагогических и управленческих работниках. Типологизация каждой из этих общностей представляется важной научной и практической проблемой. Сама же принятая типология как следствие процесса типологизации превращается в важный результат теоретического исследования и становится объектом управленческой деятельности.

На основании сравнения приведенных определений типологии и типологизации мы можем утверждать, что осуществление тех или иных типологизаций социальных явлений как социологических исследований, проведенных среди них, дает возможность установить наличие ряда конкретных типологий, которые, будучи зафиксированными, позволяют интегрировать их в единую типологическую целостность.

Приведем только один пример такого рода. Осуществленная типологизация лишь одной образовательной общности — студенчества, проведенная по ряду оснований: полу, возрасту, научной специализации, курсу обучения, качеству получаемого образования и другим, позволяет интегрировать все его конкретные типологии в единую системную структуру, предлагающую своего рода «портретную» характеристику названной социальной общности.

Вузы России как объект типологии

Что дает создание типологий вузов? Их появление позволяет лучше понять специфику развития высшего образования в стране, его многовекторную направленность, оценить место и роль каждого вуза в образовательном пространстве страны, макрорегиона (федерального округа) и региона. Благодаря типологии вузов можно лучше понять закономерности их функционирования и развития. Становится виднее, что теряет свое значение и требует очищения от старого, а что необходимо прогнозировать на будущее. Последнее касается существования латентных связей и тенденций развития высшего образования. Типология дает возможность выявить наличие общего, типичного в деятельности университетов. Она предоставляет возможность выбора места учебы школьникам, абитуриентам, их родителям, показывая сильные и слабые стороны высшего образования страны и региона.

Типология может способствовать установлению и развитию отношений между различными образовательными организациями, сетевому взаимодействию между ними. На ее основе могут быть исследованы реальные и возможные взаимодействия между учебными заведениями, их структурами, образовательными общностями, иными субъектами высшего образования. Типология — это путь к сближению в рамках высшего образования. Но, вместе с тем, она обнаруживает возможности и для конкуренции, и даже конфронтации в вопросах ресурсов, связей с зарубежными странами, предпочтений в финансировании.

Далее остановимся на вопросе о типологии вузов в отечественной литературе. В России рост интереса к проблематике типологии в высшем образовании наблюдался как в 1990-е и «нулевые» годы, так и в особенности после 2012 г., когда был принят новый Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ [11]. Напомним, что любая типология создается на каком-либо основании (критерии). Самым широким критерием типологии, принятой в 1990-е гг., были основные типы вузов. В таком качестве рассматривались университет, академия, институт. На рубеже 2000–2010-х гг. стали создаваться федеральные, национальные исследовательские, затем опорные университеты. Сейчас в стране работают 10 федеральных, 29 национальных исследовательских, 32 опорных университета [9].

Что касается УрФО, то в нем ведущую роль играют федеральный университет (в Екатеринбурге), национальный исследовательский университет (в Челябинске), два опорных университета (в Тюмени и Магнитогорске). К этой группе ведущих университетов округа следует добавить участника проекта «5-100» и программы «Приоритет-2030» Тюменский госуниверситет.

За последние 10 лет в отечественной науке был разработан целый ряд типологий — структурных, функциональных, инфраструктурных и иных. К примеру, структурная типология характеризуется использованием таких критериев, как суммарный контингент обучающихся, удельный вес средств на исследования из внебюджетных источников, баллы, полученные при сдаче ЕГЭ [1, с. 55–56].

При разработке функциональных типологий применяют такие критерии, как прикладные исследования, целевые группы подготовки, научные разработки [8, с. 39]. Некоторые авторы полагают, что при формировании типологии вузов может быть учтена география их деятельности на основе таких критериев, как профильность, география влияния, роль в производстве академической продукции [3].

Начиная с 2016 г., научный коллектив Уральского федерального университета (УрФУ) под нашим руководством в рамках гранта РФФИ начал исследование типологии вузов УрФО. В процессе работы над типологией вузов округа в 2016–2018 гг. были изучены статистические данные 53 вузов (без филиалов) УрФО (к 2023 г. их количество сократилось до 47, что никак не отразилось на типологии, предложенной в 2018 г.). Нами была использована информация, размещенная на официальных сайтах вузов. В ходе анализа данных были выделены такие характеристики вузов, как численность студентов, обучающихся на разных формах и уровнях обучения, профессорско-преподавательского состава (в том числе остепененных преподавателей), количество направлений подготовки разных уровней (бакалавриат — магистратура — аспирантура), средний балл ЕГЭ (в целом по вузу).

Помимо названных критериев, нами учитывался такой показатель, как доля рынка, занимаемая вузом на рынке образовательных услуг округа (отношение численности студентов конкретного высшего учебного заведения к общей численности студентов в анализируемых вузах макрорегиона). Значимая информация для характеристики вузов того или иного типа также была получена в ходе экспертных опросов, проведенных методом глубинного полуструктурированного интервью (n=80) в рамках нашего исследования [2, с. 73–110; 10, с. 112–135].

В результате анализа для формирования типологии вузов были выделены следующие критерии: уровень подчинения, размер, широта влияния, отраслевая принадлежность. На основании этих критериев были предложены соответственно четыре типологии: 1) по уровню подчинения; 2) по размеру вуза (численности студентов); 3) по широте влияния; 4) по отраслевой принадлежности. Каждая типология была конкретизирована. Так, в рамках первой были выделены 6 типов вузов: федеральные автономные вузы, федеральные бюджетные вузы, федеральные казенные вузы, вузы регионального подчинения, муниципальные вузы, частные (негосударственные) вузы. Вторая типология включала в себя четыре типа вузов: очень крупные (более 20 тыс. студентов); крупные (от 10 до 20 тыс. студентов); средние (от 5 до 10 тыс. студентов); малые (менее 5 тыс. студентов). Чем большей является численность студентов, обучающихся в вузе, тем весомее его значимость на рынке образовательных услуг в макрорегионе.

В рамках третьей типологии вузов (критерий — широта влияния) мы выделяли: 1) очень крупные многопрофильные вузы, имеющие значение как для страны в целом, так и для ее макрорегионов, и характеризующиеся связями с российскими и зарубежными партнерами; 2) вузы макрорегионального значения: крупные и средние вузы, которые в силу наличия определенных направлений подготовки, репутации являются точкой притяжения для абитуриентов со всего УФО; 3) вузы регионального значения: средние и малые вузы, которые работают только на свой регион; 4) вузы локального значения — малые вузы, целевой аудиторией которых часто является не просто один регион, а один город и его пригороды.

Четвертая типология (по отраслевой принадлежности) представляется наиболее значимой для округа, в специализации вузов которого ярко выражена отраслевая направленность высшего образования. Здесь мы выделяли 4 типа вузов: 1) многопрофильные вузы; 2) классические университеты; 3) вузы с доминирующим профилем; 4) вузы одного профиля.

Таким образом, мы пришли к выводу о том, что типология вузов становится не только структурной основой высшего образования в макрорегионе, но и инструментом его реформирования. Это связано с тем, что типология, хоть и является теоретической проблемой, может иметь реальное практическое применение. Правильно сформированная типология — инструмент, который можно эффективно использовать в интересах развития высшего образования в макрорегионе, в частности, выстраивать сети вузов, которые, объединившись, могли бы эффективно решать конкретные практические задачи.

В зависимости от типа вуз обладает особыми возможностями и ограничениями, которые, так или иначе, оказывают влияние на траекторию его развития. Поэтому типология позволяет на практике выстраивать модели сетей вузов, которые будут совместно работать на выполнение задач не только высшего образования макрорегиона, но и всей его экономики, социальной сферы и культуры.

Одна из важных типологий вузов последних 5–10 лет, которой уделяется внимание в исследованиях, основана на различии трех моделей (типов) университетов, — «университет 1,0», «университет 2,0», «университет 3,0». Основанием этой типологии является выполнение миссий университета.

Осуществление первой миссии включает в себя преимущественно обучение, образовательную деятельность, что составляет доминанту университета первой модели. Доминанта реализации второй модели означает выполнение как первой (образовательной), так и второй (научно-исследовательской) миссии. Доминанта модели «университет 3.0» предполагает осуществление как первых двух миссий, так и третьей — социально-экономического развития общества (региона и макрорегиона). По мнению А. О. Карпова, у нас в стране таких вузов еще нет [7].

Нам представляется, что для флагманов отечественного высшего образования более характерной становится некая промежуточная модель, назовем ее «университет 2,5». Дело в том, что обучение в процессе исследования в них не имеет, как правило, вектора социально-экономического преобразования региона. Следовательно, новая модель университета должна быть тесно связана с его инновационной деятельностью, учитывающей специфику макрорегиона (федерального округа).

В целом же полноценная реализация модели «университета 3,0» возможна лишь в ситуации тесной связи и взаимозависимости развития университета и региона (макрорегиона). Это означает не только одностороннее стремление вуза к социально-экономическому преобразованию региона и макрорегиона, но и разностороннюю поддержку их властными структурами соответствующей деятельности университета, начиная с ее планирования и заканчивая получением ожидаемых результатов.

В нашей трактовке университеты, которые можно отнести к модели 3,0/2,5 или стремящиеся к ней, получили название «ядра» высшего образования, университеты модели 2,0 — его «полупериферии», университеты модели 1,0 — «периферии» высшей школы. Соответственно, типология НПР в моделях университетов названных трех типов должна быть сопряжена с их особенностями, общественными ожиданиями результатов их деятельности и потребностями в мобилизации их ресурсов, создании для этого необходимых стимулов самого разного характера.

С точки зрения интересов страны, переживающей сложное политическое и экономическое положение, ее регионов, несущих его основное бремя, особое внимание должно быть обращено на университеты «ядра» и те типы НПР в них, которые реально выполняют функции драйвера социально-экономического развития. Определение соответствующих вузов и типов НПР в них — задача специальных экспертных советов, которые должны быть созданы для этой цели.

При этом должен иметь место глубоко дифференцированный подход к типологии НПР, позволяющий четко определить возможности любой из их групп, условия мобилизации ресурсов каждого типа специалистов в соответствии с реальными требованиями к их деятельности и адекватным ее стимулированием. Нужен учет значительной стратификации высшей школы, усиливающегося и без того глубокого неравенства между вузами и внутри них по целому ряду показателей.

Наличие среди более 700 вузов страны нескольких десятков ведущих, занимающих лидирующие позиции среди них, нескольких сотен эффективных, но не занимающих та-

ких позиций учебных заведений, а также нескольких сотен проблемных образовательных организаций создает ряд демаркационных линий как в системе высшей школы между селективными и массовыми вузами, так и в отдельных университетах между различными типами НПР.

Более трех лет назад завершился проект «5-100», но последствия его до сих пор обсуждаются как в позитивном, так и в негативном ключе. Появилась новая конкурентная среда в программе «Приоритет-2030», расширившая в 5 раз число соревнующихся вузов (с 21 в проекте «5-100» до 106 в новой программе) и в десятки раз численность НПР, включенных в борьбу. Даст ли это эффект, повысится ли активность и результативность ее участников? Будут ли учтены ошибки и недостатки проекта прошлого десятилетия? Сейчас трудно об этом говорить. Должно пройти какое-то время, в течение которого можно будет судить о происходящем. Немалую роль сыграет и обстановка в стране, изменение которой позволит прийти к каким-то выводам.

Типология в вузах России

Какая внутривузовская типология больше всего устремлена к решению задач, вытекающих из различных типологий вуза? Сразу введем ограничения нашего теоретического исследования, вытекающие из названных выше четырех типологий вузов — по уровню подчинения, по размеру вуза (численности студентов), по широте влияния, по отраслевой принадлежности. Именно с ними будем сопоставлять возможности и пути использования наиболее значимой, с нашей точки зрения, внутривузовской типологии. Таковой нам представляется типология социальных (образовательных) общностей, включающая в себя студенчество, научно-педагогических и управленческих работников.

Больше всего типология общностей соотносится, коррелирует с двумя типологиями вузов. Их основаниями являются размер, определяемый в первую очередь количеством студентов, и отраслевая принадлежность. Вторая косвенно связана с первой, имея в виду разные потребности многоотраслевых и монопрофильных вузов (специально берем крайние типы) и числа студентов для учебы в них. По сути, это же касается и такого основания типологии, как широта влияния. Одно дело — вузы, готовящие кадры для страны в целом, макрорегионов, другое — для нужд конкретного региона и даже города.

Что касается типологии по такому критерию, как уровень подчинения вуза, то существенно различаются по своему статусу, в соответствии с приведенной типологией, федеральные бюджетные и автономные вузы и (например) частные (негосударственные) вузы. Эти различия заметно сказываются на выборе всеми тремя образовательными общностями мест работы и учебы. Определяющую роль играет мотивация. Желание легкого получения диплома о высшем образовании приводит в негосударственный вуз скорее слабых абитуриентов, чем хорошо подготовленных выпускников школы. Аналогичная мотивация (более легкого заработка) приводит на работу в частный вуз определенный тип представителей общностей научно-педагогических и административно-управленческих работников.

Далее мы будем рассматривать проблемы исключительно одной общности. Ограниченные возможности журнальной публикации, хотя дело не только в них, заставляют сосредоточить внимание лишь на общности научно-педагогических работников (НПР), которую мы характеризуем как научно-образовательную. Ее выбор обусловлен рядом обстоятельств.

Во-первых, эта общность представляет собой интеллектуальный актив российского общества. Во-вторых, она обладает большими ресурсами — как реальными, так и потенциальными [5]. В-третьих, ее влияние может быть достаточно сильным — как на студентов, так и на управленческий персонал, особенно в условиях, когда в рамках НПР существует своя, ярко выраженная типология, авангардные группы которой способны демонстрировать лидирующие позиции в университете.

Наличие неодинаковой ресурсной основы деятельности у неоднородных групп НПР позволяет выделять в зависимости от этого критерия их разные типы. И здесь мы вновь обращаемся к рассмотренной выше типологии вузов «университет 1,0, 2,0, 3,0». Наша интерпретация этой типологии университетов привела к выделению среди них вузов, относимых к трем типам высшего образования — его «ядру» (модель 3,0/2,5), «полупериферии» (модель 2,0), «периферии» (модель 1,0). Соответственно, типология НПР в моделях университетов названных трех типов должна быть сопряжена с их особенностями, общественными ожиданиями результатов их деятельности и потребностями в мобилизации их ресурсов, создании для этого необходимых стимулов самого разного характера.

С целью реализации данного направления исследований вузов российских регионов мы обратились к изучению ресурсности НПР УФО, обосновав выбор округа тем, что его высшее образование репрезентирует состояние, тенденции изменений, проблемы всей российской высшей школы. Всего в вузах макрорегиона, по данным 2022 г., работало 14 535 чел., представлявших НПР. Среди них — 2 043 доктора и 8 262 кандидата наук. Конечно, в структуре населения округа НПР вузов составляет не очень заметную его часть. Однако среди групп, которые образуют авангард социума, присутствие этих работников весьма заметно и значимо, даже если мы примем во внимание его неравное распределение по субъектам федерации в границах УФО. Так, в вузах Курганской области работало 573 чел. (докторов — 51, кандидатов — 386), в ХМАО-Югре — 1 011 чел. (докторов — 119, кандидатов — 662), ЯНАО — 12 чел. (1 доктор и 11 кандидатов наук). Самыми ресурсными являлись вузы Свердловской (6 154 чел., докторов — 884, кандидатов — 3324), Челябинской (4 447 чел., докторов — 634, кандидатов — 2594), Тюменской областей (2 338 чел., докторов — 354, кандидатов — 1325) [12].

НПР с точки зрения обладания ресурсами представляет собой авангард интеллектуальной элиты макрорегиона, однако не так часто, как хотелось бы, становится предметом глубокой научной и управленческой оценки. Между тем это очень важно для мобилизации научно-образовательной общности в интересах самих университетов региона, областей и городов, входящих в состав федерального округа, экономической и социальной сфер его территорий. Не случайно мы стремимся дать оценку использованию ресурсности НПР университетов УФО в новых условиях реализации стратегий их развития. Достижение обозначенной цели позволит в перспективе выйти на изучение роли ресурсности НПР в осуществлении миссии вузов региона.

Пока же есть возможность рассмотреть типы НПР на основании ресурсов, которыми они обладают (могут обладать). «Сегодня» это, пожалуй, одна из наиболее важных типологий НПР — не только в теоретическом, но и в практическом отношении, поскольку показывает путь активизации их деятельности через овладение и использование той ресурсности, которая еще «вчера» не привлекала особого внимания. Специально отметим метафорический характер поставленных в кавычки терминов «сегодня» и «вчера». Конечно, речь идет о переносном (точно не в буквальном) смысле их употребления: вчера — это последние 10–15 лет, а сегодня — это, с одной стороны, повседневность «здесь и сейчас», а с другой, что очень значимо, ближайшие 10–15 лет. То есть мы говорим и о ресурсах того времени, в котором сейчас живем и работаем, и о том, как эти ресурсы сегодняшнего дня могут и должны быть трансформированы и модифицированы в исторически обозримом будущем.

Поскольку мы затронули проблему ресурсности НПР и ее типологий, приведем вначале одну из них, а затем — связанную с ней другую, чтобы разговор о ресурсах с точки зрения «вчера» и «сегодня» стал более предметным. Так, один из возможных вариантов типологии означает выделение следующих объединяющих блоков и отдельных ресурсов внутри них:

1. Образовательно-педагогический блок деятельности объединяет под своей «крышей» такие ресурсы, как образовательный, научно-педагогическая квалификация, наставничество, социально-демографический.
2. Блок научной деятельности включает: исследовательский, публикационный, символический ресурсы, ресурс научных коллективов и научных школ.
3. Коммуникативно-воспитательный блок деятельности позволяет связать: коммуникативный, морально-идеологический, темпоральный ресурсы [4].

Как следствие такой типологии появился еще один вариант выделения пяти блоков (групп) ресурсов: социально-демографического (количественный, возрастной, гендерный ресурсы); научно-исследовательского (исследовательский, публикационный, темпоральный ресурсы); педагогического (ресурсы образовательно-педагогический, повышения научно-педагогической квалификации, наставничества); ресурсов взаимодействия НПР и научных коллективов (коммуникативный, ресурса научных школ и коллективов); морально-символического (символический и морально-идеологический ресурсы) [6].

Среди названных выше ресурсов мы хотели бы обратить особое внимание и специально подчеркнуть значение темпорального ресурса. Конечно, речь идет о роли фактора времени не просто в жизни отдельных людей, но и целых типов (групп) людей, гораздо больше и лучше многих других понимающих социальные функции времени в современных условиях его резкого дефицита. Такой тип людей имеет место и среди НПР, что показало наше эмпирическое исследование. Более того, среди проинтервьюированных 40 НПР более 80% отметили, что их время (не только рабочее, но и частично вне рабочее, проводимое дома) является объектом сверхэксплуатации, сферой давления администрации самыми разными путями: сверхнормативным увеличением учебной нагрузки, требованием проведения незапланированных исследований и публикации соответствующих работ, оказания студентам помощи с целью недопущения их отчисления, принятия у них дополнительных зачетов и экзаменов, заполнения постоянно растущей отчетности и т.д.

Чтобы привести некоторые данные о темпоральном ресурсе, порассуждаем вначале о нем как таковом, о его понимании определенным типом специалистов высшей школы. В традиционной его трактовке НПР понимают под ним прежде всего использование рабочего времени, степень рациональности этого процесса. При этом под рабочим временем НПР подразумевается время: учебных занятий и подготовки к ним, методической работы, проведения научных исследований и анализа их результатов, написания публикаций, взаимодействия со студентами, коллегами, административно-управленческим и учебно-вспомогательным персоналом.

Интервьюирование 40 НПР, среди которых подавляющее большинство — специалисты со стажем, обладатели ученых степеней и научных званий (32 человека) из 11 вузов УФО, показало, что их управленческие работники используют темпоральный ресурс и такой его инструмент, как рабочее время, в качестве мощного средства давления на рядовых представителей рассматриваемой научно-образовательной общности. Появляются все новые и новые виды деятельности, которые становятся обязательными для НПР. Это касается заполнения различных форм отчетности, подведения итогов всюду, где их только можно подводить, и т.д. Все это можно назвать двумя словами — «бюрократизация» и «сверхбюрократизация».

Результаты исследования темпорального ресурса НПР показали, что он практически не используется в позитивном ключе, как фактор создания благоприятных условий для их работы. Ни один из информантов не заявил о том, что ему снизили темпоральную нагрузку в рамках учебного процесса, чтобы дать возможность использовать освободившееся рабочее время для написания научной статьи, для оказания дополнительной помощи студентам и аспирантам, молодым преподавателям. Ни один из респондентов не затронул проблему

взаимодействия с управленческим персоналом (по инициативе последнего) относительно режима и графика работы, нормального ритма профессиональной деятельности. Ведь особое место и значение темпорального фактора в жизнедеятельности НПП обусловлено тем, что он имеет в качестве ресурса универсальное применение как средство измерения интенсивности профессионального труда.

Другими словами, темпоральный ресурс — это универсальный фактор деятельности НПП, от которого зависит и эффективность профессионального труда, и социально-психологическое самочувствие специалиста, и особенности его взаимодействия со студентами, и многое другое. Вся «сетка» ресурсов, которая имеется в распоряжении НПП, в своем использовании также обусловлена в значительной мере сопряженностью с их темпоральным ресурсом. Это означает возможность говорить о темпоральной типологии, причем не только НПП, но и других социальных общностей.

ВЫВОДЫ. Подведем некоторые итоги. Исходя из особенностей типологии как метода научного познания и исследования, из возможностей ее применения к трактовке социальных явлений и процессов, в том числе в сфере высшего образования, мы стремились «пройти путь» от типологии вузов к типологии в самих вузах. Обнаружение реальной связи между названными двумя разновидностями типологий уже само по себе представляет как научный, так и практический интерес.

Выделение разных вариантов типологий вузов в научном плане поставило вопрос о том, что это дает для понимания тех или иных проблем и процессов в самих образовательных организациях. Наш ответ состоял в том, что главные трансформации в них касаются деятельности основных трех типов социальных/образовательных общностей, которые по-разному реагируют на достижение новых социальных позиций вузов в системе высшего образования. Было показано, что университеты, относящиеся к зоне «ядра» высшей школы, добиваются своего авангардного статуса за счет успехов каждой из трех общностей (студенчества, научно-педагогических и управленческих работников), но роль лидера в таких вузах берут на себя прежде всего те, кто создает их интеллектуальный капитал. Такой социальной общностью является, по нашему мнению, НПП, а среди них те типы работников, которые добиваются наиболее крупных научных, социальных, экономических результатов.

Последующее зависит от двух других образовательных общностей, от того, насколько они сумеют подхватить и диссеминировать эти результаты как в самом «ядерном» вузе, так и за его пределами, в научной и социально-экономической среде общества. Решение «ядерным» университетом новых проблем, таким образом, может перейти из научной в практическую плоскость при условии оказания ему помощи и поддержки бизнесом и властью.

Мы назвали лишь один вариант развития событий в высшей школе — исключительно позитивный. Однако понятно, что это не единственный путь, и он во многом зависит от той типологии вузов, в которой они окажутся с учетом выбора своей модели развития.

Именно поэтому мы сочли необходимым заявить о том, что статья преследовала цель рассмотреть типы вузов и ситуаций в них самих в рамках анализа этих типологий и обнаружения связей между ними. И здесь важно понять, что типы вузов во многом определяют положение дел в высшем образовании и его конкретных организациях, а типы образовательных общностей и их ресурсов влияют на трансформацию университетов и их роль в регионе и обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абанкина И.В., Алескеров Ф.Т., Белоусова В.Ю., Гохберг Л.М., Зиньковский К.В., Кисельгоф С.Г., Швыдун С.В. Типология и анализ научно-образовательной результативности российских вузов // Форсайт. 2013. Т. 7. № 3. 48-62.

2. Актуальные проблемы трансформации высшего образования в макрорегионе / под ред. Г.Е. Зборовского. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2017. 400 с.
3. Вашурина Е.В., Евдокимова Я.Ш., Овчинников М.Н. О некоторых подходах к разработке типологий российских вузов // Университетское управление: практика и анализ. 2014. № 4-5. С. 21-27.
4. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Мобилизация ресурсности научно-педагогического сообщества в российских вузах: от проблемы к концепции // Социологический журнал. 2023. Т. 29. № 1. С. 78-96.
5. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Мобилизация ресурсов научно-педагогического сообщества (кейс высшего образования УрФО) // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 60-71.
6. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А., Каташинских В.С., Кеммет Е.В. Ресурсность научно-педагогического сообщества университетов УрФО: опыт качественного исследования // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 5. С. 71-88.
7. Карпов А.О. Университет 3,0 — социальные миссии и реальность // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 114-124.
8. Кузьминов Я.И., Семенов Д.С., Фрумин И.Д. Структура вузовской сети: от советского к российскому «мастер-плану» // Вопросы образования. 2013. № 4. С. 8-69.
9. Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo&year=2022> (дата обращения: 21.08.2023)
10. Нелинейная модель российского высшего образования в макрорегионе: теоретическая концепция и практические возможности / под ред. Г.Е. Зборовского. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. 336 с.
11. Об образовании в Российской Федерации. Федеральный закон РФ от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 30.12.2012). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 05.08.2023).
12. Сведения о численности ППС образовательных организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования // Министерство науки и высшего образования. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/opendata/9710062939-svedeniya-o-chislennosti-professorsko-prepodavatelskogo-sostava-obrazovatelnykh-organizatsiy-osushch> (дата обращения: 19.08.2023).
13. Социологический энциклопедический словарь / под ред. Г.В. Осипова. М.: ИНФРА-М.-Норма, 1998. 488 с.
14. Типологический анализ в социологии как диагностическая процедура / отв. ред. Г.Г. Татарова, А.В. Кученкова. М.: ФНИСЦ РАН, 2023.

REFERENCES

1. Abankina I., Aleskerov F., Belousova V., Gokhberg L., Zinkovsky K., Kiselgof S., Shvydun S. *Tipologiya i analiz nauchno-obrazovatel'noj rezul'tativnosti rossijskih vuzov* [Typology and Analysis of Russian Universities' Performance in Education and Science Perspectives] // Forsajt. 2013. Т. 7. No. 3. С. 48-62 (In Russian).
2. *Aktual'nye problemy transformacii vysshego obrazovaniya v makroregione / pod red. G.E. Zborovskogo* [Actual problems of transformation of higher education in the microregion / ed. by G.E. Zborovsky]. Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet, 2017. 400 s. (In Russian).
3. Vashurina E., Evdokimova Y., Ovchinnikov M. *O nekotoryh podhodah k razrabotke tipologij rossijskih vuzov* [On some approaches to developing a typology of Russian universities] // Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. 2014. No. 4-5. S. 21-27 (In Russian).
4. Zborovsky G., Ambarova P. *Mobilizaciya resursnosti nauchno-pedagogicheskogo soobshchestva v rossijskih vuzah: ot problemy k koncepcii* [Mobilizing the resource potential of the scientific and peda-

- gogical community in Russian universities: from problem to concept] // Sociologicheskij zhurnal. 2023. T. 29. No. 1. S. 78-96 (In Russian).
5. Zborovsky G., Ambarova P. *Mobilizaciya resursov nauchno-pedagogicheskogo soobshchestva (kejs vysshego obrazovaniya UrFO)* [Scientific and pedagogical staff as a social community in the changing conditions of academic development] // Sociologicheskie issledovaniya. 2022. No. 9. S. 60-71 (In Russian).
  6. Zborovsky G., Ambarova P., Katashinskikh V., Kemmet E. *Resursnost' nauchno-pedagogicheskogo soobshchestva universitetov UrFO: opyt kachestvennogo issledovaniya* [Resource capacity of academic staff of Ural federal district universities: qualitative research] // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2023. T. 32. No. 5. S. 71-88 (In Russian).
  7. Karpov A. *Universitet 3,0 — social'nye missii i real'nost'* [University 3.0 — social mission and reality] // Sociologicheskie issledovaniya. 2017. No. 9. S. 114-124 (In Russian).
  8. Kuzminov Ya, Semenov D., Froumin I. *Struktura vuzovskoj seti: ot sovetskogo k rossijskomu «master-planu»* [University network structure: from the Soviet to the Russian «master plan»] // Voprosy obrazovaniya. 2013. T. 4. S. 8-69 (In Russian).
  9. *Informacionno-analiticheskie materialy po rezul'tatam provedeniya monitoringa deyatelnosti obrazovatel'nykh organizacij vysshego obrazovaniya* [Information and analytical materials on the results of monitoring the activities of educational institutions of higher education]. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo&year=2022> (data obrashheniya: 21.08.2023)
  10. *Nelinejnaya model' rossijskogo vysshego obrazovaniya v makroregione: teoreticheskaya koncepciya i prakticheskie vozmozhnosti / pod red. G.E. Zborovskogo* [Nonlinear model of Russian higher education in the macroregion: theoretical concept and practical possibilities / ed. by G.E. Zborovsky]. Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet, 2016. 336 s. (In Russian).
  11. *Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii. Federal'nyj zakon RF ot 29.12.2012 № 273-FZ (red. ot 30.12.2012)* [On education in the Russian Federation. Federal Law of the Russian Federation No. 273-FZ of 29.12.2012 (as amended on 30.12.2012)]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (data obrashheniya: 05.08.2023).
  12. *Svedeniya o chislennosti PPS obrazovatel'nykh organizacij, osushchestvlyayushchih obrazovatel'nuyu deyatelnost' po obrazovatel'nym programmam vysshego obrazovaniya* // Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya [Information on the number of teaching staff of educational organizations engaged in educational activities on educational programs of higher education // Ministry of Science and Higher Education]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/opendata/9710062939-svedeniya-o-chislennosti-professorsko-prepodavatelskogo-sostava-obrazovatelnykh-organizatsiy-osushch> (data obrashheniya: 19.08.2023).
  13. *Sociologicheskij enciklopedicheskij slovar' / pod red. G.V. Osipova* [Sociological Encyclopedic Dictionary] / ed. by G.V. Osipov]. M.: INFRA-M-Norm, 1998. 488 s. (In Russian).
  14. *Tipologicheskij analiz v sociologii kak diagnosticheskaya procedura / otv. red. G.G. Tatarova, A.V. Kuchenkova* [Typological analysis in Sociology as a diagnostic procedure / ed. by G.G. Tatarova, A.V. Kuchenkova]. M.: SNITS RAS, 2023. (In Russian).

DOI 10.26105/SSPU.2023.86.5.002

УДК 316.74:001

ББК 60.561.8-41

О.В. ВЛАСОВА

**ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НПР
ВУЗА: ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ**

O.V. VLASOVA

**INNOVATIVE POTENTIAL OF SCIENTIFIC
AND PEDAGOGICAL WORKERS
OF THE UNIVERSITY:
CONCEPT, STRUCTURE, FUNCTIONS**

В статье описана эволюция научных представлений о социологическом понятии «инновационный потенциал»; проведено сравнение существующих в научной литературе типологий и структур потенциала; дана характеристика основных функций инновационного потенциала научно-педагогических работников вуза.

In the article the evolution of scientific ideas about the sociological concept of «innovation potential» is described; the typologies and potential structures existing in the scientific literature are compared; the characteristics of the main functions of the innovative potential of scientific and pedagogical workers of the university are given.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: потенциал, инновационный потенциал, научно-педагогические работники, социальная общность, вузы.

KEY WORDS: potential, innovative potential, scientific and pedagogical workers, social community, university.

ВВЕДЕНИЕ. Проблематика инновационного потенциала разрабатывалась теорией систем в рамках экономических концепций (Н.И. Лапин, Б.В. Сазонов, Т.А. Эленурм и др.). В настоящее время она находит применение во многих областях научного знания. Анализ литературы показал, что попытки интерпретировать содержание понятия «инновационный потенциал» были предприняты в русле научной проблематики, разрабатывавшейся психологией (И.В. Байер, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов, М.В. Чигринова и др.), педагогикой (В.А. Антипов, Т.М. Давыденко, А.Е. Капто, И.М. Курдюмова, В.П. Ларина, Э.В. Литвиненко, А.В. Лоренсов, А.М. Моисеев, Н.В. Немова, С.Д. Поляков, М.М. Поташник, П.И. Третьяков, Г.М. Тюлю, О.Г. Хомерики, Т.К. Чекмарева, Т.Н. Шамова, В.З. Юсупов, и др.), социологией (И.В. Бестужев-Лада, А.И. Пригожий, Ю.А. Прохоров и др.). В большинстве работ в области образования объектами исследования выступали инновационный потенциал образовательной организации, педагогического коллектива, студенческой молодёжи.

Обращение к категории «инновационный потенциал» в зарубежной литературе было предпринято американским социологом Х. Барнеттом в 1953 г., рассматривающим в качестве основы культурных изменений механизм нововведений, культурные условия, стимулирующие нововведение либо ему препятствующие, мотивационные механизмы нововведения.

Спецификой инновационного потенциала является включенность его носителя в инновационную деятельность как деятельность, связанную с зарождением, подготовкой и выпуском новой продукции, услуг, а также ее потреблением, созданием и практической реализацией новшеств, приводящих к практическому использованию продукции и технологий, обладающих новизной и удовлетворяющих новые общественные потребности (Р. Дункан, Г. Зальтман, Й.А. Шумпетер, Л.Я. Косалс, Н.И. Лапин, Ю.П. Морозов, Э.М. Роджерс, Д.Б. Соколов, А.Б. Титов, Дж. Хобек и др.).

Инновационный потенциал можно трактовать как способность системы к трансформации фактического порядка вещей в новое состояние с целью удовлетворения существующих или вновь возникающих потребностей. При этом эффективное использование инновационного потенциала делает возможным переход от скрытой возможности к явной реальности, то есть из одного состояния в другое (от традиционного — к новому). Следовательно, инновационный потенциал — это своего рода характеристика способности системы к изменению, улучшению, прогрессу.

ЦЕЛЬ статьи: теоретический анализ научных представлений о социологическом понятии «инновационный потенциал», его структуре и функциях.

МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Рассматривая понятие «инновационный потенциал» в отечественной науке, нужно иметь в виду, прежде всего, то обстоятельство, что этот термин характеризуется исследователями, по сути своей, как потенциал личности, в том числе и личности преподавателя.

В работах Д.Р. Амировой, А.Н. Галлямовой, С.П. Дырина, С.В. Пименова, Е.А. Шмелевой и др. инновационный потенциал личности преподавателя рассматривается, прежде всего, как совокупность способностей. Д.Р. Амирова под инновационным потенциалом преподавателя понимает совокупность профессиональных, творческих, личностных, интеллектуальных способностей, склонного к инновационному мышлению и быстрой адаптации к происходящим изменениям во внутренней и внешней среде образовательной организации [1, с. 24].

К этой же группе трактовок понятия «инновационный потенциал преподавателя» можно отнести позицию С.В. Пименова и др., которые характеризуют его как способность к критическому позитивному восприятию новой информации, к приумножению профессиональных общих знаний, нахождению нестандартных новых решений задач, выдвижению конкурентоспособных идей, использованию знаний для практической материализации новшеств [15, с. 423].

В.Е. Клочко, О.В. Косенко, О.М. Краснорядцева, И.В. Миронова, Т.В. Поштарева и др. под инновационным потенциалом преподавателя понимают интегративную характеристику личности. И.В. Миронова приводит следующее определение изучаемого понятия: «сложная интегративная характеристика личности, включающая в себя: индивидуальные способности и ресурсы педагога высшей школы, позволяющие генерировать инновационные идеи и формы поведения, умение соотносить внутренние возможности личности и условия деятельности, анализировать ситуации современного образовательного пространства, трансформировать традиционные подходы в инновационные методы и технологии преподавания» [13, с. 7].

О.В. Косенко и Т.В. Поштарева предлагают следующую интерпретацию понятия «инновационный потенциал»: интегративная характеристика личности преподавателя, включающая его: 1) творческую способность к генерированию новых представлений и идей; 2) открытость педагога к новшествам и готовность к их внедрению в свою педагогическую деятельность; 3) готовность совершенствоваться и развивать свою педагогическую деятельность; 4) понимание ценности инновационной деятельности [10, с. 9–12].

Следующая группа исследователей (Т.И. Власова, О.В. Костейчук, Н.В. Самсонова, Е.С. Тупик, И.Ф. Фильченкова) определяет понятие «инновационный потенциал преподавателя» как комплекс психологических и профессиональных свойств и качеств, реализующих готовность преподавателя к созданию, освоению и распространению инновационных технологий в рамках реализации образовательного процесса [18, с. 202–206].

Под инновационным потенциалом преподавателя Т.И. Власова, О.В. Костейчук понимают совокупность социокультурных и творческих характеристик личности педагога, его открытость новому, прогрессивному, выражающую готовность совершенствовать педагогическую деятельность и наличие внутренних, обеспечивающих эту готовность, средств и методов

[4, с. 71–73]. В инновационный потенциал педагога они включают желание и возможность развивать свои интересы и представления, постоянно повышать свой профессиональный уровень, искать собственные нетрадиционные решения возникающих проблем, воспринимать и творчески воплощать уже существующие нестандартные подходы в образовании.

На основе обобщения трактовок инновационного потенциала личности преподавателя мы предлагаем следующее его определение. Инновационный потенциал преподавателя представляет собой интегративную характеристику личности в совокупности ее свойств, качеств и способностей, обеспечивающих готовность педагога генерировать новые формы деятельности по созданию, освоению и распространению инновационных образовательных продуктов.

Особое значение для нашего исследования имеет изучение именно инновационного потенциала социально-профессиональной общности НПП.

Для более углубленного понимания термина «инновационный» дадим интерпретацию этого понятия. Оно происходит от существительного «инновация», которое в общем смысле означает новое решение существующих или вновь возникающих потребностей, эффективно используемое в практической деятельности для их удовлетворения.

По мнению Н.И. Бакумцева, «инновация» — это новейшие знания или интеллектуальный усовершенствованный продукт, который является результатом комплексных разработок или частного решения на основе рационализации творчества, изобретательства, фундаментальных исследований, производственно-технических, научно-практических и социальных задач, отвечающих социальным и жизненным потребностям. Они реализуются по оптимальному механизму в системе охраны физического и духовного здоровья нации, а также в других сферах [2, с. 153].

Областью науки, изучающей теоретические и методологические основы нововведений, является инноватика. Под новацией, или новшеством, современные исследователи понимают что-либо новое: новое явление (открытие, новое теоретическое знание), новый метод (принцип), изобретение [6].

Основоположителем теории инноваций считается Й.А. Шумпетер. Он впервые ввёл термин «инновация» в 1911 г., определив её как новую научно-организационную комбинацию производственных факторов, мотивированную предпринимательским духом, а также назвал одним из «...главных двигателей, генераторов прибыли» [23].

Помимо Й.А. Шумпетера, сходная трактовка понятия «инновация» (в большей степени с позиций экономического подхода) присуща и другим западным исследователям, среди которых Э. Мэнсфилд [12], М.Е. Портер [24], Р. Солоу [25], Б. Твисс [26], Р. Фостер [19] и др. Исследователи трактуют понятие «инновация» как результат деятельности, воплощенный в новые или усовершенствованные продукты, технологические процессы, используемые в практической деятельности, а также новые услуги и подходы к удовлетворению социальных потребностей.

Обобщение приведённой информации по двум понятиям — «потенциал» и «инновация» — позволяет сделать вывод о том, что «инновационный потенциал» можно трактовать как способность системы к трансформации в новое состояние с целью удовлетворения существующих или вновь возникающих потребностей. При этом эффективное использование инновационного потенциала делает возможным переход от скрытой возможности к явной реальности, т.е. из одного состояния в другое (а именно, от традиционного к новому). Следовательно, инновационный потенциал — это своего рода характеристика способности общности к изменению, улучшению, прогрессу [7], что представляет особое значение для нашего исследования.

Анализ современной литературы по проблеме изучения инновационного потенциала НПП позволяет представить следующие его трактовки.

По мнению Е. А. Шмелевой, инновационный потенциал НПП — это процесс функционирования социальных механизмов, регулирующих инновационную деятельность, а также особенности появления инновационного потенциала общности в рамках определенной организации [21].

И. В. Шляхто рассматривает инновационный потенциал как меру способности и готовности общности осуществлять инновационную деятельность. При этом под способностью понимается наличие и сбалансированность структуры компонентов потенциала, а под готовностью — достаточность уровня развития потенциала [20]. Автор подчеркивает, что «инновационный потенциал — это не только возможность создания новшеств, осуществления инноваций, но и готовность воспринять эти нововведения для последующего эффективного использования на различных уровнях» [20]. При этом готовность воспринимать полученные новшества, переводить их в нововведения, учитывать неудачи и адаптироваться к изменениям окружающей среды понимается как инновационная культура, которая пронизывает все компоненты инновационного потенциала.

Т. Д. Ким и Е. С. Первухина под инновационным потенциалом НПП понимают совокупность качеств, позволяющих выполнять деятельность, направленную на разработку, внедрение и распространение новых идей, изделий, технологий, организованных форм управления и других видов инноваций [8, с. 45–50]. М. А. Бедниковым и Е. Ю. Хрустальевым выделены три группы носителей инновационного потенциала: научные организации, участвующие в создании новшеств и в их продвижении; социокультурная среда и ее способность воздействовать на развитие инноваций; инновации и их способность воздействовать на рост общественных благ и качественную составляющую жизнедеятельности общностей [3, с. 3–14].

В. Е. Клочко и Э. В. Галажинский включают в инновационный потенциал ресурсную часть (возможности) и то, что называют «инновационный тонус», т. е. готовность, характеризующую устойчивость превращения потенциала (как резерва) в потенцию, выступающего как переход возможности с виртуального уровня ее существования на уровень активного инновационного действия, от эмоционально-установочных комплексов — к рождению инновационного акта [9, с. 6–12]. Потенциал — это мера единства достигнутого, которое может быть использовано с определенной целью, и возможного, т. е. достижимого при определенных условиях.

А. С. Попович и Т. М. Червинская говорят о том, что инновационный потенциал НПП — это совокупность различных видов ресурсов, необходимых для осуществления инновационной деятельности [16, с. 12]. О. Б. Михайлова рассматривает инновационный потенциал общности НПП как совокупность свойств и качеств создавать, воспринимать, реализовывать новшества, а также вовремя отказываться от устаревших нецелесообразных способов деятельности [14, с. 71–75]. А. И. Пригожин отмечает, что главная характеристика субъекта инновации — это деятельностное самосознание, т. е. понимание своей личной инициативы как субъективно возможной и общественно принимаемой основы собственного существования [17].

Рассмотренные выше определения понятия «инновационный потенциал» научно-педагогических работников и его трактовки позволяют предложить вариант обобщающей характеристики этой категории.

Под инновационным потенциалом НПП мы будем понимать особое качество социальной общности, которое может быть представлено через совокупность ресурсов, определяющих объемы ее участия в образовательной, научно-исследовательской, учебно-методической, управленческой и воспитательной деятельности, необходимых для достижения инновационных целей и задач вуза.

Инновационный потенциал НПП предопределяет возможности и готовность к инновационной деятельности, поэтому мы рассматриваем его как интегративное качество, отра-

жающее наличие возможности к развитию инновационной активности, познавательной самостоятельности и профессиональной креативности членов научно-образовательной общности НПР.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Для понимания характера инновационного потенциала НПР значение приобретает классификация этого феномена.

С.И. Кравченко и И.С. Кладченко предлагают следующие классификации инновационного потенциала: прежде всего, авторы различают явный (наличный, статический) и скрытый (возможный, динамический) инновационный потенциал. При этом первый характеризует непосредственно те ресурсы и способы их использования, которыми обладает общность в определенный промежуток времени и в определенной ситуации, второй — скрытую перспективу, заложенную ресурсах, то есть существующие возможности [11, с. 90]. Еще в одной классификации эти авторы выделяют используемый, неиспользуемый и желаемый инновационный потенциал.

Первый вид инновационного потенциала — это тот, который фактически используется для реализации поставленных целей. Второй — существующий в скрытом виде, либо явный, но по определенным (объективным или субъективным) причинам являющийся резервом. Третий — потенциал, уровень и состав которого по выделяемым параметрам функционирования максимально приближен к оптимальному, то есть своего рода идеальный случай [11, с. 90]. На наш взгляд, описанные классификации, могут быть применены в изучении инновационного потенциала НПР.

Логическим дополнением к указанным видам инновационного потенциала являются такие два его вида, как дееспособный и недееспособный. К первому виду следует отнести потенциал, который в любой момент времени в определенных условиях возможно задействовать для выполнения поставленных задач и достижения конкретных целей. В свою очередь, потенциал, который в силу объективных и субъективных причин не может быть включен в процессы обеспечения функционирования НПР, можно отнести ко второму виду — недееспособному.

Рассмотрение особенностей инновационного потенциала НПР невозможно без понимания его структуры. На наш взгляд, категории «ресурсы», «резервы» и «возможности» характеризуют отдельные проявления инновационного потенциала НПР вуза. Инновационный потенциал определяет прошлое с точки зрения отражения накопленных общностью свойств, обуславливающих его способность к какой-либо деятельности («ресурс»); он же отражает настоящее с точки зрения практического применения и использования общностью имеющихся способностей («резерв»); инновационный потенциал ориентирован на развитие («возможности»).

Рассмотрим типы ресурсов, которые обнаруживаются в структуре инновационного потенциала вузовских работников. А.Г. Гатауллина предлагает следующие типы ресурсов в структуре инновационного потенциала НПР: материальные (материально-техническая база, необходимая для производства нового продукта), финансовые (совокупность всех денежных средств: гранты, хоздоговорная деятельность и др.), интеллектуальные (результаты творческого интеллектуального труда НПР), информационные (документы или массивы документов в информационных системах), научно-технологические (совокупность компетенций для осуществления и совершенствования преобразующей деятельности), необходимые для осуществления инновационной деятельности преподавателей [5, с. 70-73].

Перейдем к рассмотрению вопроса о функциях инновационного потенциала НПР, среди которых мы выделяем следующие: целевую, мотивационную, креативную, прогностическую, трансформационную, развивающую, функцию формирования инновационного профессионально-ориентированного опыта и практико-ориентированную функцию [22, с. 177-184].

Целевой функцией инновационного потенциала НПП является реализация в профессиональной деятельности ее инновационного ресурса. Целевая функция инновационного потенциала выражается в постановке задач создания новых или усовершенствованных образовательных, научно-исследовательских, учебно-методических, воспитательных результатов деятельности НПП, формирования новых инновационных проектов.

Мотивационная функция инновационного потенциала НПП задает потребность в реализации готовности к инновациям в образовании, необходимость новых форм поведения и деятельности по созданию и использованию инновационных образовательных продуктов. Мотивационная функция обеспечивает развитие и формирование мотивов и интереса к использованию в образовательной практике созданных продуктов интеллектуальной деятельности, актуализирует имеющийся уровень инновационного потенциала, обнаруживает значимость в его развитии.

Креативная функция инновационного потенциала НПП создает условия для обобщения знаний, поиска закономерностей и открытий в решении поставленных задач. Она выражает потенциальную предрасположенность общности НПП в форме готовности к обретению творческой активности в соответствующих видах деятельности при определенных внешних условиях. Прогностическая функция инновационного потенциала НПП состоит в способности представить себе возможный результат действия до его выполнения, а также способ его получения прежде, чем он будет получен; в предвидении, антиципации результатов инновационной деятельности, оценке имеющихся условий, определении наиболее вероятных способов действия.

Важной функцией инновационного потенциала является трансформационная функция, представляющая заложенную возможность достижения какой-либо цели. Связь между инновационным потенциалом и инновационной деятельностью носит прямой характер: инновационная деятельность — это движение от инновационного потенциала к реальной инновации, его трансформация с целью получения и применения нового продукта. Через инновационную деятельность потенциал выполняет данную функцию, и определение инновационной деятельности можно представить как трансформацию инновационного потенциала с целью получения нового продукта, удовлетворяющего образовательные потребности.

Действие развивающей функции проявляется в личностных, интеллектуальных, поведенческих и деятельностных свойствах НПП. Функция развития способствует формированию профессиональной позиции в виде совокупности ценностных отношений к инновационной деятельности.

Функция формирования инновационного профессионально-ориентированного опыта связана с погружением НПП в содержание собственной инновационной деятельности.

Функция практико-ориентированности проявляется в готовности генерировать новые знания в области инноваций и использовать их для потребностей образовательной практики в ходе постановки и решения новых задач, в овладении творческими способами выполнения инновационной деятельности для эффективного решения конкретных проблем, в применимости сформированного комплекса инновационных умений, инновационного опыта и компетентности. Эта функция является интегрирующей в актуализации инновационного потенциала НПП. Функция практико-ориентированности выполняет оценку последствий практического использования результатов и обеспечивает динамику эффективности инноваций.

ВЫВОДЫ. Таким образом, рассмотренная проблема изучения инновационного потенциала научно-педагогических работников вуза демонстрирует свою значимость и актуальность. Мы постарались дать достаточно полную в рамках возможностей статьи характеристику феномена «инновационный потенциал»; провели сравнение существующих в научной литературе классификаций потенциала; описали основные функции инновационного потенциала НПП.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амирова Д.Р. Механизмы управления инновационным трудовым потенциалом предприятия: автореф. дис... канд. экон. наук. Пенза, 2014. С. 24.
2. Бакумцев Н.И. Инновационный менеджмент и охрана промышленной собственности. М., 2013. С. 153.
3. Бедников М.А. Методологические основы исследования механизма инновационного развития в современной экономике // Менеджмент в России и за рубежом. 2007. № 2. С. 3-14.
4. Власова Т.И. Выявление и развитие инновационного потенциала педагогов как важная задача опытно-экспериментальной работы образовательного учреждения // Социосфера. 2012. № 2. С. 71-73.
5. Гатауллина А.Г. Модель инновационного потенциала как основа инновационной деятельности преподавателя вуза // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 4-1. С. 70-73.
6. Гунин В.Н. Управление инновациями / М.: Инфра-М, 1999.
7. Инновационный потенциал: современное состояние и перспективы развития: монография / В.Г. Матвейкин, С.И. Дворецкий, Л.В. Минько, В.П. Таров, Л.Н. Чайникова, О.И. Летунова. М.: «Издательство Машиностроение-1», 2007. 284 с.
8. Ким Т.Д. Многоуровневая модель инновационного потенциала профессионала и подходы к ее операционализации // Вестник ЮУрГУ. 2010. № 40. С. 45-50.
9. Ключко В.Е. Исследование инновационного потенциала личности: концептуальные основания личности // Сибирский психологический журнал. — 2009. № 33. С. 6-12.
10. Косенко О.В., Поштарева Т.В. Сущность инновационной деятельности и инновационного потенциала преподавателя вуза // В сборнике: Инновационные научные исследования 2023: педагогика и психология. Сборник материалов XXIV международной очно-заочной научно-практической конференции. М., 2023. С. 9-12.
11. Кравченко С.И., Кладченко И.С. Исследования сущности инновационного потенциала // Научные труды Дон НТУ. Донецк: Серия «Экономика», 2004. Выпуск 68. С. 90.
12. Менсфилд Э. Экономика научно-технического прогресса / Э. Менсфилд. М.: Прогресс, 1970.
13. Миронова И.В. Развитие инновационного потенциала преподавателя вуза в дополнительном профессиональном образовании // Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. — М., 2020. С. 7.
14. Михайлова О.Б. Методологические основы исследования инновационного потенциала личности // Вестн. ГУУ. 2010. № 21. С. 71-75.
15. Пименов С.В., Родионова Е.В., Федосова Р.Н. Развитие инновационного потенциала персонала // Креативная экономика. М., 2015. С. 423.
16. Попович А.С., Червинская Т.М. К вопросу о сущности и структуре инновационного потенциала // Наука. 2005. № 3. С. 12.
17. Пригожин А.И. Современная социология организаций: учебник/ А.И. Пригожин. М.: ИНТЕРПРАКС, 1995. 296 с.
18. Тупик Е.С. Условия и факторы развития инновационного потенциала преподавателей вуза // В сборнике: Традиции и новации в профессиональной подготовке и деятельности педагога. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. Под ред. И.Д. Лельчицкого. 2019. С. 202-206.
19. Фостер Р. Обновление производства: атакующие выигрывают / Р. Фостер. М.: Прогресс, 1987.
20. Шляхто, И.В. Оценка инновационного потенциала региона / И.В. Шляхто. URL: <http://www.baliostu.ru/umc/arhiv/2007/1/Shliyhoto.doc> (дата обращения: 17.11.2023).
21. Шмелева Е.А. Развитие инновационного потенциала личности в научно-образовательной среде педагогического вуза // Диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. Нижний Новгород, 2013.

22. Шмелева Е.А., Червова А.А., Мальцева Л.Д., Прияткина Н.Ю. Структурно-функциональная модель инновационного потенциала педагога // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2014. № 3 (35). С. 177–184.
23. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития / Й. Шумпетер. М.: Прогресс, 1982.
24. Porter M. Competitiveness Advantage of Nation / M. Porter // Harvard Business Review. March — April. 1990.
25. Solow R. On Theories of Unemployment / R. Solow // American Economic Review. 1980.
26. Twiss B.C. Managing technological innovation / B.C. Twiss. Pitman, 1992.

REFERENCES

1. Amirova D.R. *Mehanizmy upravlenija innovacionnym trudovym potencialom predprijatija* [Mechanisms of management of innovative labor potential of the enterprise]: avtoref. dis... kand. jekon. nauk. Penza, 2014. S. 24. (In Russian).
2. Bakumcev N.I. *Innovacionnyj menedzhment i ohrana promyshlennoj sobstvennosti* [Innovation management and protection of industrial property]. M., 2013. S. 153. (In Russian).
3. Bednikov M.A. *Metodologicheskie osnovy issledovanija mehanizma innovacionnogo razvitija v sovremennoj jekonomike* [Methodological foundations of the study of the mechanism of innovative development in the modern economy] // Menedzhment v Rossii i za rubezhom. 2007. № 2. S.3–14. (In Russian).
4. Vlasova T.I. *Vyjavlenie i razvitie innovacionnogo potenciala pedagogov kak vazhnaja zadacha opytno-jeksperimental'noj raboty obrazovatel'nogo uchrezhdenija* [Identification and development of innovative potential of teachers as an important task of experimental work of an educational institution] // Sotsiosfera. 2012. № 2. S. 71–73. (In Russian).
5. Gataullina A.G. *Model' innovacionnogo potenciala kak osnova innovacionnoj dejatel'nosti prepodavatelja vuza* [Model of innovative potential as the basis of innovative activity of a university teacher] // Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2014. № 4–1. S. 70–73. (In Russian).
6. Gunin V.N. *Upravlenie innovacijami* [Innovation management]. M.: Infra-M, 1999. (In Russian).
7. *Innovacionnyj potencial: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija* [Innovation potential: current state and prospects of development]: monografija / V.G. Matvejkin, S.I. Dvoreckij, L.V. Min'ko, V.P. Tarov, L.N. Chajnikova, O.I. Letunova. M.: «Izdatel'stvo Mashinostroenie-1», 2007. 284 s. (In Russian).
8. Kim T.D. *Mnogourovnevaja model' innovacionnogo potenciala professionala i podhody k ee operacjonalizacii* [Multilevel model of innovative potential of a professional and approaches to its operationalization] // Vestnik JuUrGU. 2010. № 40. S.45–50. (In Russian).
9. Klochko V.E. *Issledovanie innovacionnogo potenciala lichnosti: konceptual'nye osnovanija lichnosti* [Research of the innovative potential of personality: conceptual foundations of personality] // Sibirskij psihologicheskij zhurnal. 2009. № 33. S. 6–12. (In Russian).
10. Kosenko O.V., Poshtareva T.V. *Sushhnost' innovacionnoj dejatel'nosti i innovacionnogo potenciala prepodavatelja vuza* [The essence of innovative activity and innovative potential of a university teacher] // V sbornike: Innovacionnye nauchnye issledovanija 2023: pedagogika i psihologija. Sbornik materialov XXIV mezhdunarodnoj ochno-zaochnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. M., 2023. S. 9–12. (In Russian).
11. Kravchenko S.I., Kladchenko I.S. *Issledovanija sushhnosti innovacionnogo potenciala* [Studies of the essence of innovative potential] // Nauchnye trudy Don NTU. Doneck: Serija «Jekonomika», 2004. Vypusk 68. S. 90. (In Russian).
12. *Mensfeld Je. Jekonomika nauchno-tehnicheskogo progressa* [Economics of scientific and technological progress] / Je. Mensfeld. M.: Progress, 1970. (In Russian).
13. Mironova I.V. *Razvitie innovacionnogo potenciala prepodavatelja vuza v dopolnitel'nom professional'nom obrazovanii* [Development of innovative potential of a university teacher in additional professional education] // Avtoref. diss. ... kand. ped. nauk. M. 2020. S.7. (In Russian).

14. Mihajlova O.B. *Metodologicheskie osnovy issledovanija innovacionnogo potenciala lichnosti* [Methodological foundations of the study of the innovative potential of the individual] // Vestn. GUU. 2010. № 21. S. 71–75.
15. Pimenov S.V., Rodionova E.V., Fedosova R.N. *Razvitie innovacionnogo potenciala personala* [Development of innovative potential of personnel] // Kreativnaja jekonomika. M., 2015. S. 423. (In Russian).
16. Popovich A.S., Chervinskaja T.M. *K voprosu o sushhnosti i strukture innovacionnogo potenciala* [On the question of the essence and structure of innovative potential] // Nauka. 2005. № 3. S. 12. (In Russian).
17. Prigozhin A.I. *Sovremennaja sociologija organizacij* [Modern sociology of organizations]: uchebnik / A.I. Prigozhin. M.: INTERPRAKS, 1995. 296 s. (In Russian).
18. Tupik E.S. *Uslovija i faktory razvitija innovacionnogo potenciala prepodavatelej vuza* [Conditions and factors of development of innovative potential of university teachers] // V sbornike: Tradicii i novicii v professional'noj podgotovke i dejatel'nosti pedagoga. Sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Pod red. I.D. Lel'chickogo. 2019. S. 202–206. (In Russian).
19. Foster R. *Obnovlenie proizvodstva: atakujushhie vyigryvajut* [Production update: attackers win] / R. Foster. M.: Progress, 1987. (In Russian).
20. Shljahto I.V. *Ocenka innovacionnogo potenciala regiona* [Assessment of the innovative potential of the region] / I.V. Shljahto. URL: <http://www.bali.ostu.ru/umc/arhiv/2007/1/Shliyhcto.doc> (data obrashheniya: 17.11.2023). (In Russian).
21. Shmeleva E.A. *Razvitie innovacionnogo potenciala lichnosti v nauchno-obrazovatel'noj srede pedagogicheskogo vuza* [Development of the innovative potential of the individual in the scientific and educational environment of a pedagogical university] // Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni doktora psihologicheskikh nauk / Nizhegorodskij gosudarstvennyj arhitekturno-stroitel'nyj universitet. Nizhnij Novgorod, 2013. (In Russian).
22. Shmeleva E.A., Chervova A.A., Mal'ceva L. D., Prijatkina N.Ju. *Struktumno-funkcional'naja model' innovacionnogo potenciala pedagoga* [Structural and functional model of innovative potential of a teacher] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Serija: Social'nye nauki, 2014, № 3 (35). S. 177–184. (In Russian).
23. Shumpeter J.A. *Teorija jekonomicheskogo razvitija* [Theory of Economic Development] / J. Shumpeter. M.: Progress, 1982. (In Russian).
24. Porter M. *Competitiveness Advantage of Nation* / M. Porter // Harvard Business Review. March — April. 1990. (In English).
25. Solow R. *On Theories of Unemployment* / R. Solow // American Economic Review. 1980. (In English).
26. Twiss B.C. *Managing technological innovation* / B.C. Twiss. Pitman, 1992. (In English).

DOI 10.26105/SSPU.2023.86.5.003

УДК 316.344.34:378.2

ББК 60.543.132.1

П.А. АМБАРОВА,
А.В. МАЛЬЦЕВ,
С.Г. ЕРМОЛАЕВА

**МОТИВАЦИЯ ЧЛЕНСТВА
НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ
РАБОТНИКОВ В УНИВЕРСИТЕТСКОМ
ПРОФСОЮЗЕ**

P.A. AMBAROVA,
A.V. MALTSEV,
S.G. ERMOLAEVA

**MOTIVATION OF MEMBERSHIP
OF SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL
STUFF IN THE UNIVERSITY TRADE UNION**

Трансформация университетского сообщества в условиях кризиса высшего образования отразилась на состоянии университетских профсоюзов — важнейшего института сохранения и развития социального партнерства в высшей школе. Наблюдается снижение численности членов профсоюзных организаций в вузах, уменьшается доверие к его возможностям представлять и защищать права и интересы университетских работников. В то же время объективно сохраняется необходимость в таком социальном институте, лояльность и вовлеченность части научно-педагогического сообщества в профсоюзную жизнь.

Цель статьи заключается в систематизации представлений о мотивации членства научно-педагогических работников в университетских профсоюзах и условиях ее сохранения в процессе трансформации профсоюзного движения в высшей школе.

Результаты, представленные в статье, получены в ходе социологического исследования «Роль профсоюзов в университетском сообществе», осуществленного авторами в январе-марте 2023 г. в двух вузах УрФО — Уральском федеральном университете и Сургутском государственном педагогическом университете. Использован метод онлайн опроса, n = 271 чел., выборка случайная (стихийный отбор). Единственным критерием отбора служило наличие членства в университетском профсоюзе.

Исследование показало наличие расхождений между ожиданиями научно-педагогических работников сохранения традиционной роли современного университетского профсоюза как защитника интересов трудящихся и реальными функциями профсоюзов, которые оказались сведенными к материальной и социальной поддержке сотрудников за счет потенциала самого профсоюза. Показано, что такой контраст ожиданий и реальности приводит к изменению мотивации членства ключевой вузовской общности в профсоюзе и оттоку из него. В результате усиливается фрагментация университетского сообщества, «истончаются» внутриобщностные связи, девальвируется ценность корпоративной и профессиональной солидарности.

В статье представлены результаты исследования, впервые за последние годы сфокусированного на проблемах университетских профсоюзов вузов Уральского федерального округа, связанных с мотивацией членства в них. Новизна также заключается в сравнительном анализе мотивации сотрудников двух вузов, различающихся историей их профсоюзов, численностью научно-педагогического персонала, статусом вуза, его корпоративной культурой и набором социальных проблем, присущих их сотрудникам.

The transformation of the university community in the context of the crisis of higher education has affected the state of university trade unions — the most important institution for the

saving and development of social partnership in higher education. There is a decrease in the number of members of trade union organizations in universities, and confidence in its ability to represent and protect the rights and interests of university employees is decreasing. At the same time, there is an objective need for such a social institution, loyalty and involvement of a part of the scientific and pedagogical community in trade union life.

The purpose of the article is to systematize ideas about the motivation of membership of scientific and pedagogical workers in university trade unions and the conditions for its preservation in the process of transformation of the trade union movement in higher education.

The results presented in the article were obtained during the sociological study «The role of trade unions in the university community», carried out by the authors in January–March 2023 at two universities of the Ural Federal University and Surgut State Pedagogical University. The method of online survey was used, $n = 271$ people, the sample was random (spontaneous selection). The only selection criterion was membership in the university trade union.

The study showed the existence of discrepancies between the expectations of scientific and pedagogical workers to preserve the traditional role of the modern university trade union as a defender of the interests of workers and the real functions of trade unions, which turned out to be reduced to material and social support of employees at the expense of the potential of the trade union itself. It is shown that such a contrast of expectations and reality leads to a change in the motivation of membership of the key university community in the trade union and outflow from it. As a result, the fragmentation of the university community is increasing, intra-community ties are «thinning», the value of corporate and professional solidarity is devalued.

The article presents the results of a study focused for the first time in recent years on the problems of university trade unions of universities of the Ural Federal District related to the motivation of membership in them. The novelty also lies in a comparative analysis of the motivation of employees of two universities, differing in the history of their trade unions, the number of scientific and pedagogical staff, the status of the university, its corporate culture and a set of social problems inherent in their employees.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: университетские профсоюзы, научно-педагогические работники, университетское сообщество, социальное партнерство, мотивация членства, доверие, фрагментация

KEY WORDS: university trade unions, research and teaching staff, university community, social partnership, membership motivation, trust, fragmentation

ВВЕДЕНИЕ. Процесс непрерывных изменений в высшем образовании и трансформация академической среды влияют на состояние такого важнейшего института высшей школы, как университетские профсоюзы. Тенденция прекаризации академического труда [39; 35; 17], уменьшение штатной численности научно-педагогических работников [10; 32; 4], переход на краткосрочные контракты [14; 24; 23], сокращение границ академических свобод и ухудшение условий труда [36; 8] — все это актуализирует потребность в активной деятельности профсоюзных организаций.

В то же время современные профсоюзы сами оказались в кризисной ситуации. В последние годы резко уменьшилась численность их членов [31; 21], сократились возможности влияния на руководство вузов [9], возникли альтернативные университетские профсоюзы [18; 38; 29]; наблюдается разобщённость между профсоюзами разных университетов и на уровне региональных профсоюзов педагогических работников.

Сокращение числа членов профсоюзов приводит к риску незаключения Коллективного договора с работодателем, поскольку основным условием подписания этого документа является членство в профсоюзе более половины сотрудников университета. Коллективный же договор обеспечивает защиту трудовых прав представителей академического

сообщества. Многочисленные исследования показывают, что именно в защите своих трудовых прав и чувствуют основную потребность рядовые сотрудники российских университетов [28].

Возможности восстановления былого значения профсоюзов как института, выполняющего функцию солидаризации университетского сообщества, представления и защиты его интересов, базируются на доверии и преодолении разобщенности. В то же время в условиях «нового менеджериализма» университетское сообщество индивидуализируется и фрагментируется, в нем снижается потребность в коллективной безопасности и принадлежности к группе. К. Альдерфер называл такое явление процессом «поражения» (поражение в желании и стремлении удовлетворять потребности) и объяснял его фрустрацией [40]. В таких условиях актуализируется необходимость изучения мотивации членства научно-педагогических работников в профсоюзе. Оно дает представление о механизмах ее поддержания и способах сохранения старых членов профсоюза и привлечения новых.

ЦЕЛЬЮ статьи является систематизация представлений о мотивации членства научно-педагогических работников в университетских профсоюзах и условиях ее сохранения в процессе трансформации профсоюзного движения в высшей школе. Авторы рассматривают следующие исследовательские вопросы: 1) представления сотрудников университетов об актуальных и должных функциях профсоюза; 2) различия в мотивации членства в профсоюзе представителей УрФУ и СурГПУ; 3) значение личностных качеств профсоюзного лидера для членства в университетском профсоюзе.

Обзор литературы

Социальное партнерство как модель взаимодействия работников, профсоюзов и работодателя нашло отражение в работах К.Г. Кязимова [15], С.И. Кубицкого [13], В.А. Сафонова [34]. Однако авторы, например, Т.П. Грибоедова [7] и А.В. Петров [25] отмечают декларативность отдельных принципов социального партнерства, в том числе в вузе.

Ряд исследователей анализирует снижение численности членов профсоюза [30; 18]. При этом выявлены разные причины этого процесса — как глобальные (кризис профсоюзного движения во многих странах мира), так и локальные, возникающие на уровне конкретных организаций [5; 1]. Кризис профсоюзов, профсоюзного движения в России и за рубежом отмечают А.В. Золотов и другие авторы [11; 19]. Появление альтернативных профсоюзов стало предметом исследования Ю.В. Баранова и С.Г. Полянской [1], А. Мацун [18], Т.А. Сошниковой [37]. Названные авторы считают, что в последние годы произошло резкое снижение доверия к профсоюзному движению [37; 18; 11].

В исследованиях деятельности профсоюзов особое место занимает рассмотрение ее в контексте гражданского общества. К этому вопросу обращаются такие авторы, как М. Буданова и С. Иванов [2], Д.В. Гревцова [6], Е.Н. Макшаева [16], А.В. Петров [25] и др. Они считают профсоюз частью гражданского общества. Такой фокус интереса к профсоюзам не случаен. Нарушения трудовых прав становится причиной активизации деятельности многих субъектов гражданского общества. Ряд авторов отмечают, как в современном российском обществе происходит деформация трудовых отношений [3, с. 1087]. В том числе этот процесс затрагивает и высшее образование [39; 35; 17]. В ряде публикаций обращается внимание на снижение возможности профсоюза защищать права работников [28; 22]. Авторы отмечают, что в настоящее время профсоюз в большей степени сосредоточен не на защите прав работников на достойный труд (занятость, достойную зарплату), а на выполнении других функций, например, охране труда, культмассовой деятельности, оказании материальной помощи в трудных ситуациях [12].

Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что проблема университетских профсоюзов, а также мотивации членства в них научно-педагогических работников

практически не нашла своего отражения в научных исследованиях. Между тем, вопросы мотивации вступления в профсоюз в целом затрагивались в работах Т.Ю. Поздеевой [26; 20] и В.Н. Руденкина [33]. В них авторы предложили практическое руководство по формированию и совершенствованию мотивации членов профсоюза и вовлечению в профсоюз новых членов.

Эмпирическая база

Социологическое исследование «Роль профсоюзов в университетском сообществе», результаты которого представлены в статье, было проведено авторами в январе–марте 2023 г. в двух вузах Уральского федерального округа — Уральском федеральном университете и Сургутском государственном педагогическом университете. Вузы имеют разный статус: первый является федеральным и подчиняется непосредственно Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, второй является профильным (педагогическим) вузом и подчиняется Правительству ХМАО-Югры. Выбранные вузы имеют разную историю и численность университетских профсоюзов, различаются численностью сотрудников, набором социальных проблем, присущих им, корпоративной культурой. В то же время профсоюзные организации этих вузов действуют по единым принципам и выполняют общие социальные функции, что дает возможность проводить их сравнительное исследование.

В исследовании использовался метод онлайн опроса ($n = 271$ чел.), тип случайной выборки (стихийный отбор). Единственным критерием отбора служило наличие членства в университетском профсоюзе. Структура выборки была образована 52,6% сотрудников УрФУ и 47,4% сотрудников СурГПУ. Доля мужчин составила 21%, женщин 79% в возрасте от 30 лет. В выборке по УрФУ преобладали представители НПП в возрасте 60 лет и старше. В выборке по СурГПУ — НПП в возрасте от 31 до 40 лет.

Среди опрошенных доктора и кандидаты наук составили 51,3%, преподаватели без научной степени 48,7%. По должностному критерию в выборке выделены НПП (64,3%), руководители (7,9%), представители административных служб (11%) и учебно-вспомогательный персонал (16,8%). Большинство опрошенных (71,7%) состоят в браке, имеют детей (77%).

Первичные социологические данные были собраны с помощью Google-формы и обработаны в программе Excel.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.

Функции профсоюза в глазах университетского сообщества

В оценке функций, которые сегодня реально выполняют университетские профсоюзы, сотрудники УрФУ и СурГПУ были единодушны. На первое место они поставили социальную и материальную помощь членам профсоюза, на второе — сохранение профсоюза как университетской традиции (табл. 1). На наш взгляд, приведенные данные свидетельствуют об утрате университетским профсоюзом той роли, которая выделяла его среди других общественных организаций. Слабое выполнение профсоюзом главной его функции — защиты прав университетских сотрудников — существенная деформация, которая дискредитирует профсоюзное движение. То, что такая тенденция отмечается в коллективах двух разных университетов свидетельствует о типичности происходящих трансформаций.

В понимании же функций, которые должны осуществлять университетские профсоюзы, их мнения несколько разошлись. Представители УрФУ однозначно отдали приоритет защите прав сотрудников в университете, а сотрудники СурГПУ посчитали, что этой функцией почти в равной степени должны быть защита прав сотрудников и уже обозначенная функция социальной и материальной помощи.

Таблица 1. Мнение сотрудников УрФУ и СурГПУ о функциях современного университетского профсоюза, в % от числа опрошенных

Функции профсоюза	Должен выполнять		Выполняет реально	
	УрФУ	СурГПУ	УрФУ	СурГПУ
Защита прав сотрудников в университете	41,8	28,5	18,4	16,0
Представление интересов сотрудников университета в органах управления высшей школой	17,5	13,8	3,4	4,6
Социальная и материальная помощь членам профсоюза	14,9	26,5	25,9	29,7
Урегулирование интересов руководства и сотрудников университета	11,9	18,2	16,1	12,6
Привлечение к профсоюзному движению новых членов	5,2	3,2	8,0	3,4
Поддержка солидарности внутри университетского сообщества	5,1	4,7	4,6	7,4
Сохранение профсоюза как университетской традиции	2,6	2,7	23,0	25,7
Установление и сохранение связей между сотрудниками разных университетов	1,0	2,4	0,6	0,6

Что касается третьей позиции, то и здесь мы видим расхождение: сотрудники УрФУ считают, что профсоюз должен выполнять макрофункцию, то есть представлять интересы сотрудников университета в органах управления высшей школой; сотрудники СурГПУ акцент делают на внутриорганизационной функции — урегулировании интересов руководства и сотрудников университета.

Таким образом, мы видим, что в понимании актуальной роли профсоюзов различий между сотрудниками двух университетов не существует. Что же касается представлений о должном, то здесь наблюдается принципиальное расхождение взглядов. Вероятно, различия обусловлены большим профсоюзным стажем членов профсоюза УрФУ в сравнении с сотрудниками СурГПУ. Этот опыт подсказывает, что проблемы защиты прав трудового коллектива невозможно решить только внутри организации, что нужен выход профсоюзных лидеров на внешние публичные площадки.

Хотелось бы отдельно проинтерпретировать мнение членов профсоюза о своей общественной организации как о некой университетской традиции. Для более возрастного контингента профсоюза УрФУ выбор такой ответа может быть обусловлен тем, что трудовая жизнь его представителей на протяжении многих лет шла одновременно в параллели с профсоюзной активностью.

Принадлежность к профсоюзу стала частью их университетской идентичности. В выборке респондентов от СурГПУ оказались более молодые по возрасту сотрудники. Скорее всего, сквозь призму данного ответа они транслируют свое представление о профсоюзе как об определенном рудименте университетской жизни.

Мотивация членства в университетском профсоюзе

Мотивация членства в университетском профсоюзе у сотрудников УрФУ и СурГПУ принципиально отличаются (табл. 2). У первых главным мотивом выступает желание защищать права сотрудников университета и забота о коллегах. У вторых — соблюдение университетской традиции и — с некоторым отрывом — желание получить материальную помощь от профсоюза.

Таблица 2. **Мотивы сотрудников УрФУ и СурГПУ в отношении членства в университетском профсоюзе, в % от числа опрошенных**

Мотивы членства в профсоюзе	УрФУ	СурГПУ
Желание защищать права сотрудников университета	17,2	4,8
Стремление проявлять заботу о коллегах	16,1	1,6
Членство в профсоюзе — дань университетской традиции	12,6	22,7
Это выражение моей активной жизненной позиции	12,1	8,8
Получение материальной помощи от профсоюза	10,9	15,1
Профсоюз дает уверенность в соблюдении работодателем социальных гарантий	9,2	13,5
Получение социальной помощи от профсоюза	7,5	12,9
Возможность разнообразить досуг за счет культурных, спортивных мероприятий	7,5	9,6
Желание принадлежать к группе единомышленников	4,0	8,6
Приобретение полезных связей	1,7	0,7
Интересное общение	1,2	1,7

Интересно, что общественные мотивы, характерные для представителей УрФУ, выбрало абсолютное меньшинство представителей СурГПУ. При этом мы видим, что небольшая доля представителей как одного, так и другого вуза являются членами профсоюзов в связи с тем, что «профсоюз дает уверенность в соблюдении работодателем социальных гарантий». Одинаково невелика доля в обоих вузах тех, кто мотивирован получением социальной помощи от профсоюза и возможностями разнообразить свой досуг за счет профсоюзных мероприятий.

Во многом мотивация членства в университетском профсоюзе зависит от представлений сотрудников о перспективах развития этой общественной организации. Примерно одна треть сотрудников УрФУ уверена, что профсоюзы сохранятся и сохранится в прежнем виде их потенциал. Еще почти одна треть представителей этого вуза разделяет мнение о том, что профсоюзы сохранятся, но значение и влияние их серьезно уменьшится. Сотрудники СурГПУ в принципе убеждены в тех же самых трендах развития университетского профсоюза, но доля тех, кто разделяет эту убежденность несколько меньше, чем в УрФУ.

В то же время практически одинакова доля в обоих вузах тех респондентов, которых разделяют диаметрально противоположные позиции: в УрФУ 16% опрошенных считают, что у профсоюзов есть шансы не только сохраниться, но усилиться, в то время как в СурГПУ 16% опрошенных уверены, что профсоюзы вообще исчезнут через 5–10 лет. Солидарны представители обоих вузов в том, что университетские профсоюзы сохранят прежнее свое значение или смогут найти возможности обновить формат своей деятельности.

Таблица 3. **Мнение сотрудников УрФУ и СурГПУ о перспективах существования университетских профсоюзов в ближайшем будущем (5–10 лет), в % от числа опрошенных**

Перспективы	УрФУ	СГПУ
Профсоюзы сохранятся, но потенциал их будет прежним	34,4	27,2
Профсоюзы сохранятся, но значение их будет едва заметно	31,1	28,4
Профсоюзы сохранятся и усилят свое значение для университетов	16,7	12,3

Затрудняюсь ответить	13,3	14,8
Профсоюзы как социальный институт исчезнут	3,3	16,0
Профсоюзы должны сохранить свое значение	1,2	0,0
Сформируется новый формат профсоюзной деятельности	0,0	1,3

Значение личностных качеств профсоюзного лидера для членства в университетском профсоюзе

Исследование показало, что на мотивацию членства в профсоюзе оказывает влияние личность профсоюзного лидера. В оценках качеств профсоюзного руководителя мнения сотрудников двух университетов разошлись. Члены профсоюза УрФУ на первое место выдвинули два качества — умение быть посредником между сотрудниками и руководством университета и правовую грамотность, а члены профсоюза СурГПУ отметили только последнее качество (табл. 4).

Таблица 4. Представления сотрудников УрФУ и СурГПУ о качествах, которыми должен обладать эффективный профсоюзный лидер, в % от числа опрошенных

Качества профсоюзного лидера	УрФУ	СурГПУ
Умение быть медиатором между сотрудниками и руководством университета	20,9	17,1
Правовая грамотность	19,8	21,7
Способность оказывать влияние на руководство университета	15,4	11,6
Четкая гражданская позиция	11,2	8,1
Высокий авторитет среди сотрудников университета	10,7	11,6
Готовность представлять интересы сотрудников университета в публичном пространстве за пределами университета	6,8	16,7
Умение сплачивать людей	4,3	7,4
Навыки эффективной коммуникации	4,4	1,9
Преданность (лояльность) университету	3,7	0,0
Умение генерировать оригинальные решения университетских проблем	2,8	3,9
Большой стаж работы в университете	0,0	0,0

Следующими по значимости качествами лидера профсоюза, свидетельствующими об его эффективности, представителями УрФУ и СурГПУ были выбраны способность оказывать влияние на руководство университета и высокий авторитет среди сотрудников университета.

Неожиданно противоречиво в ответах опрошенных отразилось такое качество профсоюзного лидера, как его готовность представлять интересы сотрудников университета в публичном пространстве, за пределами вуза. Мы помним, что сотрудники УрФУ эту внешнюю представительскую функцию оценили высоко, но именно как функцию профсоюзной организации в целом (а не как личное качество ее руководителя). Здесь же мы видим, что только небольшая доля респондентов считает способность осуществлять такую роль важным качеством профсоюзного лидера. И наоборот, сотрудники СурГПУ, в большинстве своем не расценивающие внешнее представительство как функцию профсоюза, тем не менее придают ей особое значение в структуре личности ее лидера. Все это свидетельствует о персонализации институциональных функций профсоюза в глазах сургутян.

Обращает на себя внимание тот факт, что совершенно незначительная доля сотрудников обоих университетов высоко ценит в профсоюзном лидере такие качества, как умение сплачивать людей, способность к креативным решениям, лояльность университету. Вообще ни для кого в том и другом университете не имеет значение то обстоятельство, сколько лет проработал в вузе руководитель профсоюза.

ВЫВОДЫ. Проведенное исследование показало, что мотивацию членства сотрудников университетов в профсоюзе можно рассматривать в качестве важного индикатора его состояния и функциональности. Очевидно, что роль университетского профсоюза за последние годы существенно изменилась. Это касается его деятельности как субъекта социального партнерства (функции регулирования трудовых отношений), так и субъекта гражданского общества (функции представительства интересов профессионального сообщества в публичном политике). Такая трансформация функций университетского профсоюза отражается на представлениях о его значении в жизни научно-университетского сообщества и перспективах его развития.

Между тем, на мотивацию членства в профсоюзе могут влиять и иные факторы, не зависящие от деятельности самой общественной организации. Прежде всего, это изменение корпоративной культуры университета, ценностным ядром которой стали выступать индивидуализм и конкуренция, культивируемые новой моделью университетского менеджмента. Традиционные ценности сотрудничества, солидарности, взаимной корпоративной поддержки подвергаются девальвации под влиянием атомизации, фрагментации, предпринимательской автономности. Кроме того, само гражданское общество, частью которого выступает университетский профсоюз, развивается в России не столь активно, чтобы поддерживать и продвигать в общественном сознании паттерны гражданской и социальной солидарности.

Исследование показало, что мотивация членства в университетском профсоюзе у сотрудников вузов формируется в основном во внутреннем контуре — на основе альтруистического желания помогать коллегам и прагматичного стремления иметь небольшую материальную поддержку от профсоюза. Происходит уход от профсоюзных традиций, сформировавшихся в начале возникновения профсоюзного движения — от культа коллективных действий, профессиональной солидарности вне организационных границ.

Подтверждением наших выводов выступают различия между мотивационными характеристиками коллективов двух университетов. Мы видим, что коллектив профсоюза УрФУ, имеющий более возрастной состав и серьезный профсоюзный стаж, в большей степени ориентирован на классические традиции и ценности профсоюза и более критически оценивает его современную роль и перспективы развития. Коллектив профсоюза СурГПУ — более молодой по составу — в большей мере принимает внутренние функции профсоюза и более позитивно оценивает актуальное его состояние и тренды развития. Несмотря на различия полученных результатов, авторы выражают надежду на то, что рефлексия актуального состояния профсоюзов в университетском сообществе все же позволяет видеть его представителям перспективы развития рассматриваемой общественной организации с учетом как традиций, так и нового контекста. Полагаем, что в новых условиях существования российских вузов тот или иной вид мотивации членства в профсоюзе позволит сохранить данный институт как функциональную структуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов Ю.В., Полянская С.Г. Проблемы профсоюзного движения в России // Омский научный журнал. 2012. № 2. С. 71-73.
2. Буданова М.А., Иванов С.Ю. Профсоюзы и гражданское общество: практика и перспективы партнерского взаимодействия в сфере труда (по материалам социологических исследований) // Власть. 2012. № 1. С. 41-44.

3. Ветренко И.А. Профсоюзы как перспективный институт гражданского общества в современной России // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: материалы XV Международной конференции памяти профессора Л.Н. Когана (20–23 марта 2012 г., Екатеринбург). Екатеринбург: УрФУ. 2012. С. 1082–1090.
4. Власова О.В. Причины и факторы, определяющие снижение потребности в научно-педагогических работниках и девальвацию престижа профессии преподавателя высшей школы // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 1. С. 54–58.
5. Германов И.А. Социокультурные характеристики профсоюзных лидеров и активистов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2010. № 4. С. 134–142.
6. Гревцова Д.В. Профсоюзы как институт гражданского общества в защите интересов работников (на примере современной России) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 4. С. 143–146.
7. Грибоедова Т.П. Содержание понятия и особенности реализации социального партнерства в современном образовании // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 68. С. 50–60.
8. Другова Е.А. Природа конфликта администраторов и научно-педагогических работников в российских университетах // Университетское управление: практика и анализ. 2018. Т. 22. № 2. С. 72–82.
9. Дьяченко А. В университетах насаждают атмосферу страха // Правда. № 111 (30754). 11 октября 2018 г. URL: <https://gazeta-pravda.ru/issue/111-30754-11-oktyabrya-2018-goda/v-universitetakh-nasazhdayut-atmosferu-strakha/> (дата обращения: 26.06.2023)
10. Змановская А. Число профессоров в вузах уменьшается, а обучение дорожает // Известия. 03.07.2015 г. URL: <https://iz.ru/news/587296> (дата обращения: 26.06.2023)
11. Золотов А.В. Развитие профсоюзного движения России. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2011. 374 с.
12. Козина И.М. Российские профсоюзы: трансформация отношений внутри традиционной структуры // Экономическая социология. 2002. № 5. С. 75–92.
13. Кубицкий С.И. Перспективы развития социального партнерства субъектов рынков образования и труда в России. М.: ИД «АТиСО», 2008. 360 с.
14. Курбатова М.В., Донова И.В. Эффективный контракт в высшем образовании: результаты реализации проекта // Journal of Institutional Studies. 2019. № 11. С. 122–145.
15. Кязимов К.Г. Социальное партнерство: Теория и практика. М.: МИК, 2011. 400 с.
16. Макшаева Е.Н. Теория гражданского общества и его становление в России: дисс. ... канд. ист. наук. Саранск, 2006. 171 с.
17. Маслюкова Е.В., Вольчик В.В. Прекариат и высшее образование // Russian Journal of Economics and Law. 2019. № 4. С. 1579–1591.
18. Мацун А. Профсоюзы в России: имитация или реальная защита трудовых прав? // Банки сегодня. Вып. № 030. 13.05.2019 г. URL: <https://bankstoday.net/last-articles/profsoyuzy-v-rossii-imitatsiya-raboty-ili-realnaya-zashhita-trudovyh-prav> (дата обращения: 26.06.2023)
19. Модели профсоюзного движения: история и современность (зарубежный опыт). СПб: СПбГУП, 2020. 240 с.
20. Новые подходы к мотивации профсоюзного членства / Сост. Т.Ю. Поздеева. М.: Научный центр профсоюзов, 2010. 56 с.
21. Озернов М.Е., Шматков Л.М. Профессиональные союзы в современном мире: пережиток прошлого или последняя надежда трудящихся? // Вопросы российской юстиции. 2022. № 19. С. 359–375.
22. Оюн О.Г. Особенности деятельности профсоюзов по защите прав работников в России на современном этапе // Вестник магистратуры. 2019. № 9–2. С. 108–109.
23. Панова А.А. Контракты с академическими администраторами и качество найма в университете // Экономика и математические методы. 2017. Т. 53. № 4. С. 62–74.

24. Панова А.А., Юдкевич М.М. Система постоянного найма в университете: модели и аргументы // Вопросы образования. 2011. № 1. С. 44–72.
25. Петров А.В. Профсоюзы институт гражданского общества // Общество. Среда. Развитие. 2008. № 3. С. 55–66.
26. Поздеева Т.Ю. Актуальные проблемы мотивации профсоюзного членства. Челябинск: УМЦ ОО ПС Федерации профсоюзов Челябинской области, 2006. 54 с.
27. Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Защита трудовых прав работников профессиональными союзами и объединениями // Государственная служба. 2017. № 5. С. 79–84.
28. Покида А.Н., Зыбуновская Н.В., Покида И.А. Нарушения трудовых прав работников и способы их защиты // Власть. 2023. Т. 31. № 1. С. 156–168.
29. Прасолов В.И. Роль свободных профсоюзов в политической системе современной России: дис. ... канд. полит. наук. М., 2011. 165 с.
30. Профсоюзное пространство современной России / Под ред. В. Борисова, С. Кларка. М.: ИСИТО, 2001. 331 с.
31. Профсоюзы в цифрах // Сайт Федерации независимых профсоюзов Крыма. URL: <https://fnpk82new.ru/profsoyuzu-v-czifrah/> (дата обращения: 26.06.2023)
32. Пугач В.Ф. Ещё раз о возрасте преподавателей в российских вузах: старые проблемы и новые тенденции // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 3. С. 118–133.
33. Руденкин В.Н. Профсоюзы в условиях мирового финансово-экономического кризиса // Вестник экономики, управления и права. 2010. № 1. С. 80–87.
34. Сафонов В.А. Социальное партнерство. М.: Юрайт, 2015. 395 с.
35. Слободская А.В. Прекаризация научных сотрудников и педагогических работников высшего образования: формирование академического прекариата // Манускрипт. 2018. № 7. С. 106–110.
36. Соловьёва Т.О., Соловьёв Д.Н. К вопросу о реализации принципа академической свободы в современном университетском образовании // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 2. С. 110–114.
37. Сошникова Т.А. Пути повышения роли профессиональных союзов в современной России. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2014. 168 с.
38. Трынов Д.В. О причинах появления альтернативных профсоюзов в бюджетной сфере // Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры, образования и управления: материалы международной конференции. (Екатеринбург, 28 февраля 2014 г.). Екатеринбург: УрФУ. 2014. Т. 4. С. 201–205.
39. Федорова А.Э., Каташинских В.С., Дворжакова З. Прекаризация трудовых отношений как фактор социального загрязнения // Экономика региона. 2016. Т. 12. № 3. С. 802–814.
40. Alderfer C.P. (1972) Existence, relatedness, and growth: Human needs in organizational settings. N.Y.: Free Press. 198 p.

REFERENCES

1. Baranov Yu. V., Polyanskaya S.G. *Problemy` profsoyuznogo dvizheniya v Rossii* [Problems of the trade union movement in Russia] // Omskij nauchny`j zhurnal. 2012. No. 2. S. 71–73. (In Russian).
2. Budanova M.A., Ivanov S.Yu. *Profsoyuzu` i grazhdanskoe obshhestvo: praktika i perspektivy` partnerskogo vzaimodejstviya v sfere truda (po materialam sociologicheskix issledovanij)* [Trade unions and civil society: the practice and prospects of partnership in the field of labor (based on the materials of sociological research)] // Vlast`. 2012. No. 1. S. 41–44. (In Russian).
3. Vetrenko I.A. *Profsoyuzu` kak perspektivny`j institut grazhdanskogo obshhestva v sovremennoj Rossii* [Trade unions as a promising institution of civil society in modern Russia] // Kul`tura, lichnost`, obshhestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt` e`mpiricheskogo issledovaniya: materialy` XV Mezhdunarodnoj konferencii pamyati professora L.N. Kogana (20–23 marta 2012 g., Ekaterinburg). Yekaterinburg: UrFU. 2012. S. 1082–1090. (In Russian).

4. Vlasova O.V. *Prichiny` i faktory`, opredelyayushhie snizhenie potrebnosti v nauchno-pedagogicheskix rabotnikax i deval`vacyu prestizha professii prepodavatelya vy`sshej shkoly`* [The reasons and factors determining the decrease in the need for scientific and pedagogical workers and the devaluation of the prestige of the profession of a higher school teacher] // Baltijskij gumanitarny`j zhurnal. 2021. V. 10. № 1. S. 54–58. (In Russian).
5. Germanov I.A. *Sociokul`turny`e karakteristiki profsoyuzny`x liderov i aktivistov* [Socio-cultural characteristics of trade union leaders and activists] // Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psixologiya. Sociologiya. 2010. No. 4. S. 134–142. (In Russian).
6. Grevczova D.V. *Profsoyuzu` kak institut grazhdanskogo obshhestva v zashhite interesov rabotnikov (na primere sovremennoj Rossii)* [Trade unions as an institution of civil society in protecting the interests of workers (on the example of modern Russia)] // Gumanitarny`e issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal`nem Vostoke. 2013. No. 4. S. 143–146. (In Russian).
7. Griboedova T.P. *Soderzhanie ponyatiya i osobennosti realizacii social`nogo partnerstva v sovremennom obrazovanii* [The content of the concept and features of the implementation of social partnership in modern education] // Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena. 2008. No. 68. S. 50–60. (In Russian).
8. Drugova E.A. *Priroda konflikta administratorov i nauchno-pedagogicheskix rabotnikov v rossijskix universitetax* [The nature of the conflict between administrators and research and teaching staff at Russian universities] // Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. 2018. v. 22. No. 2. S. 72–82. (In Russian).
9. D`yachenko A. *V universitetax nasazhdayut atmosferu straxa* [An atmosphere of fear is being instilled in universities] // Pravda. no. 111 (30754). 11 oktyabrya 2018 g. URL: <https://gazeta-pravda.ru/issue/111-30754-11-oktyabrya-2018-goda/v-universitetakh-nasazhdayut-atmosferu-strakha/> (data obrashheniya: 26.06.2023).
10. Zmanovskaya A. *Chislo professorov v vuzax umen`shaetsya, a obuchenie dorozhaet* [The number of professors in universities is decreasing, and tuition is getting more expensive] // Izvestiya. 03.07.2015 g. URL: <https://iz.ru/news/587296> (data obrashheniya: 26.06.2023)
11. Zolotov A.V. *Razvitie profsoyuznogo dvizheniya Rossii*. [Development of the trade union movement in Russia]. N. Novgorod Publ: Izd-vo NNGU im. No.I. Lobachevskogo, 2011. 374 s.
12. Kozina I.M. *Rossijskie profsoyuzy`: transformaciya otnoshenij vnutri tradicionnoj struktury`* [Russian trade unions: transformation of relations within the traditional structure] // E`konomicheskaya sociologiya. 2002. No. 5. S. 75–92. (In Russian).
13. Kubiczkij S.I. *Perspektivy` razvitiya social`nogo partnerstva sub`ektivny`x ry`nkov obrazovaniya i truda v Rossii*. [Prospects for the development of social partnership of subjects of the education and labor markets in Russia]. Moscow Publ.: ID «ATISO», 2008. 360 s.
14. Kurbatova M.V., Donova I.V. *E`ffektivny`j kontrakt v vy`sshem obrazovanii: rezul`taty` realizacii proekta* [Effective contract in higher education: project implementation results] // Journal of Institutional Studies. 2019. no. 11. S. 122–145. (In Russian).
15. Kyazimov K.G. *Social`noe partnerstvo: Teoriya i praktika*. [Social partnership: Theory and practice]. Moscow Publ.: MIK. 2011. 400 p.
16. Makshaeva E.N. *Teoriya grazhdanskogo obshhestva i ego stanovlenie v Rossii* [Theory of civil society and its formation in Russia]: diss. ... kand. ist. nauk. [Theory of civil society and its formation in Russia:]. Saransk, 2006. 171 s. (In Russian)
17. Maslyukova E.V., Vol`chik V.V. *Prekariat i vy`sshee obrazovanie* [Precariat and higher education] // Russian Journal of Economics and Law. 2019. no. 4. S. 1579–1591. (In Russian).
18. Maczun A. *Profsoyuzu` v Rossii: imitaciya ili real`naya zashhita trudovy`x prav?* [Trade unions in Russia: imitation or real protection of labor rights?] // Banki segodnya. Vy`p. no. 030. 13.05.2019 g. URL: <https://bankstoday.net/last-articles/profsoyuzu-v-rossii-imitatsiya-raboty-ili-realnaya-zashhita-trudovyh-prav> (data obrashheniya: 26.06.2023). (In Russian)

19. *Modeli profsoyuznogo dvizheniya: istoriya i sovremennost` (zarubezhny`j opy`t)*. [Models of the trade union movement: history and modernity (foreign experience)] Saint-Petersburg Publ.: SPbGUP, 2020. 240 s.
20. *Novy`e podxody` k motivacii profsoyuznogo chlenstva*. [New approaches to motivation of trade union membership] / Sost. T.Yu. Pozdeeva. Moscow Publ.: Nauchny`j centr profsoyuzov. 2010. 56 s.
21. Ozernov M.E., Shmatkov L.M. *Professional`ny`e soyuzy` v sovremennom mire: perezhitok proshlogo ili poslednyaya nadezhda trudyashixsya?* [Trade unions in the modern world: a relic of the past or the last hope of workers?] // *Voprosy` rossijskoj yusticii*. 2022. No. 19. S. 359–375. (In Russian).
22. Oyun O.G. *Osobennosti deyatel`nosti profsoyuzov po zashhite prav rabotnikov v Rossii na sovremen-nom e`tape* [Features of the activity of trade unions to protect the rights of workers in Russia at the present stage] // *Vestnik magistratury`*. 2019. No. 9–2. S. 108–109. (In Russian).
23. Panova A.A. *Kontrakty` s akademicheskimi administratorami i kachestvo najma v universitete* [Contracts with academic administrators and the quality of hiring at the university] // *E`konomika i matem- aticheskie metody`*. 2017. v. 53. No. 4. S. 62–74. (In Russian).
24. Panova A.A., Yudkevich M.M. *Sistema postoyannogo najma v universitete: modeli i argumenty`* [The system of permanent employment at the university: models and arguments] // *Voprosy` obrazovaniya*. 2011. No. 1. S. 44–72. (In Russian).
25. Petrov A.V. *Profsoyuzy` institut grazhdanskogo obshhestva* [Trade Unions Institute of Civil Society] // *Obshhestvo. Sreda. Razvitie*. 2008. No. 3. S. 55–66. (In Russian).
26. Pozdeeva T.Yu. *Aktual`ny`e problemy` motivacii profsoyuznogo chlenstva*. [Actual problems of mo- tivation of trade union membership]. Chelyabinsk Publ: UMCz OO PS Federacii profsoyuzov Chelyab- inskoj oblasti, 2006. 54 s.
27. Pokida A.N., *Zy`bunovskaya N.V. Zashhita trudovy`x prav rabotnikov professional`ny`mi soyuzami i ob`edineniyami* [Protection of workers' labor rights by trade unions and associations] // *Gosudarst- vennaya sluzhba*. 2017. no. 5. S. 79–84. (In Russian).
28. Pokida A.N., *Zy`bunovskaya N.V., Pokida I.A. Narusheniya trudovy`x prav rabotnikov i sposoby` ix zashhity`* [Violations of workers' labor rights and ways to protect them] // *Vlast`*. 2023. V. 31. No. 1. S. 156–168. (In Russian).
29. Prasolov V.I. *Rol` svobodny`x profsoyuzov v politicheskoy sisteme sovremennoj Rossii: dis. ... kand. polit. nauk*. [The role of free trade unions in the political system of modern Russia]. M. 2011. 165 s. (In Russian).
30. *Profsoyuznoe prostranstvo sovremennoj Rossii*. [Trade union space of modern Russia] / Pod red. V. Bo- risova, S. Klarka. Moscow Publ.: ISITO. 2001. 331 s.
31. *Profsoyuzy` v cifrax* [Trade unions in numbers] // Sajt Federacii nezavisimy`x profsoyuzov Kry`ma. URL: <https://fnpk82new.ru/profsoyuzy-v-cifrah/> (data obrashheniya: 26.06.2023). (In Russian).
32. Pugach V.F. *Eshhyo raz o vozraste prepodavatelej v rossijskix vuzax: stary`e problemy` i novy`e ten- dencii* [Once again about the age of teachers in Russian universities: old problems and new trends] // *Vy`sshee obrazovanie v Rossii*. 2023. v. 32. No. 3. S. 118–133. (In Russian).
33. Rudenkin V.N. *Profsoyuzy` v usloviyax mirovogo finansovo-e`konomicheskogo krizisa* [Trade unions in the context of the global financial and economic crisis] // *Vestnik e`konomiki, upravleniya i prava*. 2010. No. 1. S. 80–87. (In Russian).
34. Safonov V.A. *Social`noe partnerstvo*. [Social partnership]. Moscow Publ.: Yurajt, 2015. 395 s.
35. Slobodskaya A.V. *Prekarizaciya nauchny`x sotrudnikov i pedagogicheskix rabotnikov vy`sshego obra- zovaniya: formirovanie akademicheskogo prekariata* [Precarization of researchers and teachers of higher education: formation of the academic precariat] // *Manuskript*. 2018. No. 7. S. 106–110. (In Russian).
36. Solov`yova T.O., Solov`yov D.N. *K voprosu o realizacii principa akademicheskoy svobody` v sovre- mennom universitetskom obrazovanii* [Precarization of researchers and teachers of higher education: formation of the academic precariat] // *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo univer- siteta. Gumanitarny`e issledovaniya*. 2017. No. 2. S. 110–114. (In Russian).

37. Soshnikova T.A. *Puti povыsheniya roli professional'ny'x soyzov v sovremennoj Rossii*. [Ways to increase the role of trade unions in modern Russia]. Moscow Publ.: Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, 2014. 168 s.
38. Try`nov D. V. *O prichinax poyavleniya al'ternativny'x profsoyuzov v byudzhetnoj sfere* [About the reasons for the emergence of alternative trade unions in the public sector] // Aktual'ny'e problemy` sociologii molodezhi, kul'tury`, obrazovaniya i upravleniya: materialy` mezhdunarodnoj konferencii. (Ekaterinburg, 28 fevralya 2014 g.). Yekaterinburg: UrFU. 2014. V. 4. S. 201–205. (In Russian).
39. Fedorova A.E`., Katashinskix V.S., Dvorzhakova Z. *Prekarizaciya trudovy'x otnoshenij kak faktor social'nogo zagryazneniya*. [Precarization of labor relations as a factor of social pollution] // E`konomika regiona. 2016. V. 12. No. 3. S. 802–814. (In Russian).
40. Alderfer C.P. (1972) *Existence, relatedness, and growth: Human needs in organizational settings*. N.Y.: Free Press. 198 s. (In English).

DOI 10.26105/SSPU.2023.86.5.004

ББК 60.543.132.1

УДК 37.015.4:378.124

Е.О. НИДЕРГАУС

**ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ
В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К МОДЕЛИ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ВУЗА**

E.O. NIDERGAUS

**PROFESSIONAL VALUES OF TEACHERS
OF DIFFERENT GENERATIONS
IN THE CONDITIONS OF TRANSITION
TO THE MODEL OF AN ENTREPRENEURIAL
UNIVERSITY**

В данной статье предпринята попытка исследования изменения профессиональных ценностей преподавателя вуза в условиях трансформации академической среды и системы высшего образования. Актуальность темы вызвана тем, что система высшего образования всегда была и остается одной из важнейших составляющих, формирующих общество. Учитывая растущую роль вузов в качестве движущей силы развития регионов, необходимо обратить внимание на изменения, происходящие в самой системе и трансформацию целей и задач деятельности университета как социального института. Одним из интересных исследований является исследование влияния этих изменений на иерархию профессиональных ценностей преподавателей разных поколений. Результатом служат выявленные противоречия в иерархии профессиональных ценностей преподавателей различных возрастных групп.

In this article, an attempt is made to study the changes in the professional values of a university teacher in the conditions of transformation of the academic environment and the system of higher education. The relevance of the topic is caused by the fact that the higher education system has always been and remains one of the most important components forming society. Given the growing role of universities as a driving force for the development of regions, it is necessary to pay attention to the changes taking place in the system itself and the transformation of the goals and objectives of the university as a social institution. One of the interesting studies is the study of the impact of these changes on the hierarchy of professional values of teachers of different generations. The result is the revealed contradictions in the hierarchy of professional values of teachers of different age groups.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: профессиональные ценности, предпринимательская модель вуза, ценностные ориентации различных поколений преподавателей высшей школы, трансформация высшего образования.

KEY WORDS: professional values, the entrepreneurial model of the university, the value orientations of different generations of higher schoolteachers, the transformation of higher education.

ВВЕДЕНИЕ. В настоящее время в российском обществе происходят многочисленные изменения в политической, экономической и социальной сферах. Эти перемены оказывают значительное влияние на образовательную систему, включая систему высшего образования Российской Федерации. В свете этих глобальных изменений система высше-

го образования вынуждена адаптироваться и приспосабливаться к новым требованиям и вызовам. Внесения изменений в федеральные образовательные стандарты, требования к формированию компетенций, содержанию лекций, семинаров и практических занятий стали неотъемлемой частью адаптации системы высшего образования. Наблюдается трансформация целей и задач деятельности университета как социального института, а также изменения в содержании ценностей различных групп преподавателей.

Высшее образование способствует формированию у студентов представлений о ценности профессиональной подготовки и развитию их взглядов на цели и смысл трудовой и общественной деятельности. Оно также помогает студентам осознать важность сочетания личных и общественных интересов при самореализации и самоутверждении в различных сферах деятельности [7]. Университеты с древних времен играли весомую роль в развитии государств, способствуя повышению общей и профессиональной культуры населения [5; 6, с. 6; 11]. В современной эпохе университеты принимают активное участие в научно-техническом прогрессе, создании новых знаний и развитии высокотехнологичных отраслей производства. Они становятся ключевыми участниками комплексного развития регионов и страны в целом. [3, с. 154; 4, с. 37; 12, с. 52].

В контексте этих процессов важно исследовать изменения профессиональных ценностей преподавателей университета в свете современных тенденций в научно-образовательной деятельности. Это становится особенно актуальным при движении от классической модели университета Вильгельма фон Гумбольдта к современному предпринимательскому подходу в устройстве новой модели университета [10, с. 363–391]. Под воздействием современных изменений в профессиональной деятельности представители различных поколений преподавателей высшей школы сталкиваются с необходимостью изменения своих целей, ценностных ориентаций и установок, которыми они руководствуются в своей повседневной работе [8, с. 152]. Устаревшие представления о значении и содержании образовательной, научной и воспитательной работы преподавателей университета подвергаются изменениям и заменяются новыми концепциями, которые возникают в связи с развитием предпринимательской модели университета [9, с. 85–92].

ЦЕЛЬ статьи заключается в анализе факторов, способных повлиять на изменение профессиональных ценностей преподавателей разных поколений в процессе перехода к модели предпринимательского вуза.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Объектом изучения в статье являются профессиональные ценности преподавателей высшей школы различных поколений. В исследовании использовался метод кейс-стади, который позволил изучить изменения профессиональных ценностей преподавателей Уральского федерального университета имени первого Президента России, Б.Н. Ельцина, в процессе перехода к модели предпринимательского вуза. Автором с 2017–2022 гг. проведен ряд социологических исследований преподавателей разных институтов УрФУ с использованием качественных и количественных методов сбора социологической информации, а также анализ вторичных данных.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Исследование процесса формирования и изменения профессиональных ценностей преподавателей вузов демонстрирует, что эти ценности представляют собой руководящие принципы, направленные на удовлетворение потребностей общества в подготовке высококвалифицированных специалистов в соответствии с определенными социокультурными условиями. Изначально профессиональные ценности преподавателей вузов начали формироваться в средневековых университетах и полностью выразились в концепции классического исследовательского университета, разработанной Вильгельмом фон Гумбольдтом. В соответствии с его взглядами, главная цель высшей школы заключается в подготовке специалистов, способных развивать об-

щую культуру всего народа, а не решать только задачи отдельных групп людей [1, с. 27]. Само содержание научного знания, которое дает университет, должно быть направлено на разработку фундаментальных представлений об организации человеческой жизни, определении ее смысла, предназначения. Создается иерархия воспитательной, исследовательской, образовательной деятельности преподавателей вузов, позволяющая готовить не узких специалистов, а людей, разбирающихся в процессах, происходящих в обществе, конкретной сфере трудовой деятельности, способных к постоянному повышению квалификации на основе навыков самообразования. Переход к новым моделям организации высшего образования ведет к преобразованиям в иерархии профессиональных ценностей преподавателей университетов, представляющих разные поколения [13, с. 1929-1933].

Мы рассматриваем данные изменения на трех уровнях, которые зависят от внешних факторов, влияющих на трансформацию университетов и изменение профессиональных ценностей преподавателей. Макроуровень определяется изменениями в образовательной сфере, которые происходят во всем мире в условиях глобализации высшего образования. Эти изменения включают переход к массовой подготовке молодых специалистов, способных внедрять и использовать новые технологии и технические устройства. От преподавателей требуется сочетание фундаментальных исследований с прикладными, имеющими коммерческий характер. При этом в обучении необходимо умело сочетать традиционные и новые информационные технологии, возникающие в цифровом обществе); мезоуровень выражается в национальных особенностях развития образования, оказывающих существенное влияние на выработку профессиональных ценностей преподавателей конкретных стран (особенности внедрения предпринимательской модели университета в российскую действительность в первые десятилетия XXI века, связанные с тем, что заказчиком научной деятельности, обеспечивающей как коммерческий результат, так и получение нового знания выступают в первую очередь государственные структуры, в не крупный и средний бизнес. Активная исследовательская деятельность преподавателя стала основным показателем его значимости для вуза, что привело к определенному снижению ценности постоянного совершенствования обучения будущих специалистов. Эти изменения неодинаково принимаются преподавателями разного возраста. В процессе их работы сформировались стереотипы выполнения профессиональных обязанностей при занятии схожей по содержанию и методам научной, образовательной деятельностью, одобряемой коллегами, руководством. Когда возникает необходимость освоения нового, происходит частичное изменение содержания привычных действий путем освоения нового, востребованного практикой; микроуровень трансформации высшего образования реализуется в системе реорганизации деятельности преподавателей в конкретном вузе, его миссии, традициях, особенностях перехода к модели предпринимательского университета.

Целью исследования стал Уральский федеральный университет, который был образован в 2011 году путем слияния Уральского государственного университета имени А.М. Горького (УрГУ) и Уральского государственного политехнического университета (УГТУ). УрГУ был традиционным университетом, специализирующимся на подготовке гуманитарных и естественнонаучных специалистов, а также математиков. Другой готовил инженеров для работы на промышленных предприятиях Уральского региона и всей страны. Преимущественно, преподаватели УрГУ занимались фундаментальными исследованиями, в то время как преподаватели УГТУ занимались прикладными исследованиями по заказам от крупных предприятий Среднего Урала. Был опыт разработки товаров или услуг для коммерческих целей.

В процессе перехода с 2011 г. к предпринимательской модели УрФУ реализовал программу «5-100», благодаря которой сумел усилить свои позиции на международном академическом уровне. Университет значительно укрепил свою научную продуктивность

как по количеству публикаций в международных научных изданиях, так и по объему проведенных научно-исследовательских работ, увеличив последние в 8 раз. В 2020 г. УрФУ признан победителем программы «Приоритет 2030» по результатам отбора в треке «Исследовательское лидерство». В планах университета на 2030 год — стать крупным научно-образовательным центром мирового уровня, активно занимающимся исследованиями и внедрением передовых технологий, технических устройств, нового оборудования и медицинских препаратов [2].

Среди участников опроса 22% преподавателей были в возрасте до 35 лет, в возрасте от 36 до 60 лет — 46%, и 32% были старше 61 года. Каждый третий из молодых имеет степень кандидата наук, а среди представителей среднего возраста — каждый второй. Среди преподавателей старше 60 лет 53,5% имеют ученую степень кандидата наук, 28,3% — доктора наук, а 18,2% представляют собой преподавателей без ученой степени.

ВЫВОДЫ. Опрос показал, что иерархия профессиональных ценностей преподавателей среднего и старшего возраста характеризуется следующими особенностями: 53% преподавателей старше 60 лет на первое место ставят ценность воспитания студентов, на второе — образование (38%) и на третье — научно-исследовательскую деятельность (10%). У преподавателей средней возрастной группы (36–60 лет) на первом месте в иерархии профессиональных ценностей стоит образовательная деятельность (47%), на втором — воспитательная (41%) и на третьем — исследовательская (13%).

Среди людей старше 60 лет 18,1% легко адаптируются к нововведениям, 19,6% всегда подтверждают свою конкурентоспособность, 55,7% стремятся к повышению квалификации и получению новых знаний, а 23,6% готовы постоянно менять свою профессиональную траекторию.

Возрастная группа преподавателей от 36 до 60 лет проявляет наибольший интерес к новым образовательным технологиям и составляет 49% от общего числа респондентов. Среди них более половины активно осваивают технологии проектного обучения, постоянно занимаются научной деятельностью по заказам разных предприятий и организаций. Возникает новый вид усиления связи между ценностями исследовательской и образовательной деятельности на университетском уровне.

Однако значительная часть опрошенных представителей среднего и старшего возраста сталкивается с трудностями при осуществлении новых задач. 38,0% преподавателей устали постоянно доказывать свою конкурентоспособность, а 38,2% преподавателей этой же возрастной группы испытывают сложности в корректировке своей профессиональной траектории. 37,1% отметили трудность быстро реагировать на изменения в условиях и правилах работы.

39,5% выразили неготовность работать в новых условиях, включая постоянные изменения в содержании и форме работы. 32,3% опрошенных испытывают трудности в доказательстве своей конкурентоспособности, а 28,9% преподавателей средней возрастной группы испытывают сложности с корректировкой своей профессиональной траектории.

Среди преподавателей старше 60 лет 45% признались, что испытывают трудности при изменении содержания и форм своей работы. В группе возраста от 36 до 60 лет эта проблема была отмечена 39% респондентов, из которых 12% заявили, что они не могут или не хотят работать в ситуации, где им приходится отказываться от того, что они делали в течение года или двух, чтобы быстро освоить новое. Эта активная возрастная группа, осознавая свой значительный ресурс жизненных сил, ставит приоритет на сохранение их, осознавая важность баланса между работой, семьей и досуговой деятельностью.

Анализ данных исследования показал приверженность представителей возрастной группы 24–35 лет не профессии, а месту работы, трудовому коллективу. Эти люди были привлечены в профессию по внешним по отношению к профессии факторам, таким

как возможность работать с неполный рабочий день, гибкий график работы, соответствующий статус профессии и уровень материального вознаграждения.

Для них преподавательская работа воспринимается не только как проявление своего призвания и способностей, но прежде всего как средство достижения желаемого социального статуса и уровня жизни. Только 11,7% тех, кому до 36 лет, мотивируют трудоустройство на кафедру тем, что у них есть призвание учить студентов; среди преподавателей старше 60 лет этот фактор выделили 38%. Полученные результаты опроса подтверждаются результатами проведенных глубинных интервью с молодыми преподавателями: «Преподавателем по призванию себя точно не считаю. Сохранились даже пару видео, где я утверждаю, что точно не буду преподавателем, но... все меняется. Я стараюсь от этой работы получить максимум пользы».

Исследование показывает, что преподаватели моложе 35 лет в своей профессиональной деятельности реализуют ценности, отличающиеся от тех, которые присущи старшему поколению преподавателей. Опытные преподаватели уделяют большое внимание работе по призванию, активной самореализации в процессе обучения студентов и использованию результатов научной деятельности для улучшения качества преподавания. Для молодых преподавателей конечный результат, качество подготовки студентов не является доминирующей ценностью, при этом вводимые в процессе перехода к предпринимательской модели нововведения не воспринимаются ими как чуждые. Успешно сочетая научно-исследовательскую работу и обучение студентов, они активно осваивают новые технологии организации образовательного процесса.

Результаты исследования указывают на то, что молодое поколение представляет современного преподавателя в качестве исследователя, способного продавать результаты своей научно-исследовательской работы и образовательные услуги. У участников этой группы преподавателей существует прямая связь между содержанием работы, ее качеством и интенсивностью, а также уровнем вознаграждения за труд. Это означает, что происходящие изменения не противоречат ценностной структуре современных молодых преподавателей высшей школы, для которых уровень материального вознаграждения является одним из важнейших показателей успеха, в том числе в профессиональной сфере. Молодое поколение преподавателей рассматривает трансформацию академической среды без каких-либо отрицательных эмоций или социокультурных проблем.

Мы объясняем это с тем, что у преподавателей старше 60 лет стереотипы, связанные с ценностью обучения студентов, утверждавшиеся в течение 20–25 лет до перехода университетов к модели предпринимательского вуза, превратились в стойкие убеждения. Избавиться от этих убеждений является сложным, что является одной из причин критического отношения к важности научной работы.

У людей в возрасте от 36 до 60 лет, стереотипы, связанные с важностью образовательной деятельности, формировались в течение 7–15 лет. Степень устойчивости этих стереотипов ниже, а физические и психические ресурсы, необходимые для принятия новых профессиональных ценностей, выше. Чем меньше опыта работы в традиционной модели университета, тем легче адаптироваться к ориентирам, связанным с активной научной деятельностью и созданием коммерческих продуктов. Внедрение новых форм и методов организации обучения студентов происходит путем увеличения продолжительности рабочего дня в ущерб времени на отдых и саморазвитие.

Преподаватели в возрасте до 36 лет стали работать в вузе в период внедрения новых требований к профессиональной деятельности, утверждающих приоритет занятия научной работой, связанных с написанием кандидатской, докторской диссертации, участием в грантах. Из-за высокой занятости научной деятельностью им трудно полностью осуществлять требования постоянного усовершенствования методов обучения студентов,

создания электронных образовательных ресурсов, участия в проектном обучении и других подобных инициативах.

Данные исследования позволяют увидеть различия в профессиональных ценностях и готовности к переменам у преподавателей разных возрастных групп и большую степень влияния факторов мезоуровня на трансформацию профессиональных ценностей. Полученные данные позволяют сделать вывод о необходимости обеспечения преемственности профессиональных ценностей преподавателей разных возрастов российских вузов, создание системы наставничества опытных преподавателей над молодыми педагогами на основе мониторинга изменений содержания профессиональных ценностей преподавателей в условиях перехода к предпринимательскому вузу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт В. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине / В. фон Гумбольдт // Университетское управление, 1998. № 3(6).
2. Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования 2022 года, данные ФGAOU ВО УрФУ. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2022/_vpo/inst.php?id=313 (дата обращения: 02.11.2023)
3. Ицкович Г. Тройная спираль. Университеты — предприятия — государство. Инновации в действии. Томск, 2010. 238 с.
4. Кларк Б.Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. М., 2011. 310 с.
5. Коротаева Е.В. Профессиональные ценности профессии педагога: понятия и классификации // Педагогическое образование в России. 2012. № 3. С. 13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnye-tsennosti-professii-pedagoga-ponyatiya-i-klassifikatsii> (дата обращения: 02.11.2023).
6. Ладыжец Н.С. Университетское образование: идеалы, цели, ценностные ориентации. Монография. Ижевск, 1992. 236 с.
7. Меренков А.В. Культура эгоизма или культура сотрудничества: какая побеждает? Монография. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2021. 276 с.
8. Меренков А.В. Система детерминации человеческой деятельности. Екатеринбург, 2003. 228 с.
9. Нидергаус Е.О. Профессиональная идентичность преподавателей высшей школы в условиях трансформации академической среды // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 2 (53). С. 85–92.
10. Риккерт Г. О системе ценностей. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. 413 с.
11. Суворов Н.С. Средневековые университеты. М., 2012. 256 с.
12. Фуллер С. В чем уникальность университетов? Обновление идеала в эпоху предпринимательства // Вопросы образования. 2005. № 2. С. 50–76.
13. Bannikova L., Kemmet E., Nidergaus E. The impact of institutional conditions on modernization of stem education in Russian regions // 12th International Conference of Education, Research and Innovation. 2019. Pp. 1929–1933.

REFERENCES

1. Humboldt V. *O vnutrennei i vneshej organizacii vishih uhebnix zavedeni v Berline* [On the internal and external organization of higher scientific institutions in Berlin] // V. von Humboldt] University Administration, 1998. № 3(6) S. 26. (In Russian).
2. *Informatsionno-analiticheskie materialy po rezul'tatam provedeniya monitoringa effektivnosti deyatelnosti obrazovatel'nykh organizatsiy vysshego obrazovaniya 2022 goda, dannye FGAOU VO UrFU* [Information and analytical materials on the results of monitoring the effectiveness of the activities of

- educational institutions of higher education in 2022, data of the Federal State Educational Institution of Higher Education in UrFU]. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2022/_vpo/inst.php?id=313 (data obrashheniya: 02.11.2023). (In Russian).
3. Itskovits G. *Troyanaya spiralya. Universitety — predpriyatiya — gosudarstvo* [Triple helix. Universities — enterprises — the state]. Innovation in action. Tomsk, 2010. 238 s. (In Russian).
  4. Clark B.R. *Sozdanie predprinimatel'skikh universitetov: organizatsionnye napravleniya transformatsii* [Creation of entrepreneurial universities: organizational directions of transformation]. M., 2011. 310 s. (In Russian).
  5. Korotaeva E.V. *Professional'nye tsennosti professii pedagoga: ponyatiya i klassifikatsii* [Professional values of the teacher's profession: concepts and classifications] // Pedagogical education in Russia]. 2012. No. 3. s. 13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnye-tsennosti-professii-pedagoga-ponyatiya-i-klassifikatsii> (data obrashheniya: 02.11.2023). (In Russian).
  6. Ladyzhets N. S. *Universitetskoe obrazovanie: idealy, tseli, tsennostnye orientatsii*. [University education: ideals, goals, value orientations] Monograph. Izhevsk, 1992. 236 s. (In Russian).
  7. Merenkov A.V. *Kultura egoizma ili kultura sotrudnichestva: kakaya pobezhdaet?* [Culture of egoism or culture of cooperation: which one wins?] Monograph. Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2021. 276 s. (In Russian).
  8. Merenkov A.V. *Sistema determinatsii chelovecheskoi deyatel'nosti* [The system of determination of human activity]. Yekaterinburg, 2003. 228 s. (In Russian).
  9. Niedergaus E.O. *Professional'naya identichnost' prepodavatelei vysshei shkoly v usloviyakh transformatsii akademicheskoi sredy* [Professional identity of higher schoolteachers in the conditions of transformation of the academic environment] // Bulletin of the Surgut State Pedagogical University. 2018. No. 2 (53). Ss. 85–92. (In Russian).
  10. Rickert G. *O sisteme tsennostei. Nauki o prirode i nauki o kul'ture* [About the value system. Natural sciences and cultural sciences]. M., 1998. 413 s. (In English).
  11. Suvorov N.S. *Srednevekovye universitety* [Medieval universities]. M., 2012. 256 s. (In Russian).
  12. Fuller S. *V chem unikal'nost' universitetov? Obnovlenie ideala v epokhu predprinimatel'stva*. [What is the uniqueness of universities? Updating the ideal in the era of entrepreneurship] // Education issues. 2005. No. 2. Ss. 50–76. (In Russian).
  13. Bannikova L., Kemmet E., Niedergaus E. *Vliyanie institutsional'nykh uslovii na modernizatsiyu STEM-obrazovaniya v rossiyskikh regionakh* [The impact of institutional conditions on modernization of stem education in Russian regions] // 12th International Conference of Education, Research and Innovation. 2019. Ss. 1929–1933. (In English).

СОЦИОЛОГИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ. ОБУЧАЮЩИЕСЯ ВУЗОВ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ

SOCIOLOGY OF HIGHER EDUCATION. UNIVERSITY STUDENTS AS A SOCIAL COMMUNITY

DOI 10.26105/SSPU.2023.86.5.005

УДК 316.346.32(571.122)-053.6

ББК 60.543.172(2Рос-6Хан)-6в64

П.А. АМБАРОВА

СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ
УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ
СЕВЕРНОГО РЕГИОНА:
КОНСТАНТЫ И ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ

P.A. AMBAROVA

SOCIAL WELL-BEING OF STUDENTS
OF THE NORTHERN REGION:
CONSTANTS AND DYNAMICS OF CHANGES

*Работа выполнена в рамках государственного задания по науке
БУ «Сургутский государственный педагогический университет» на 2021–2023 гг.
по теме «Динамика социального благополучия молодежи в условиях Севера:
югорский срез в контексте общероссийских тенденций»*

В статье рассмотрены результаты сравнительного анализа основных показателей социального благополучия учащейся молодежи ХМАО-Югры. Социальное благополучие — достаточно «подвижная» характеристика данной социальной общности в условиях социальной неопределенности. Мониторинг ее состояния позволяет выявить относительную устойчивость одних показателей и динамику изменений других. Результаты подобного сравнительного анализа значимы для формирования и актуализации научных представлений об особенностях функционирования такой важной части молодежи северного региона, как студенты колледжей и вузов.

Цель состоит в оценке состояния и изменений социального благополучия учащейся молодежи ХМАО-Югры за период с 2022 по 2023 год.

В статье представлены результаты социологического исследования «Динамика социального благополучия молодежи в условиях Севера: югорский срез в контексте общероссийских тенденций», реализованного в 2022–2023 гг. сотрудниками Сургутского государственного педагогического университета в рамках государственного задания.

Впервые представлены результаты мониторингового исследования СБ (социального благополучия) учащейся молодежи северного региона. Исследование показало стабильность таких аспектов СБ югорской молодежи, как генерализованная удовлетворенность жизнью и ощущение счастья. Это свидетельствует о резильентности студенчества, то есть его способности преодолевать трудности в условиях социальной, политической и экономической турбулентности. Усложнение социального контекста актуализирует социальный капитал студентов — семейно-родственные, дружеские и соседские связи, повышает их значение как фактора СБ учащейся молодежи. В целом, учащаяся молодежь сохраняет

высокий уровень удовлетворенности обстоятельствами жизни, зависящими от нее самой (здоровьем, образованием, социальными отношениями в ближайшем окружении).

Более противоречивая динамика прослеживается по объективным (внешним) условиям жизни югорской молодежи: повышается уровень позитивной самооценки экономического положения семьи студентов, возможностями культурной и общественной жизни, но снижается удовлетворенность возможностями досуговой сферы, безопасности. Выявлена положительная динамика институционального доверия студентов как важного контекстного фактора ее СБ, а также противоречивость социальных эмоций как отражение мозаичности СБ.

The article considers the results of a comparative analysis of the main indicators of social well-being of students of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra. Social well-being is a rather "liquid" characteristic of this social group in conditions of social uncertainty. Monitoring its condition allows us to identify the relative stability of some indicators and the dynamics of changes in others. The results of such a comparative analysis are significant for the formation and actualization of scientific ideas about the functioning of such an important part of the youth of the northern region as college and university students.

The task of the article is to characterize the condition and changes in the social well-being of the students of the KhMAO-Yugra for the period from 2022 to 2023.

The article presents the results of a sociological study "Dynamics of social well-being of young people in the conditions of the North: The Ugra cross-section in the context of Russian trends", conducted in 2022–2023 by the sociologists of Surgut State Pedagogical University as part of a government assignment.

For the first time, the results of a monitoring study of the SB of students of the northern region are presented. The study showed the stability of such characteristics of Ugra youth as generalized life satisfaction and a sense of happiness. This indicates the resilience of students, that is, their ability to overcome difficulties in conditions of social, political and economic turbulence. The complication of the social context actualizes the social capital of students — family-related, friendly and neighborly ties, increases their importance as a factor of the development of students. In general, young students maintain a high level of satisfaction with the circumstances of life that depend on themselves (health, education, social relations in the immediate environment).

A more contradictory dynamics can be traced by the objective (external) living conditions of the Ugra youth: the level of positive self-assessment of the economic situation of the students' family, the possibilities of cultural and social life increases, but satisfaction with the possibilities of the leisure sphere and security decreases. The positive dynamics of the institutional trust of students as an important contextual factor of its social well-being, as well as the inconsistency of social emotions as a reflection of the mosaic of social well-being are revealed.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: учащаяся молодежь, студенты вузов, студенты колледжей, социальное благополучие, Северный регион

KEY WORDS: students, university students, college students, social well-being, Northern region

ВВЕДЕНИЕ. Многие социологи отмечают необходимость мониторинговых исследований таких ключевых характеристик социальных общностей, как их социальное самочувствие, социальное настроение, социальное благополучие [11]. Это позволяет выявить не только тенденции изменений обозначенных состояний, но и быстро зафиксировать противоречия в них и своевременно отреагировать принятием регулирующих решений. Конечно, подобные исследования требуют длительного периода социологического наблюдения, регулярности замеров, сохранения преемственности исследовательской методики.

В нашем исследовании период наблюдения социального благополучия (СБ) учащейся молодежи северного региона ограничен двумя годами (2022 и 2023 гг.), однако даже в таком временном промежутке могут быть получены важные сведения и о намечающихся тенденциях изменений, и о зачатках противоречий общностно-группового сознания. Факторами, которые усиливают познавательные возможности такого исследования, выступают:

- 1) ситуация социальной неопределенности, развивающаяся в современной России [8];
- 2) высокий уровень динамики трансформации молодежи как социальной общности [10].

Исходя из этих вводных установок, **ЦЕЛЬ** статьи обозначена нами как оценка состояния и изменений СБ учащейся молодежи ХМАО-Югры за период с 2022 по 2023 год. Исследовательскими вопросами, определяющими структуру статьи, являются определение:

- 1) удовлетворенности жизнью и ощущение счастья как базовых показателей СБ учащейся молодежи;
- 2) динамики удовлетворенности учащейся молодежи субъективными и объективными обстоятельствами жизни;
- 3) социальных эмоций, отражающих социальное (не)благополучие студентов региона.

В ряде предыдущих публикаций, подготовленных представителями научного коллектива по проекту «Динамика социального благополучия молодежи в условиях Севера: югорский срез в контексте общероссийских тенденций», были рассмотрены теоретико-методологические вопросы социологического изучения СБ молодежи [5; 13] особенности СБ населения северных регионов России, в том числе в сравнении с общероссийском контекстом, показаны проблемы СБ студентов ХМАО-Югры на основе изучения их оценок [3; 6], рассмотрена взаимосвязь СБ молодежи во взаимосвязи с различными видами ее капитала (социального, экономического, культурного и символического капиталов) [4; 12], уровнем профессионального самоопределения [9]. Представленные в публикациях обобщения и выводы подготовили основу для сравнительного анализа результатов двух замеров СБ студентов колледжей и вузов ХМАО-Югры.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Эмпирической базой статьи являются результаты массового опроса обучающихся вузов и колледжей Ханты-Мансийского автономного округа-Югры. Исследование было проведено сотрудниками лаборатории региональных исследований Сургутского государственного педагогического университета в апреле-июне 2023 г. Опрос учащейся молодежи осуществлен методом анкетирования по стандартизированному бланку опроса. В генеральную совокупность вошли студенты 27 учебных заведений. Объем выборки составил 3 726 респондентов (1684 студента, получающих высшее образование, и 2042 студента, получающих среднее профессиональное образование). Предельная ошибка выборки не превышает 2,5%. Для сбора данных использовался сервис «anketolog.ru». Применялась пропорциональная квотная выборка, в основу которой были положены следующие критерии: принадлежность к образовательной организации, пол, направление подготовки. Данные были обработаны в программе Vortex.

РЕЗУЛЬТАТЫ. Удовлетворенность жизнью и ощущение счастья как базовые показатели социального благополучия учащейся молодежи ХМАО-Югры

Предыдущие исследования СБ населения и его различных социальных групп показали, что ключевыми параметрами субъективной оценки изучаемого феномена выступают удовлетворенность жизнью (как генерализованная, так и дифференцированная по разным аспектам жизни) и ощущение счастья. В связи с этим проанализируем обозначенные два показателя СБ в сравнительном срезе результатов опроса студентов югорских колледжей и вузов за два года.

Степень удовлетворенности жизнью в целом практически не изменилась в группе студентов организаций СПО. Снижение на 0,7% доли тех, кто удовлетворен, и увеличе-

ние на 1,0% доли тех, кто затруднился с оценкой, нельзя рассматривать как значимое. А вот динамика удовлетворенности жизнью с очевидностью прослеживается в группе студентов вузов. В 2023 г. доля тех, кто удовлетворен жизнью, увеличилась почти на 4% (с 82,9 до 86,8%), при том, что число студентов, затруднившихся с оценкой, совершенно не изменилось (табл. 1).

Таблица 1. Удовлетворенность жизнью студентов организаций СПО и вузов в 2022 и 2023 гг., в % от числа опрошенных

Степень удовлетворенности жизнью	Студенты организаций СПО		Студенты вузов	
	2022	2023	2022	2023
Вполне удовлетворен	55,7	58,3	45,3	52,7
Скорее удовлетворен	31,5	28,2	38,6	34,1
Скорее не удовлетворен	7,2	7,3	11,3	9,0
Совершенно не удовлетворен	2,6	2,2	2,4	1,8
Затрудняюсь ответить	3,0	4,0	2,4	2,4
ИТОГО	100,0	100,0	100,0	100,0

Учитывая более критичный настрой студентов вузов на восприятие жизни, социальной действительности, происходящих событий и процессов, мы можем позитивно охарактеризовать подобный сдвиг в их самооценке СБ. Другой вопрос, каковы его причины и насколько устойчив он будет во времени.

Поскольку во многих предыдущих исследованиях [11] прослеживается корреляция социально-экономического положения и субъективного СБ, мы рассмотрели наличие взаимосвязи материального положения студентов и их удовлетворенности жизнью. Корреляционный анализ показал наличие, хотя и слабой, связи между этими двумя переменными как в группе студентов СПО (табл. 2), так и студентов вузов (табл. 3).

Таблица 2. Взаимосвязь удовлетворенности жизнью и материального положения студентов организаций СПО в 2023 гг.¹, в % от числа опрошенных

Насколько Вы удовлетворены своей жизнью?	Каково Ваше материальное положение?					ИТОГО:
	Хватает на еду, но покупка одежды проблематична	Денег хватает на еду и одежду, но покупка товаров длительного пользования (новый холодильник или телевизор) затруднительна	Могу позволить себе приобрести товары длительного пользования	Могу позволить себе все, в том числе покупку машины, квартиры или дачи	Затрудняюсь ответить	
Вполне удовлетворен	47,5	55,3	67,4	81,1	56,0	58,3
Скорее удовлетворен	31,7	31,1	25,8	12,6	25,2	28,2
Скорее не удовлетворен	11,1	7,8	4,4	3,6	6,9	7,3
Совершенно не удовлетворен	4,7	2,0	0,5	0,9	2,8	2,2
Затрудняюсь ответить	5,1	3,8	1,8	1,8	9,2	4,0
ИТОГО:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

¹ Коэффициент Крамера 0,114.

Таблица 3. Взаимосвязь удовлетворенности жизнью и материального положения студентов вузов в 2023 гг.², в % от числа опрошенных

Насколько Вы удовлетворены своей жизнью?	Каково Ваше материальное положение?					
	Хватает на еду, но покупка одежды проблематична	Денег хватает на еду и одежду, но покупка товаров длительного пользования (новый холодильник или телевизор) затруднительна	Могут позволить себе приобрести товары длительного пользования	Могут позволить себе все, в том числе покупку машины, квартиры или дачи	Затрудняюсь ответить	ИТОГО:
Вполне удовлетворен	41,5	47,8	67,4	71,7	59,0	52,7
Скорее удовлетворен	36,1	39,6	25,6	20,8	26,9	34,0
Скорее не удовлетворен	16,0	9,4	4,4	1,9	5,2	9,0
Совершенно не удовлетворен	2,9	1,8	1,0	3,8	0,7	1,8
Затрудняюсь ответить	3,4	1,5	1,5	1,9	8,2	2,4
ИТОГО:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Полученные данные позволяют говорить, с одной стороны, об устойчивости в студенческой среде представлений о материальном достатке и степени удовлетворенности жизнью. С другой стороны, они показывают некоторые нюансы различий СБ студентов вузов и колледжей. Мы видим, что примерно на 10% в меньшую сторону отличается количество хорошо обеспеченных студентов вузов, в высшей степени удовлетворенных жизнью. Вероятно, их отличает более критичный взгляд на жизнь и положение, который не компенсируется даже их высоким социально-экономическим статусом.

Ощущение счастья, выступая универсальным показателем СБ в любом возрасте, в молодежной среде приобретает особую значимость. Трудно представить благополучного молодого человека несчастливым. Тем более важно было рассмотрение динамики ощущения счастья в двух группах югорской учащейся молодежи. Мы видим по данным табл. 4, что в 2023 г. сохраняется большой (свыше 82%) доля счастливых студентов (колебания в 2% в группе студентов СПО можно не рассматривать как значимые). Сохраняется на прежнем уровне и доля студентов, ощущающих себя несчастливыми.

Таблица 4. Ощущение счастья студентами организаций СПО и вузов в 2022 и 2023 гг., в % от числа опрошенных

Считаете ли Вы себя счастливым человеком?	Студенты организаций СПО		Студенты вузов	
	2022	2023	2022	2023
Да	39,6	39,9	33,0	37,8
Скорее да, чем нет	44,9	42,6	49,4	44,9
Скорее нет, чем да	7,8	8,5	9,9	8,9
Нет	3,5	4,2	3,6	3,3
Затрудняюсь ответить	4,2	4,8	4,2	5,1
ИТОГО:	100,0	100,0	100,0	100,0

Все это означает, с одной стороны, стабильность ключевого показателя СБ югорской молодежи, с другой стороны — ее резильентность (способность преодолевать трудности) в условиях социальной, политической и экономической турбулентности 2022–2023 гг.

² Коэффициент Крамера 0,131.

Динамика удовлетворенности учащейся молодежи ХМАО-Югры субъективными и объективными обстоятельствами жизни

Генерализованные показатели СБ конкретизируются при дифференцированном рассмотрении удовлетворенности молодежи различными сторонами ее жизни. При этом мы условно разделили эти стороны на субъективные (касающиеся личной жизни) и объективные (связанные с внешними условиями жизни).

Удовлетворенность студентов субъективными обстоятельствами жизни

Данные опросов показывают, что на стабильно высоком уровне сохраняется во всех группах учащейся молодежи удовлетворенность отношениями с родителями и близкими друзьями. В среднем по массиву были удовлетворены были отношениями с родителями в 2022 г. 89,8%, а в 2023 г. 88,5% опрошенных. В то же время качество отношений с родными с очевидностью изменилось за год: если в 2022 г. на помощь родителей в трудной жизненной ситуации рассчитывало около 35% студентов колледжей и вузов, то в 2023 г. стало надеяться на такую поддержку уже 78,6% опрошенных (80,5% студентов вузов и 77,1% студентов колледжей).

Высоко (на 4 и 5 баллов) оценивают удовлетворенность своими отношениями в близкими друзьями и соседями большинство студентов (84,4% в 2022 г. и 82,5% в 2023 г.). Ближайшее окружение по-прежнему рассматривается студентами как опора в трудных жизненных обстоятельствах. Так же, как и в случае с родителями, резко выросла доля молодых людей, которые рассчитывают на его помощь и поддержку: в 2022 г. таковых было в среднем по массиву 27,3%, в 2023 г. стало 57,6%. Таким образом, мы видим, что усиление негативного социального контекста, его неопределенности актуализирует социальный капитал студентов — семейно-родственные, дружеские и соседские связи, повышает их значение как фактора СБ учащейся молодежи.

Что касается удовлетворенности получаемым образованием и здоровьем, то его уровень сохраняется в 2023 г. по сравнению с 2022 г., если судить по доле студентов, оценивших степень своей удовлетворенности этими аспектами жизни на 4 и 5 баллов. Более того, доля студентов вузов, которые удовлетворены получаемым образованием в высшей степени (на 5 баллов), существенно увеличилась (с 32,8 до 42,3%). Доля студентов колледжей, высоко удовлетворенных получаемым образованием, также увеличилась, хоть и незначительно (с 34,8 до 38,4%). Косвенным показателем удовлетворенности югорских студентов получаемым образованием может служить отсутствие более чем у 87% из них желания бросить учебное заведение (88,4% в 2022 г. и 87,1% в 2023 г. заявили об этом).

Удовлетворенность же состоянием здоровья повысилась у молодежи за счет увеличения доли тех студентов, кто оценил степень удовлетворенности на 5 баллов. В среднем по массиву сдвиг произошел в группе высоко удовлетворенных — от 26,1% в 2022 г. к 30,4% в 2023 г. При этом студенты вузов опять продемонстрировали более позитивное восприятие состояния своего здоровья, чем студенты колледжей.

Удовлетворенность студентов объективными обстоятельствами жизни

Положительные изменения, хоть и небольшие, были зафиксированы в нашем исследовании по такому показателю СБ югорских студентов, как удовлетворенность экономическим положением их семей. Несколько уменьшилась количество студентов, которые оценивают материальное положение своей семьи как бедственное (на 1 и 2 балла). В 2023 г. доля таковых (8,3%) снизилась по сравнению с 2022 г. на 2,4%. В то же время к 2023 г. на 5,5% увеличилось количество студентов, оценивших экономический статус своей семьи на 4 и 5 баллов (таковых в среднем по массиву оказалось 70,8%). При этом студенты вузов давали более критичные оценки, чем студенты СПО.

Практически не отмечается динамика СБ по показателю удовлетворенности условиями проживания (в обеих группах студентов), а также по удовлетворенности перспективами трудоустройства в группе студентов СПО. Что же касается студентов вузов, то в 2023 г. существенно увеличилась доля тех из них, кто очень положительно оценивает свои шансы найти работу (64,5% в 2023 г. по сравнению с 56,8% в 2022 г.). Вероятно, здесь сказывается активизация работы вузовских центров по трудоустройству выпускников, да и в целом наметившаяся в постковидный период тенденция дефицита высококвалифицированных кадров на рынке труда.

Заметные изменения СБ студентов ХМАО-Югры мы можем отметить в сфере культурного потребления: несколько снизилось число неудовлетворенных качеством культурного обслуживания в регионе (с 17,6% в 2022 г. до 14,2% в 2023 г.) и одновременно существенно увеличилось число студентов, в высокой степени удовлетворенных возможностями культурной сферы (с 57,7% в 2022 г. до 64,3% в 2023 г.). Однако парадоксальным фактом остается то обстоятельство, что при этом снизилась удовлетворенность студентов условиями проведения досуга в спортивных, физкультурных и развлекательных учреждениях. Возможно, эта тенденция объясняется элементарным ростом цен на услуги названных учреждений.

Отдельного внимания заслуживает блок показателей, отражающих удовлетворенность студентов качеством общественной жизни. Речь идет об уровне развития гражданских свобод в обществе и имеющимися легальными возможностями влиять на изменения в нем. В целом в системе показателей СБ названные параметры не отличались и по-прежнему не отличаются высокими оценками. Тем не менее за один год в этом сегменте СБ югорской молодежи произошли заметные трансформации. Так, доля неудовлетворенных уровнем развития гражданских свобод (то есть оценивших его на 1 и 2 балла) резко снизилась с 21,9% в 2022 г. до 16,0% в 2023 г. При этом существенно увеличилось (с 50,4% до 61,1%) число тех студентов, которые в большой степени (на 4 и 5 баллов) оценили свою удовлетворенность ситуацией в рассматриваемой сфере общественных отношений.

Примерно такие же оценки показали ответы студентов на вопрос о возможностях влиять на изменения в обществе. Уменьшилось (с 28,0% в 2022 г. до 19,4% в 2023 г.) в регионе число учащейся молодежи, недовольной своими возможностями что-либо изменять в обществе, но с 43,8% (2022 г.) до 57,0% (2023 г.) увеличилось количество студентов, оценивших такие возможности на 4 и 5 баллов, то есть высоко.

Предиктором СБ югорской молодежи в общественной жизни выступает институциональное доверие (табл. 5).

Таблица 5. Динамика институционального доверия студентов организаций СПО и вузов различным в 2022 и 2023 гг., в % от числа опрошенных³

Доверяю (скорее доверяю) ...	Студенты организаций СПО		Студенты вузов	
	2022	2023	2022	2023
Президенту	74,5	77,9	61,4	66,8
Государственной Думе	61,3	67,6	49,1	57,0
Правительству	58,5	69,3	52,0	59,9
Общественным организациям	68,9	72,4	61,3	67,2
Политическим партиям	57,7	64,4	45,4	54,8
Местной власти	65,6	69,2	57,1	61,4
Армии	70,7	70,3	59,3	61,5
Судам	66,7	70,9	58,8	65,5

³ В таблице отражены показатели доли студентов, выразивших абсолютное и относительное доверие к различным социальным институтам (фиксировалось ответами «Да, доверяю» и «Скорее доверяю»).

Полиции	65,4	70,6	57,9	64,7
Церкви, религиозным организациям	61,0	62,7	49,3	55,1
Высшему образованию	73,7	74,4	72,5	76,8
СМИ	44,4	50,6	33,8	42,7
Корпорациям, крупным компаниям,	55,8	61,1	47,7	53,1
Банкам	55,8	69,0	60,2	63,3

Практически по всем позициям мы видим позитивную динамику доверительного отношения молодежи к социальным институтам. Исключение составляет, пожалуй, институт армии, хотя доля учащейся молодежи, доверяющей ему, также достаточно большая. Мало изменилось за 2022–2023 гг. доверие студентов к церкви, высшему образованию (со стороны студентов колледжей) и банкам (со стороны студентов вузов). Примечательно, что «подросло» за год даже доверие к средствам массовой информации, которые занимают самую нижнюю строчку «доверительного» рейтинга. Подобные сдвиги СБ молодежи, особенно в современных условиях социально-политической нестабильности, заслуживают отдельного рассмотрения в плане причин и факторов, что может стать предметом отдельного исследования.

Чувства гордости и страха студентов ХМАО-Югры как «зеркало» их социального (не)благополучия

Категория СБ позволяет описать и проанализировать состояние и трансформацию социальной группы не только в позитивном ключе (через наличие каких-либо благ или позитивных характеристик, обладание ими, их проявленность), но и в негативном (через фиксацию отсутствия благ или позитивных характеристик/присутствия рисков, деструктивных состояний). Выбирая такой ракурс анализа данных исследования югорской молодежи, мы исходили из того обстоятельства, что социальные эмоции возникают быстро и сильно отражаются на общем СБ молодежи [1; 2]. При этом мы выбрали два полюса социальных эмоций, которые могут быть проявлены в жизни студенческой молодежи: позитивный, отраженный в социальных чувствах от достижения признаваемых в обществе успехов, и негативный, выраженный в страхах и тревогах [7; 8].

По данным опроса 2022 г. 62,1% студентов вузов и 64,1% студентов колледжей региона имели различные награды (грамоты, благодарности, звания). В 2023 г. число студентов, обладающих наградами, незначительно снизилось (до 58,1% в группе студентов вузов и до 63,1% в группе студентов СПО). Конечно, важным являлось не только то обстоятельство, что более половины студенчества ХМАО-Югры обладает в том или ином виде символическим капиталом, но и испытываемое им чувство гордости за его обладание (табл. 6).

Таблица 6. **Чувство гордости, испытываемое студентами СПО и вузов в связи с получением символических наград, 2022 и 2023 гг., в % от числа опрошенных**

Являются ли для Вас награды предметом гордости?	Студенты организаций СПО		Студенты вузов	
	2022	2023	2022	2023
Вполне являются	36,2	35,9	27,9	33,8
Скорее являются	25,0	28,0	29,3	31,1
Скорее не являются	17,3	15,5	21,7	16,5
Совершенно не являются	10,9	9,9	12,6	8,8
Затрудняюсь ответить	10,6	10,7	8,5	9,8
ИТОГО:	100,0	100,0	100,0	100,0

Из таблицы 6 видно, что более половины студентов обеих групп учащейся молодежи гордятся своими достижениями. Причем в 2023 г. вузовские студенты «догнали» студентов колледжей по значимости для них символического капитала. По сути, анализируемая ситуация есть отражение результатов реализации достижительной мотивации учащейся молодежи, которая всегда служила маркером субъективного СБ. А подкрепляющим данную ситуацию фактором выступает признание достижений студентов их ближайшим окружением. Результаты опросов 2022–2023 гг. показывают, что примерно две трети студентов (69,1% в 2022 г. и 72,5% в 2023 г.) знали о таком признании.

Не менее важным источником позитивных социальных эмоций для студентов выступает понимание их вклада в развитие социального окружения. Наиболее существенным достижением и в 2022 г., и в 2023 г. студенты считали их вклад в улучшение своего вуза или колледжа, а также дома (подъезда), в котором они живут (табл. 7). Уровень самооценки студентов их значения в развитии названных объектов, как видим, изменился за год в лучшую сторону.

Таблица 7. Самооценка студентами СПО и вузов их вклада в развитие социальной среды, 2022 и 2023 гг., в % от числа опрошенных

Ваш вклад значительный (скорее значительный) в развитие...	2022	2023
Вашей образовательной организации	36,8	38,5
Вашего города	30,1	33,3
Вашего района	29,5	32,5
Вашего дома (подъезда)	37,7	38,3

С одной стороны, рассматриваемый параметр самооценки молодежи выступает маркером их удовлетворенности собой, уровнем социального признания, их «проявленности» (видимости) в жизни социума. С другой стороны, он отражает значение для СБ молодежи такого фактора, как включенность (вовлеченность) в социальную жизнь значимых для молодежи объектов, прежде всего образовательного и местного сообществ. Укорененность и вовлеченность как составляющие социального капитала молодежи, таким образом, еще раз доказывают свое благотворное влияние на СБ изучаемой социальной общности.

Рассмотрим другой полюс социальных эмоций, испытываемых югорскими студентами — тревоги и страхи (табл. 8). Война, рост бедности и риск безработицы выступают одними из самых сильных факторов тревожности у студентов вузов и СПО, сохраняющих силу своего негативного влияния на их СБ и в 2022 г., и в 2023 г.

Таблица 8. Социальные обстоятельства, вызывающие чувство тревоги у студентов СПО и вузов в 2022 и 2023 гг., в % от числа опрошенных

Вас тревожит риск	Студенты организаций СПО		Студенты вузов	
	2022	2023	2022	2023
Войны в стране	84,6	80,6	90,7	87,1
Роста бедности	85,5	78,6	90,7	85,9
Безработицы	86,7	80,7	88,3	84,3
Стать жертвой теракта	83,7	77,0	85,5	81,6
Стать жертвой социальной несправедливости	80,1	74,5	84,6	79,9
Стать жертвой физического насилия	82,2	76,0	85,3	81,8

У студентов СПО уровень тревожности по всем показателям был ниже в 2022 и 2023 гг., чем у студентов вузов. Однако и для этой группы студентов главными источниками страхов выступают обозначенные выше три обстоятельства — война, рост бедности и риск остаться без работы. Между тем мониторинг показал, что за год доля студентов, испытывающих различные страхи, снизилась, по некоторым позициям незначительно, по некоторым — весьма заметно.

Поскольку доля «тревожных» студентов в 2023 г. остается по-прежнему большой, мы можем выдвинуть два предположения. Первое — у студентов происходит постепенное привыкание к рискованным обстоятельствам современного общества (вряд ли снижение уровня страхов можно объяснить объективным процессом обстоятельств, их вызывающих). Второе — происходит интерференция (наложение) страхов, когда острота восприятия одних рисков притупляется на фоне других. Возможно оба процесса происходят одновременно, что приводит к видимому за столь короткий период снижению уровня тревожности молодого поколения, по определению более бесстрашного и готового к рискам, чем старшие поколения.

Сопоставляя результаты анализа социальных эмоций, испытываемых студентами ХМАО-Югры, отметим в целом очень непростую, противоречивую картину их СБ, проявляющуюся в таком социальном и социально-психологическом измерении. При этом мы не можем сделать заключение о том, что один полюс компенсирует или «гасит» влияние другого, поскольку инструментально мы не могли «взвесить» силу факторов положительного и отрицательного полюсов. Но однозначно мы можем говорить о мозаичности характеристик СБ югорской молодежи, отражающей сложный социальный контекст и турбулентность современного российского общества.

ВЫВОДЫ. Мониторинговое исследование СБ студенческой молодежи ХМАО-Югры отразило сложную систему показателей и индикаторов исследуемого социального явления, а также комплекса факторов, его обуславливающих. В силу сложности структуры СБ мы можем говорить о противоречивости тенденций динамики СБ учащейся молодежи в различных его измерениях и срезам. С одной стороны, фиксируются достаточно положительные тенденции по параметрам генерализованной удовлетворенности жизнью и ощущения счастья. Учитывая тот факт, что экзистенция молодости проявилась в нашем исследовании столь очевидно, мы можем сделать вывод в целом о сохранении позитивного контура СБ молодежи северного региона. С другой стороны, не менее важными для студенческой молодежи выступают такие общечеловеческие экзистенции, как страхи войны, физического насилия, или тревоги, связанные с более привычными социальными деструкциями, например, с социальной несправедливостью. Они придают «хрупкость» и мозаичность СБ молодежи.

Один из важных выводов проведенного социологического исследования основан на очевидном положительном влиянии на СБ социального капитала молодежи. Включенность в социальные связи, сети, отношения, укоренность в них и вовлеченность в разнообразные социальные практики образовательной организации, города, дома, привязанность к родителям, друзьям, соседям обладают стабилизирующей силой для СБ молодежи, сглаживающей негативные эффекты от возмущающего воздействия глобальной социальной среды.

Обозначенные в статье особенности и противоречия СБ студенческой молодежи ХМАО-Югры могут выступать предметом «заботы» и «мягкого» управления на всех его уровнях — региональном, городском, организационном. Учет этих проблем и специфики СБ молодого поколения округа выступает обязательным критерием оценки «молодежных» социальных программ и проектов, лучшие из которых могут быть тиражированы на другие территории нашей страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амбарова П.А. Социум и власть сквозь призму общественных страхов // Социум и власть. 2012. № 6. С. 24-27.
2. Гудков Л.Д. Страх как рамка понимания происходящего // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. № 6. С. 46-53.
3. Засыпкин В.П. Благополучие и безопасность в оценках студенческой молодежи (региональный срез) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 1. С. 60-68.
4. Засыпкин В.П., Зборовский Г.Е. Благополучна ли жизнь студентов северного региона, или О чём говорят данные социологического исследования? // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 8-9. С. 9-26.
5. Зборовский Г.Е. К исследованию социального благополучия молодежи: ключевые положения концепции // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2022. Т. 15. № 2. С. 23-39.
6. Зборовский Г.Е. Социальное благополучие студентов колледжей северного региона: взгляд социолога // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 1. С. 9-21.
7. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Страхи и опасения российского студенчества: возможности эмпирической фиксации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 69-74.
8. Певная М.В., Шуклина Е.А., Киенко Т.С., Тарасова А.Н., Андрианова Е.В., Худякова М.В., Шаповалова И.С. Страхи российского студенчества в ситуации социальной неопределенности (весна 2022 года) // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 3. С. 116-136.
9. Петрова Д.С., Засыпкин В.П. Роль профессионального самоопределения молодежи при рассмотрении вопросов социального благополучия // Образование и наука как основа устойчивого развития региона: матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Сургут: СурГПУ, 2022. С. 129-131.
10. Петухов В.В. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 119-138. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1621>.
11. Социологические подходы к изучению социального благополучия / отв. ред. М.Ф. Черныш, Ю.Б. Епихина. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 431 с.
12. Шуклина Е.А. Качество социального капитала студентов ХМАО-Югры как условие их субъективного благополучия (на материалах эмпирического исследования) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 5. С. 20-31.
13. Шуклина Е.А. Социальное благополучие студенческой молодежи: концептуальные подходы и исследования // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 5. С. 102-116.

REFERENCES

1. Ambarova P.A. *Socium i vlast' skvoz' prizmu obshchestvennyh strahov* [Society and power through the prism of public fears] // *Socium i vlast'*. 2012. № 6. S. 24-27. (In Russian).
2. Gudkov L.D. *Strah kak ramka ponimaniya proiskhodyashchego* [Fear as a framework for understanding what is happening] // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye pereмены*. 1999. № 6. S. 46-53. (In Russian).
3. Zasyppkin V.P. *Blagopoluchie i bezopasnost' v ocenках studencheskoj molodezhi (regional'nyj srez)* [Well-being and safety in the assessments of student youth (regional section)] // *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2023. № 1. S. 60-68. (In Russian).
4. Zasyppkin V.P., Zborovsky G.E. *Blagopoluchna li zhizn' studentov severnogo regiona, ili O chyom govoryat dannye sociologicheskogo issledovaniya?* [Is the life of students of the northern region safe, or

- what do the data of the sociological study say?] // *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 2022. T. 31. № 8-9. S. 9-26. (In Russian).
5. Zborovsky G.E. *K issledovaniyu social'nogo blagopoluchiya molodezhi: klyuchevye polozeniya koncepcii* [To the study of social well-being of youth: key provisions of the concept] // *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Sociologiya. Ekonomika. Politika*. 2022. T. 15. № 2. S. 23-39. (In Russian).
  6. Zborovsky G.E. *Social'noe blagopoluchie studentov kolledzhej severnogo regiona: vzglyad sociologa* [Social well-being of college students in the northern region: a sociologist's view] // *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2023. № 1. S. 9-21. (In Russian).
  7. Narbut N.P., Trocuk I.V. *Strahi i opaseniya rossijskogo studenchestva: vozmozhnosti empiricheskoy fikscii* [Fears and fears of Russian students: possibilities of empirical fixation] // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2014. № 2. S. 69-74. (In Russian).
  8. Pevnaya M.V., Shuklina E.A., Kienko T.S., Tarasova A.N., Andrianova E.V., Hudyakova M.V., Shapovalova I.S. *Strahi rossijskogo studenchestva v situacii social'noj neopredelennosti (vesna 2022 goda)* [Fears of Russian students in a situation of social uncertainty (spring 2022)] // *Nauchnyj rezul'tat. Sociologiya i upravlenie*. 2022. T. 8. № 3. S. 116-136. (In Russian).
  9. Petrova D.S., Zasyplin V.P. *Rol' professional'nogo samoopredeleniya molodezhi pri rassmotrenii voprosov social'nogo blagopoluchiya* [The role of professional self-determination of youth when considering issues of social well-being] // *Obrazovanie i nauka kak osnova ustojchivogo razvitiya regiona: mater. Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem. Surgut: SurGPU, 2022. S. 129-131. (In Russian).*
  10. Petuhov V.V. *Rossijskaya molodezh' i ee rol' v transformacii obshchestva* [Russian youth and its role in the transformation of society] // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2020. № 3. S. 119-138. (In Russian).
  11. *Sociologicheskie podhody k izucheniyu social'nogo blagopoluchiya* [Sociological approaches to the study of social well-being] / *otv. red. M.F. Chernysh, Yu.B. Epihina. M.: FNISC RAN, 2021. 431 s. (In Russian).*
  12. Spuklina E.A. *Kachestvo social'nogo kapitala studentov HMAO-Yugry kak uslovie ih sub'ektivnogo blagopoluchiya (na materialah empiricheskogo issledovaniya)* [The quality of the social capital of students of KhMAO-Yugra as a condition of their subjective well-being (based on empirical research)] // *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2022. № 5. S. 20-31. (In Russian).
  13. Shuklina E.A. *Social'noe blagopoluchie studencheskoj molodezhi: konceptual'nye podhody i issledovaniya* [Social well-being of students: conceptual approaches and research] // *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2021. № 5. S. 102-116. (In Russian).

DOI 10.26105/SSPU.2023.86.5.006

УДК 316.346.32-053.6

ББК 60.543.172(2Рос-6Хан)-6в6

В.П. ЗАСЫПКИН

**СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЮГРЫ
В ОБЩЕРОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ
(СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ СРЕЗ ДИНАМИКИ
И ТЕНДЕНЦИЙ)**

V.P. ZASYPKIN

**SOCIAL WELL-BEING OF UGRA STUDENTS
IN ALL-RUSSIAN ENVIRONMENT
(SOCIOLOGICAL CROSS-SECTION
OF DYNAMICS AND TENDENCIES)**

*Работа выполнена в рамках государственного задания по науке
БУ «Сургутский государственный педагогический университет» на 2021–2023 гг.
по теме «Динамика социального благополучия молодёжи в условиях Севера:
югорский срез в контексте общероссийских тенденций»*

Статья посвящена сравнительному анализу данных оценки студенческой молодежи Югры собственного социального благополучия. Исследование проводилось в 2022 и в 2023 годах среди студентов вузов ХМАО-Югры на основе комплекса индикаторов, включающих оценку уровня материального благополучия, условий проживания, уровня получаемого образования, оценку перспектив трудоустройства и закрепления в регионе. Акцент сделан на субъективном аспекте социального благополучия как эмоциональном отражении определенных объективированных индикаторов сквозь призму мнений студенческой молодежи. В опросе приняли участие в 2022 году 2358 человек, в 2023 году 1648 студентов югорских вузов.

The paper is devoted to the comparative analysis of assessment data of Ugra students of their own social well-being. The investigation was held in 2022 and 2023 among the students of Khanty-Mansiysky Autonomous Okrug-Ugra. The investigation was based upon the complex of indicators, including level assessment of material well-being, living conditions, education; perspectives of employment and anchoring in the region. Subjective aspect of social well-being as emotional reflection of some certain objective indicators through the prism of students' points of view is emphasized in the article. In 2022 2358 students of the region took part in the research, in 2023-1648.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальное благополучие, социальная общность, молодежь.

KEY WORDS: social well-being, social community, youth.

ВВЕДЕНИЕ. В социологической науке нет единого и распространенного определения социального благополучия. Каждое исследование вкладывает в это понятие свои особые смыслы и основывается на специфических критериях к его определению. Общим, пожалуй, является то, что социальное благополучие понимается как сложный интегральный феномен, который вобрал в себя большей частью субъективные характеристики [7].

Представляемая статья продолжает серию публикаций по результатам исследования социального благополучия студенческой молодежи Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, проводимого в Сургутском государственном педагогическом университете [1; 2; 3; 4; 5].

ЦЕЛЬ — осуществить сравнительный анализ оценок социального благополучия студенческой молодежи Югры на основе проведенных исследований в 2022 и 2023 годах.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Студенческая молодежь Югры — относительно молодая общность для такого региона как Север Западной Сибири. Образовательные организации высшего образования в этом регионе появились только в конце 90-х гг. XX века — начале 2000-х. В 2022, 2023 годах генеральная совокупность обучающихся, получающих высшее образование в Югре всех уровней, составила почти 13 500 человек. Представленные результаты исследования основывались на выборочной совокупности, которая формировалась с учетом следующих критериев: «принадлежность к вузу», «пол», «направление подготовки». В выборку попали квотно только студенты очных отделений вузов. Исследование проводилось посредством анкетного он-лайн опроса с использованием сервиса «anketolog.ru». Данные были обработаны в программе Vortex. Всего было порошено в 2022 году 2358 человек и в 2023 году 1648 человек.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В настоящей статье субъективный аспект социального благополучия рассматривается как эмоциональное отражение и эмоциональная оценка определенных объективированных индикаторов сквозь призму мнений студенческой молодежи. В частности, обращено внимание на атрибутивные признаки таких показателей и индикаторов как общая удовлетворенность жизнью, удовлетворённость материальным положением, наличие и оценка успехов в получаемом образовании, оценка собственного будущего. Социальное благополучие студенческой молодежи детерминировано повседневными условиями жизни, поэтому важным становится его понимание как определенного баланса между их социальными статусами и субъективными ожиданиями (потребностями, интересами, ценностями и оценкой возможностей их удовлетворения).

В пределах этой статьи молодежь как социальная общность рассмотрена с учетом имеющихся в российской социологической мысли традиций региональных исследований молодежи как общности, а именно: московской (Г.В. Осипов, В.И. Чупров), ленинградской (А.Г. Здравомыслов, С.Н. Иконникова, И.С. Кон, В.Т. Лисовский, В.А. Ядов), уральской (Г.Е. Зборовский, Л.Н. Коган, Л.Я. Рубина), новосибирской (В.Н. Шубкин) научных школ.

Как отмечают авторы академической монографии, состояние благополучия, и объективное, и субъективное, определяется развитием общества и, в значительной степени, соответствующими этому развитию представлениями о благополучии, бытующими в массовом сознании [6, с.406]. Сравнительный анализ данных обследования в 2022 и 2023 годах показывает более оптимистическую оценку студентами своего жизненного положения в 2023 году по сравнению с 2022 годом. Почти 84% студентов в 2022 году и 86,7% студентов в 2023 году говорят об удовлетворенности жизнью в Югре. Столь же оптимистично оценивают молодые люди и свое будущее. 73,8% в 2022 году и 74,9% в 2023 году видят свое личное будущее через 10 лет лучше, чем настоящее (табл. 1, 2).

Таблица 1. **Удовлетворенность жизнью в оценках студентов вузов Югры.**

Насколько Вы удовлетворены своей жизнью?	2022		2023	
	F	%	F	%
Вполне удовлетворен	1068	45,3	887	52,7
Скорее удовлетворен	911	38,6	573	34,0
Скорее не удовлетворен	267	11,3	152	9,0
Совершенно не удовлетворен	56	2,4	31	1,8
Затрудняюсь ответить	56	2,4	41	2,4
ИТОГО:	2358	100,0	1684	100,0

Таблица 2. Будущее глазами студентов вузов Югры.

Каким Вы видите свое личное будущее через 10 лет?	2022		2023	
	F	%	F	%
Хуже, чем сейчас	98	4,2	51	3,0
Таким же, как сейчас	159	6,7	105	6,2
Лучше, чем сейчас	1740	73,8	1262	74,9
Затрудняюсь ответить	361	15,3	266	15,8
ИТОГО:	2358	100,0	1684	100,0

Обозначенная нами позитивная повестка просматривается не только в общей оценке студентами собственного благополучия в региональном пространстве, но и детальной оценке различных сторон жизни. Так, доля студентов, высоко оценивающих материальное положение своей семьи, выросло с 64,8% до 69,1%. Та же тенденция просматривается в отношении условий проживания. В 2023 году ими удовлетворены 80,9% студенто, по сравнению с 2022 годом, когда этот показатель равнялся 77,9% (табл. 3,4).

Таблица 3. Оценка студентами удовлетворенности экономическим положением своей семьи

Оцените в баллах насколько Вы удовлетворены экономическим положением своей семьи	2022		2023	
	F	%	F	%
1 Не удовлетворен	83	3,5	41	2,4
2	182	7,7	101	6,0
3	563	23,9	378	22,4
4	852	36,2	620	36,8
5 Полностью удовлетворен	678	28,6	544	32,3
ИТОГО:	2358	100,0	1684	100,0

Таблица 4. Оценка студентами удовлетворенности условиями проживания

Оцените в баллах насколько Вы удовлетворены условиями проживания	2022		2023	
	F	%	F	%
1 Не удовлетворен	45	1,9	27	1,6
2	104	4,4	50	3,0
3	373	15,8	245	14,5
4	771	32,7	564	33,5
5 Полностью удовлетворен	1065	45,2	798	47,4
ИТОГО:	2358	100,0	1684	100,0

В обыденном сознании югорского студенчества социальное благополучие ассоциируется преимущественно с материальным благополучием, своим здоровьем и здоровьем близких (81% и 76% соответственно). Мир и душевное спокойствие — две другие категории, которые следуют за материальными стимулами (45% и 35%). Важно заметить, что тема семьи, уверенности в завтрашнем дне и стабильности в работе (31,5%, 29%, 28% соответственно) — три другие категории в структуре понимания студентами «социального благополучия». Примечательно то, что фактически этот же набор категорий, а именно

«здоровье» (83,2% в 2022 и 79,5% в 2023), «деньги, материальные блага» (60,2% в 2022 и 57,8% в 2023), студенты выбирают, демонстрируя собственные первоочередные ценности. Дополнительно следует уточнить, что в структуре основных ценностей студентов вузов Югры на этом же уровне как в 2022, так и в 2023 году фигурирует «семья, дети» — 65,7% и 63,1% соответственно.

Более значительный рост оптимистических оценок просматривается по уровню удовлетворенности получаемым образованием. Если в 2022 году 70,1% опрошенных студентов его оценили на «четыре» и «пять» по пятибалльной шкале, то в 2023 году их доля достигла 79% (табл. 5).

Таблица 5. Оценка студентами удовлетворенности получаемым образованием

Оцените в баллах насколько Вы удовлетворены получаемым образованием	2022		2023	
	F	%	F	%
1 Не удовлетворен	71	3,0	32	1,9
2	118	5,0	47	2,8
3	519	22,0	274	16,3
4	858	36,4	618	36,7
5 Полностью удовлетворен	792	33,6	713	42,3
ИТОГО:	2358	100,0	1684	100,0

Наше исследование показало сильную связь в ответах студентов между осознанием себя счастливым человеком и позитивной оценкой своего социального благополучия. При этом однозначный ответ о своем счастье дают почти 38% студентов, а 45% выбирают ответ на этот вопрос «скорее да, чем нет». Важно заметить, «несчастливых» студентов в Югре, согласно их ответам, в 2022 году было 13,2%, а в 2023 году — 12,2%. При этом затруднившихся ответить на этот вопрос стало на 1% больше в 2023 году по сравнению с 2022, т.е. 5,1% и 4,3% соответственно (табл. 6).

Таблица 6. Оценка студентами себя счастливыми людьми

Считаете ли Вы себя счастливым человеком?	2022		2023	
	F	%	F	%
Да	851	36,1	637	37,8
Скорее да, чем нет	1094	46,4	756	44,9
Скорее нет, чем да	223	9,4	150	8,9
Нет	91	3,8	55	3,3
Затрудняюсь ответить	99	4,3	86	5,1
ИТОГО:	2358	100,0	1684	100,0

Расчет коэффициента Гамма (значение коэффициента: 0,767) [-1..+1] при двойном распределении данных 2022 года для тестирования модели направленной порядковой взаимосвязи показал, что существует сильная связь в ответах тех, кто демонстрирует удовлетворенность своей жизнью и говорит о себе, как о счастливом человеке. Проверка данных 2023 года дает аналогичный результат.

Другой важный вопрос, который говорит о социальном благополучии студентов региона — это желание закрепиться, работать и жить в Югре. Полученные данные показывают,

что почти 39% (точнее 38,8) студентов вузов региона как в 2022, так и в 2023 году намерены остаться в Югре либо для дальнейшего обучения, либо работы. При этом демонстрирующее желание уехать снизилось с 31,7% в 2022 году до 26% в 2023 году. Вместе с тем доля студентов, находящихся в состоянии неопределенности, увеличилась с 29,5% в 2022 году до 35,2% в 2023 году. Учитывая, что доля намеревающихся остаться в Югре не изменилась, фактически 5% опрошенных выразили сомнение в отношении желания покинуть Югру по окончании обучения, можно предположить, что у студенческой молодежи имеются другие причины сомневаться в своей дальнейшей занятости (см. табл. 7).

Таблица 7. Оценка студентами собственных планов на будущее

Собираетесь ли Вы после окончания учебного заведения остаться в ХМАО-Югре на учебу (работу) или уехать?	2022		2023	
	F	%	F	%
Собираюсь остаться	915	38,8	653	38,8
Собираюсь уехать	747	31,7	438	26,0
Затрудняюсь ответить	696	29,5	593	35,2
ИТОГО:	2358	100,0	1684	100,0

Действительно, причины нежелания студентов закрепляться в Югре по окончании обучения могут быть различными. Достаточно высокая удовлетворенность экономическим положением и проживанием, о которых было написано выше, объективно не совсем коррелирует с только 38,8% тех, кто уверенно принял решение закрепиться в регионе. С чем могут быть связаны такие несовпадения?

Обращает на себя внимание один нюанс в ответах студентов, связанный с их оценкой возможностей трудоустройства (см. табл. 8).

Таблица 8. Оценка студентами удовлетворенности перспективами трудоустройства

Оцените в баллах насколько Вы удовлетворены перспективами трудоустройства	2022		2023	
	F	%	F	%
1 Не удовлетворен	137	5,8	64	3,8
2	233	9,9	118	7,0
3	644	27,3	416	24,7
4	755	32,0	597	35,5
5 Полностью удовлетворен	589	25,0	489	29,0
ИТОГО:	2358	100,0	1684	100,0

На фоне общих высокопозитивных оценок собственного социального благополучия по другим вопросам в этом просматривается явная неуверенность. Только 25% студентов видят, вероятно, очевидные, перспективы трудоустройства. Еще 32% также своими ответами на этот вопрос демонстрируют определенную уверенность в трудоустройстве в будущем. Таким образом, фактически только 57% обучающихся в вузах округа показывают своими реакциями, что они уверены в трудоустройстве в будущем. Оставшиеся 43%, согласно их оценкам и мнениям, находятся либо в состоянии неопределенности, либо фактически отчаяния (15,7%).

ВЫВОДЫ. Как показывают результаты исследования, социальное благополучие — не только отражение социального самочувствия, уровня благосостояния и качества жизни

студенческой молодежи. Это ещё и показатель эффективности функционирования социальной системы, региона. Молодежь является основным ресурсом реализации государственной и региональной политики. В значительной степени именно вклад и достижения молодежи сделали Югру территорией благополучия, которой она является сегодня. В этой связи в контексте предпринимаемых региональных мер важным является именно закрепление молодежи в округе после получения образования. Думается, что такие факторы как получение образования, возможность будущего трудоустройства, начало и продолжение своей профессиональной карьеры, создание семьи способствуют закреплению молодежи в регионе и указывают на уровень её социального благополучия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Засыпкин В.П., Зборовский Г.Е. Благополучна ли жизнь студентов северного региона, или О чём говорят данные социологического исследования? // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 8-9. С. 9-26.
2. Зборовский Г.Е. К исследованию социального благополучия молодежи: ключевые положения концепции // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2022. Т. 15. № 2. С. 23-39.
3. Зборовский Г.Е. Социальное благополучие студентов колледжей северного региона: взгляд социолога // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 1. С. 9-21.
4. Шуклина Е.А. Качество социального капитала студентов ХМАО-Югры как условие их субъективного благополучия (на материалах эмпирического исследования) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 5. С. 20-31.
5. Шуклина Е.А. Социальное благополучие студенческой молодежи: концептуальные подходы и исследования // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 5. С. 102-116.
6. Социологические подходы к изучению социального благополучия: [монография] / Е.А. Авдеев, Э. Аллардт, Л.А. Беляева [и др.]; отв. ред. М.Ф. Черныш, Ю.Б. Епихина; ФНИСЦ РАН, 2021. 431 с.
7. Счастье и субъективное благополучие в России // X Грушинская социологическая конференция. Секция «Счастье и субъективное благополучие в России». 15 октября 2020. Стенограмма. URL: <https://profi.wciom.ru/index.php?id=2287&uid=19> (дата обращения: 11.11. 2023).

REFERENCES

1. Zasyupkin V.P., Zborovsky G.E. *Blagopoluchna li zhizn' studentov severnogo regiona, ili O chyom govoryat dannye sociologicheskogo issledovaniya?* [Is the life of the students of the northern region safe, or what do the data of the sociological study say?] // *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2022. T. 31. № 8-9. S. 9-26. (In Russian).
2. Zborovsky G.E. *K issledovaniyu social'nogo blagopoluchiya molodezhi: klyuchevye polozheniya koncepcii* [To the study of the social well-being of youth: key provisions of the concept] // *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Sociologiya. Ekonomika. Politika*. 2022. T. 15. № 2. S. 23-39. (In Russian).
3. Zborovsky G.E. *Social'noe blagopoluchie studentov kolledzhej severnogo regiona: vzglyad sociologa* [Social well-being of college students in the Northern region: a sociologist's view] // *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2023. № 1. S. 9-21. (In Russian).
4. Spuklina E.A. *Kachestvo social'nog okapitala studentov HMAO-Yugry kak uslovie ih sub"ektivnogo blagopoluchiya (na materialah empiricheskogo issledovaniya)* [The quality of the social capital of students of KhMAO-Yugra as a condition of their subjective well-being (based on empirical research)] // *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2022. № 5. S. 20-31. (In Russian).

5. Shuklina E.A. *Social'noe blagopoluchie studentcheskoj molodezhi: konceptual'nye podhody i issledovaniya* [Social well-being of students: conceptual approaches and research] // *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2021. № 5. S. 102–116. (In Russian).
6. *Sociologicheskie podhody k izucheniyu social'nogo blagopoluchiya* [Sociological approaches to the study of social well-being]: monografiya / E.A. Avdeev, E. Allardt, L.A. Belyaeva [i dr.]; otv. red. M.F. CHemysh, YU.B. Epihina; FNISC RAN. — M.: FNISC RAN, 2021. 431 s. (In Russian).
7. *Schast'e i sub"ektivnoe blagopoluchie v Rossii* [Happiness and social well-being in Russia] // X Grushinskaya sociologicheskaya konferenciya. Sekciya «Schast'ei sub"ektivnoe blagopoluchie v Rossii». 15 oktyabrya 2020. Stenogramma. URL: <https://profi.wciom.ru/index.php?id=2287&uid=19>. (data obrashcheniya: 11.11. 2023). (In Russian).

DOI 10.26105/SSPU.2023.86.5.007

УДК 316.346.32-053.6: 378.178

ББК 60.543.172в686

Т.Д. КОСИНЦЕВА

**ВЛИЯНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОГО СТРЕССА
НА СТУДЕНТОВ**

T.D. KOSINTSEVA

**THE IMPACT OF ACADEMIC STRESS ON
STUDENTS**

Студенты являются активной общественной группой молодежи, адаптирующейся к факторам социального окружения. Поступив в высшее учебное заведение, студенты сталкиваются с определенными трудностями: интеграция в студенческую среду; разработка стиля поведения; молодые люди проходят социальную, психологическую, академическую адаптацию. В период обучения в вузе (особенно в первые годы обучения) существенным образом изменяются личностные качества индивида. Учебный процесс является одним из факторов нарушения психолого-эмоционального состояния здоровья многих студентов-первокурсников: они испытывают трудности в обучении, у них отсутствует система работы в течение семестра, они не могут эффективно распределять свое время. Актуальность темы обусловлена тем, что исследование психического здоровья студентов определяется наличием факторов, создающих стрессовые ситуации в студенческой среде. Важным является изучение научных источников по теме, определение основных причин возникновения учебного стресса у группы студентов, его проявления, способы преодоления стрессовых ситуаций до и после сессии. Методом исследования является анализ научной литературы по данной тематике, тестирование, анализ данных тестирования. Проведенное исследование позволило определить причины, проявления учебного стресса, способы снятия стресса.

Students are an active social group of young people adapting to the factors of the social environment. Having entered a higher educational institution, students face certain difficulties: integration into the student environment; development of a style of behavior; young people undergo social, psychological, academic adaptation. During the period of study at the university (especially in the first years of study), the personal qualities of an individual change significantly. The educational process is one of the factors of the violation of the psychological and emotional state of health of many first-year students: they have learning difficulties, they do not have a system of work during the semester, they cannot effectively allocate their time. The relevance of the topic is due to the fact that the study of students' mental health is determined by the presence of factors that create stressful situations in the student environment. It is important to study scientific sources on the topic, identify the main causes of educational stress in a group of students, its manifestations, ways to overcome stressful situations before and after the session. The research method is the analysis of scientific literature on this topic, testing, analysis of testing data. The conducted research made it possible to determine the causes, manifestations of educational stress, and ways to relieve stress.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: стресс, студенты, учебный стресс, проявления, причины стресса

KEY WORDS: students, educational stress, stress, manifestations, causes of stress

ВВЕДЕНИЕ. В современных условиях возрастают требования к обучающимся в высшем учебном заведении. Объем и напряженность учебной нагрузки современных студентов достигает уровень, который может привести к настоящим нарушениям физического

и психологического здоровья. Безусловно, человек, обладающий хорошим самочувствием, стрессоустойчивостью, высокой умственной и физической работоспособностью способен активно жить, успешно преодолевать сложности и достигать цели. Как показывают исследования, студенты подвержены депрессивному, стрессогенному влиянию. Для многих студентов обучение в вузе может быть стрессовым. Студенты должны преодолевать трудности, осваивать новые роли, модифицировать старые, адаптироваться к новым условиям жизнедеятельности. Они должны научиться эффективно управлять своим временем, порой балансируя занятиями, общественной деятельностью, личной жизнью. Кроме того, существуют другие проблемы, с которыми студенты могут столкнуться — это финансовые трудности, проблемы здоровья, а также социальные проблемы. У студентов может возникнуть ощущение одиночества, ощущение оторванности от своих близких, друзей. Студенты сталкиваются с трудностями, которые вызывают стресс.

Существует множество исследований, подтверждающих, что хронический стресс является неотъемлемой частью студенческой жизни. Ученые указывают на факты, вызывающие стресс у студентов: финансы, жилье, безопасность и другие. Стресс, испытываемый студентами, может оказывать негативное воздействие на процесс обучения, затруднять усвоение, применение знаний, что отрицательно сказывается на академической успеваемости. Трудности с успеваемостью также является источником дискомфорта, что приводит к увеличению общего уровня стресса.

Вопросами изучения учебного стресса в студенческой среде посвящены исследования К. Вильямса, Дж. Гринберга, У. Кэннона, Р.С. Немова, А.Г. Маклакова, Ю.В. Щербатых, Е.Д. Красик, Б.С. Положий и другие.

«Стресс» в переводе с английского языка означает «давление, нагрузки, напряженность, напряженное состояние, усилие». Г. Селье определил стресс как «универсальную реакцию организма на различные по своему характеру раздражители» [6, с. 258], так как независимо от причины стресса, организм всегда реагирует на стрессовую ситуацию. Стресс делится на два типа: эустресс (eustress — англ.) и дистресс. Эустресс — это положительная сторона стресса, которая делает нас более продуктивными, творческими и активными [10, с.629;11с.530]. Дистресс — это отрицательная сторона стресса, она может вызвать депрессию, выгорание и соматические жалобы. Многими исследованиями подтверждено, что студентов в течение учебы сопровождает хронический стресс. Если студент испытывает трудности, вызванные учебой, общением с сокурсниками, экзаменационной сессией в течение долгого периода времени, то это может привести к появлению эмоционального стресса, что приведет к ухудшению его здоровья.

Согласно исследованиям ученых, экзаменационный стресс является основной причиной, вызывающий психическое напряжение у студентов, он оказывает негативное влияние на нервную и иммунную систему организма [1, с. 9;9, с. 139]. Современные исследования подтверждают, что стресс является неизбежным атрибутом учебного процесса для студентов. Дистресс может привести к депрессивным состояниям, выгоранию, а также соматическим жалобам. Особое внимание ученых привлекает экзаменационный стресс, который играет важную роль в формировании негативной психической напряженности у студентов [1, с. 7;9, с. 140].

Интеллектуальные и эмоциональные нагрузки в течение экзаменационного процесса влияют на уровень стрессоустойчивости студентов. От студента зависит продолжительность нахождения в стрессовой ситуации. Поэтому умение справляться со стрессом является очень важным навыком, поскольку он может помочь студенту в психосоциальной адаптации во время стрессовых событий. Неспособность справиться со стрессом может привести к различным заболеваниям [2, с. 132;3], в результате стресса может развиться состояние тревожности и эмоциональной неустойчивости.

В связи с этим, важным навыком для студента является умение справляться со стрессом, что помогает в адаптации к стрессовым событиям в учебной жизни. Как уже отмечалось, стресс может вызвать различные заболевания, в результате которых могут возникнуть тревожные состояния и эмоциональная неустойчивость. Поэтому для сохранения психического здоровья и повышения эффективности учебы необходимо развивать навыки управления стрессом у студентов [2, с. 131; 3, с. 120].

ЦЕЛЬ статьи — изучение влияния академического стресса на студентов.

Материалы и методы исследования. Объект исследования: студенты 1–2 курса лечебного, фармацевтического факультетов Тюменского государственного медицинского университета. Предмет исследования: причины и проявления учебного стресса, приемы снятия стресса.

Методы исследования: теоретический анализ источников научной литературы. Использовалась методика определения учебного стресса и тест «Исследование учебного стресса», разработанного Ю.В. Щербатых.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ.

Причины возникновения учебного стресса

Как показывает анализ тестирования, наиболее распространёнными причинами учебного стресса у студентов являются: большая учебная нагрузка (92%), неумение правильно организовать свой режим дня (64%), нерегулярное питание (56%). Также студенты указали на то, что они излишне серьезно относятся к учебе (44%), у них присутствует страх перед будущим (32%). Студенты отмечали, что причиной стресса могут быть строгие преподаватели (16%), а также жизнь вдали от родителей (16%).

Таким образом, опрос студентов показал, что причинами, вызывающими стресс в период обучения, является большая учебная нагрузка, что отметили практически все опрошенные, затем — неумение правильно организовать свой рабочий день (больше половины респондентов указали эту причину), третья причина — нерегулярное питание.

Проявление стресса

Студенты отмечают, что наиболее часто встречаемыми проявлениями стресса являются: ощущение постоянной нехватки времени (92%), плохой сон у 68% опрошенных, низкая работоспособность у 56% студентов. 48% респондентов испытывают страх и тревогу. Стресс проявляется в невозможности избавиться от посторонних мыслей (47% — почти половина опрошенных), плохое настроение бывает у 44% студентов, 40% обучающихся отмечают плохую концентрацию внимания, потеря уверенности в свои силы у 36% опрошенных, снижение самооценки отмечают 28% респондентов.

Чаще всего учебный стресс у студентов проявляется в виде головной и иных болей (80%), в затруднённом дыхании признались 47%, учащенном сердцебиении — 48% студентов, сухость во рту — 44%, скованность — 40%.

Таким образом, что почти все студенты — первокурсники ощущают нехватку времени, у них плохой сон и низкая работоспособность. Стресс проявляется почти у всех студентов в виде головной боли, затруднённом дыхании, скованностью и т.д.

Приемы снятия учебного стресса

Для снятия учебного стресса 84% респондентов используют сон. 92% опрошенных предпочитают общение с друзьями. Прогулки на свежем воздухе помогают снизить последствия учебного стресса у 76% опрошенных, 40% респондентов назвали физическую нагрузку как прием снятия стресса. На поддержку родителей рассчитывают 60% студентов. 68% считают, что перерыв в учебе является хорошим помощником в снятии стресса. Наименьшей популярностью для снятия стресса пользуется просмотр ТВ-программ (16%), чтение художественной литературы помогает 28% студентов. Таким образом, сон, обще-

ние с друзьями, прогулки на свежем воздухе, поддержка родителей — основные приемы снятия учебного стресса у студентов.

Психологическое состояние студентов в периоды до и после сессии

Длительное эмоциональное напряжение, связанное с экзаменационной сессией, приводит к нарушению вегетативной нервной системы. Данные показали, что к неблагоприятным факторам подготовки к экзаменам можно отнести нарушение сна (92%), признаки усталости, сомнение в успешной сдаче экзаменов у 96% обучающихся, у 80% респондентов — пессимистические мысли, только 20% студентов оптимистично настроены на сдачу сессии. После экзаменационной сессии студентам требуется несколько дней, чтобы вернуться к «норме». После сессии у большей части студентов отмечается хорошее настроение и вера в собственные силы (68% респондентов).

ВЫВОДЫ. С одной стороны, психологическое напряжение в течение учебы может иметь стимулирующее значение, оно помогает студентам сконцентрировать свои силы, волю на успешное выполнение поставленных учебных задач. С другой стороны, коррекция уровня учебного стресса в вузе играет важную роль в рациональном планировании рабочего времени. Учебный стресс могут уменьшить предсказуемость обстоятельств, возможность заранее подготовиться к ним, контроль над событиями и волевые качества студента, которые используются для переключения внимания на поддержание качественной деятельности [4, с. 35].

Также важно расставить приоритеты в учёбе, соблюдать режим дня и выполнять физические упражнения, заниматься спортом, медитацией, дыхательной гимнастикой [3, с. 121;7, с. 172]. В университетах должны приниматься меры по улучшению психического состояния студентов. Для этого можно проводить консультирование в первые три года обучения и мероприятия по снижению стресса. Но, самое главное, университеты должны создать культуру, которая нормализует необходимость заботы о себе [1, с. 9]. Таким образом, для того чтобы облегчить жизнь студентов и успешно реализоваться в образовательном процессе, необходимо уделить внимание созданию социально-поддерживающей среды в высших учебных заведениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аветисян Р.Р. Влияние стресса на здоровье личности студента. Перспективы науки. 2015. № 8 (53). С. 7-10.
2. Беляева Ю.Н., Шеметова Г.Н., Достов С.Б., Дудыкина И.В. Психологический профиль студенческой молодежи: уровень стресса и возможности его коррекции // Современные наукоемкие технологии. 2019. № 6. С. 131-132.
3. Мельникова Е.В. Влияние стрессовых ситуаций на здоровье человека // Вестник магистратуры. 2022. № 4-4 (127). С. 120-121.
4. Новгородцева И.В., Мусихина С.Е., Пьянкова В.О. Учебный стресс у студентов-медиков: причины и проявления, Вятский медицинский вестник. 2014. № 3-4. С. 34-37.
5. Нурадилов С., Рахимов А., Рослякова Е.Н. Воздействие стресса на студентов // Международный студенческий научный вестник. 2016. № 4 (часть 1). С. 36-37
6. Селье Г. Очерки об адаптационном синдроме. М.: Медгиз, 1960, 258 с.
7. Щербакова Н.А. Профилактика стресса у студентов педагогического вуза. Материалы Всероссийского практического семинара. М., 2018. С. 171-173
8. Чудайкин А.М. Психолого-педагогические аспекты проблемы стрессоустойчивости обучающихся //Издательство Саратовского университета. Психология развития. 2019. Т. 8, вып. 2(30). С. 183-184.
9. Щербатых Ю.В. Психология стресса и методы коррекции. СПб.: Питер, 2007. С. 139-143.

10. Christopher Thomas Veal «We burn out, we break, we die: medical schools must change their culture to preserve medical student mental health», *Academic Medicine*. Vol.96. № 5. May 2021. P. 629-631.
11. Leta Melaku and Guta Bulcha «Evaluation and Comparison of Medical Students Stressors and Coping Strategies among Undergraduate Preclinical and Clinical Year Students Enrolled in Medical School of Arsi University, Southeast Ethiopia», *The Scientific World Journal*, Vol.2014. P. 530-531.

REFERENCES

1. Avetisyan R.R. *Vliyanie stressa na zdorov'e lichnosti studenta* [The impact of stress on the health of a student's personality] // *Perspektivy nauki*. 2015. № 8 (53). S.7-10. (In Russian).
2. Belyaeva YU.N., SHemetova G.N., Dostov S.B., Dudykina I.V. *Psihologicheskij profil' studencheskoj molodezhi: uroven' stressa i vozmozhnosti ego korrekcii* [Psychological profile of student youth: stress level and possibilities of its correction] // *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*. 2019. № 6. S.131-132. (In Russian).
3. Mel'nikova E. V. *Vliyanie stressovyh situacij na zdorov'e cheloveka* [Influence of stressful situations on human health] // *Vestnik magistratury*. 2022. № 3-4 (127). S. 120-121. (In Russian).
4. Novgorodceva I.V., Musihina S.E., P'yankova V.O. *Uchebnyj stress u studentov-medikov: prichiny i proyavleniya* [Educational stress in medical students: causes and manifestations] // *Vyatskij medicinskij vestnik*. 2014. № 3-4. S. 34-37. (In Russian).
5. Nuradilov S., Rahimov A., Roslyakova E.N. *Vozdejstvie stressa na studentov* [Educational stress in medical students: causes and manifestations] // *Mezhdunarodnyj studencheskij nauchnyj vestnik*. 2016. № 4 (chast' 1). S.36-37. (In Russian).
6. Sel'e G. *Ocherki ob adaptacionnom syndrome* [Essays on the adaptation syndrome]. M.: Medgiz, 1960. 258 s. (In Russian).
7. Shcherbakova N.A. *Profilaktika stressa u studentov pedagogicheskogo vuza* [Stress prevention in pedagogical university students]. *Materialy Vserossijskogo prakticheskogo seminara*, M., 2018. S. 171-173. (In Russian).
8. Chudajkin A.M. *Psihologo-pedagogicheskie aspekty problemy stressoustojchivosti obuchayushchihya* [Psychological and pedagogical aspects of the problem of stress tolerance of students] // *Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. Psihologiya razvitiya*. 2019. T.8. Vyp.2(30). S.183-184. (In Russian).
9. Shcherbatyh YU. V. *Psihologiya stressa i metody korrekcii* [Psychology of stress and methods of correction]. SPb.: Piter, 2007. S. 139-143. (In Russian).
10. Christopher Thomas Veal «We burn out, we break, we die: medical schools must change their culture to preserve medical student mental health», *Academic Medicine*. Vol.96. № 5. May 2021. P. 629-631. (In English).
11. Leta Melaku and Guta Bulcha «Evaluation and Comparison of Medical Students Stressors and Coping Strategies among Undergraduate Preclinical and Clinical Year Students Enrolled in Medical School of Arsi University, Southeast Ethiopia», *The Scientific World Journal*. Vol.2014. P. 530-534. (In English).

DOI 10.26105/SSPU.2023.86.5.008
УДК 316.74:001.89+316.346.32-053.6
ББК 60.543.172в649+60.561.8в649

Д.Ю. НАРХОВ

РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРАКТИК СТУДЕНТОВ ВУЗОВ

D.YU. NARKHOV

RESOURCE POTENTIAL OF RESEARCH PRACTICES OF UNIVERSITY STUDENTS

Обращение к ресурсному потенциалу научно-исследовательских практик вузовского студенчества детерминировано процессами сокращения сообщества российских ученых и проблемой поиска путей разрешения противоречия между потребностью в научном обеспечении устойчивого развития страны и ограничениями воспроизводства научных кадров в университетской среде. Цель статьи — поиск теоретических характеристик и оценка состояния ресурсного потенциала научно-исследовательской деятельности университетского студенчества Среднего Урала, сравнение с общероссийскими тенденциями. Теоретические основания — деятельностный, общностный и ресурсный подходы. Эмпирическая база — результаты трех массовых опросов студентов российского и регионального характера, проведенных в период с 2016 по 2022 гг.

Представлены структурные характеристики ресурсного потенциала научно-исследовательских практик студенческой общности, предложена модель их успешности как результат процесса капитализации научно-образовательного знания. Сделаны выводы о наличии устойчивой ресурсной базы для развития студенческой и профессиональной науки в рамках сообщества ученых. Отмечена распространенность простых, не требующих значительного ресурсного обеспечения, научно-исследовательских практик студенчества. Показано отставание развития ресурсного потенциала в общественно-экономической и гуманитарной сферах. Поставлен вопрос о месте гуманитарного знания в естественнонаучном и инженерно-техническом секторах современного университетского образования.

The appeal to the resource potential of the research practices of university students is determined by the processes of reduction in the community of Russian scientists and the problem of finding ways to resolve the contradiction between the need for scientific support for the sustainable development of the country and the restrictions on the reproduction of scientific personnel in the university environment. The purpose of the article is to search for theoretical characteristics and assess the state of the resource potential of the research activities of university students in the Middle Urals, comparison with all-Russian trends. Theoretical foundations — activity, community and resource approaches. The empirical base is the results of three mass surveys of Russian and regional students conducted between 2016 and 2022.

The structural characteristics of the resource potential of the student community's research practices are presented, and a model of their success is proposed as a result of the process of capitalization of scientific and educational knowledge. Conclusions are drawn about the presence of a sustainable resource base for the development of student and professional science within the community of scientists. The prevalence of simple student research practices that do not require significant resource support has been noted. The lag in the development

of resource potential in the socio-economic and humanitarian spheres is shown. The question is raised about the place of humanitarian knowledge in the natural sciences and engineering sectors of modern university education.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: научно-исследовательские практики; ресурсный потенциал; научные ресурсы; студенчество вузов; студенческая общность; регион.

KEY WORDS. Research practices; resource potential; scientific resources; university students; student community; region.

ВВЕДЕНИЕ. Социетальные трансформации российского общества и последующие изменения общественного мнения относительно науки и научно-исследовательской работы заложили тенденцию на сокращение сообщества ученых на длительный период, включая и первые десятилетия XXI века. Обвал престижности научного труда и недостаточные усилия государства для его восстановления привели к значительному, на четверть, сокращению численности ученых за последние 20 лет [11]. Дефицит научных кадров, по словам Н.П. Патрушева, является «серьезным препятствием к достижению технологической независимости». Нехватка ученых может негативно отразиться и на других, не менее важных направлениях развития страны — социального, политического, культурного.

Ситуация дефицита научных кадров складывается, как минимум, из двух составляющих, не связанных с естественно-возрастным выбытием членов научного сообщества из активной профессиональной деятельности.

Во-первых, это причины, порождающие отток уже имеющихся научных кадров как за пределы страны, так и в другие сферы профессиональной деятельности.

Во-вторых, это характер и скорость подготовки и включения в научно-исследовательскую деятельность новых ученых. По мнению ряда исследователей, миграционный фактор, начиная с 2004 года, теряет свою значимость, а на первое место в ряду причин, вызывающих дефицит научных кадров в исследовательских организациях России, вышел «слабый приток в науку молодых специалистов из-за низкой оплаты труда и отсутствия должных социальных гарантий» [10, с. 6].

Это важная, но далеко не единственная причина. Приток молодежи в науку связан с ее подготовкой к научной работе, обеспечением самой возможности включения в профессиональную научную деятельность. Российская практика отличается не только сложностью, но и чрезвычайной длительностью процесса профессионального становления научных работников, который уходит далеко за пределы и молодежного возраста (40 лет и старше — [2, с. 249]), и горизонта стратегического планирования современных студентов, который, по нашим данным, в абсолютном большинстве не превышает 5 лет.

Данная ситуация актуализирует противоречие между потребностью в научном обеспечении устойчивого развития страны в условиях обострения глобального противостояния со странами «коллективного Запада», «отмены русского» и ограниченными возможностями воспроизводства научных кадров, прежде всего в системе университетского образования.

Проблема воспроизводства научных и научно-педагогических кадров традиционно связывается с деятельностью аспирантуры. Отечественными социологами выявлена ее низкая эффективность как социального института, объяснены причины и предложен ряд решений в этом направлении как экономического, так и управленческого порядка. В частности, это расширение стипендиального обеспечения, организация планирования и статистического учета эффективности послевузовского образования с применением новых показателей, изменение норм времени на работу с аспирантами и другие [14, с. 158–161]. Указанные, как и многие другие, меры не могут решить проблемы повышения

успешности подготовки аспирантов, если не сформирована необходимая потребность в научной деятельности и культура научно-исследовательской работы. Так, существенная часть аспирантов в последние годы изначально не рассматривала аспирантуру как необходимый этап в профессиональной карьере ученого, «средство приобретения ученой степени без интереса к самой «начинке» — научной и педагогической работе, реализации научного исследования» [13, с. 59]. Это объясняет низкие цифры выпуска с защитой диссертации (в 2015 г. — 11,5%) [7, с. 40], равно как и потеря интереса к занятию наукой в ходе освоения программы. На выходе его сохраняют не более трети аспирантов. «...Аспирантура потеряла свой академизм и по массовости подготовки кадров сравнялась с интеллектуальным уровнем простой вузовской подготовки...» [7, с. 43].

Представляется, что низкая эффективность аспирантуры (а впоследствии и докторантуры) закладывается на стадии получения первых уровней высшего образования — бакалавриата и магистратуры. Именно в этот период реализуется одна из главных миссий университета — культуротворческая, в том числе формируется и культура научно-исследовательской деятельности у студентов. Состояние незаконченной профессиональной социализации оставляет открытой возможность управления научной деятельностью студентов как ценностью. Однако наличие противоречий в научно-исследовательской культуре студентов, которая практически не изучалась комплексно [1, с. 97], в том числе и «настороженное отношение к науке и её роли в развитии общества» [1, с. 109], заставляет обратиться к проблеме условий «вхождения в науку» студенчества. Тем самым актуализируется вопрос о ресурсном обеспечении научно-исследовательских практик студентов.

Научная проблема, определяющая цель данной статьи, — выявить и конкретизировать теоретические основания изучения ресурсного потенциала научно-исследовательской деятельности студенческой общности и его содержательные характеристики как условия вовлечения студентов в науку.

ЦЕЛЬ статьи — выяснение теоретических характеристик и состояния ресурсного потенциала научно-исследовательской деятельности университетского студенчества Среднего Урала, сравнение с общероссийскими тенденциями.

ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Теоретические основания исследования составляют деятельностный, общностный и ресурсный подходы. Первый позволяет рассматривать научно-исследовательские практики студенчества как особый вид образовательной деятельности, связывающий процессы обучения и становления профессиональной культуры, второй — рассматривать студенческую науку как одну из ценностей совместной деятельности, то есть общностнообразующий признак. Не менее важным общностнообразующим признаком выступает и совместное обладание ресурсами [3, с. 8–9]. С позиций ресурсного подхода изучается структура, доступность и специфика ресурсного потенциала научно-исследовательских практик студенчества.

Эмпирическую базу составляют исследования российского и регионального характера, проведенные как при личном участии, так и под руководством автора. Это VI этап комплексного исследования студенчества Среднего Урала (2016 г., N=1827, все головные вузы Свердловской области, монография по результатам: [12]), условное обозначение СТД; материалы исследования образовательной (N=1825) и профессиональной активности (N=428) в рамках научного проекта РФФИ & ЭИСИ № 20-011-31274 «Социальная активность студенчества Среднего Урала в условиях транзита к цифровой общности», полученные методом опроса, ноябрь 2020 — январь 2021 гг., 16 головных вузов и два филиала Свердловской области, условное обозначение СПА; федерального исследования Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии» (март — апрель 2022 г., рук. д-р полит.

н., проф. Н.М. Великая, N=6389, вузы 30 регионов России, выборка по Свердловской области N=326), условное обозначение ИСПИ. Основная методика анализа — линейные и парные распределения, сравнение. Массивы данных обработаны с помощью пакета прикладных программ Vortex10.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ. Следуя ставшей классической концепции форм капитала П. Бурдьё, можно представить ресурсный потенциал студенческой общности как совокупность всех видов имеющихся ресурсов, находящихся в разных состояниях (актуальном и потенциальном), и интегральный показатель, фиксирующий место носителя ресурсов (общности в целом, студенческой группы или конкретного студента-индивида) и возможности его использования в научно-исследовательских практиках. Под видом ресурса следует понимать соответствие той форме капитала, с которой он связан: экономический, политический, социальный, культурный, научный и т. д.

Стоит отметить, что при высокой степени изученности отдельных сторон научно-исследовательской культуры студенчества [1, с. 97-100], работ последних лет, посвященных анализу ресурсного потенциала студенческой общности, нами не выявлено. В то же время, в работах социологической школы исследований социальных общностей УрФУ заложен теоретико-методологический фундамент ресурсности общности научно-педагогического сообщества высшей школы [4], [6], который может быть адаптирован для целей данного исследования. Изучая взаимосвязь между объективными характеристиками ресурсов и их субъективным восприятием со стороны научно-педагогических работников (НПР), исследователями были выделены следующие группы их ресурсов:

- социально-демографический (количественный, возрастной, гендерный ресурсы);
- научно-исследовательский (исследовательский, публикационный, темпоральный ресурсы);
- педагогический (ресурсы образовательно-педагогический, повышения научно-педагогической квалификации, наставничества);
- ресурсы взаимодействия НПР и научных коллективов (коммуникативный, ресурс научных школ и коллективов);
- морально-символический (символический и морально-идеологический ресурсы) [6, с. 75].

Опираясь на данную группировку, а также исследования ресурсного потенциала преподавателей высшей школы, проведенные нами в 2014-2018 гг. [8, с. 13-21], [15] и особенности социального статуса студенчества, мы предлагаем следующую структуру ресурсного потенциала научно-исследовательских практик (НИП) студенческой общности:

- демографические ресурсы — численность общности в целом и группы вовлеченных в научно-исследовательские практики, гендерные и возрастные характеристики, влияющие на степень вовлеченности в НИП;
- культурные ресурсы — результат освоения предыдущих образовательных программ, совокупность интериоризированных знаний и достигнутый уровень общекультурной социализации, позволяющие занять определенные стартовые позиции в НИП;
- социальные, коммуникативные ресурсы — научное окружение, возможность взаимодействия с научно-педагогическими работниками, научными наставниками, научными школами, ассоциациями и обществами; доступ к научным сетям и их акторам-площадкам: коллективам лабораторий, кафедр, доступность научных мероприятий, определяющие возможности интериоризации научно-исследовательской культуры;
- информационные ресурсы двух типов: а) безличные — библиотеки, национальные и международные базы данных, сайты научных и издательских организаций,

- поисковики, программное обеспечение ЭВМ и т.п. б) персонифицированные — информация-знания, передаваемые конкретными научно-педагогическими работниками в результате научного взаимодействия, обуславливающие содержательную сторону НИП, в том числе и возможность публиковать результаты;
- материально-технические ресурсы — возможность вести научно-исследовательскую работу в оснащенных необходимого качества оборудованием лабораториях, коворкингах, зонах для самостоятельной работы, наличие необходимых расходных материалов, офисной техники, широкополосного интернета и прочее, составляющие неременное условие научного процесса;
  - финансовые ресурсы — объемы финансов, привлекаемых для научно-исследовательских практик, в том числе и появляющихся в результате выполнения научных проектов, составляющие экономические условия ведения научной работы;
  - темпоральные, временные ресурсы — возможность уделять науке определенное время, а также время существования научных проектов, программ, исследований и т.п.;
  - управленческие, административные (организационные) ресурсы — методы и средства управления студенческой наукой, включая и различные формы самоорганизации студентов;
  - физиологические ресурсы, ресурсы здоровья — жизненное состояние, обеспечивающие саму возможность участия в продуктивной научной деятельности, в том числе и социальное здоровье.

Важно, что перечисленные ресурсы могут как находиться в распоряжении самого студенчества (группы, конкретного студента), так и предоставляться в пользование другими носителями, действующими во взаимосвязи в едином образовательном пространстве. Тем самым поддерживается единство научного пространства высшей школы как части ее социально-культурного поля.

Рассматривая социальные общности, в том числе и студенческие, как крупные объединения людей, необходимо отталкиваться от такой сущностной характеристики, как единство биологического, психологического и социального.

Применительно к научно-исследовательским практикам с этой позиции нужно выделить три формы потенциала, обеспечивающие успешность научно-исследовательских практик. Это:

- биологический потенциал, рассматриваемый не только как определенное здоровье, но и наличие аналитического склада ума, физиологической возможности и способности к научному творчеству;
- психологический потенциал, понимаемый как совокупность психологических свойств и особенностей, которые обеспечивают мотивацию к научному поиску и обеспечивают достижение определенного уровня успеха в научно-исследовательской деятельности;
- социокультурный потенциал, выражающийся в наличии установки на получение нового объективного знания, активной образовательной позиции, научного интереса и ответственного прагматизма.

Мы полагаем, что успешность НИП студентов может определяться в цикле взаимодействия потенциал — ресурс — капитал, в результате которых происходят изменения в состоянии и объемах ресурсов (они могут как расходоваться, конвертируясь в соответствующий тип капитала, так и наращиваться в результате актуализации капиталов). В русле ресурсного подхода такие трансформации можно интерпретировать как процесс капитализации научно-образовательного знания (рис. 1).

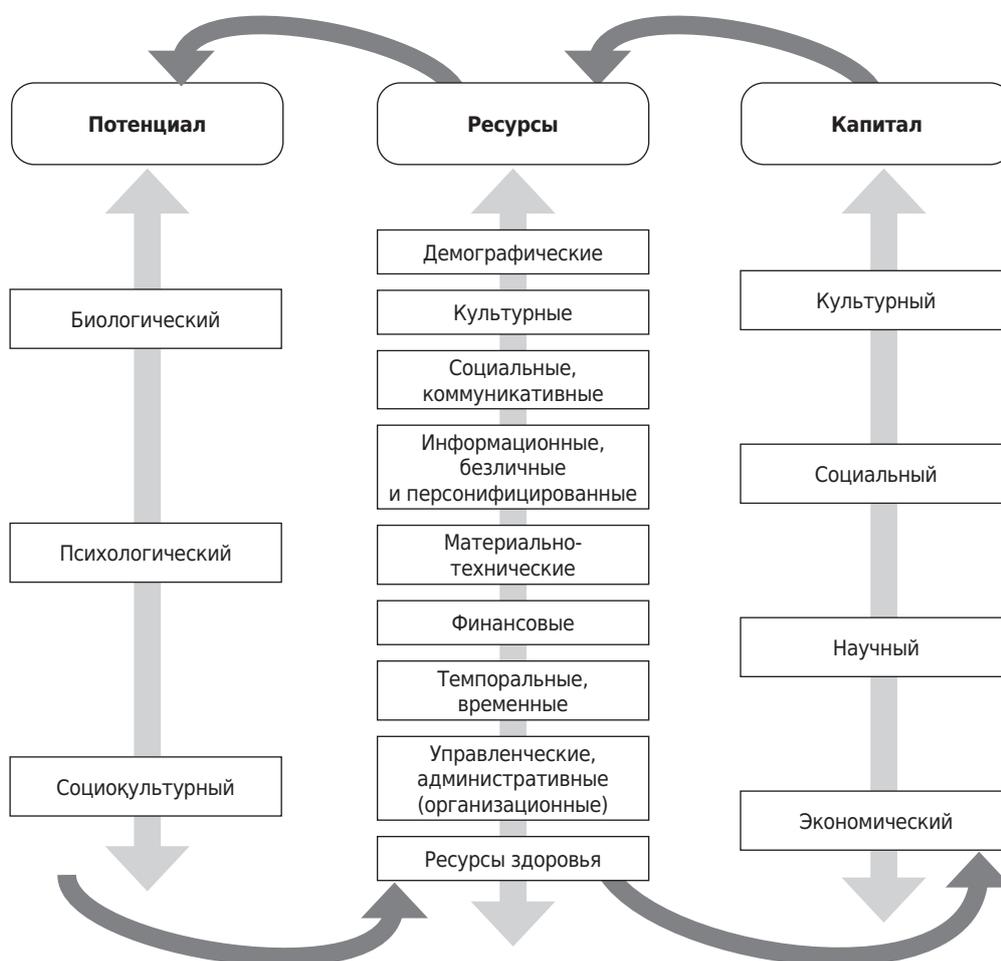

Рис. 1. Капитализация научно-образовательного знания студентов на уровне личности. Прим. В данной схеме не показаны политический и некоторые другие виды капитала, поскольку они оказывают относительно слабое и опосредованное влияние на представленный процесс.

Таким образом, рассматривая успешность НИП студентов как мотиватор дальнейшего закрепления в научной деятельности, необходимо выделить ресурсный потенциал общности как центральный компонент системы воспроизводства научных кадров.

Эмпирические данные свидетельствуют о следующих особенностях состояния ресурсного потенциала НИП студентов.

Демографический ресурс характеризуется преодолением ситуации «демографической ямы» и постепенным увеличением численности студенчества под влиянием последовательной государственной политики на увеличение бюджетных мест в вузах, преимущественно по инженерно-техническим и естественнонаучным направлениям. Традиционно отмечаемый исследователями «гендерный перекос» [12, с. 142–146] позволяет актуализировать вопрос о «женском лице» российской науки в недалеком будущем. Увеличение численности студентов старше молодежного возраста [5], особенно в магистратуре, в перспективе сокращает базу научного сообщества.

Культурные ресурсы predeterminedены высоким входным порогом вхождения в студенческую общность, регулируемым как устанавливаемым государством минимальным значением баллов ЕГЭ, так и конкуренцией в сфере «престижных профессий». Даже самая многочисленная группа (48%) студентов Свердловской области, имеющая «средние результаты» ЕГЭ, имела суммарный балл 180–220 при максимальной конкуренции по естественнонаучным направлениям [12, с. 191–192]. Сформированные в средней школе навыки позволяют успешно справляться с образовательными программами (рис. 2), что подтверждает наличие значительного по численности ядра творчески одаренной молодежи.

Рис. 2. Самооценки студентами своей успеваемости в Свердловской области и в стране (ИСПИ), % ответивших.

Социальные, коммуникативные ресурсы представляют ценность для значительной доли студентов Среднего Урала (табл. 1).

Таблица 1. Самооценки степени важности возможности научных коммуникаций для будущей карьеры (СПА, N=428)

Возможности	Совсем не важно	Не очень важно	Очень важно	Затрудняюсь ответить
Участвовать в научных исследованиях кафедры, института	13	37	38	12
Участвовать в межвузовском обмене студентов по научным программам, выезжать на конференции, олимпиады	13	38	39	10
Участвовать в научных мероприятиях, публиковать тезисы и статьи в научных изданиях	16	36	37	11
Внедрять свои научные разработки в производство через инновационные площадки вуза	16	36	35	13

Каждый шестой респондент в перспективе может попасть в группу «научного резерва» (ответы «очень важно»), однако, на деле студентам доступны по большей части самые «простые» формы научного сотрудничества (табл. 2).

Таблица 2. **Распределение ответов студентов об участии в научно-исследовательских практиках в зависимости от профиля обучения в вузе, поливариантный вопрос, % от группы (СПА, N=428)**

Научно-исследовательские практики	Профиль обучения*				Среднее по массиву
	1	2	3	4	
Работа научных семинаров, кружков и т.п.	48	66	43	50	51
Доклады на конференции, научном семинаре	55	64	57	58	58
Конкурсы научных студенческих работ	41	51	38	41	42
Проекты лаборатории (кафедры, центра) на безвозмездной основе	17	17	13	12	14
Проекты лаборатории (кафедры, центра) по договору, в рамках гранта и т.д.	6	6	6	7	6
Работа в качестве штатного сотрудника лаборатории (кафедры, центра)	6	0	11	8	7
Свой вариант	2	2	0	0	1
Среднее число ответов	1,75	2,07	1,68	1,76	1,80

*Профиль обучения: 1 — гуманитарный; 2— Естественнаучный, математический, 3— Инженерно-технический, 4— Общественно-экономический.

Явный разрыв наблюдается по двум векторам: степень вовлеченности в деятельность научных подразделений университетов (по большей части это привлечение студентов в качестве «научных волонтеров») и по направлениям подготовки, где в безусловных лидерах по уровню включенности в НИП находятся студенты естественнонаучных и математических направлений. Интересна тенденция привлечения студентов инженерно-технических направлений в качестве штатных сотрудников, поскольку это — одна из самых эффективных форм долгосрочного закрепления молодых ученых «на местах».

Информационные ресурсы безличного типа измерялись путем выявления удовлетворенности обеспеченностью печатной и электронной учебной и научной литературой в исследовании ИСПИ (порядковая шкала от 1 — совсем не удовлетворен до 5 — полностью удовлетворен), выяснением степени важности для будущей карьеры доступа к электронным научным базам, научной литературе в университетских библиотеках — в исследовании СПА.

Оказалось, что студенты более удовлетворены обеспеченностью электронными изданиями, чем печатными: в массиве ИСПИ оценки 5 отметили 37% и 30% респондентов соответственно, а в подмассиве Свердловской области они оказались еще выше: 42% и 33% соответственно. Доступность электронных баз научных данных оценена как очень важная 67% ответивших респондентов, научной литературой в библиотеках аналогичным образом несколько менее 52%. Подобные оценки являются косвенным подтверждением умения использовать имеющиеся в распоряжении студентов информационными ресурсами, что, впрочем, требует отдельного исследования.

Персонализированные информационные ресурсы в исследовании ИСПИ замерялись через удовлетворенность индивидуальной работой преподавателей со студентами по такой же шкале, в исследовании СПА — через показатель публикационной активности (табл. 3).

Таблица 3. Самооценки студентов о числе и уровне имеющихся публикаций, открытый поливариантный вопрос, % ответов по группам (СПА, N=428)

Уровень публикации	Число имеющихся публикаций			
	Нет	1-2	3-5	6 и более
В изданиях, индексируемых в ведущих международных базах данных (Scopus, Web of Science)	75	3	1	0
В изданиях, индексируемых в других международных базах данных	72	5	0	0
В журналах из перечня ВАК	71	7	1	0
В изданиях, индексируемых в РИНЦ	62	13	5	2
В неиндексируемых изданиях	67	8	3	0
Не знаю, индексируются или нет	67	9	2	0

В массиве в целом студенты высказали более высокую оценку удовлетворенности взаимодействия с преподавателями, чем их коллеги из Свердловской области. Впрочем, эти оценки оказались достаточно близкими: 5 баллов отметили 29% респондентов в массиве и 23% — в подмассиве, 4 балла — 26% и 30% соответственно. Однако, взаимодействие на уровне подготовки публикаций происходит на минимальном качественном уровне, что вполне коррелирует с формами научно-исследовательских практик, в которые включены студенты (табл. 2). Материально-технические ресурсы в исследовании ИСПИ, оцениваемые по аналогичной шкале удовлетворенности, получили более дисперсные оценки (рис. 3-4).

Рис. 3. Уровень удовлетворенности студентов материально-техническими ресурсами, по массиву в целом (ИСПИ), % от группы.

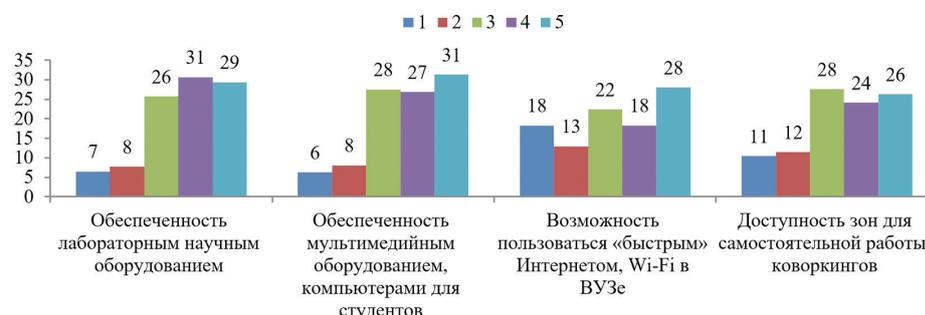

Рис. 4. Уровень удовлетворенности студентов материально-техническими ресурсами, подмассив Свердловская область (ИСПИ), % от группы.

Заметно, что студенты вузов Свердловской области высказали большую удовлетворенность по основным позициям обеспеченности научного процесса: лабораторным научным оборудованием, студенческими компьютерами и коворкингами. Техническое сопровождение основного канала коммуникаций — доступ к быстрому интернету и беспроводным сетям в оценках студентов является более проблемной составляющей: в отношении этой позиции получено значительно больше негативных суждений, особенно по массиву в целом.

В используемых нами эмпирических исследованиях не ставилось специальной задачи изучения финансовых, темпоральных и административно-управленческих ресурсов НИП студенчества. Применительно к этим группам ресурсов можно привести отдельные, хотя и весьма показательные данные. Так, в исследовании СПА (N=1825) было выявлено, что в структуре бюджетов более четверти респондентов присутствуют постоянные затраты на компьютерную технику и программное обеспечение. Каждый десятый участвовавший в этом опросе студент регулярно покупал научную литературу. Это при том, что в данном массиве тратят на образование более половины своего бюджета 17% респондентов, и еще 15% тратят от четверти до половины бюджета. Самообразование и наука являются довольно частыми занятиями в структуре свободного времени почти половины респондентов (ИСПИ) (46% массива в целом и 48% подмассива Свердловской области. В 2016 г. эта цифра не превышала 33% — СТД).

Отметим и существенные негативные изменения в ресурсе здоровья студентов, вызванные пандемией коронавируса и зафиксированные во множестве исследований, в том числе и наших [9, с. 168]. На излете пандемии значительно снизилась степень удовлетворенности собственным здоровьем (табл. 4).

Таблица 4. **Уровень удовлетворенности студентов собственным здоровьем (ИСПИ), % от группы***

Группы респондентов	1	2	3	4	5	Индекс
Массив в целом	9	13	25	30	23	3,473
Свердловская область	3	14	29	32	22	3,555

*1 — полностью не удовлетворен, 5 — полностью удовлетворен

При общей схожести оценок видно, что студенты Свердловской области существенно реже, втрое, выбирали вариант «полностью не удовлетворен». Впрочем, данные ответы не фиксируют негативных тенденций в области физической функциональности студенческой общности. Более того, представляется, что последствия пандемии будут преодолены в силу успешности реализации молодежной политики на установки здорового образа жизни и высокой ротации студенчества.

В завершении анализа эмпирических данных приведем оценки удовлетворенности качеством научно-исследовательской работы студентов (табл. 5).

Таблица 5. **Уровень удовлетворенности качеством научно-исследовательской работы студентов (ИСПИ), % от группы***

Группы респондентов	1	2	3	4	5	Индекс
Массив в целом	9	12	27	26	26	3,466
Свердловская область	6	10	31	31	22	3,517

*1 — полностью не удовлетворен, 5 — полностью удовлетворен

Эти оценки демонстрируют высокую степень успешности достигнутыми результатами, равно как и наличие достаточно многочисленной группы, которая в перспективе может составить ресурсную базу для развития научного сообщества.

ВЫВОДЫ. Исследование ресурсного потенциала научно-исследовательской деятельности студенчества требует дальнейшей теоретической и методологической разработки, что является самостоятельной научной задачей. Полученные эмпирические материалы свидетельствуют о наличии устойчивой базы для развития как самой студенческой науки, так и для научной деятельности на более высоком уровне — в рамках сообщества научных и научно-педагогических работников университетов. На данном этапе студентам более доступны максимально простые и не требующие значительного ресурсного обеспечения научно-исследовательские практики. Высокотехнологичная студенческая наука большее ресурсное развитие получает в инженерно-технической и естественнонаучной сфере, чем в общественно-экономической и гуманитарной сферах. Отстающие позиции социально-гуманитарной составляющей заставляют вновь обратиться к вопросу как о наличии перекосов в смыслообразующих областях научного знания, так и о месте гуманитарного знания в естественнонаучном и инженерно-техническом секторах университетского образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амбарова П.А., Шаброва Н.В., Кеммет Е.В., Михайлова А.Н. Научно-исследовательская культура студентов российских университетов // Высшее образование в России. 2023. № Т. 32. № 7. С. 96-116.
2. Горшков М.К., Шереги Ф.Э., Тюрина И.О. Воспроизводство специалистов интеллектуального труда: социологический анализ: монография. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. 383 с.
3. Зборовский Г.Е. Теоретические основания изучения социальной общности // Социологические исследования. 2010. № 4. С. 3-12.
4. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Мобилизация ресурсов научно-педагогического сообщества (кейс высшего образования УрФО) // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 60-71.
5. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Роль образования в сохранении и развитии социальной общности людей «третьего возраста» // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2019. № 2. С. 21-34.
6. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А., Каташинских В.С., Кеммет Е.В. Ресурсность научно-педагогического сообщества университетов УрФО: опыт качественного исследования // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 5. С. 71-88.
7. Ключарев Г.А., Попов М.С., Савинков В.И. Образование, наука и бизнес: новые грани взаимодействия. М.: Институт социологии РАН, 2017. 488 с.
8. Нархов Д.Ю. Преподаватели высшей школы как ресурс модернизации высшего профессионального образования: автореф. ... канд. социол. н.: 22.00.04. / Уральский федеральный университет. Екатеринбург, 2015. 24 с.
9. Нархов Д.Ю., Нархова Е.Н., Шкурин Д.В. Динамика образовательной активности студенчества под воздействием цифровизации // Образование и наука. 2021. Т. 23, № 8. С. 147-188.
10. Осипов Г.В., Савинков В.И. Динамика аспирантуры и перспективы до 2030 года: Статистический и социологический анализ. М.: ЦСПИМ, 2014. 152 с.
11. Патрушев заявил о сокращении числа научных сотрудников в РФ за 20 лет на четверть // ТАСС: наука. 31 окт., 17:47. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/19163083> (дата обращения: 31.10.2023).
12. СТУДЕНТ 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала: монография / под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ, 2017. 904 с.
13. Терентьев Е.А., Рыбаков Н.В., Бедный Б.И. Зачем сегодня идут в аспирантуру. Типологизация мотивов российских аспирантов // Вопросы образования. 2020. № 1. С. 40-69.

14. Шереги Ф.Э., Савинков В.И. Образование как фактор формирования интеллектуального потенциала России. М.: ЦСПИМ, 2011. 288 с.
15. Narkhov D.Yu., Narkhova E.N. & Vishnevsky Yu.R. Resource potential of the community of faculty members in the modernization of the Russian higher education // 4th International Conference on Higher Education Advances (HEAD'18) June 20–22, 2018. Polytechnic University of Valencia (UPV), Spain. Pp. 707–715. URL: <http://dx.doi.org/10.4995/HEAD18.2018.8560> (дата обращения: 03.11.2023).

REFERENCES

1. Ambarova P.A., Shabrova N.V., Kemmet E.V., Mikhailova A.N. *Nauchno-issledovatel'skaya kul'tura studentov rossiyskikh universitetov* [Research culture of students at Russian universities] // *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*. 2023. № Т. 32. № 7. S. S. 96–116. (In Russian).
2. Gorshkov M.K., Sheregi F.E., Tyurina I.O. *Vosproizvodstvo spetsialistov intellektual'nogo truda: sotsiologicheskii analiz* [Reproduction of intellectual labor specialists: sociological analysis]. М.: FNISTS RAN, 2023. 383 s. (In Russian).
3. Zborovsky G.E. *Teoreticheskiye osnovaniya izucheniya sotsial'noy obshchnosti* [Theoretical foundations for studying social community] // *Sociological Studies*. 2010. № . 4. S. 3–12. (In Russian).
4. Zborovsky G.E., Ambarova P.A. *Mobilizatsiya resursov nauchno-pedagogicheskogo soobshchestva (keys vysshego obrazovaniya UrFO)* [Resource mobilization of the research and pedagogical community: Russian practices and regional dimension] // *Sociological Studies*. 2022. № . 9. S. 60–71. (In Russian).
5. Zborovsky G.E., Ambarova P.A. *Ro' obrazovaniya v sokhraneni i razvitii sotsial'noy obshchnosti lyudey «tret'yego vozrasta»* [The role of education in the preservation and development of the social community of people of the «third age»] // *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki*. 2019. № 2. S. 21–34. (In Russian).
6. Zborovsky G.E., Ambarova P.A., Katashinskikh V.S., Kemmet E.V. *Resursnost' nauchno-pedagogicheskogo soobshchestva universitetov UrFO: opyt kachestvennogo issledovaniya* [Resource Capacity of Academic Staff of Ural Federal District Universities: Qualitative Research] // *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*. 2023. Т. 32. № 5. S. 71–88. (In Russian).
7. Klyucharev G.A., Popov M.S., Savinkov V.I. *Obrazovaniye, nauka i biznes: novyye grani vzaimodeystviya*. [Education, science and business: new facets of interaction]. М.: Institute of Sociology RAN, 2017. 488 s. (In Russian).
8. Narkhov D. Yu. *Prepodavateli vysshey shkoly kak resurs modernizatsii vysshego professional'nogo obrazovaniya* [Higher school teachers as a resource for the modernization of higher professional education]: avtoref. ... kand. sotsiol. n.: 22.00.04. / Ural'skiy federal'nyy universitet. Yekaterinburg, 2015. 24 s. (In Russian).
9. Narkhov D. Yu., Narkhova E.N., Shkurin D.V. *Dinamika obrazovatel'noy aktivnosti studenchestva pod vozdeystviyem tsifrovizatsii* [Dynamics of educational activity of students under the influence of digitalization] // *Obrazovaniye i nauka*. 2021. Т. 23, № 8. S. 147–188. (In Russian).
10. Osipov G.V., Savinkov V.I. *Dinamika aspirantury i perspektivy do 2030 goda: Statisticheskii i sotsiologicheskii analiz* [Dynamics of graduate school and prospects until 2030: Statistical and sociological analysis]. М.: TSSPIM, 2014. 152 s. (In Russian).
11. *Patrushev zayavil o sokrashchenii chisla nauchnykh sotrudnikov v RF za 20 let na chetvert'* [Patrushev announced a reduction in the number of scientific workers in the Russian Federation by a quarter over 20 years] // *TASS: nauka*. 31 okt., 17:47. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/19163083> (data obrashcheniya: 31.10.2023). (In Russian).
12. *STUDENT 1995–2016 gg.: dinamika sotsiokul'turnogo razvitiya studenchestva Srednego Urala* [STUDENT 1995–2016: dynamics of sociocultural development of students in the Middle Urals] / edited by. ed. Yu.R. Vishnevsky. Yekaterinburg: UrFU, 2017. 904 s. (In Russian).

13. Terentyev E.A., Rybakov N.V., Bedny B.I. *Zachem segodnya idut v aspiranturu. Tipologizatsiya motivov rossiyskikh aspirantov* [Why Embark on a PhD Today? A Typology of Motives for Doctoral Study in Russia] // *Voprosy obrazovaniya*. 2020. № 1. S. 40–69. (In Russian).
14. Sheregi F.E., Savinkov V.I. *Obrazovaniye kak faktor formirovaniya intellektual'nogo potentsiala Rossii* [Education as a factor in the formation of Russia's intellectual potential]. M.: TSSPiM, 2011. 288 s. (In Russian).
15. Narkhov D.Yu., Narkhova E.N. & Vishnevsky Yu.R. *Resource potential of the community of faculty members in the modernization of the Russian higher education* // 4th International Conference on Higher Education Advances (HEAd'18) June 20–22, 2018. Polytechnic University of Valencia (UPV), Spain. Pp. 707–715. URL: <http://dx.doi.org/10.4995/HEAD18.2018.8560> (data obrashcheniya: 03.11.2023). (In English).

DOI 10.26105/SSPU.2023.86.5.009

УДК 316.346.32-053.6:378.225

ББК 60.543.172в682

Л.Б. ОСИПОВА,
И.В. ТОЛСТОУХОВА**К ВОПРОСУ О ТРУДОУСТРОЙСТВЕ
ВЫПУСКНИКОВ ВУЗА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**L.B. OSIPOVA,
I.V. TOLSTOUKHOVA**ON THE ISSUE OF EMPLOYMENT
OF UNIVERSITY GRADUATES (BASED ON
THE RESULTS OF A SOCIOLOGICAL STUDY)**

Проблема трудоустройства выпускников вузов является одной из наиболее актуальных как для самих выпускников и вузов, так и для работодателей. Выпускники при трудоустройстве демонстрируют теоретические знания, навыки и умения, сформированные в вузе. В то время как рынок труда предъявляет свои требования для работника под конкретное рабочее место с конкретными навыками и с практическим опытом. Решение проблемы трудоустройства имеет многолетнюю историю, раскрывает трудности при устройстве на работу, возникающие у молодых специалистов. Актуальность изучения данного вопроса обусловлена наличием проблемы взаимовыгодных предложений между выпускником и работодателем. В связи с этим целью исследования является изучение мнений выпускников относительно перспектив трудоустройства, способствующих достижению профессионального успеха и карьерного роста. Результаты проведенного исследования среди магистрантов Тюменского индустриального университета указали на важность сформированности профессиональных компетентностей и необходимость непрерывного профессионального самосовершенствования.

The problem of employment of university graduates is one of the most urgent both for graduates and universities themselves, and for employers. Graduates demonstrate theoretical knowledge, skills and abilities formed at the university during their employment. While the labor market imposes its own requirements for an employee for a specific workplace with specific skills and practical experience. The solution to the problem of employment has a long history, reveals the difficulties in finding a job that arise among young professionals. The relevance of studying this issue is due to the presence of the problem of mutually beneficial proposals between the graduate and the employer. In this regard, the purpose of the study is to study the opinions of graduates regarding employment prospects that contribute to achieving professional success and career growth. The results of the study conducted among undergraduates of Tyumen Industrial University pointed to the importance of the formation of professional competencies and the need for continuous professional self-improvement.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: профессиональное образование, магистратура, рынок труда, перспективы трудоустройства.

KEY WORDS: vocational education, master's degree, labor market, employment prospects.

ВВЕДЕНИЕ. Вопросы трудоустройства выпускников всегда были актуальны и сегодня приобретают новые специфические характеристики в контексте изменений в системе образования и структуре экономики. Проблема многосторонняя: это и рынок труда, и квалифицированные специалисты, и потребности государства, и система образования, которая должна идти в ногу со временем и удовлетворять эти потребности. Сложившаяся система определяет ряд условий:

- во-первых, необходимо учитывать регулярные изменения рынка труда в отношении востребованности профессий;
- во-вторых, потребности общества шире, чем представленный рынок труда (наличие социокультурных компетенций);
- в-третьих, количество рабочих мест, предлагаемых на рынке труда, ограничено и не всегда соответствует числу выпускников учебных заведений;
- в-четвертых, не всегда уровень профессиональной подготовки специалистов соответствует требованиям, предъявляемым со стороны работодателей, что затрудняет процесс трудоустройства.

Как правило, перечисленные условия усложняют проблему трудоустройства будущего специалиста. Следует отметить, что часто при выборе профессии выпускники образовательных учреждений не анализируют состояние на рынке труда и вследствие этого не могут объективно спрогнозировать свою дальнейшую профессиональную траекторию.

На современном рынке труда существуют определенные рамки, которым выпускники вузы должны соответствовать. Например, новые требования к качеству человеческого потенциала в виде компетенций, обозначаемых работодателями, в том числе и у молодых специалистов: все более востребованы узкие специалисты, с высоким уровнем образования, высокими коммуникативными компетенциями, ответственными и исполнительными. Однако есть требования работодателей, которые являются завышенными, например, наличие опыта работы, и если его приобретать во время обучения, то это может повлиять на качество образования. К тому же соискатели, не имеющие опыта работы, очень редко рассматриваются как кандидаты на получение должностных вакансий, что заставляет молодых людей совмещать на последних курсах обучение и работу порой на невыгодных условиях.

Время скоротечно, поэтому тенденция на ту или иную профессию очень быстро исчезает. Циклы жизни учебных программ разошлись с циклами социальных и рабочих функций (специальностей, профессий) [9]. Современное профессиональное многообразие требует наличия профессиональных навыков. К сожалению, система профессионального образования не успевает оперативно перестраиваться в содержательном плане. Сегодня производству нужен работник под конкретное рабочее место с конкретными навыками, а система образования направлена большей частью на универсального специалиста с формированием профессиональных компетенций. Не случайно некоторые организации разрабатывают программы профессионального обучения на базе корпоративных учебных центров [5, с. 433], используют возможности в подготовке кадров территориальными высшими учебными заведениями.

ЦЕЛЬ исследования — проанализировать мнения выпускников вуза относительно перспектив трудоустройства, позволяющих достичь профессионального успеха и карьерного роста.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ: анализ изучения научной литературы по данной проблематике, социологический опрос.

В настоящее время вопросы занятости и трудоустройства молодежи приобретают особую актуальность. Анализ изучаемой литературы показал, что современные тенденции, развивающиеся на рынке труда, представляют трудоустраиваемость выпускников вузов как технологию, которой необходимо овладеть, и, которая подразумевает знание не только основных этапов процесса трудоустройства, но и основных процедур, с которыми встречается кандидат на соответствующую должность, а также правила и ожидания, действующие на каждом из этапов [7, с. 95]. Ввиду этого очень часто проводятся социологические исследования изучающие вопросы трудоустройства молодых людей.

В ходе социологического исследования на базе УрФУ в г. Екатеринбурге Казакова Ю. Е., Охотников О. В. [1,5] выяснили, что выпускники вуза проявляют повышенную тревож-

ность, когда сталкиваются с трудными ситуациями в процессе поиска работы и адаптации к рынку труда, не владея соответствующими технологиями и навыками трудоустройства.

Магранов А.С. с сотрудниками Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук в 2018 г. представил результаты прикладного социологического исследования [4, с. 250]. Автор приходит к выводу [3], что молодежь Юга России предпочитает искать стабильное место работы, которое при этом должно подразумевать возможность его смены при необходимости.

Коллектив авторов [8] из Пензенского государственного университета на основе анализа статистических данных делает вывод, что основные проблемы, с которыми сталкивается молодежь, — это отсутствие опыта работы, несоответствие профессиональной подготовки быстро меняющимся условиям на рынке труда, требованиям работодателей.

Результаты социологических опросов, проведенных ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области, по качеству трудового потенциала за 1997–2020 гг. показали, что при трудоустройстве молодежь сталкивается с разного рода ограничениями и барьерами, например, стереотипами работодателей в отношении молодых, завышенными запросами самих молодых людей, вопросы оплаты труда, несоответствием предложения и спроса вакансий и т.д. [2].

В связи с этим проблемы молодых людей на рынке труда находятся в центре внимания ученых, имеют многолетнюю историю, раскрывают трудности при устройстве на работу, возникающие у молодых специалистов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ. Важным источником информации о проблемах трудоустройства выпускников Тюменского индустриального университета является мониторинг изучения мнения студентов, которые уже имели опыт в трудоустройстве. Вследствие чего эмпирической базой послужили результаты социологического опроса при помощи онлайн-платформы Google среди 110 студентов-магистрантов инженерных специальностей по направлению «Нефтегазовое дело» Тюменского индустриального университета.

Несмотря на возможные трудности с поиском работы и последующим трудоустройством, 87,9% магистрантов считают свою специальность важной и востребованной. При этом более половины магистрантов (69,7%) заявляют, что наличие диплома о высшем образовании играет ключевую роль при их отборе.

Молодые специалисты уверены, что имеющиеся навыки важны работодателю на 81,8%. Важной составляющей для работодателя будет ситуация, когда выпускник знаком с принципами работы и имеет опыт (69,7%); умеет ставить задачу и находить решение (69,7%). Дополнением может и служить теоретические знания, которыми обладает выпускник (66,7%) (рис. 1).

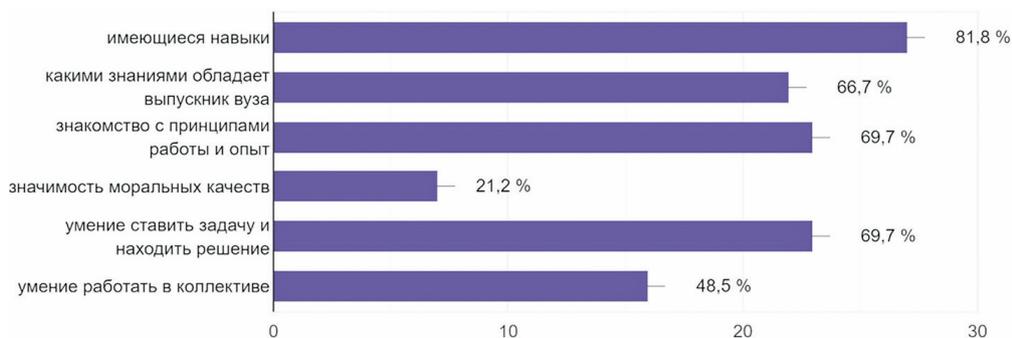

Рис. 1. Мнения респондентов о наиболее значимых качествах, необходимых для трудоустройства, в %

При оценке предпочтений желаемых условий и возможностей выпускники обращают внимание на потребность в комфортных условиях труда (84,8%) и работу в адекватном коллективе (78,8%).

Что касается желания иметь стабильное место работы, которое при этом должно подразумевать возможность его смены при необходимости, то этот аспект подчеркнули 66,7%. На последнем месте стоит перспектива карьерного роста (рис. 2).

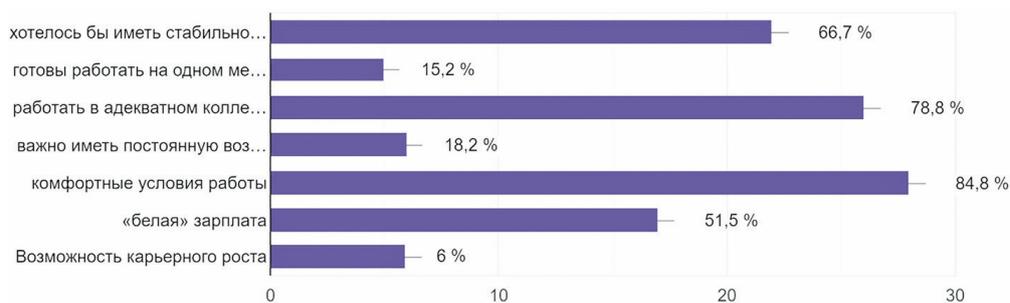

Рис. 2. Предпочтения молодых специалистов при выборе места работы, в %

При анализе каналов связи для поиска места работы молодые специалисты называют прохождение практики (66,7%), что противоречит тренду на цифровизацию бизнес-процессов.

Среди наиболее популярных каналов поиска работы выделяют использование сети Интернет (54,5%), через прямое обращение к работодателю (51,5%), личные (45,5%); наименее эффективным называют обращение в государственные службы помощи в трудоустройстве и распределение (по 6,1%) (рис. 3).

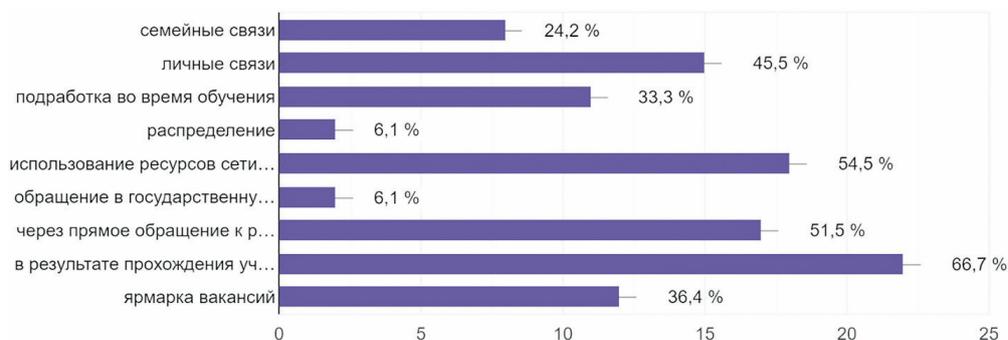

Рис. 3. Каналы поиска работы, в %

Анализируя мнения выпускников вуза относительно трудностей, с которыми им пришлось столкнуться в процессе трудоустройства, мы выяснили следующее: отсутствие опыта работы (54,5%), высокие требования, предъявляемые работодателями к соискателям к их уровню и качеству профессиональной подготовки и наличию личных качеств (39,4%).

На третьем месте недостаточный уровень теоретических знаний, полученных во время учебы в вузе (36,4%) (рис. 4).

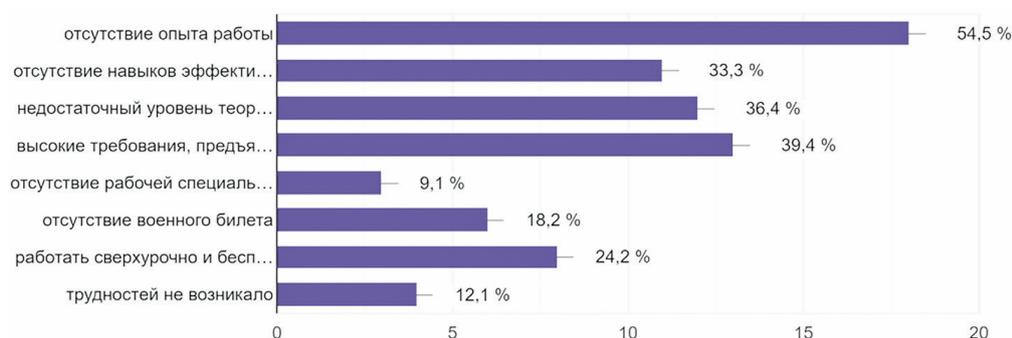

Рис. 4. Трудности которые встретились на пути трудоустройства, в %

По мнению респондентов, факторы, которые могут повлиять на карьерный рост — это непрерывное профессиональное самосовершенствование, проявление инициативы и амбициозность (72,7%). На третьем месте — высокая работоспособность (60,6%) (рис. 5).

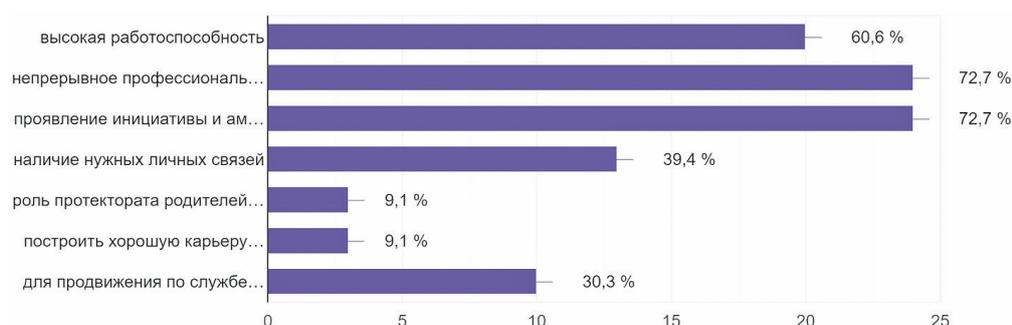

Рис. 5. Мнения респондентов относительно возможности карьерного роста, в %

Таким образом, результаты социологического опроса по изучению мнения магистрантов о трудоустройстве сводятся к следующему:

- основным и важным фактором для работодателя является наличие имеющихся навыков, которые выпускник может продемонстрировать;
- среди основных трудностей, с которыми выпускники столкнулись в период поиска работы, являются отсутствие практического опыта работы;
- свое рабочее место они видят в комфортных условиях и в адекватном коллективе;
- работу, которая их устраивала и соответствовала им, они реализовывали через прохождение производственной практики;
- по мнению выпускников, для карьерного роста необходимо непрерывное профессиональное самосовершенствование и проявление инициативы и амбициозности.

ВЫВОДЫ. На основе результатов проведенного исследования можно сделать вывод о том, что взгляды молодых специалистов на будущее трудоустройство вполне актуальные. Выпускники Тюменского индустриального университета для выстраивания будущей трудовой деятельности проходят производственные практики на предприятиях региона; встречаются с потенциальными работодателями (ярмарки вакансий, презентации компаний, лекции, мастер-классы и др.). Для профессионального успеха и карьерного роста в вузе открылись базовые кафедры (ООО «Газпром ВНИИГАЗ», ООО «Лукойл — Инжиниринг», ООО «ТННЦ» ПАО «НК «Роснефть»), которые набирают магистрантов с последую-

щим трудоустройством в данные предприятия. Помимо этого, в вузе существует центр карьеры, целью которого является содействие трудоустройству выпускников университета, временному трудоустройству обучающихся.

Но, несмотря на это, если рассматривать проблему трудоустройства по всей территории России, можно констатировать, что для решения данной проблемы ключевым фактором должна быть стабильность как в политической, так и в экономической сферах деятельности. Государство должно занять самую активную позицию в деле обеспечения занятости молодежи — разработать комплекс мер по закреплению молодых рабочих кадров в различных сегментах экономики [6]. Только совместные действия всех уровней власти могут дать ощутимые результаты.

Полученные результаты указывают на актуальность настоящего исследования, перспективность дальнейшего изучения по вопросам трудоустройства молодых специалистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казакова Ю.Е., Охотников О.В. Молодежный рынок труда: ожидания выпускников вуза // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2018. № 10. С. 47–55.
2. Леонидова Г.В., Димони К.О. Трудовой потенциал молодежи: запросы современного рынка труда // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 6. С. 7–31
3. Магранов А.С. Успешное трудоустройство и карьерный рост в представлениях молодежи Юга России // Гуманитарий Юга России. 2022. № 4 (56). С. 162–176.
4. Межнациональное согласие в сознании и повседневной культуре молодежи Ростовской области в контексте миграционных процессов на Юге России / Я. В. Артамонова, Д. Н. Мищенко, О. Ю. Узунова, А. Х. Люев // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8. № 5. С. 248–259.
5. Охотников О.В., Казакова Ю.Е. Трудоустройство выпускников вуза как проблема системы российского образования // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2019. Т. 18. № 3. С. 431–449.
6. Свистунова А.В. О проблеме трудоустройства студентов в Российской Федерации // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2014. № 1(91). С. 91–92.
7. Трудоустройство и трудоустраиваемость выпускников российских вузов: история и современность / И. А. Алпатова, И. С. Болотин, О. Л. Ворожейкина [и др.]. Москва: МАТИ — Российский государственный технологический университет им. К.Э. Циолковского, 2012. 192 с.
8. Тугускина Г.Н., Рожкова Л.В., Корж Н.В. Молодежь на рынке труда в современных условиях: проблемы трудоустройства и занятости // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 4. С. 67–77.
9. Фомичева И.Г. Философия образования: некоторые подходы к проблеме. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. 242 с.

REFERENCES

1. Kazakova YU.E., Okhotnikov O.V. *Molodezhnyy rynek truda: ozhidaniya vypusknikov vuza* [Youth labor market: expectations of university graduates] // *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*. 2018. № 10. S. 47–55. (In Russian).
2. Leonidova G.V., Dimoni K.O. *Trudovoy potentsial molodezhi: zaprosy sovremennogo rynka truda* [The labor potential of young people: the demands of the modern labor market] // *Problemy razvitiya territorii*. 2021. T. 25. № 6. S. 7–31. (In Russian).
3. Magranov A.S. *Uspeshnoye trudoustroystvo i kar'yernyy rost v predstavleniyakh molodezhi Yuga Rossii* [Successful employment and career growth in the views of the youth of the South of Russia] // *Gumanitariy Yuga Rossii*. 2022. № 4 (56). S. 162–176. (In Russian).
4. *Mezhnatsional'noye soglasiye v soznanii i povsednevnoy kul'ture molodezhi Rostovskoy oblasti v kontekste migratsionnykh protsessov na Yuge Rossii* [Interethnic Harmony in the consciousness and

- everyday culture of the youth of the Rostov region in the context of migration processes in the South of Russia] / YA. V. Artamonova, D. N. Mishchenko, O. YU. Uzunova, A. KH. Lyuyev // *Gumanitarniy Yuga Rossii*. 2019. T. 8. № 5. S. 248-259. (In Russian).
5. Okhotnikov O.V., Kazakova YU. E. *Trudoustroystvo vypusnikov vuza kak problema sistemy rossiyskogo obrazovaniya* [Employment of university graduates as a problem of the Russian education system] // *Vestnik UrFU. Seriya ekonomika i upravleniye*. 2019. T. 18. № 3. S. 431-449. (In Russian).
  6. Svistunova A.V. *O probleme trudoustroystva studentov v Rossiyskoy Federatsii* [About the problem of student employment in the Russian Federation] // *Zhurnal nauchnykh publikatsiy aspirantov i doktorantov*. 2014. № 1(91). S. 91-92. (In Russian).
  7. *Trudoustrojstvo i trudoustraivaemost' vypusnikov rossijskih vuzov: istoriya i sovremennost'* [Employment and employability of graduates of Russian universities: history and modernity] / I. A. Alpatova, I. S. Bolotin, O. L. Vorozhejkina [i dr.]. Moskva: MATI — Rossijskij gosudarstvennyj tekhnologicheskij universitet im. K.E. Ciolkovskogo, 2012. 192 s. (In Russian).
  8. Tuguskina G.N., Rozhkova L.V., Korzh N.V. *Molodezh' na rynke truda v sovremennykh usloviyakh: problemy trudoustroystva i zanyatosti* [Youth in the labor market in modern conditions: problems of employment and employment] // *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki*. 2021. № 4. S. 67-77. (In Russian).
  9. Fomicheva I.G. *Filosofiya obrazovaniya: nekotoryye podkhody k probleme* [Philosophy of education: some approaches to the problem]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2004. 242 s. (In Russian).

DOI 10.26105/SSPU.2023.86.5.010
УДК 37.015.4:378.147:004+316.346.32-053.6
ББК 60.561.9в682+74.480.25с51

О.М. ГОРЕВА

ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ ГРАМОТНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА: КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД

O.M. GOREVA

BUILDING DIGITAL LITERACY UNIVERSITY STUDENTS: COMPETENCE-BASED APPROACH

Кардинальные общественные изменения оказывают серьезно воздействие на состояние рынка труда и порождают новые требования к созданию кластера профессиональных компетенций выпускника вуза. Внедрение цифровых технологий прочно охватывает все сферы жизни человека, в том числе и систему образования, обозначив формирование цифровой грамотности населения актуальной проблемой современности. В связи с этим образовательный процесс должен формировать у студентов цифровую грамотность для осуществления профессиональной деятельности. Авторами статьи на основе анализа научных подходов дано содержательное уточнение понятий «цифровая грамотность», «цифровые компетенции». Результаты социологического исследования позволили выявить реальную ситуацию в отношении сформированности цифровой грамотности у студентов Тюменского индустриального университета, оценить их готовность к использованию цифровых технологий в процессе обучения и на практике с целью повышения уровня цифровой грамотности.

Dramatic social changes have a serious impact on the state of the labor market and give rise to new requirements for the creation of a cluster of professional competencies of a university graduate. The introduction of digital technologies firmly covers all spheres of human life, including the education system, identifying the formation of digital literacy of the population as an urgent problem of our time. In this regard, the educational process should develop digital literacy in students for professional activities. The authors of the article, based on an analysis of scientific approaches, provided a meaningful clarification of the concepts of «digital literacy» and «digital competencies». The results of the sociological study made it possible to identify the real situation regarding the development of digital literacy among students of Tyumen Industrial University, to assess their readiness to use digital technologies in the learning process and in practice in order to increase the level of digital literacy.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: система высшего образования, цифровые технологии, цифровая грамотность, цифровые компетенции, цифровое потребление, цифровая безопасность.

KEY WORDS: higher education system, digital technologies, digital literacy, digital competencies, digital consumption, digital security.

ВВЕДЕНИЕ. В последнее десятилетие приобретает актуальность обсуждение процессов цифровой трансформации общества и экономики. Внедрение информационных технологий охватывает аспекты управления компаниями и процессы модернизации технологических процессов, нацеленных на развитие производства. Одновременно цифровизация промышленного сектора предполагает повышение качества профессиональной подготовки молодых специалистов. В связи с этим в образовании четко прослеживается

динамичность применения цифровых технологий. Необходимость обновления образовательного процесса обусловлена, прежде всего, требованиями современного рынка труда, предъявляющего высокие требования к квалификации работников. Выпускники высших учебных заведений должны владеть коммуникационными и цифровыми технологиями для повышения своего интеллектуального и творческого потенциала, грамотного принятия профессиональных решений с учетом экономических и нравственных аспектов инновационного развития общества.

В этом случае действенную помощь оказывает реализация программы «Цифровая экономика Российской Федерации», которая в содержательной части нацелена на широкое применение цифровых технологий в качестве технологичного средства коммуникации, своеобразного цифрового инструмента для создания инновационного образовательного пространства, способствуя формированию необходимых навыков для существования молодого человека в оцифрованной среде.

В связи с этим в вузе активно используются инновационные подходы и реализуются индивидуальные технологии обучения, способствующие формированию готовности к творческому поиску, умений организации профессиональной деятельности в современных технологических условиях, навыкам жизни в цифровую эпоху. Цифровая грамотность представляет собой комплекс знаний и умений, выступающим важным элементом профессиональной и общекультурной компетентности специалиста. При этом важно помнить, что именно в процесс профессиональной подготовки у студентов закладывается фундамент знаний, навыков и поведенческих установок будущей самостоятельной жизни в условиях цифровой среды.

Как было отмечалось выше, в контексте цифровизации общества актуальной становится проблема повышения цифровой грамотности у студентов. Это вызвано активным внедрением цифровых технологий в обществе — с одной стороны и, одновременно, недостаточной готовностью к работе в условиях цифровой экономики — с другой стороны. Именно это обусловило необходимость научного осмысления формирования цифровой грамотности и проведения эмпирического исследования с целью определения уровня сформированности цифровых компетенций студентов Тюменского индустриального университета

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР. Анализируя инновационные процессы в России, следует отметить их направленность на успешное развитие цифровой экономики, что повышает эффективность деятельности любой компании, системы управления бизнес-процессами, конкурентоспособность специалистов и способствует экономическому росту государства. В последнее время резко возрастает спрос на специалистов, владеющих навыками профессионального использования инструментов цифровизации. [1, С. 8-27]. В этой связи при подготовке специалистов важно акцентировать внимание на формирование таких качеств выпускника вуза как инициативность, гибкость, динамизм, конструктивность и мобильность. Содержание образовательных программ должно быть направлено на развитие критического мышления студентов и формирование у них навыков самостоятельного поиска информации.

Проблема повышения цифровой грамотности населения широко обсуждается на международном уровне, в частности в аналитических центрах ООН, на Международных экономических форумах, в авторитетных научных изданиях [4, 6, 10, 13]. Например, Президент Российской Федерации В.В. Путин на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ-2017) утвердительно заявил: «Мы намереныкратно увеличить выпуск специалистов в сфере цифровой экономики и, по сути, нам предстоит решить достаточно широкую задачу национального уровня — добиться всеобщей цифровой грамотности» [2, С. 46-52]. Этому способствует программа «Цифровая экономика Российской Федерации», в которой уделяется внимание проблеме цифровой грамотности населения, что ставит

систему высшего образования перед новыми вызовами времени и необходимостью её содержательной модернизации.

Цифровая грамотность рассматривается как комплекс знаний и умений, необходимый для эффективного и безопасного применения цифровых технологий [8]. Первым употребил термин «цифровая грамотность» Пол Гилстер. Под цифровой грамотностью он понимает способность поиска нужной информации в Интернет-ресурсах; корректную работу с цифровым контентом; умение разрабатывать инновационный продукт; владение навыком безопасного использования цифровых технологий [9].

Следует отметить, что анализ интерпретации понятия «цифровая грамотность» представлен широким диапазоном трактовок, что подтверждает его ценность в современном цифровом обществе. Так, L. Limberg, O. Sundin, S. Talja рассматривают информационную грамотность как способность поиска, сбора, анализа, критического осмысления и применения информации для решения задач [12]. В свою очередь Iordache C., Marië n I., Baelden D. цифровую грамотность расценивают, как способность применения цифровых инструментов и средств идентификации, анализа и синтеза цифровых ресурсов, создания средств общения с другими в контексте конкретных жизненных ситуаций, обеспечивая конструктивные социальные действия и размышления над данным процессом [11].

По мнению О.В. Ельцовой, цифровая грамотность — это личностное образование субъекта, представляющее совокупность знаний, умений и навыков в области применения цифровых ресурсов, позитивную мотивацию и информационную активность [3]. Таким образом, несмотря на общность сущностного понимания цифровой грамотности, как осведомленности личностью целей и способов применения цифровых инструментов, часть указанных авторов подводит понимание под наличие навыков применения цифровых ресурсов; другая группа ученых делает акцент на умения эффективного использования цифровых ресурсов для решения задач.

Цифровая грамотность становится основополагающим элементом профессиональной и общекультурной компетентности человека. Осмысление процессов цифровизации и обобщение опыта пользователей в сетевой среде становятся необходимым источником профессионального и личностного роста обучающихся, способствуя формированию цифровой компетентности, предполагающей многогранную цель, которая развивается по мере появления инновационных технологий [14,15].

Под цифровой компетентностью понимается способность применения знаний и навыков, используемых для оценки и систематического пересмотра содержания процесса образования. Например, при изучении профильных учебных курсов обучающиеся должны не только получать теоретические знания, но и формировать профессиональные компетенции для поддержания своей конкурентоспособности на рынке труда [5, С. 99–106].

Причем формирование цифровой компетентности должно коррелировать с содержанием базовых компетенций в условиях цифровой экономики, включающих критическое мышление, коммуникации, способность к саморазвитию. Цифровые компетенции следует рассматривать, как технические навыки и навыки, сфокусированные на когнитивных, социальных и эмоциональных аспектах работы в цифровой среде [7, С. 126].

Процесс формирования цифровой грамотности включает цифровое потребление, определяющее уровень доступности программных технологий и цифровую безопасность, предполагающая безопасность работы в сети, защиту персональных данных и обеспечение конфиденциальности информации.

На основе вышесказанного можно сделать вывод, что процесс формирования цифровой грамотности достаточно многогранный и способствует не только обладанию знаниями цифровых ресурсов, но и возможностью предотвращения рисков при использовании цифрового контента.

ЦЕЛЬЮ исследования является теоретическое обобщение научных подходов к изучению цифровой грамотности и определение уровня сформированности цифровых компетенций у студентов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Для достижения цели использованы корреляционный анализ и социологические методы. В публикации авторами обобщены итоги опроса студентов трех институтов ТИУ: Института сервиса и отраслевого управления (далее — ИСОУ), Института геологии и нефтегазодобычи (далее — ИГИН), Института транспорта (далее — ИТ). Опрос проведен в апреле 2023 года. В основу исследования авторами положен компетентностный подход, позволяющий оценить уровень сформированности цифровых компетенций студентов.

Результаты и обсуждение. Цифровая грамотность представляет набор знаний и навыков для эффективного и безопасного использования цифровых инструментов. Сегодня цифровые технологии охватывают практически все сферы общественной жизни. В связи с этим проблема формирования цифровой грамотности приобретает особую значимость для людей в плане достижения успеха в различных аспектах жизни, включая образование, профессиональную деятельность и личное общение. С развитием цифровых технологий и доступности Интернета студенты получили возможность осваивать учебные курсы в онлайн-режиме с учетом гибкого планирования времени и выбора оптимального формата обучения, а так же использовать различные цифровые платформы. Не случайно объектом изучения в контексте рассматриваемой проблемы выбрана студенческая молодежь. Во-первых, молодежь — это будущее страны, так называемый резерв, и изучение её представлений, взглядов и возможностей может помочь спроектировать дальнейшее развитие общества. Во-вторых, в условиях цифровизации данная категория молодежи одной из первых сталкивается с изменениями, происходящими в различных сферах жизни общества.

Известно, что студенты, в отличие от других категорий населения, обладает более высоким уровнем компьютерной грамотности, что, несомненно, представляет важность организации их будущей профессиональной деятельности. Выпускники вуза благодаря цифровым компетенциям быстро осваивают новые производственные технологии, становясь продуктивными работниками (рис1).

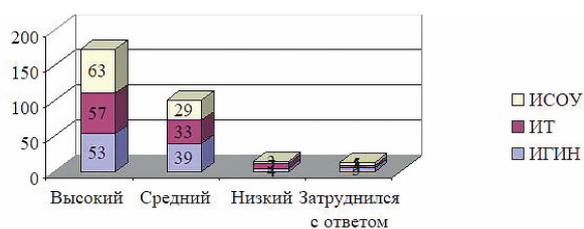

Рис. 1. Самооценка уровня цифровой грамотности респондентами, в %

Представленные результаты на рис. 1 подтверждают наличие высокого уровня компьютерной грамотности у значительной части респондентов указанных институтов, что, несомненно, является залогом жизненного успеха в будущем. При этом, как подтверждают результаты опроса, есть незначительная доля студентов, которым сложно оценить, проанализировать и использовать полученную информацию для формирования знаний. Как правило, студенты, не владеющие навыками использования цифровых инструментов, могут автоматически быть включены группу риска «не востребуемых специалистов».

Важно помнить, что на основе цифровой грамотности базируется цифровая компетентность, означающая готовность и способность свободного использования цифровых ресурсов, свободного ориентирования в социальных сетях, владение навыками поиска информации

в Интернете и безопасного поведения в цифровой образовательной среде. Это подтверждается результатами опроса (рис. 2).

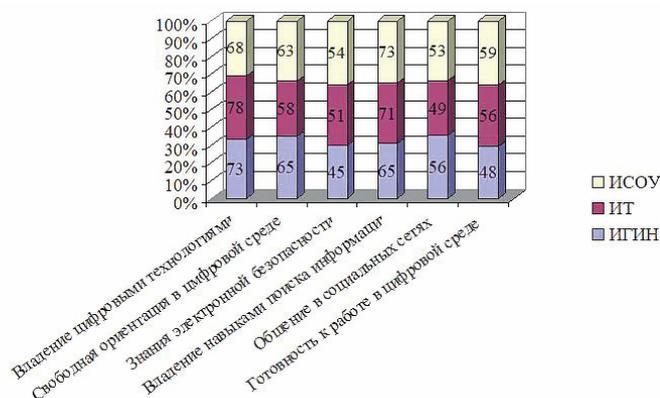

Рис. 2. Понимание содержания цифровая грамотность, в %

Такие цифровые инструменты, как виртуальные среды обучения, электронные портфели, программное обеспечение и социальные сети, становятся обычным атрибутом в системе высшего образования. Кроме того, наличие цифровых компетенций, по мнению респондентов, помогает быстрее осваивать новые технологии на производстве. Следовательно, цифровая компетентность есть универсальная характеристика личности, определяющая ее жизнедеятельность в цифровом обществе и открывающая возможности к успешной профессиональной деятельности.

На вопрос «Где, по Вашему мнению, приобретена большая часть цифровых компетенций?». Результаты оказались следующими: «в процессе обучения в университете» (ИГИН — 43%, ИТ — 39%, ИСОУ — 43%); «на уроках информатике» (ИГИН — 36%, ИТ — 27%, ИСОУ — 31%); «самостоятельное обучение» (ИГИН — 10%, ИТ — 25%, ИСОУ — 20%); затруднились с ответом (ИГИН — 11%, ИТ — 9%, ИСОУ — 6%).

На вопрос: «Назовите основные каналы получения информации?» (три варианта ответов) ответы распределились следующим образом:

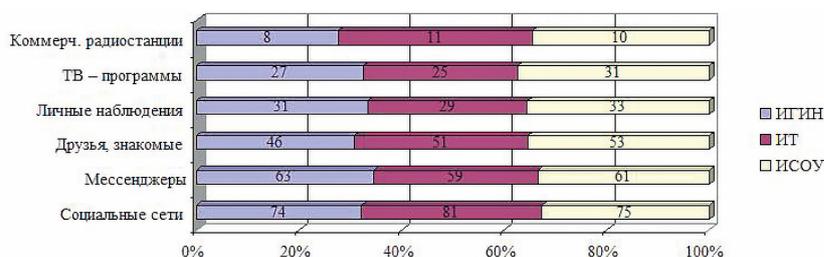

Рис. 3. Основные каналы получения информации, в %

Установлено, что наиболее привлекательными каналами получения информации для студентов являются социальные сети (ИГИН — 74%, ИТ — 81%, ИСОУ — 75%); мессенджеры (ИГИН — 63%, ИТ — 59%, ИСОУ — 61%); друзья и знакомые (ИГИН — 46%, ИТ — 51%, ИСОУ — 53%). Причем цифровые технологии обретают важность в сфере межличностного общения, получении и предоставлении услуг, профессиональной деятельности и даже отдыха. Это позволяет сделать вывод о том, что современное цифровое общество форми-

рует личность студентов с использованием новых информационных технологий, а уровень осведомленности проявляется нечто как информационная грамотность.

На вопрос: «Хватает ли Вам цифровых компетенций для поддержания своей конкурентоспособности на рынке труда?» примерно половина респондентов по каждому институту высказали мнение о достаточности набора цифровых компетенций для поиска работы и трудоустройства.

Отвечая на вопрос «Проводится ли в вузе работа по формированию цифровых компетенций». Результаты опроса представлены на рис. 4:

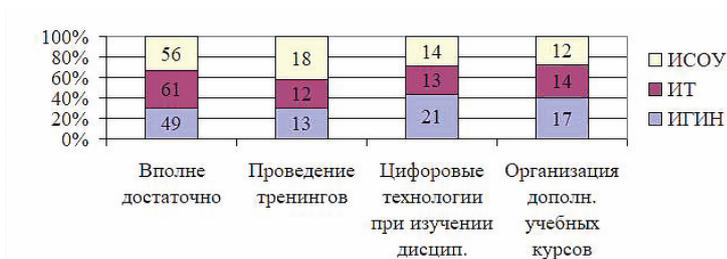

Рис. 4. Мнения респондентов о развитии цифровых компетенций, %

По мнению авторов, не следует оспаривать значимость наличия цифровых компетенций будущих специалистов. Университет, являясь главным проводником в профессию, обеспечивает обучающимся, независимо от направления профессиональной подготовки, возможность повышения цифровой грамотности. В ходе опроса респонденты акцентировали внимание на полезности проведения тренингов (ИГИН — 13%, ИТ — 12%, ИСОУ — 18%), дополнительных учебных курсах (ИГИН — 17%, ИТ — 14%, ИСОУ — 12%), что делает более управляемым процесс формирования цифровой грамотности будущих специалистов.

С развитием технологий и цифровой экономики, цифровые инструменты широко востребованы в профессиональной деятельности. Приведем лишь некоторые примеры использования цифровых технологий, например:

1. Искусственный интеллект и автоматизация процессов способствует оптимизации бизнес-процессов, снижению погрешностей в работе и повышению производительности.
2. Облачные технологии предоставляют возможность хранения и обмена информацией в режиме реального времени на расстоянии.
3. Интернет вещей (IoT) открывает новые возможности для сбора и анализа данных, что позволяет принимать более точные и эффективные решения.
4. Расширенная реальность (AR) позволяет создавать виртуальные модели объектов, что может быть полезно в отдельных отраслях, включая образование, медицину и строительство.
5. Блокчейн может использоваться для создания безопасной и прозрачной системы хранения данных и транзакций, что находит отражение в финансовой отрасли и логистике.

В связи с этим, в Тюменском индустриальном университете процесс формирования цифровой грамотности студентов направлен на овладение:

- знаниями цифровых ресурсов и создания контента в цифровой среде;
- умениями поиска, структурирования и оценки информации;
- навыками оценки качества, надежности и безопасности информации;
- способностью осознанно использовать ресурсы цифровой среды для решения задач в определенном контексте

ВЫВОДЫ. Таким образом, развитие цифровых технологий породило тренд на перенос информации в цифровую форму и создание целостных технологических систем для пользователей. Результатами исследования подтверждено, что только в процессе обучения в информационно-образовательной среде происходит формирование базовых профессиональных знаний и навыков, цифровых компетенций и личностных качеств у студентов. В связи с этим цифровую компетентность следует рассматривать как важную составляющую современного образования, как ключевой навык, необходимый для успешной жизнедеятельности в цифровой среде, который может формироваться в различных контекстах и форматах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Диго С.М., Нуралиев Б.Г. Сотрудничество индустрии информационных технологий с системой образования в эпоху цифровой экономики // Новые информационные технологии в образовании: сб. науч. тр. 20-й международной научно-практической конференции, Москва, 04-05 февраля 2020 года. Часть 1. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью «1С-Публишинг», 2020. С. 8-27.
2. Долидзе Н.И., Чердаков Е.О. Развитие цифровой грамотности населения // Вестник Международного юридического института. 2018. № 3 (66). С. 46-52
3. Ельцова О.В., Емельянова М.В. К вопросу о понятии цифровой грамотности // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2020. № 1 (106). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-tsifrovoy-gramotnosti> (дата обращения: 05.11.2023).
4. Исследование ООН: Электронное правительство 2018 // Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН. URL: <https://publicadministration.un.org/publications/content/pdf> (дата обращения: 03.11.2023).
5. Колоскова Г.А. Цифровая образовательная среда вуза как условие формирования профессиональных компетенций студентов // Вопросы методики преподавания в вузе. 2021. Т. 10. № 37. С. 99-106.
6. Мерсиянова И.В., Иванова Н.В., Брюшно А.С. Изменилась ли цифровая компетентность российских НКО в условиях пандемии? // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 38-48.
7. Осипова Л.Б., Салганова Е.И. Цифровая грамотность студентов: компетентностный подход // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. Т. 16. № 1. С. 126.
8. РОЦИТ-«Индекс цифровой грамотности». 2017. URL: <http://xn-80aaefw2ahcfbneslds6a8jyb.xn--p1ai> (дата обращения: 05.11.2023).
9. Gilster P. Digital Literacy. New York: Wiley Computer Publishing. 1997. 276 s.
10. Davis K., Ambrose A., Orand M. Identity and afterschool settings: Investigating digital media, s supporting role. Digital Culture & Education, 2017. 9 (1). Pp. 31-47.
11. Iordache C., Mariè I., Baelden D. Developing Digital Skills and Competences: A Quick-Scan Analysis of 13 Digital Literacy Models // Italian Journal of Sociology of Education. 2017. Vol. 9. No. 1. Pp. 6-30.
12. Limberg, L., Sundin O. Talja S. Three theoretical perspectives on information literacy. Human IT. 2012. No. 11/2. Pp.93-130.
13. Kullaslahti J., Ruhalahti S., Brauer S. Professional Development of Digital Competences: Standardised Frameworks Supporting Evolving Digital Badging Practices // Journal of Siberian Federal University. Mathematics and Physics. 2019. Vol. 12. Pp. 175-186.
14. Falloon G. From Digital Literacy to Digital Competence: The Teacher Digital Competency (TDC) Framework // Educational Technology Research & Development. 2020. Vol. 68. No. 5. Pp. 2449-2472.
15. Zhao, Y., Sánchez Gómez, Pinto Llorente, Digital Competence in Higher Education: Students' Perception and Personal Factors // Sustainability. 2021. Vol. 13. No. 21. Pp. 1-17.

REFERENCES

1. Digo S.M., Nuraliev B.G. *Sotrudnichestvo industrii informacionnyh tekhnologij s sistemoj obrazovaniya v epohu cifrovoj ekonomiki* [Cooperation of the information technology industry with the education system in the era of the digital economy] // *Novye informacionnye tekhnologii v obrazovanii: sb. nauch. tr. 20-j mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moskva, 04–05 fevralya 2020 goda. CHast' 1.* — Moskva: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «1S-Publishing», 2020. S. 8–27. (In Russian).
2. Dolidze N.I., CHerdakov E. O. *Razvitie cifrovoj gramotnosti naseleniya* [Development of digital literacy of the population] // *Vestnik Mezhdunarodnogo juridicheskogo instituta*. 2018. № 3 (66). S. 46–52. (In Russian).
3. El'cova O.V., Emel'yanova M. V. *K voprosu o ponyatii cifrovoj gramotnosti* [On the question of the concept of digital literacy] // *Vestnik CHGPU im. I.YA. YAKovleva*. 2020. № 1 (106). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-tsifrovoy-gramotnosti> (data obrashcheniya: 05.11.2023). (In Russian).
4. *Issledovanie OON: Elektronnoe pravitel'stvo 2018* [UN Study: E-Government 2018] // Departament po ekonomicheskim i social'nym voprosam OON. URL: <https://publicadministration.un.org/publications/content/pdf> (data obrashcheniya: 03.11.2023). (In Russian).
5. Koloskova G.A. *Cifrovaya obrazovatel'naya sreda vuza kak uslovie formirovaniya professional'nyh kompetencij studentov* [Digital educational environment of the university as a condition for the formation of professional competencies of students] // *Voprosy metodiki prepodavaniya v vuze*. 2021. T. 10. № 37. S. 99–106. (In Russian).
6. Mersiyanova I.V., Ivanova N.V., Bryuhno A.S. *Izmenilas' li cifrovaya kompetentnost' rossijskih NKO v usloviyah pandemii?* [Has the digital competence of Russian NGOs changed in the context of the pandemic?] // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2022. № 9. S. 38–48. (In Russian).
7. Osipova L.B., Salganova E.I. *Cifrovaya gramotnost' studentov: kompetentnostnyj podhod* [Cifrovaya gramotnost' studentov: kompetentnostnyj podhod] // *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*. 2023. T. 16. № 1. S. 126. (In Russian).
8. *ROCIT-«Indeks cifrovoj gramotnosti»* [ROCIT-"Digital Literacy Index"]. 2017. URL: <http://xn-80aaefw2ahcfbneslds6a8jyb.xn-p1ai> (data obrashcheniya: 05.11.2023). (In Russian).
9. Gilster P. *Digital Literacy*. New York: Wiley Computer Publishing, 1997. 276 s. (In English).
10. Davis K., Ambrose A., Orand M. *Identity and afterschool settings: Investigating digital media, s supporting role*. Digital Culture & Education, 2017. 9 (1). Pp. 31–47. (In English).
11. Iordache C., Marië I., Baelden D. *Developing Digital Skills and Competences: A Quick-Scan Analysis of 13 Digital Literacy Models* // *Italian Journal of Sociology of Education*. 2017. Vol. 9. No. 1. Pp. 6–30. (In English).
12. Limberg L., Sundin O., Talja S. *Three theoretical perspectives on information literacy*. Human IT. 2012. No. 11/2. Pp. 93–130. (In English).
13. Kullaslahti J., Ruhalahti S., Brauer S. *Professional Development of Digital Competences: Standardised Frameworks Supporting Evolving Digital Badging Practices* // *Journal of Siberian Federal University. Mathematics and Physics*. 2019. Vol. 12. Pp. 175–186. (In English).
14. Falloon G. *From Digital Literacy to Digital Competence: The Teacher Digital Competency (TDC) Framework* // *Educational Technology Research & Development*. 2020. Vol. 68. No. 5. Pp. 2449–2472. (In English).
15. Zhao Y., Sánchez Gómez, Pinto Llorente, *Digital Competence in Higher Education: Students' Perception and Personal Factors* // *Sustainability*. 2021. Vol. 13. No. 21. Pp. 1–17. (In English).

DOI 10.26105/SSPU.2023.86.5.011

УДК 37.015.4:378.12

ББК 60.561.9-7в6+74.480.42в6

Т.А. ЗАГЛОДИНА,
Л.Э. ПАНКРАТОВА**ИМИДЖ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ
ШКОЛЫ В ОЦЕНКАХ СТУДЕНТОВ**T.A. ZAGLODINA,
L.E. PANKRATOVA**THE IMAGE OF A HIGHER EDUCATION
TEACHER IN STUDENTS' EVALUATIONS**

Статья посвящена анализу понятия «имидж» в современной научной литературе, его роли в формировании корпоративного имиджа вуза в условиях конкуренции в сфере реализации образовательных программ и повышении качества образования. Целью исследования являлся анализ оценок студентов высших учебных заведений имиджа преподавательского состава. Проведено онлайн-анкетирование студентов в количестве 106 человек. Респондентам было предложено оценить имидж преподавателей по нескольким основным составляющим индивидуального имиджа. Результаты исследования показали, что в целом, студенты оценивают компоненты имиджа педагогов достаточно высоко. Исследование показало некоторые недостатки в кинетическом и ольфакторном составляющих имиджа, выявило некоторые барьеры, связанные с восприятием и усвоением информации студентами из-за несоответствия имиджа преподавателя их представлениям. На основе визуальных оценок студентов дана характеристика идеального представления об имидже преподавателя среди современных студентов. Представленные материалы могут быть использованы для принятия управленческих решений в части развития корпоративного имиджа высших учебных заведений.

The article is devoted to the analysis of the concept "image" in modern scientific literature, its role in the formation of the corporate image of the university in terms of competition in the market of educational services and improving the quality of education. The aim of the research was to analyze the higher education students' evaluations of the faculty's image. An online questionnaire survey of 106 students was conducted. The respondents were asked to evaluate the teachers' image according to several main components of individual image. The results of the study showed that, in general, students rated the components of teachers' image quite highly. The study showed some shortcomings in the kinetic and olfactory components of the image, revealed some barriers related to the perception and assimilation of information by students due to the inconsistency of the teacher's image with their perceptions. Based on the students' visual assessments, a characterization of the ideal perception of a teacher's image among today's students is given. The presented materials can be used for making managerial decisions regarding the development of the corporate image of higher education institutions.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: имидж, имидж преподавателя вуза, составляющие имиджа, образ, качество образования, реализация образовательных программ, корпоративный и индивидуальный имидж.

KEY WORDS: image, image of university teacher, image components, image, quality of education, educational services market, corporate and individual image.

ВВЕДЕНИЕ. В условиях реализации образовательных программ проблемы, связанные с конкуренцией и позиционированием высших учебных заведений, а, следовательно, и с вопросами формирования имиджа как организации, так и сотрудников вуза, становятся все актуальнее и в теоретическом, и практическом плане. Одной из составляющих

корпоративного имиджа вуза, как и любой другой организации, является имидж руководителя и профессорско-преподавательского состава. Абитуриенты при выборе места учебы сегодня знакомятся не только с информацией, представленной на сайте вуза, но и с отзывами обучающихся там студентов. Кроме того, выбор студентами факультативов и майноров (предметов по выбору в рамках дополнительной подготовки) также зависит от личности преподавателя, его умения формировать собственный позитивный имидж. Соответственно повышается и привлекательность предоставляемой образовательной программы, напрямую зависящей от субъекта данной деятельности. Все это говорит о том, что вопросы, связанные с формированием позитивного имиджа преподавателя высшей школы, сегодня являются неотъемлемой составляющей качества образования. Профессиональная компетентность преподавателя вуза сегодня должна включать в себя не только владение дисциплиной («знаниевая» компонента), но и умение донести эти знания до обучающихся с наименьшими смысловыми потерями. А в этом ему и помогает целенаправленная деятельность по формированию позитивного образа. Немногочисленные исследования, посвященные данной теме, говорят о важности для студентов имиджа преподавателя. Так проводимое пилотное исследование в Казанском национальном исследовательском технологическом университете в 2021 году среди 400 студентов показало, что более половины респондентов считают внешний вид преподавателя «очень важным» и «скорее важным» для имиджа «идеального преподавателя» [9, с. 411]. Все это ставит вопрос о повышении роли целенаправленно формируемого имиджа преподавателя вуза как составляющей его профессиональной компетентности и механизма, способствующего качеству образования и, в целом, конкурентоспособности вуза и образовательных программ.

Являясь необходимой составляющей качества образования, имидж педагога высшей школы требует системного изучения. Главным субъектом освоения образовательной программы являются студенты, поэтому так важна их оценка образа преподавателя вуза. **ЦЕЛЬЮ** нашего исследования является анализ оценки студентами имиджа преподавателей. Это необходимо для дальнейшей целенаправленной деятельности по формированию и коррекции имиджа профессорско-преподавательского состава, а также в целом имиджа вуза в условиях конкуренции.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Отечественная наука включила феномен имиджа в свое предметное поле с 90-х годов XX века. Становление рыночной экономики востребовало изучение разных аспектов продвижения и позиционирования различных товаров и услуг. Особенно востребованы стали политические имиджмейкеры и, следовательно, различные вопросы и технологии формирования позитивного имиджа политика стали объектом научного анализа. Изучением имиджа занимались такие ученые как Андреева С.В. [1], Быстрова Т.Ю. [3], Горчакова В.Г. [4], Панасюк А.И. [11], Почепцов Г.Г. [14], Томилова М.В. [20], Хаванов А.В. [21], Шарков Ф.И. [22], Шепель В.М. [23] и др. Авторы анализировали имидж как социальный феномен, рассматривали различные аспекты формирования корпоративного и индивидуального имиджа. Все авторы рассматривают имидж как образ, формируемый (целенаправленно или стихийно) у воспринимающей его аудитории. Тем не менее исходя из акцентов, расставляемых различными авторами, можно выделить несколько основных подходов к такому явлению как имидж. Первый подход психологический. Его авторы (А.Ю. Панасюк, В.М. Шепель) рассматривают имидж как в основном психологический и социально-психологический феномен, влияющий, в большей степени, на наше подсознание. Так Н.П. Плеханова изучает психологические условия формирования индивидуального имиджа и его связь с личностным развитием [13, с. 78]. Л.Ю. Донская обращает внимание на психологические условия формирования имиджа преподавателя вуза [5]. Е.Б. Перельгина считает, что «с точки зрения социальной психологии

имидж является разно-видностью образа, возникающего в результате социального познания» [12, с. 11]. Представители другого подхода в большей степени обращают свое внимание на коммуникативно-информационную составляющую имиджа. Имидж — это прежде всего сообщение, которое индивид пытается (осознано или бессознательно) донести до целевой аудитории. Б.Ю. Эрденев пишет: «имидж является одним из коммуникативных кодов. Он формирует соответствующие ожидания, модели интерпретации реципиентом смысла сообщения» [26, с. 3].

Третий подход условно можно назвать символическим. Современный человек живет в мире символов и все более отделяется от непосредственной реальности. И имидж — это «указатель», ориентир, знак, позволяющий человеку сделать выбор в этой символической реальности. Так Г.Г. Почепцов считает: «поскольку человек живет не только в мире реальном, но и в мире символическом, мы можем рассматривать имидж как единицу именно этого символического мира» [15, с. 15].

Кроме того, существует значительное количество научных исследований по политической имиджологии (анализ имиджа политиков, стран, регионов), а также анализу корпоративного имиджа организаций, преимущественно сервисных. Отдельным направлением в этом ряду развивается педагогическая имиджология. Ряд исследований по педагогической имиджологии посвящены и имиджу преподавателя высшей школы. Так Е.Ю. Сысоева считает, что преподаватели вуза недостаточно владеют технологиями управления своим имиджем [18, с. 89]. Имидж преподавателя вуза как важный фактор в повышении качества образования является объектом изучения таких авторов как Т.Б. Аристова [2], М.А. Лукашенко, А.А. Ожгихина [8], О.Л. Мальшева [9], Д.Н. Недбаев, С.В. Недбаева, С.Э. Искоянц [10], О.А. Тетцова, Е.М. Тетцова [7], И.В. Шиндряева, Т.В. Овсянникова, С.О. Шиндряев [24], О.А. Щербань, И.В. Воронкова [25] и др. Цифровой имидж преподавателя вуза анализируется в работах Л.К. Лободенко, Н.А. Лободенко, Н.П. Цыриковой, А.Б. Чередыняковой [7], Т.Е. Исаевой [6], Г.С. Тимохиной, О.И. Поповой, Н.Б. Изаковой [19]. Имидж преподавателя высшей школы в оценках иностранных студентов описывает Л.В. Прохорова [16]. Таким образом, можно констатировать возрастание количества исследований в области изучения имиджа как противоречивого и многоаспектного социального феномена, играющего важную маркирующую роль в современном конкурентном социуме.

Авторами было проведено обзорное исследование в 2023 году среди студентов вузов. В анкетировании участвовали студенты Российского государственного профессионально-педагогического университета и Уральского Федерального университета. Выборка стихийная, производилась по принципу «снежного кома», количество респондентов — 106 человек. Методология исследования основывается на выделении основных составляющих индивидуального имиджа, которые можно оценить визуально: габитарная составляющая (внешний вид — одежда, прическа, макияж, аксессуары), вербальная составляющая (как человек говорит и пишет), кинетическая составляющая (положение тела в пространстве, мимика и жесты), а также ольфакторная составляющая (запахи человека). Метод исследования — онлайн-опрос, в котором респондентам было предложено 19 вопросов, сгруппированных по составляющим имиджа.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Анализ результатов исследования показал, что габитарная составляющая имиджа преподавателя, к которой относится внешний облик, оценивается студентами выше среднего. Респонденты отмечают, что образ педагога напрямую влияет на усвоение учебного материала, так считают 55,2% опрошенных. Студенты очень часто обращают внимание на внешний вид преподавателя: одежду, прическу, макияж, аксессуары: в 64,1% случаев. На наш взгляд, такое соотношение результатов говорит о высокой значимости внешнего вида для восприятия и усвоения

информации студентами. Вербальная составляющая имиджа являлась вторым показателем в оценке преподавателей высшей школы студентами. Так, студенты отметили, что им встречались преподаватели, не умеющие доносить свои мысли до аудитории достаточно часто — в 30,2% случаев, иногда — 31,3%, редко — в 27,2% и никогда не встречали ничего подобного 11,3% опрошенных. Вопросом, затрагивающим факторы культуры общения, был вопрос о нарушении норм делового этикета и вопрос о применении нецензурной лексики преподавателями при очном или дистанционном общении со студентами. Так 85,8% ответили, что никогда не слышали от преподавателей нецензурных выражений, а 10,4% опрошенных сталкивались с данными фактами, остальные (3,8%) затруднились ответить на данный вопрос. Немного иначе обстоит дело с нарушением этических норм: 66% опрошенных изредка сталкивались с тем, что преподаватели нарушали этикет или нормы этики, 13,2% отметили достаточно частые нарушения в высказываниях преподавателей, а 20,8% студентов заметили, что таких нарушений никогда не было. В целом, вербальный имидж и речевая культура преподавателей оценивается студентами выше среднего. Большинство опрошенных поставили 4 балла (48,1%) из пяти возможных.

Кинетическая составляющая имиджа, которая включает в себя мимику, жесты, позу, играет немаловажную роль не только для усвоения материала, но и для субъективной оценки преподавателя. Часто бывает, что безэмоциональная подача учебного материала («застывшая» мимика, отсутствие зрительного контакта, полное отсутствие жестикуляции, монотонный голос, монологичность в изложении) влияют на качество подачи материала и его усвоение, с этим утверждением согласны 86,8% опрошенных, 11,3% студентов отметили слабую взаимосвязь данных составляющих, а 1,9% не согласились с утверждением.

Еще одной составляющей кинетического имиджа, оказывающей влияние на восприятие информации на лекциях, может являться излишняя или агрессивная жестикуляция преподавателя, с такими проявлениями сталкивались только 31,2% опрошенных, а 68,8% студентов отметили отсутствие данного фактора на лекциях и в непосредственном общении с педагогом. Также, по оценкам студентов, 72,7% преподавателей никогда не нарушали личное пространство студентов и не вторгались в личное пространство, 21,6% изредка сталкивались с такими нарушениями границ, а 5,7% опрошенных встречались с такими проявлениями часто. Несмотря на уменьшение расстояния между субъектами взаимодействия, при передаче информации происходит обратный эффект — она усваивается намного хуже, так как реципиент думает о сохранении личных границ, а не об услышанном.

Общая оценка кинетического имиджа преподавателя в основном, варьируется от 4 до 5. Но встречаются и средние показатели, так что нельзя говорить об однозначности в суждениях студентов, как, например, при оценке вербального имиджа.

Роль запахов, которые нельзя оценить визуально, но можно ощутить, нельзя переоценить. Они являются ольфакторной составляющей индивидуального имиджа. Студентам предлагалось оценить, сталкивались ли они с неприятным запахом от преподавателя, затрудняющим вашу с ним коммуникацию, и на данный вопрос ответы разделились. Только 30% опрошенных никогда не сталкивались с отталкивающими запахами, 40% сталкивались редко или очень редко, а еще 30% сталкиваются с неприятными запахами постоянно или достаточно часто. Полученные результаты показывают, что роль запаха, как коммуникативного барьера недооценена.

Дополнительной составляющей в оценке имиджа была выделена пунктуальность. Согласно ответам, большинство педагогов отличаются пунктуальностью по оценкам студентов: 86,6%. Но встречаются и те, кого студенты оценивают, как «совершенно не пунктуальных» — 13,2%. Данный показатель также влияет на восприятие имиджа преподавателя в совокупности с остальными.

ВЫВОДЫ. Подводя итог теоретическому исследованию, опираясь на типологию имиджей, обоснованную авторами, можно выделить несколько аспектов положительного имиджа преподавателя высшей школы: с точки зрения психологического подхода, преподаватели с благоприятным имиджем создают комфортные психологические условия для восприятия материала студентами. Коммуникативно-информационный подход ставит акцент на успешной интеракции между преподавателями и обучающимися, в которой педагог создает информационное пространство для восприятия и усвоения материала и, наконец, символический подход позволяет сделать вывод, что имидж преподавателя является необходимым элементом в формировании корпоративного имиджа вуза.

Обобщая результаты пилотажного эмпирического исследования, можем отметить, что имидж преподавателя высшей школы воспринимается студентами в целом как положительный, более половины опрошенных (58,5%) видят в своих педагогах ролевую модель, на которую стоит равняться; четверть студентов дала отрицательный ответ на этот вопрос, они еще не встретили (или не сформировали) такой образ, который стал бы для них эталоном, а 16,5% опрошенных затруднились с ответом.

В качестве эксперимента в анкете был использован метод визуальной социологии. Студентам были представлены фотографии с разным имиджем преподавателя (деловой стиль, повседневный и др.) и они могли выбрать любой вариант или предложить свой. Так, идеальному представлению об имидже преподавателя среди современных студентов больше отвечает молодой мужчина не в деловом, а повседневном стиле (кэжуал) с приветливым выражением лица. На фотографии он стоит в римской аудитории, но не за кафедрой, а ближе к студентам. Данное фото выбрали более 60% опрошенных, сопоставляя наши результаты с выводами других, схожих исследований, в частности, с исследованием Казанского национального исследовательского технологического университета, можно говорить о том, что габитарный имидж преподавателя имеет решающее значение в восприятии обучающимися.

Таким образом, исследование подтвердило важность имиджа преподавателя высшей школы для эффективного формирования компетенций у студентов. Кроме того, материалы исследования могут быть использованы для принятия управленческих решений в части развития корпоративного имиджа высших учебных заведений и повышения их конкурентоспособности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева С.В. Имиджелогия. Кемерово: КемГИК. 2017. 72 с.
2. Аристова Т.Б. Имидж как важная составляющая профессиональной культуры преподавателя вуза // Теория и практика социогуманитарных наук. № 3 (15). 2021. С. 16–22.
3. Быстрова Т.Ю. Определение имиджа: аналитика и феноменология. URL: http://taby27.ru/tvorcheskie_raboty/50/imagelogija_statji/image_analytic/image_analytic1.html (дата обращения: 11.04.2023)
4. Горчакова В.Г. Имидж. Искусство и реальность: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Ю НИТИ-ДАНА, 2010. 279 с.
5. Донская Л.Ю. Психологические условия формирования имиджа преподавателя высшей школы: диссертация ... кандидата психологических наук: 19.00.07. Ставрополь, 2004. 212 с.
6. Исаева Т.Е. Цифровой имидж преподавателя высшей школы: теоретическое обоснование целесообразности создания // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 7(99). С. 130–138.
7. Лободенко Л.К., Цырикова Н.П., Череднякова А.Б., Лободенко Н.А. Формирование имиджа преподавателя вуза в цифровом информационно-коммуникационном пространстве // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». Т. 14, № 4. 2022. С. 40–55.

8. Лукашенко М.А., Ожгихина А.А. Имидж преподавателя вуза: мнения и приоритеты студентов // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, № 1. С. 46–56.
9. Малышева О.Л. Профессиональный имидж современного преподавателя высшей школы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, № 4. С. 407–412.
10. Недбаев Д.Н., Недбаева С.В., Искоянц С.Э. Имидж преподавателя высшей школы: психология создания и продвижения // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2022. № 99. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imidzh-prepodavatelya-vysshey-shkoly-psihologiya-sozdaniya-i-prodvizheniya> (дата обращения: 14.04.2023).
11. Панасюк А.Ю.Я — Ваш имиджмейкер и готов помочь сформировать Ваш профессиональный имидж. — 2-е изд., испр. М.: Дело, 2004. 240 с.
12. Перелыгина Е.Б. Психология имиджа. Издат.: Аспект-Пресс, 2002. 223 с.
13. Плеханова Н.П. Проект «Психология индивидуального имиджа» как условие исследования и развития личности // Вестник государственного университета Дубна. Серия: науки о человеке и обществе. № 4 2018. С. 77–87
14. Почепцов Г.Г. Имиджология. (2-е изд.). М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2001. 698 с.
15. Почепцов Г.Г. Имиджология. 6-е изд., стер. М.: СмартБук, 2009. 575 с.
16. Прохорова Л.В. Имидж преподавателя высшей школы в контексте академического межкультурного взаимодействия // Вышэйшая Школа: Навукова-Метадычны І Публіцыстычны Часопіс № 5 (133). 2019. С. 18–21
17. Сысоева Е.Ю. Гуманистическая направленность взаимодействия как компонент позитивного имиджа преподавателя вуза // Психология Обучения. № 1 2019. С. 88–99
18. Тетцоева О.А., Тетцоева Е.М. Формирование имиджа преподавателя вуза в новой образовательной среде // Вестник университета. № 2. 2022. С. 223–230
19. Тимохина Г.С., Попова О.И., Изакова Н.Б. Моделирование цифрового имиджа преподавателя вуза // Интеграция образования Т. 26, № 4 (109). 2022. С. 613–636.
20. Томилова М.В. Модель имиджа организации // Маркетинг в России и за рубежом. № 1 1998. С. 51–58
21. Хаванов А.В. Решение проблем корпоративного имиджа в условиях российских реформ: Социально-политические аспекты: автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.02 / Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2000. 22 с.
22. Шарков Ф.И. Имидж фирмы: технологии управления. М.: Академический проект. 2020. 272 с.
23. Шепель В.М. Имиджология. Как нравиться людям: учебное пособие. М.: Народное Образование, 2002. 341 с.
24. Шиндряева И.В., Овсянникова Т.В., Шиндряев С.О. Имидж — образующие характеристики преподавателя высшей школы в контексте образовательного взаимодействия: анализ результатов эмпирического исследования // ЦИТИСЭ. № 4 (21). 2019. С. 195–203
25. Щербань О.А., Воронкова И.В., Эффективность образовательной деятельности факультетов высшего учебного заведения и профессиональный имидж преподавателей // Вестник науки и творчества. № 5 (53), 2020. С. 24–26.
26. Эрдынеев Б.Ю. Имидж как социально-коммуникативный феномен: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11 Улан-Удэ, 2011. 159 с.

REFERENCES

1. Andreeva S.V. *Imidzhologiya* [Imageology]: Kemerovo: KemGIK. 2017. 72 s. (In Russian).
2. Aristova T.B. *Imidzh kak vazhnaya sostavlyayushhaya professional'noj kul'tury` преподавателя вуза* [Image as an important component of the professional culture of a university teacher]: // Teoriya i praktika sociogumanitarny`x nauk. № 3 (15). 2021. S. 16–22. (In Russian).

3. By`strova T. Yu. *Opredelenie imidzha: analitika i fenomenologiya* [Defining image: analytics and phenomenology]. URL: http://taby27.ru/tvorcheskie_raboty/50/imageloggija_statji/image_analytic/image_analytic1.html (data obrashheniya: 11.04.2023). (In Russian).
4. Gorchakova V.G. *Imidzh. Iskustvo i real`nost`* [Image. Art and reality]: ucheb. posobie dlya studentov vuzov. M.: Yu NITI-DANA, 2010. 279 s. (In Russian).
5. Donskaya L.Yu. *Psixologicheskie usloviya formirovaniya imidzha prepodavatelya vy`sshej shkoly`* [Psychological conditions for the formation of the image of a teacher of higher education]: dissertaciya ... kandidata psixologicheskix nauk: 19.00.07. Stavropol`, 2004. 212 s. (In Russian).
6. Isaeva T.E. *Cifrovoj imidzh prepodavatelya vy`sshej shkoly` : teoreticheskoe obosnovanie celesoobraznosti sozdaniya* [Digital image of a higher education teacher: a theoretical justification for the feasibility of creation]: // Obshhestvo: sociologiya, psixologiya, pedagogika. 2022. № 7(99). S. 130-138. (In Russian).
7. Lobodenko L.K., Cyrikova N.P., Cherednyakova A.B., Lobodenko N.A. *Formirovanie imidzha prepodavatelya vuza v cifrovom informacionno-kommunikacionnom prostranstve* [Formation of the image of a university teacher in the digital information and communication space]: // Vestnik YuUrGU. Seriya «Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki». T. 14, № 4. 2022. S. 40-55. (In Russian).
8. Lukashenko M.A., Ozhgixina A.A. *Imidzh prepodavatelya vuza: mneniya i priority` studentov* [The image of a university teacher: students' opinions and priorities]: // Vy`sshee obrazovanie v Rossii. 2019. T. 28, № 1. S. 46-56.
9. Maly`sheva O.L. *Professional`ny`j imidzh sovremennogo prepodavatelya vy`sshej shkoly`* [Professional image of a modern teacher of higher education]: // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya. 2021. T. 21, № 4. S. 407-412. (In Russian).
10. Nedbaev D.N., Nedbaeva S.V., Iskoyancz S.E. *Imidzh prepodavatelya vy`sshej shkoly` : psixologiya sozdaniya i prodvizheniya* [The image of a teacher of higher education: the psychology of creation and promotion]: // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2022. № 99. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imidzh-prepodavatelya-vysshey-shkoly-psihologiya-sozdaniya-i-prodvizheniya> (data obrashheniya: 14.04.2023). (In Russian).
11. Panasyuk A. Yu. *Ya — Vash imidzhmejker i gotov pomoch` sformirovat` Vash professional`ny`j imidzh* [I am your image-maker and I am ready to help you form your professional image]: 2-e izd., ispr. M.: Delo, 2004. 240 s. (In Russian).
12. Perely`gina E. B. *Psixologiya imidzha* [Psychology of image]: Izdat.: Aspekt-Press, 2002. 223 s. (In Russian).
13. Plexanova N.P. *Proekt «Psixologiya individual`nogo imidzha» kak uslovie issledovaniya i razvitiya lichnosti* [«The psychology of the individual image» as a condition for the study and development of personality]: // Vestnik gosudarstvennogo universiteta Dubna. Seriya: nauki o cheloveke i obshhestve. № 4 2018. S. 77-87. (In Russian).
14. Pochepczov G.G. *Imidzhelogiya* [Imageology]: 2-e izd. M.: Refl-buk; Kiev: Vakler, 2001. 698 c. (In Russian).
15. Pochepczov G.G. *Imidzhelogiya* [Imageology]: 6-e izd., ster. M.: SmartBuk, 2009. 575 s. (In Russian).
16. Proxorova L.V. *Imidzh prepodavatelya vy`sshej shkoly` v kontekste akademicheskogo mezhkul`turnogo vzaimodejstviya* [The Image of the Higher School Teacher in the Context of Academic Intercultural Interaction]: // Vy`she`jshaya Shkola: Navukova-Metady`chny` I Publicysty`chny` Chasopis № 5 (133). 2019. S. 18-21. (In Russian).
17. Sy`soeva E.Yu. *Gumanisticheskaya napravlennost` vzaimodejstviya kak komponent pozitivnogo imidzha prepodavatelya vuza* [Humanistic orientation of interaction as a component of the positive image of a university teacher]: // Psixologiya Obucheniya. № 1 2019. S. 88-99. (In Russian).
18. Tetczoeva O.A., Tetczoeva E.M. *Formirovanie imidzha prepodavatelya vuza v novej obrazovatel`noj srede* [Formation of the image of a university teacher in the new educational environment]: // Vestnik universiteta. № 2. 2022. S. 223-230. (In Russian).

19. Timoxina G.S., Popova O.I., Izakova N.B. *Modelirovanie cifrovogo imidzha prepodavatelya vuza* [Modeling the digital image of a university teacher]: // Integraciya obrazovaniya T. 26, № 4 (109). 2022. S. 613–636. (In Russian).
20. Tomilova M.V. *Model` imidzha organizacii* [Organization image model]: // Marketing v Rossii i za rubezhom. № 1 1998. S. 51–58. (In Russian).
21. Xavanov A.V. *Reshenie problem korporativnogo imidzha v usloviyax rossijskix reform: Social`no-politicheskie aspekty`* [Addressing the Problems of Corporate Image in the Context of Russian Reforms: Socio-Political Aspects]: avtoreferat dis. ... kandidata politicheskix nauk: 23.00.02 / Nizhegor. gos. un-t im. N. I. Lobachevskogo. Nizhnij Novgorod, 2000. 22 s. (In Russian).
22. Sharkov F.I. *Imidzh firmy`: texnologii upravleniya* [Firm image: management technologies]: M.: Akademicheskij projekt. 2020. 272 s. (In Russian).
23. Shepel` V.M. *Imidzhelogiya. Kak nraivit`sya lyudyam* [How to make people like you]: uchebnoe posobie. M.: Narodnoe Obrazovanie, 2002. 341 s. (In Russian).
24. Shindryaeva I.V., Ovsyannikova T.V., Shindryaev S.O. *Imidzh — obrazuyushhie xarakteristiki prepodavatelya vy`sshej shkoly` v kontekste obrazovatel`nogo vzaimodejstviya: analiz rezul`tatov e`mpiricheskogo issledovaniya* [Image-formative characteristics of a higher school teacher in the context of educational interaction: analysis of the results of empirical research]: // CITISE`. № 4 (21). 2019. S. 195–203. (In Russian).
25. Shherban` O.A., Voronkova I.V., *E`ffektivnost` obrazovatel`noj deyatel`nosti fakul`tetov vy`sshego uchebnogo zavedeniya i professional`ny`j imidzh prepodavatelej* [The effectiveness of educational activities of faculties of a higher educational institution and the professional image of teachers] // Vestnik nauki i tvorchestva. № 5 (53), 2020. S. 24–26. (In Russian).
26. *E`rdy`neev B.Yu. Imidzh kak social`no-kommunikativny`j fenomen* [Image as a socio-communicative phenomenon]: dissertaciya ... kandidata filosofskix nauk: 09.00.11 Ulan-Ude`, 2011. 159 s. (In Russian).

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ**SOCIOLOGY OF YOUTH**

DOI 10.26105/SSPU.2023.86.5.012

УДК 316.346.32-053.6

ББК 60.543.172в682

К.Л. ИСАКОВА,
Е.В. ПРЯМИКОВА**УСТАНОВКИ ОБУЧАЮЩИХСЯ
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ НА РАБОТУ
В ПРОМЫШЛЕННОЙ СФЕРЕ
(НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**K.L. ISAKOVA,
E.V. PRYAMIKOVA**INSTITUTIONS OF STUDENTS OF GENERAL
EDUCATIONAL ORGANIZATIONS TO WORK
IN THE INDUSTRIAL SPHERE
(BY THE EXAMPLE OF THE SVERDLOVSK
REGION)**

В статье представлена информация о том, каким образом нынешние школьники выстраивают свою образовательную и профессиональную стратегию в промышленной сфере. Целью данной статьи является выявление установок обучающихся общеобразовательных организаций на работу в индустриальной отрасли экономики. В качестве методов сбора информации были использованы опросный метод, в том числе анкетирование, и анализ литературы. Результаты исследования показали, что промышленная сфера не является привлекательной для молодого поколения. Одна из причин — сложность профессий промышленной сферы. Вторая причина — отсутствие четкой, структурированной информированности школьников о промышленных профессиях. Таким образом, научная новизна данной темы является как никогда актуальной ввиду того, что многие крупные промышленные предприятия испытывают острую нехватку кадров. Региональный рынок труда очень нуждается в квалифицированных рабочих, а школьники, в свою очередь, выбирают профессии, совершенно не ориентируясь на спрос рынка.

The article provides information on how today's schoolchildren build their educational and professional strategy in the industrial sector. The purpose of this article is to identify the attitudes of students of educational organizations to work in the industrial sector of the economy. The survey method, including questionnaires, and literature analysis were used as methods for collecting information. The results of the study showed that the industrial sector is not attractive to the younger generation. One of the reasons is the complexity of industrial professions. The second reason is the lack of a clear, structured awareness of schoolchildren about industrial professions. Thus, the scientific novelty of this topic is more relevant than ever in view of the fact that many large industrial enterprises are experiencing an acute shortage of personnel. The regional labor market is in great need of skilled workers, and schoolchildren, in turn, choose professions, completely not focusing on market demand.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальные установки; промышленная сфера; региональный рынок труда; профинформирование; профессиональная деятельность; профессиональное самоопределение.

KEY WORDS: social attitudes; industrial sphere; regional labor market; informing; professional activity; professional identity.

ВВЕДЕНИЕ. Развитие промышленной (или индустриальной) сферы набирает все большие обороты в современной российской экономике в нынешних условиях, несмотря на огромные трудности и дефициты. Учитывая, что Свердловская область является промышленным регионом, возникает острая необходимость в квалифицированном персонале. При этом на сегодняшний день наблюдается явный кадровый дефицит в индустриальной отрасли. Выпускники школ не рассматривают для себя предприятия и заводы как постоянное место работы в будущем. Промышленные профессии не привлекают молодежь, это считается не престижным и не интересным, их установки рознятся со спросом рынка труда.

ЦЕЛЬЮ данной статьи является выявление установок обучающихся общеобразовательных организаций на работу в индустриальной отрасли экономики.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В качестве методов сбора информации были использованы опросный метод, в том числе анкетирование, и анализ литературы.

Результаты исследования. Впервые в социологии понятие «социальная установка» было введено американскими социологами У. Томасом и Ф. Знанецким. Они считали, что социальная установка представляется «как процесс индивидуального сознания, определяющий реальную или возможную активность индивида в социальном мире» [13, с. 335].

«Переход к рыночной экономике привел к резкому сокращению объемов промышленного производства по причине закрытия части крупных и средних предприятий в стране. Оставшиеся заводы и фабрики значительно сократили объемы промышленного производства. Потребность государства в подготовленных для работы с современной техникой кадров уменьшилась. Это неизбежно привело к переориентации выпускников школ на получение ставших престижными экономического, юридического и гуманитарного направлений образования. Конкурс в вузы на инженерные специальности существенно сократился в 90-е годы прошлого века» [8, с. 86].

Согласно результатам исследования, проведенного специалистами Института содержания и методов обучения РАО, «каждый второй обучающийся, как правило, не связывает выбор будущей профессии со своими реальными возможностями и требованиями рынка труда» [5, с. 54]. Более того, «44% выпускников общеобразовательных учреждений не владеют информацией о перспективах продолжения образования» [9, с. 12]. Это еще раз подчеркивает «проблему функционирования системы профессионального самоопределения школьников, поскольку ее эффективность определяет социально-экономическое состояние страны, развитие рынка труда, занятость населения, повышение уровня жизни людей» [1, с. 7].

Актуальной остается и проблема неудовлетворенности запроса регионального рынка труда. Свердловская область остро нуждается в специалистах технических и естественнонаучных специальностей, а обучающиеся выбирают гуманитарные и социально-экономические специальности. Это подтверждает и тот факт, что в 2017 году наибольшая потребность работодателей заявлена в квалифицированных рабочих в металлообрабатывающем и машиностроительном производствах, строительстве, пищевой, деревообрабатывающей, текстильной и швейной промышленности и области электротехники и электроники [10]. Сохраняется дефицит в квалифицированных кадрах более чем по 70 профессиям и специальностям на предприятиях машиностроительного, горно-металлургического, лесопромышленного, строительного и агропромышленного комплексов, легкой, химической и фармацевтической промышленности, в медицинских учреждениях. Это говорит о том, что обучающиеся, чаще всего, не ориентируются на востребованность специально-

сти на рынке труда, что, в свою очередь, может говорить о слабом профинформировании обучающихся со стороны школы и родителей. Поэтому «очень важно помочь выпускникам школ в познании своих способностей и возможностей, научить их не только разбираться в мире профессий, но и соотносить эти знания с существующим рынком труда. С этой целью многие исследователи предлагают организовать систему подготовки профессионально компетентных специалистов — консультантов по профориентации, в полной мере обладающих знаниями психологии молодежи и конфликтологии, последствиями выбора профессии, социальной политики государства, разбирающихся в особенностях и изменениях регионального рынка труда, требованиях разных профессий, правилах приема в профессиональные учебные заведения, условиях устройства и найма на работу» [7, с. 121].

Подобная модель с консультантами по профориентации пользовалась большой популярностью в зарубежных странах, особенно в Англии в 2000-ых годах. В Англии были созданы специальные службы с консультантами по профориентации для помощи молодым людям в трудоустройстве под названием Connexions. Но со временем правительство страны пришли к выводу, что это провальная стратегия. Большинство молодых людей воспринимали эту службу как службу для нуждающихся и обездоленных, а не как источник помощи молодежи. Поэтому новое коалиционное правительство в 2010 году объявило Connexions провалом и утверждало, что перенаправляет финансовую поддержку для профориентации через средние школы [14, с. 248].

«В последние годы на уральских промышленных предприятиях сохраняются кадровые проблемы. По результатам ежегодного социологического опроса, который проводит Свердловский областной Союз промышленников и предпринимателей (СОСПП), доля компаний, у которых не было и нет проблем с кадрами, в конце 2021 года сократилась почти вдвое (с 24,7% до 12,4%), а доля предприятий, у которых ситуация по сравнению с 2020 годом ухудшилась, возросла на 8,2%» [11, с. 7].

«Больше всего предприятиям Свердловской области не хватает квалифицированных рабочих» — об этом заявили представители 71,1% крупных промышленных предприятий. «Нехватка специалистов среднего и высшего уровня составляет 34% и 33% соответственно. В руководителях нуждаются 11,3% компаний, в административных работниках — 5,2%. Так, «Русалу» нужны металлурги, механики, энергетики. ТМК требуются рабочие профессии высоких разрядов: станочники, вальцовщики, электромонтеры, подручные сталевара. УГМК в первую очередь нуждается в технических специалистах — экспертах по горной добыче, цветной металлургии, геологоразведке, повышению операционной эффективности, компании также интересны специалисты для реализации крупных инвестиционных проектов — бюджетировщики, планировщики, проектировщики, строители» [11, с. 7].

В последнее десятилетие, а возможно, и ранее, наблюдается резкий спад интереса молодежи к рабочим профессиям. Можно предположить, данная тенденция обусловлена тем, что молодые люди все чаще стали интересоваться такими профессиями, как юрист, экономист и т.п., что, в свою очередь, повлекло за собой снижение мест в вузах на рабочие специальности. В последнее же время наиболее востребованы интернет-маркетологи, SMM-специалисты и блогеры. В связи с этим сейчас идет активное продвижение и поддержка IT-специальностей.

Установки и представления школьников в современном мире формируются, в основном, посредством СМИ и интернета, а там мало кто рассказывает о том, как престижно быть металлургом или инженером. В интернете полным ходом идет пропаганда творческих, нестандартных профессий (например, блогер, SMM-специалист). Происходят кардинальные изменения в образе предпочитаемой сферы профессиональной деятельности. Меняется и само отношение к профессиональной деятельности, раньше это был важный выбор, определяющий основную часть жизни [4, с. 255], сейчас скорее набор возможных вариан-

тов зарабатывания денег. При этом, современные молодые люди рассматривают будущую профессию не только как источник заработка, но и как досуг, место, куда хочется возвращаться и получать удовольствие от работы.

Помимо мощного воздействия СМИ и СМК, можно отметить растяжение процесса взросления, в том числе за счет увеличения времени, затрачиваемого на процесс обучения [3, с. 48]. Готовность родителей подставить плечо и дать возможность своему ребенку в течение довольно длительного времени искать себя тоже играет свою роль.

В настоящее время очень популярной становится практика фрилансерства, то есть возможность работать на себя, выбирать те проекты, которые тебе по душе. В связи с этим в 2020 году ВЦИОМ проводил опрос респондентов на темы «Фрилансеры среди нас». Результаты исследования ВЦИОМ показали, что молодые люди в возрасте 18–24 лет в два и более раза чаще говорили, что хотели бы стать фрилансерами, нежели люди старшего возраста. Половина опрошенных в возрасте 18–24 лет считают, что работать в таком формате гораздо эффективнее. Кроме того, больше трети респондентов (от числа тех, кто хотел бы стать фрилансером) хотели бы стать фрилансером по причине более высокого/дополнительного дохода, а каждый пятый респондент отметил, что это возможность работать на себя, не зависеть от начальства и самому принимать решения¹.

В ноябре-декабре 2022 года было проведено исследование «Ценностная перспектива и потребностно-мотивационная сфера молодежи как условия ее устойчивой профессиональной самореализации на предприятиях реального сектора экономики»². В ходе исследования было опрошено 7628 школьников Екатеринбурга, среди опрошенных 4432 девушки и 3196 юношей. В опросе участвовали школьники всех районов города Екатеринбурга.

Цель исследования — выявление отношения школьников к перспективам работы на предприятии. В ходе исследования были поставлены следующие задачи:

- изучить образ работника производственной сферы в глазах школьников;
- выявить наличие/отсутствие установки школьников на работу в сфере промышленного производства;
- проанализировать факторы позитивного/ негативного отношения к работе на промышленном предприятии.

В ходе исследования выпускникам общеобразовательных организаций было предложено отметить, задумывались ли они о выборе будущей профессии. Подавляющее большинство 11-классников (78%) и 9-классников (72%) задумывались о своей профессиональной траектории. Тем обучающимся, которые определились с профессией, было предложено указать профессию, которую они для себя выбрали. Все профессии, указанные школьниками, были проранжированы и представлены в таблице 1.

Согласно данным таблицы, профессия инженера появляется на 5 месте, а рабочая профессия — механик — лишь на 26 месте. Профессию механик упоминали всего лишь два раза. Другие рабочие профессии совсем не упоминались школьниками или упоминались лишь единожды. Это говорит о низкой привлекательности профессии рабочего в глазах школьников. Кроме того, в ходе исследования был произведен анализ семантического дифференциала, который показал, что школьники в профессии инженера видят большую перспективность, сложность и стабильность в сравнении с профессией простого рабочего (см. рис. 1). Поэтому она более привлекательна в их представлениях.

¹ Результаты исследования ВЦИОМ «Фрилансеры среди нас» 2020 г., - URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2020/2020-09-28_Frilansery.pdf

² Исследование выполнено при поддержке Научно-методического центра сопровождения педагогических работников ФГБОУ ВО «УрГПУ» в рамках реализации университетского гранта «Ценностная перспектива и потребностно-мотивационная сфера молодежи как условия ее устойчивой профессиональной самореализации на предприятиях реального сектора экономики».

Таблица 1. Перечень профессий, которые выбирают для себя выпускники школ, количество

№	Варианты профессии	Ранг	Количество упоминаний
1.	Программист	1	67
2.	IT— специалист	2	60
3.	Архитектор	3	58
4.	Врач и мед работник	4	56
5.	Инженер	5	45
6.	Учитель	6	44
7.	Экономист	6	33
8.	Дизайнер	8	30
9.	Психолог	9	28
10.	Веб-дизайнер	10	24
11.	Юрист		24
12.	Актёр	11	20
13.	Стоматолог	12	16
14.	Силовые структуры РФ	13	15
15.	Бизнесмен и предприниматель		15
16.	Графический дизайнер		15
17.	Тренер по спорту		15
18.	Хореограф		15
19.	Повар	14	14
20.	Полицейский		14
21.	Художник-аниматор	15	13
22.	Переводчик	16	12
23.	Военный	17	11
24.	Аналитик	18	10
25.	Автомеханик		10
26.	Геодезист		10
27.	Журналист		10
28.	Логист		10
29.	Кинолог		19
30.	Маркетолог	9	
31.	Режиссёр		9
32.	Государственная служба	20	8
33.	Музыкант		8
34.	Историк	21	7
35.	PR и реклама		7
36.	МЧС		7
37.	Биолог	22	6
38.	Химик		6
39.	Адвокат	23	5
40.	Акушер		5
41.	Лингвист		5
42.	МВД		5
43.	Косметолог	24	4
44.	Event-менеджер		4
45.	Дипломат		4
46.	Логопед		4
47.	HR-специалист	25	3
48.	Астроном		3
49.	Пожарный	26	3
50.	Механик		2

При этом хотелось бы отметить, что, по результатам анкетирования учащихся 11-х классов Ульяновской области в 2019 году, инженерные профессии находятся на 3-ем месте при ответе на вопрос: «Какие профессии Вы хотели бы получить»? В первых рядах, по-прежнему, IT-сфера. Можно сказать, что в Ульяновской области ситуация с выбором инженерных специальностей несколько лучше, чем в Свердловской области. Неготовность значительной части старшеклассников к выбору профессии, выявленная в Ульяновской области, характерна и для других регионов России. Опрос в Карелии показал, что только 45% определились с желаемой профессией, «для многих важен сам факт продолжения образования, и часто не так важно, по какому направлению подготовки», что свидетельствует о принципиальной слабости профессионального самоопределения [6, с. 128].

Анализируя профессиональные предпочтения обучающихся, важно понимать, на какие характеристики они обращают внимание в первую очередь при выборе профессии. Очевидно, что главным параметром для обучающихся остается высокая заработная плата (эту характеристику отметили 76,1% девятиклассников и 75,6% одиннадцатиклассников). Также одной из главных характеристик при выборе профессии служит перспектива карьерного роста, которую отметили порядка 50% выпускников. Стоит отметить, что половина выпускников 11 классов отметили еще такую характеристику, как профессиональная самореализация, в то время как девятиклассники не обратили на нее должного внимания (36,1%).

В наименьшей степени выпускники школ при выборе профессии обращают внимание на социальные льготы (оплата медицинских услуг, устройство детей в детский сад, выплата социальных пособий и др.). И это понятно, ведь на момент обучения в школе дети довольно амбициозны, подвержены модным тенденциям и совсем не обращают внимание на такие тонкости. В рамках исследования для участников был предусмотрен блок вопросов о том, что означает для них — работать на индустриальном предприятии. Школьникам было предложено сравнить профессию рабочего и профессию инженера (рис. 1). В результате сравнения можно увидеть, что позиция рабочего оценивается гораздо хуже, она более вредная и однообразная, по мнению школьников, и менее интересная и мало перспективная. К тому же, почти такая же сложная, как и работа инженера.

Представление о профессии рабочего   Представление о профессии инженера

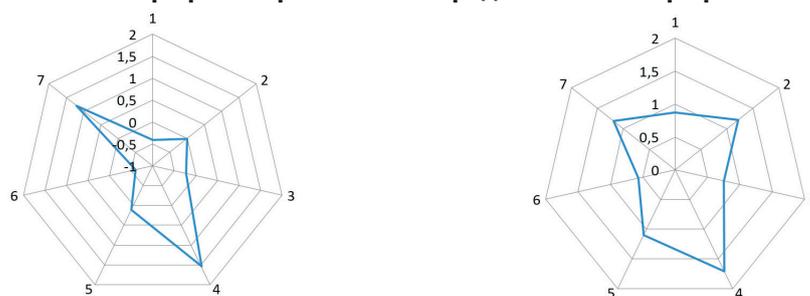

Рис. 1³. Диаграммы оценок деятельности инженера и рабочего на предприятии

№	Характеристики	Профессия инженера	Профессия рабочего
1	+разнообразная /-однообразная	0,9	-0,4
2	+перспективная/-неперспективная	1,2	-0,01
3	+интересная/-неинтересная	0,8	-0,2
4	+сложная/ -простая	1,7	1,5
5	+высокооплачиваемая/-малооплачиваемая	1,1	0,1
6	+невредная для здоровья/-вредная для здоровья	0,6	-0,6
7	+стабильная /-нестабильная	1,2	1,2

Обучающиеся 9 и 11 классов почти в равной степени не очень хорошо представляют себе работу на индустриальном предприятии, что связано с ситуацией слабого освещения данной деятельности в СМИ. Возможно, данная тема также поверхностно затрагивается в рамках профориентационной работы в образовательной организации. Основным источником сведений о заводской профессии и характерном труде является опыт семьи/родителей/родственников. По данным исследования, примерно 28% среди учащихся 11 и 9 классов сами узнали о такой профессии в Интернете. Опыт родственников и знакомых может также сыграть отрицательную роль в выборе рабочих и даже инженерных специальностей. По данным исследования «Траектории мобильности трудоспособного населения малых и средних моногородов различного профиля», участники групповых дискуссий, молодые люди, обучающиеся в выпускных классах школы и колледжах, практически все, отказались повторять профессиональный путь своих собственных родителей или бабушек и дедушек, многие из которых работали на местных заводах либо раньше, либо в настоящее время⁴. Молодежь устремляется за пределы своего города, руководствуясь базовым принципом «больше город — больше возможностей» [2, с. 13]. И эти возможности не связаны с наличием в городе промышленных предприятий.

Влияние школы ощущается довольно слабо. Получается, что отсутствует институциональное воздействие на школьников 9-ых классов, способных выбрать рабочую профессию. Раньше такую функцию выполняли УПК (учебно-производственный комбинат), которые были устранены вместе с системой начального профессионального образования. Возможно, эта система и была устаревшей на тот момент, но до сих пор ей не нашлось альтернативной замены.

На сегодняшний день в юношеской среде мы наблюдаем сочетание индивидуализированных стратегий (например, работа в IT сфере) по поводу выбора профессионального будущего с возможностью «страховки» в виде варианта работы в стабильной организации с нормированными правилами труда. Данная тенденция в сфере трудовой деятельности свойственна позднему постиндустриальному обществу, где знания и информация становятся основными факторами перестройки общественного сознания в сторону интеллектуализации, специализации профессиональной деятельности, готовности к мобильным стратегиям. Сфера заводского производства, несмотря на историческую значимость в отношении Уральского региона и Свердловской области, не является привлекательной для представителей школьного сообщества. В том числе, в силу незнания и непонимания данной деятельности.

При этом важно подчеркнуть, что активная работа по возрождению востребованности на технические специальности ведется как в регионе, так и в стране в целом. Ярким примером тому служит комплексный проект «Уральская инженерная школа» в рамках национального проекта «Образование», целью которого является «создание системы непрерывного технического образования, направленной на подготовку рабочих, научных и инженерных кадров, конкурентоспособных на международном уровне и удовлетворяющих текущим и перспективным потребностям экономики; возрождение и развитие бренда уральской инженерной школы. Его суть — повышение мотивации к выбору технических специальностей уже с детского сада, формирование качественной профподготовки в колледжах и вузах. В рамках этого проекта созданы центры непрерывного образования, заключены соглашения о целевом обучении с 28 предприятиями, 11 трехсторонних соглашений о сотрудничестве

⁴ Исследовательский проект «Траектории мобильности трудоспособного населения малых и средних моногородов различного профиля» поддержан Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ) № 18-011-00457, 2018–2020 гг. В 4 городах – Краснотурьинске, Первоуральске, Ревде, (Свердловская область) и Далматово (Курганская область) состоялись групповые дискуссии со школьниками 9 и 11 классов и студентами колледжей. Всего в 30 дискуссиях участвовали 529 человек:

и реализации совместных НИОКР. Совместно с крупнейшими уральскими вузами созданы 15 базовых кафедр для обучения инженеров» [12].

Тем не менее, пока мы не наблюдаем повышения интереса школьников к работе на промышленном предприятии. Прежде всего, в качестве рабочих. Установки молодежи, их выбор профессиональной деятельности не коррелируют со спросом рынка труда. Следует отметить, что обвинять только школу в отсутствии эффективно действующей системы профориентации не совсем справедливо. Сегодня изменился сам процесс взросления и профессионального самоопределения. Меняется и само отношение к подобной деятельности, молодежь в большей степени привлекает занятость, характерная для информационного общества. IT-специальности, программирование, отсутствие необходимости быть привязанным к своему рабочему месту.

ВЫВОДЫ. Очевидно, что главным параметром для обучающихся остается высокая заработная плата и перспектива карьерного роста. Нужно менять систему профориентации, чтобы помочь выпускникам школ в познании своих способностей и возможностей, научить их не только разбираться в мире профессий, но и соотносить эти знания с существующим рынком труда. В ряде школ для подобной деятельности активно используют потенциал родителей. Их приглашают на классные часы, где они делятся своим жизненным профессиональным опытом, раскрывают перед слушателями интересные аспекты той или иной занятости. И выясняется, что школьники не только не представляют себе специфику работы на индустриальном предприятии, но и особенностей множества других профессий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев В.В., Куницына С.М., Нечаев М.П., Фролова С.Л. Система профориентации: проблемы, тенденции, опыт реализации и перспективы развития // Инновационные проекты и программы в образовании. 2019. № 1 (61). С. 6–16.
2. Веселкова Н.В., Вандышев М.Н., Прямикова Е.В. Профессиональное образование в моногородах: производство мобильности // Вопросы образования. 2021. № 3. С. 8–32.
3. Веселкова Н.В., Ершова Н.В., Прямикова Е.В. Растянутое взросление // Отечественные записки. 2014. № 5 (62). С. 37–48.
4. Веселкова Н.В., Граматчикова Н., Енина Л., Прямикова Е.В. Мечты и память. Нарративные ландшафты небольшого уральского города. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2022. 330 с.
5. Давлетшина Л.А., Шаехов М.Р. Влияние потребностей регионального рынка труда и профильного обучения на профессиональный выбор школьников // Гуманитарные исследования Центральной России. 2021. № 2(19). С. 53–61.
6. Захарова И.В. Профессиональное самоопределение старшеклассников: социальные факторы и личные мотивы // Образование и саморазвитие. 2021. Т. 16, № 4. С. 120–135.
7. Курбатова А.С., Рубцова Н.В., Калачев Е.Ю. Проблемы и перспективы профориентационной работы в современных условиях // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 4(29). С. 119–122.
8. Меренков А.В., Артем О.Я. Потребность в техническом образовании у выпускников школ // Дискуссия. 2015. № 3(55). С. 85–90.
9. Нечаев М.П., Фролова С.Л. Современное осмысление проблем профориентации обучающихся // Гаудеамус. 2017. Т. 16. № 2. С. 9–16.
10. Об утверждении Стратегии развития образования на территории Свердловской области на период до 2035 года: Постановление правительства Свердловской области // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. 2019. № 588-ПП.
11. Реутова А. Промышленное образование кадров. Как на Урале готовят специалистов для предприятий // Коммерсантъ. 2022. № 180. С. 7.

12. Свердловская областная организация горно-металлургического профсоюза России. URL: http://gmp.rur.ru/news/_1/gorizont-2030/ (дата обращения: 25.05.2023).
13. Томас У., Знаниецкий Ф. Методологические заметки //Америк. соц. мысль / под ред. В.И. Добренькова. М., 1994. С. 335–337.
14. Roberts K. Career guidance in England today: reform, accidental injury or attempted murder? Br J Guid Counc. 2013 Jun;41(3):240–253.

REFERENCES

1. Afanas'ev V.V., Kunicyna S.M., Nechaev M.P., Frolova S.L. *Sistema proforientacii: problemy, tendencii, opyt realizacii i perspektivy razvitiya* [Career guidance system: problems, trends, implementation experience and development prospects] // Innovacionnye proekty i programmy v obrazovanii. 2019. № 1 (61). S. 6–16. (In Russian).
2. Veselkova N.V., Vandyshev M.N., Pryamikova E.V. *Professional'noe obrazovanie v monogorodah: proizvodstvo mobil'nosti* [Vocational education in single-industry towns: production of mobility] // Voprosy obrazovaniya. 2021. № 3. S. 8–32. (In Russian).
3. Veselkova N.V., Ershova N.V., Pryamikova E.V. *Rastyanutoe vzroslenie* [Sprawled Adulthood] // Otechestvennye zapiski. 2014. № 5 (62). S. 37–48. (In Russian).
4. Veselkova N.V., Gramatchikova N., Enina L., Pryamikova E.V. *Mechty i pamyat'. Narrativnye landshafty nebol'shogo ural'skogo goroda* [Dreams and memory. Narrative landscapes of a small Ural city]. Ekaterinburg; Moskva: Kabinetnyj uchenyj, 2022. 330 s. (In Russian).
5. Davletshina L.A., Shaekhov M.R. *Vliyaniye potrebnostej regional'nogo rynka truda i profil'nogo obucheniya na professional'nyj vybor shkol'nikov* [The influence of the needs of the regional labor market and specialized training on the professional choice of schoolchildren] // Gumanitarnye issledovaniya Central'noj Rossii. 2021. № 2(19). S. 53–61. (In Russian).
6. Zaharova I.V. *Professional'noe samoopredeleniye starsheklassnikov: social'nye faktory i lichnye motivy* [Professional self-determination of high school students: social factors and personal motives] // Obrazovanie i samorazvitiye. 2021. T. 16, № 4. S. 120–135. (In Russian).
7. Kurbatova A.S., Rubcova N.V., Kalachev E.YU. *Problemy i perspektivy proforientacionnoj raboty v sovremennyh usloviyah* [Problems and prospects of career guidance work in modern conditions] // Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologiya. 2019. T. 8. № 4(29). S. 119–122. (In Russian).
8. Merenkov A.V., Artem O.YA. *Potrebnost' v tekhnicheskoy obrazovanii u vypusnikov shkol* [Need for technical education among school graduates] // Diskussiya. 2015. № 3(55). S. 85–90. (In Russian).
9. Nechaev M.P., Frolova S.L. *Sovremennoe osmysleniye problem proforientacii obuchayushchihhsya* [Modern understanding of the problems of career guidance for students] // Gaudeamus. 2017. T. 16. № 2. S. 9–16. (In Russian).
10. *Ob utverzhdenii Strategii razvitiya obrazovaniya na territorii Sverdlovskoj oblasti na period do 2035 goda* [On approval of the Strategy for the development of education in the Sverdlovsk region for the period until 2035]: Postanovlenie pravitel'stva Sverdlovskoj oblasti // Elektronnyj fond pravovyh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov. 2019. № 588-PP. (In Russian).
11. Reutova A. *Promyshlennoye obrazovanie kadrov. Kak na Urale gotovyat specialistov dlya predpriyatij* [Industrial education of personnel. How specialists for enterprises are trained in the Urals] // Kommersant. 2022. № 180. S. 7. (In Russian).
12. *Sverdlovskaya oblastnaya organizaciya gorno-metallurgicheskogo profsoyuzha Rossii*. URL: http://gmp.rur.ru/news/_1/gorizont-2030/ (data obrashcheniya: 25.05.2023). (In Russian).
13. Tomas U., Znaneckij F. *Metodologicheskie zametki* [Methodological notes] // Amerik. soc. mysli / pod red. V.I. Dobren'kova. M., 1994. S. 335–337. (In Russian).
14. Roberts K. *Career guidance in England today: reform, accidental injury or attempted murder?* Br J Guid Counc. 2013 Jun; 41(3):240–253. (In English).

DOI 10.26105/SSPU.2023.86.5.013

УДК 316.346.32-053.6

ББК 60.542.15

О.Е. ЯЦЕВИЧ, Н.В. ОМЕЛАЕНКО, Н.А. ТКАЧЁВА,
Л.Н. ШАБАТУРА, В.В. ЮДАШКИНА**ПАНДЕМИЯ И ПОСТПАНДЕМИЯ
КАК ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ,
ПОВЛИЯВШИЕ НА СОЦИАЛЬНУЮ
АКТИВНОСТЬ МОЛОДЁЖИ**O.E. IATSEVICH, N.V. OMELAENKO, N.A. TKACHEVA,
L.N. SHABATURA, V.V. IUDASHKINA**PANDEMIC AND POST-PANDEMIC
AS THE MAIN FACTORS AFFECTING
THE SOCIAL ACTIVITY OF YOUNG PEOPLE**

Социальная активность является ключевым условием для реализации и становления молодёжи как основного гаранта и ресурса, необходимого для дальнейшего существования и развития общества. На активность молодых людей большое влияние оказывают глобальные перемены, с которыми столкнулось человечество в конце 2019 года, что трансформировало образ жизни, сделав привычную ранее деятельность невозможной из-за введённых ограничений в виде социальной дистанции и локдауна, и позволило, в свою очередь актуализировать тему социальной активности молодёжи через призму пандемии и постпандемии.

Выбранная тема является междисциплинарной, что предопределяет подход к её изучению, анализу и интерпретации специфических черт регионального характера. Опираясь на анкетные данные в студенческих группах Тюменского индустриального университета, проведённые осенью 2022 г. при помощи интернет-платформы, авторы выявили факторы, влияющие на социальную активность в условиях самоизоляции; описали трудности, возникшие во время локдауна и повлиявшие на социальную активность молодёжи; интерпретировали и проанализировали полученные данные, делая вывод о том, что адаптационное состояние человека к неспецифическим для него условиям (локдаун и самоизоляция) может пойти на пользу, человек обретает новые знания и навыки, столь необходимые в трансформирующихся условиях. Новый формат социальной активности молодёжи можно последовательно выстроить в перспективную экзистенциальную парадигму, сопровождающуюся непрерывным процессом саморазвития, не вредя при этом своему здоровью.

Social activity is a key condition for the realization and formation of youth as the main guarantor and resource necessary for the further existence and development of society. The activity of young people is greatly influenced by the global changes that humanity faced at the end of 2019, which transformed the way of life, making previously habitual activities impossible due to the restrictions imposed in the form of social distance and lockdown, and allowed, in turn, to actualize the topic of social activity of young people through the prism of a pandemic and a post-pandemic.

The chosen topic is interdisciplinary, which determines the approach to its study, analysis and interpretation of specific features of a regional nature. Based on the questionnaire data in

the student groups of Tyumen Industrial University, conducted in the fall of 2022 using Internet platform, the authors identified factors affecting social activity in conditions of self-isolation; described the difficulties that arose during the lockdown and affected the social activity of young people; we interpreted and analyzed the data obtained, concluding that the adaptation state of a person to non-specific conditions for him (lockdown and self-isolation) can be beneficial, a person acquires new knowledge and skills that are so necessary in transforming conditions. The new format of social activity of young people can be consistently built into a promising existential paradigm, accompanied by a continuous process of self-development, without harming their health.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: молодежь, стресс, самоизоляция, социальная активность, здоровье, ценность.

KEY WORDS: youth, stress, self-isolation, social activity, health, value.

ВВЕДЕНИЕ. Конец 2019 года принёс известие о новом инфекционном заболевании — коронавирусе, вызванном штаммами COVID-19. Заболевание распространялось быстрыми темпами на всех континентах и во всех странах, повсеместно был зарегистрирован высокий летальный исход, что послужило причиной объявления ситуации пандемической, было рекомендовано соблюдать режим самоизоляции, чтобы избежать быстрого роста заболевания.

Современный человек подвергся ограничениям в социальной активности: в свободе перемещения, связь с внешним миром осуществлялась посредством интернета, телефона и телевидения. Лимитирование деятельности, страх неизвестности и, как следствие, неуверенность в завтрашнем дне способствовали снижению стрессоустойчивости людей, особенно тех, кто вёл активный образ жизни, и для кого нахождение в центре событий являлось основным жизненным кредо. Чувство радости от долгожданного пребывания дома сменилось унынием из-за невозможности свободно передвигаться, встречаться с родными, друзьями, путешествовать, посещать культурные и спортивные мероприятия.

Самоизоляция, как выяснилось в ходе наблюдения, имеет как положительные, так и отрицательные моменты. Одним из основных преимуществ изоляции стал свободный доступ к различным культурным, научным и социальным ресурсам. Люди получили возможность проявлять онлайн-активность, виртуально посещать художественные галереи, выставки, концертные залы, музеи, библиотеки. Также произошло стремительное внедрение дистанционной формы обучения, были разработаны и апробированы различные онлайн-платформы и приложения, дальнейшее развитие получили дистанционные курсы.

Несмотря на перечисленные плюсы, самоизоляция имеет ряд недостатков: ограничения социальных контактов и свободы передвижения приводят к снижению социальной активности, стрессу, понижается мотивация, что ведёт к низким показателям во многих сферах деятельности человека, появляется чувство неуверенности и нестабильности.

Коронавирус и сопутствующие мероприятия по его сдерживанию во всех сферах социальной жизни стали предметом изучения для исследователей в разных областях знаний, таких как медицина, психология, педагогика, социология и т.д., поскольку эта проблема стремительно приобрела глобальный характер и предопределила междисциплинарный подход к её изучению и анализу.

Авторов статьи, работающих в техническом вузе, в первую очередь, волновали вопросы, связанные с проявлением молодыми людьми социальной активности, с мотивацией при обучении и сохранением их здоровья в трансформирующихся условиях.

ЦЕЛЬЮ статьи является изучение влияния самоизоляции на социальную активность обучающихся Тюменского индустриального университета в условиях пандемии. В соответствии с целью были поставлены следующие ЗАДАЧИ:

- проанализировать подходы к определениям «социальная активность», «здоровье», «стресс»;
- выявить позитивное и негативное воздействие пандемии на социальную активность обучающихся вуза в условиях самоизоляции;
- на основе проведённого анкетирования установить группы студенческой молодежи, на которые пандемия оказала наибольшее влияние.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ. Понятие социальной активности является предметом обсуждения многих научных зарубежных школ, и в настоящее время не существует единого подхода к определению сущности и роли социальной активности, что говорит о подвижности смыслового ядра понятия. Западные ученые Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Дж.Г. Мид рассматривали социальную активность как процесс социализации индивида, его взаимодействия с обществом. По мнению исследователей, социальная активность формирует личностные качества, которые проявляются в социокультурной деятельности и позволяют гармонично существовать в обществе и, при необходимости, преобразовывать его.

В то же время отечественные исследователи И.В. Арндачук [1], Е.С. Балабанова [2] и М.С. Яницкий [13] характеризуют социальную активность с точки зрения самореализации и саморегуляции личности. Ю.А. Зубок, Ю.В. Березутский [7], Т.Н. Мартынова [8] проводят аналогию между социальной активностью и деятельностью, цель которой определяется потребностями как самой личности, так и общества. Регуляторами социальной активности, по мнению Ю.А. Зубок и Ю.В. Березутского, являются социальные установки и ценностные ориентации молодёжи и общества [7].

Анализируя социальную активность, М.С. Яницкий предлагает выстраивать в ней градацию по её направленности и входящим в неё уровням ценностей, что позволяет исследователю выделить следующие ценностные типы: адаптирующийся, социализирующийся и индивидуализирующийся. Данные ценностные типы отличаются по своему происхождению, уровню развития системы ценностей, существенными особенностями в уровне осмысленности жизни, самоактуализации, жизненной стратегии личности, а также регуляции социального поведения. Автор даёт краткие характеристики для каждого типа. Таким образом, адаптирующийся тип отличается высокой тревожностью и фрустрационной напряженностью личности; для представителей социализирующегося типа характерны конформность, зависимость и экстернальность; индивидуализирующийся тип характеризуется такими особенностями, как высокая осмысленность жизни, интернальность и позитивная Я-концепция [13].

Можно сделать логический вывод о том, что социальная активность является необходимым условием развития личности и общества. Социальная активность несёт в себе смысловую доминанту подвижности и может быть связана с различными антиномийными, на первый взгляд, факторами. В данном исследовании авторы проводят взаимозависимость между пандемией / постпандемией и социальной активностью.

Здоровье является одной из универсальных ценностей человека, поэтому его изучение всегда было в центре внимания не только медицины, но и социально-гуманитарных наук. Вопросы здоровья актуализировали в своих исследованиях как классические социологи М. Вебер [5], Э. Дюркгейм [6], Т. Парсонс [11] и др., так и современные — П. Бурдьё [15], Т. Абель, В. Коккерем [17]. Они рассматривали основные факторы, влияющие на здоровье, постепенно усиливая акцент на исследовании личной ответственности человека за состояние своего здоровья, определяемого как системой индивидуальных установок, так и социокультурными нормами, образом жизни.

В последние три года распространение COVID-19 и его воздействие на физическое и ментальное состояние не только взрослого населения, но и молодежи стало причиной

возникновения многочисленных проблем, связанных с ограничением социальной активности, что привело их к состоянию стресса. Изучению такого состояния у молодых людей посвящены работы отечественных исследователей О.В. Бессчетновой [3], М.Н. Бородатой [4], Л.Л. Мехришвили, Н.А. Ткачевой [9], Д.П. Петренко [12], О.Е. Яцевич, В.В. Юдашкиной, Л.Н. Шабатуры, Н.А. Ткачевой [14] и иностранных исследователей S.J. Carter [16], K. Meier [18] и др.

Эпидемия COVID-19 оказала огромное влияние на все слои общества, но большие её последствия испытала на себе молодёжь, не привыкшая к тому, чтобы быть ограниченной рамками. Для того чтобы справиться с последствиями пандемии и быть готовыми вернуться к постпандемии, необходимо изучить социальную активность, поскольку социальный феномен изоляции привёл к трансформации всех видов активности.

На всеобщее состояние обучающихся в период изоляции оказали большое влияние не только социально-экономические факторы, но и дистанционное обучение и окружающая среда. В совокупности оба эти фактора значительно повышают уровень тревожности обучающихся.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ. Пандемия и постпандемия дали толчок исследователям разных сфер деятельности для изучения интересующей их ниши в определённой области знания.

Исследователей Тюменского индустриального университета волновали вопросы, связанные с пандемией и постпандемией как основными факторами, влияющими на социальную активность молодёжи. В рамках исследования в ноябре 2022 года была составлена авторская анкета на базе платформы Survio, которую обучающиеся проходили онлайн. В анкетировании приняли участие обучающиеся (N=100) Тюменского индустриального университета 1-2 курса бакалавриата, специалитета и 1-2 курса магистратуры, очной и заочной форм обучения технического и гуманитарного профиля. Возрастные рамки включали в себя: 17-20-летних обучающихся (91,3%), 21-23 года (5,8%), 24-26 лет (1%), старше 30 лет (1,9%). Из 100 опрошенных 98,1% являются студентами очной формы и 1,9 заочной формы обучения. 76% респондентов обучаются на платной основе, 24% являются бюджетниками.

Результаты опросов позволили сделать выводы об основных формах проявления социальной активности у молодых людей в различное время (до вспышки пандемии / во время и после пандемии).

В данном исследовании авторы рассматривают социальную активность как форму проведения свободного времени, когда молодые люди могут заниматься тем, что им интересно, в соответствии с их ценностями и потребностями. Согласно анкетированию, до пандемии молодёжь предпочитала проводить свободное время в интернете, смотреть телевизор и встречаться с друзьями.

Во время пандемии процент молодёжи, посвятившей свой досуг интернету, увеличился почти на 10%; количество читающих выросло с 33% до 45%. Число тех, кто стал больше уделять времени самообразованию увеличилось с 14% до 34%. Можно отметить резкое сокращение числа молодёжи посещающих кино и театры (с 45% до 12%), а также занимающихся спортом (с 45% до 14%).

И, если ситуацию с кино и театрами можно объяснить тем, что они были закрыты, то причину отказа от спортивных занятий нужно анализировать, так как многие фитнес-центры продолжали проводить занятия в малых группах, на открытом воздухе, были возможны индивидуальные и самостоятельные тренировки.

После пандемии самыми популярными вариантами досуга стали «провожу время с друзьями» (64%), «занимаюсь спортом» (56%), «хожу в кино, театр» (49%). На высоком уровне сохранилось число, занимающихся самообразованием — 29% (Рис. 1).

Рис. 1. **Актуальные виды деятельности до пандемии/во время пандемии/после пандемии**

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в период до / во время и после пандемии изменилась направленность социальной активности молодёжи. И если до пандемии молодёжь предпочитала пассивное времяпрепровождение (Интернет, просмотр телевизора), то после пандемии активность молодёжи стала больше направлена на межличностную коммуникацию, посещение мероприятий и самообразование.

Проблемы, поднятые в анкетировании, акцентируют внимание на отсутствии альтернативной организации досуговой деятельности, которая предоставляла бы молодёжи возможность посещать заведения по интересам на бесплатной основе, что отвлекло бы её от пассивного времяпрепровождения и позволило бы социализироваться и реализоваться в общественной деятельности. Молодёжь смогла бы приобрести, таким образом, положительные качества, которые так необходимы не только самой развивающейся личности, но и обществу в целом.

Рисунок 2 иллюстрирует в процентном соотношении последствия перенесенного заболевания и самоизоляции. 58% опрошенных утверждает, что они не испытывали эмоциональных симптомов стресса во время пандемии. При этом примерно каждый четвертый респондент (26,5%) отметил упадок сил, а 18,4% опрошенных зафиксировали нарушение сна.

Также популярными ответами оказались «наличие стресса» «депрессия и апатия». Таким образом, мы можем наблюдать противоречия, с одной стороны, молодые люди утверждают, что перенесли пандемию бессимптомно, а с другой стороны, выделяют такие проблемы, как стресс, усталость, повышенная тревожность. Более того, многие отметили, что не хотят возвращения изоляции и дистанционного обучения.

Рис. 2. **Последствия после перенесенного заболевания и самоизоляции**

Следует отметить, что трудности в эпоху перемен происходят не только в сферах, сопряженных со здоровьем, но и на бытовом уровне (Рис. 3).

Рис. 3. Бытовые трудности во время пандемии COVID-19

Во-первых, почти половина респондентов (44,2%) столкнулась с семейными проблемами, так как в период изоляции все члены семьи вынуждены были находиться дома. При переходе на удаленный режим обучения и работы в рамках одной семьи возникли трудности с очередностью пользования техническими средствами, что послужило дополнительным источником напряженности или финансовых затрат.

Во-вторых, трудности молодые люди испытали при освоении основных образовательных программ, которые предполагали использование дистанционных технологий, (28,8% респондентов). Это может быть частично связано с недостатком технических средств в семье (13% опрошенных). Многие респонденты отметили существенное увеличение времени, проводимым за компьютером, что вызвало огромную нагрузку на интернет-сети и привело к снижению качества связи (23,3%).

В-третьих, немалое количество трудностей было связано с финансовыми проблемами (12%), поскольку многие потеряли постоянные источники дохода или они существенно снизились.

В ходе анкетирования молодым людям было предложено оценить уровень своей тревожности по шкале от «0» до «4», где «4» расценивается как экстремально высокий уровень тревожности, а «0» как её отсутствие. Анализируя данные показатели, авторы выявили зависимость между уровнем стресса, возрастом и полом. Интерпретация данных, касающихся зависимости уровня тревожности от возраста, выявила нарастание тревожности от возраста (чем старше респондент, тем чаще выбирали показатель «3» и «4»).

Анализ зависимости уровня тревожности от пола показал, что респонденты женского пола чаще испытывали чувство стресса, шкалу «4» выбрали 7% респондентов женского пола и ни один респондент мужского пола.

ВЫВОДЫ. Социальную активность молодёжи можно определить как доминантную составляющую, которая тесно связана с её физическим ментальным состоянием. Ограничение в активности, невозможность её проявления приводят молодых людей к стрессу, что показали результаты анкетирования. Интерпретация анкетных данных обозначила трансформацию социальной активности молодёжи во время и после пандемии.

В этой связи можно определить локдаун и самоизоляцию как адаптационное состояние человека к неспецифическим для него условиям, которые ранее не были зафиксированы его жизненным опытом, к которым он вынужден был стремительно приспосабливаться, используя различные ресурсы для сохранения своего здоровья, а также саморазвития (интернет-ресурсы, книги, семейные игры, аутотренинги и др.). Кроме того, сложившаяся ситуация способствовала приобретению новых навыков работы с компьютерной техникой, стимулировала самостоятельность и формирование навыков планирования.

Как показало исследование, существует нетождественность в отношении к пандемии, которая продиктована половозрастными отличиями и уровнем дохода. Респонденты женского пола более чутко переживают глобальные перемены. Также к изменениям в обществе более уязвимы респонденты с более низкими доходами.

Для нивелирования и снижения чувства тревожности необходимо обучить студентов стратегиям управления таким состоянием, что помогло бы им справиться с тревожностью и депрессией. Для этого предлагается использовать мероприятия по повышению социальной активности.

Все вышеперечисленные составляющие помогут уменьшить негативное воздействие пандемии и её последствий и быстрее приспособиться к постпандемийным условиям. Считаем, что немаловажным является использование разных технологий по повышению социальной активности, которые были бы направлены на создание позитивных эмоций (выбор музыкальных произведений, кинофильмов, организация встреч с близкими родственниками и друзьями, в том числе для совместных заочных путешествий (путешествия и др.); открытие горячей линии, на которой психологи, IT-специалисты, медицинские работники могли бы ответить на самые актуальные вопросы.

Для преодоления негативных последствий во время учебной деятельности в период пандемии и других социально-экономических перемен, необходимо поддерживать у обучающихся мотивацию к продолжению социальной активности: научить студентов использовать возможности новых учебных платформ, предлагая им для ознакомления четкий и понятный алгоритм действий по их освоению; разработать нормы времени работы за компьютером, необходимые на выполнение тех или иных заданий для избегания перегрузки и сохранения здоровья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арендчук И.В. Ценностно-смысловые характеристики социальной активности молодежи в зависимости от форм ее проявления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, Вып. 4. С. 425-432.
2. Балабанова Е.С. Социально-психологический подход к исследованию социальной активности молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 3. С. 210-218.
3. Бессчетнова О.В., Кадуцкий П.А., Борисов А.Б., Магомадов Р.А. Психологическое здоровье студентов вузов в условиях пандемии COVID-19 // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29. № S2. С. 1417-1422. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47210853> (дата обращения: 30.10.2022).
4. Бородатая М.Н., Волченкова Е.В. Стресс и психологическое благополучие студентов в период пандемии COVID-19 // Открытые данные — 2021: Материалы форума, Севастополь, 30 сентября — 02. 2021 года / Под редакцией А.Ю. Саркисовой. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2021. С. 16-33
5. Вебер М. Избранные произведения Пер. с немецкого Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
6. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод и назначение. URL: https://booksafe.net/read/duyrkgeym_emil-sociologiya_ee_predmet_metod_i_naznachenie-235951.html#p2 (дата обращения: 30.03.2023)./
7. Зубок Ю.А., Березутский Ю.В. Социальная активность молодежи: мировоззренческие основания саморегуляции // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 2 (91). С. 89-105.
8. Мартынова Т.Н., Яницкий М.С., Зеленин А.А., Пфетцер С.А. Добровольческая деятельность как форма социальной и гражданской активности студенческой молодежи // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 1 (33). С. 160-167.
9. Мехришвили Л.Л., Ткачева Н.А. Формирование нового отношения жителей крупного города к здоровью // Россия реформирующаяся. 2020. № 18. С. 444-465.

10. Мид Д.Г. Избранное: Сб. переводов; Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и переводчик В.Г. Николаев. Отв. ред. Д.В. Ефременко / Д.Г. Мид. М., 2009. 290 с.
11. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект. 2002. 880 с.
12. Петренко Д.П. Стрессы в период пандемии Covid-19 и после неё // Форум молодёжной науки. 2021. № 2. С. 60-67. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44939480> (дата обращения: 10.12.2022).
13. Яницкий М.С. Система ценностных ориентаций личности и социальных общностей: структурно-динамическая модель и ее применение в психологических исследованиях и психологической практике // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22, № 1. С. 194-206.
14. Яцевич О.Е., Юдашкина В.В., Ткачева Н.А., Шабатура Л.Н. Социокультурная активность во время пандемийных ограничений: опыт Германии // Russian Economic Bulletin. 2022. Т. 5, № 2. С. 56-62.
15. Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. London: Routledge, 1984. 450 с.
16. Carter S.J., Baranauskas M.N., Raglin J.S, Pescosolido B.A., Perry B.L. Functional Status, Mood State, and Physical Activity Among Women With Post-Acute COVID-19 Syndrome. Int J Public Health. 2022. URL: <https://doi.org/10.3389/ijph.2022.1604589>. PMID: 35755951; PMCID: PMC9218064. (дата обращения 28.05.2023).
17. Cockerham W., Rutten A., Abel T. Conceptualizing contemporary health lifestyles: moving beyond Weber // The Sociological Quarterly. 1997 Vol. 38.
18. Meier K., Glatz T., Guijt M.C., Piccininni M., van der Meulen M., Atmar K., et al. Public perspectives on protective measures during the COVID-19 pandemic in the Netherlands, Germany and Italy: A survey study. 2020. PLoS ONE 15(8): e0236917. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0236917> (дата обращения 12.06.2023).

REFERENCES

1. Arendachuk I.V. *Cennostno-smyslovye harakteristiki social'noj aktivnosti molodezhi v zavisimosti ot form ee proyavleniya* [Value-based meaningful characteristics of social activity of youth, depending on the forms of its manifestation] // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika. 2018. T. 18, Vyp. 4. S. 425-432. (In Russian).
2. Balabanova E.S. *Social'no-psihologicheskij podhod k issledovaniju social'noj aktivnosti molodezhi* [Social and psychological approach to the study of young people's social activity] // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2018. № 3. S. 210-218. (In Russian).
3. Besschetnova O.V., Kaduckij P.A., Borisov A.B., Magomadov R.A. *Psihologicheskoe zdorov'e studentov vuzov v usloviyah pandemii COVID-19* [Psychological health of university students in the context of the COVID-19 pandemic] // Problemy social'noj gigieny, zdavoohraneniya i istorii mediciny. 2021. T. 29. № S2. S. 1417-1422. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47210853> (data obrashcheniya: 30.10.2022). (In Russian).
4. Borodataya M.N., Volchenkova E.V. *Stress i psihologicheskoe blagopoluchie studentov v period pandemii COVID-19* [Stress and psychological well-being of students during the COVID-19 pandemic] // Otkrytye dannye — 2021: Materialy foruma, Sevastopol', 30 sentyabrya — 02. 2021 goda / Pod redakciej A.YU. Sarkisovoj. Tomsk: Nacional'nyj issledovatel'skij Tomskij gosudarstvennyj universitet, 2021. S. 16-33. (In Russian).
5. Veber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works] Per. s nemeckogo Sost., obshch. red. i poslesl. YU. N. Davydova; Predisl. P.P. Gajdenko. M.: Progress, 1990. 808 s. (In Russian).
6. Durkheim E. *Sociologiya. Ee predmet, metod i naznachenie*. [Sociology. Its subject, method and purpose] URL: https://bookscafe.net/read/dyurkgeym_emil-sociologiya_ee_predmet_metod_i_naznachenie-235951.html#p2 (data obrashcheniya: 30.03.2023). (In Russian).

7. Zubok Yu.A., Berezutskij Yu.V. *Social'naya aktivnost' molodezhi: mirovozzrencheskie osnovaniya samoreguljatsii* [Social activity of youth: ideological foundations of self-regulations] // *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*. 2020. № 2 (91). S. 89-105. (In Russian).
8. Martynova T.N., Yanickij M.S., Zelenin A.A., Pfetcer S.A. *Dobrovol'cheskaya deyatelnost' kak forma social'noj i grazhdanskoj aktivnosti studencheskoj molodezhi* [Voluntary activity as a form of social and civil activity of student youth] // *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom*. 2019. № 1 (33). S. 160-167. (In Russian).
9. Mekhrishvili L.L., Tkacheva N.A. *Formirovanie novogo otnosheniya zhitelej krupnogo goroda k zdorov'yu* [Formation of a new attitude of residents of a large city to health. Russia is reforming.] // *Rossiya reformiruyushchayasya*. 2020. № 18. S. 444-465 (In Russian).
10. Mid D.G. *Izbrannoe* [Favourites]: Sb. perevodov; Centr social. nauchn.-inform. issledovanij. Otd. sociologii i social. psihologii; Sost. i perevodchik V.G Nikolaev. Otv. red. D.V. Efremenko / D.G. Mid. M., 2009. 290 s. (In Russian).
11. Parsons T. *O strukture social'nogo dejstviya*. [On the structure of social action]. M.: Akademicheskij Proekt. 2002. 880 s. (In Russian).
12. Petrenko D.P. *Stressy v period pandemii Covid-19 i posle neyo* [Stresses during and after the Covid-19 pandemic] // *Forum molodyozhnoj nauki*. 2021. № 2. S. 60-67. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44939480> (data obrashcheniya: 10.12.2022). (In Russian).
13. Yanickij M.S. *Sistema cennostnyh orientacij lichnosti i social'nyh obshchnostej: strukturno-dinamicheskaya model' i ee primenenie v psihologicheskikh issledovaniyah i psihologicheskoy praktike* [System of value orientations of personality and social communities: structural and dynamic model and its application in psychological research and psychological practice]. // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020. T. 22, № 1. S. 194-206. (In Russian).
14. Yacevich O.E., Yudashkina V.V., Tkacheva N.A., Shabatura L.N. *Sociokul'turnaya aktivnost' vo vremya pandemijnyh ogranichenij: opyt Germanii* [Sociocultural activity during pandemic restrictions: German experience] // *Russian Economic Bulletin*. 2022. T. 5, № 2. S. 56-62. (In Russian).
15. Bourdieu P. *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. London: Routledge, 1984. 450 s. (In English).
16. Carter S. J., Baranauskas M. N., Raglin J. S., Pescosolido B. A., Perry B. L. *Functional Status, Mood State, and Physical Activity Among Women With Post-Acute COVID-19 Syndrome*. *Int J Public Health*. 2022. URL: <https://doi.org/10.3389/ijph.2022.1604589>. PMID: 35755951; PMCID: PMC9218064. (data obrashcheniya 28.05.2023). (In English).
17. Cockerham W., Rutten A., Abel T. *Conceptualizing contemporary health lifestyles: moving beyond Weber* // *The Sociological Quarterly*. 1997 Vol. 38. (In English).
18. Meier K., Glatz T., Guijt M.C., Piccininni M., van der Meulen M., Atmar K., et al. *Public perspectives on protective measures during the COVID-19 pandemic in the Netherlands, Germany and Italy: A survey study*. 2020. *PLoS ONE* 15(8): e0236917. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0236917> (data obrashcheniya 12.06.2023). (In English).

DOI 10.26105/SSPU.2023.86.5.014

УДК 316.343.725(571.122)-057.4

ББК 60.543.132.1(2Рос-6Хан)-6

Д.И. БОГДАН

**СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ
РАБОТАЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ
СЕВЕРНОГО РЕГИОНА
В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ**

D.I. BOGDAN

**SOCIAL WELL-BEING OF WORKING
YOUTH OF THE NORTHERN REGION
IN THE FIELD OF EDUCATION
AND SCIENCE**

*Работа выполнена в рамках государственного задания по науке
БУ «Сургутский государственный педагогический университет» на 2021–2023 гг.
по теме «Динамика социального благополучия молодёжи в условиях Севера:
югорский срез в контексте общероссийских тенденций».*

В статье рассмотрены субъективные факторы социального благополучия молодых работников сферы образования и науки северного региона. Информационной базой стали результаты исследования социального благополучия работающей молодежи, проведенного весной 2022 года сотрудниками Лаборатории региональных исследований БУ «Сургутский государственный педагогический университет». Ханты-Мансийский автономный округ — Югра характеризуется достаточно высокими показателями социально-экономического развития, что, в свою очередь, должно отражаться на уровне социального благополучия его жителей. Однако результаты проведенного исследования показывают, что работники сферы образования и науки не удовлетворены многими аспектами своей жизни. Наиболее низкие оценки получили удовлетворенность здоровьем и экономическим положением семьи, а также другие сопряженные с ними показатели: уровень медицинского обслуживания, условия культурного потребления (театры, музеи, библиотеки и пр.), условия для организации досуга (спорт, поддержание здорового образа жизни, развлечения и пр.), состояние окружающей среды (экологическими условиями жизни).

The article considers subjective factors of social well-being of young workers in the field of education and science of the northern region. The information base was the results of a study of the social well-being of working youth, conducted in the spring of 2022 by employees of the Regional Research Laboratory of the Surgut State Pedagogical University. Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra is characterized by fairly high indicators of socio-economic development, which in turn should be reflected in the level of social well-being of its residents. However, the results of the study show that workers in the field of education and science are not satisfied with many aspects of their lives. The lowest ratings were given to satisfaction with their health and the economic situation of their family, as well as other related indicators: the level of medical care, conditions of cultural consumption (theaters, museums, libraries, etc.), conditions for leisure (sports, maintaining a healthy lifestyle, entertainment, etc.), the state of the environment (environmental conditions life).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: работающая молодежь, социальное благополучие, рынок труда.
KEY WORDS: working youth, social well-being, labor market.

ВВЕДЕНИЕ. Социальное благополучие работающей молодежи является важным индикатором развития любой территории — региона и страны. Это подтверждается количеством и разнообразием публикаций по вопросам моделей трудового поведения и стратегии на рынке труда [2; 5; 6], социального самочувствия молодых работников [3; 9; 11]. Особое внимание уделяется молодежи как уязвимой категории в трудовой сфере [4; 8; 16; 17].

Под социальным благополучием мы будем понимать «интегральный феномен, отражающий взаимосвязь объективных и субъективных характеристик положения в обществе его различных субъектов», «общественное явление, детерминированное повседневными условиями жизнедеятельности людей (его субъектов), в которых они удовлетворяют свои потребности и интересы, реализуют социальные ожидания и жизненные планы» [13, с. 27]. Оно определяется рядом объективных (социально-экономические, политические, социокультурные, экологические условия развития территории проживания) и субъективных факторов. Среди основных детерминант субъективного благополучия выделяют: ощущение счастья и свободы, представление о будущем, субъективное ощущение качества и уровня жизни (материальное положение, здоровье и др.).

Работающая молодежь как объект исследования социального благополучия представляет интерес по ряду причин. Во-первых, это особая категория занятых в экономике, которая недавно завершила своё обучение в высших или профессиональных учебных заведениях, находится в поиске первой работы или набирает опыт, совершенствует практические навыки, получает свои первые повышения в должности [2, 3]. Во-вторых, такие работники являются наиболее мобильными, готовы к изменениям, нестандартно подходят к решению задач, имеют карьерные амбиции [3, 17]. В то же время, именно работающая молодежь в большей степени подвержена неопределенности и нестабильности на рынке труда, она более уязвима с точки зрения условий и гарантий работы [2, 8, 14, 17]. Немаловажным является факт снижения количества молодых работников на рынке труда страны (в 2022 доля работников в возрасте от 25 до 34 сократилась до 29,8% всех занятых) [24].

Работы, посвященные различным вопросам социального благополучия в разрезе отраслевой специфики, в основном, сосредоточены на работниках промышленности и отражают разные его аспекты, озвученные нами ранее [3, 10, 15, 23]. При этом исследования, посвященные работникам сферы образования и науки, находятся, как правило, в поле психологических и педагогических наук, и рассматривают вопросы психологического здоровья, эмоционального выгорания, адаптации молодых педагогов и др. [7, 12, 19, 20].

За рамками исследований остаются темы оценки социально-экономического положения страны и региона, наличие ресурсов, взаимосвязь экономического, культурного и социального капитала молодых работников. В настоящей статье представлен анализ оценок работающей молодежи в сфере образования и науки субъективных факторов благополучия.

Говоря о социальном благополучии работающей молодежи северного региона — Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, обратимся к ряду объективных показателей социального благополучия жителей региона (таблица 1)¹.

¹ Составлено на основе: Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу-Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу. Краткий статистический сборник. Ханты-Мансийский автономный округ - Югра в цифрах. URL: <https://72.rosstat.gov.ru/ofpublic/document/30696> (дата обращения: 17.10.2023); РИА Рейтинг. URL: <https://riarating.ru/> (дата обращения: 17.10.2023); Агентство стратегических инициатив. Рейтинг качества жизни. URL: https://asi.ru/government_officials/quality-of-life-ranking/ (дата обращения: 17.10.2023).

Таблица 1. **Объективные показатели социального благополучия жителей ХМАО — Югры за 2018–2022 годы**

	2018	2019	2020	2021	2022
<i>Позиция в рейтинге регионов по оценке благополучия жителей</i>					
Рейтинг регионов по уровню благосостояния семей	6	5	7	7	4
Рейтинг регионов по доступности покупки семьями жилья в ипотеку	3	2	3	4	4
Рейтинг регионов по материальному благополучию населения	-	-	6	7	7
Рейтинг регионов по качеству жизни	-	-	-	3	5
<i>Среднегодовая численность занятых в сфере образования, тыс. человек</i>					
Среднегодовая численность	69,2	69,7	69,2	68,7	67,0
% от общей численности занятых	9,1%	9,2%	9,3%	9,3%	9,1%
<i>Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, рублей</i>					
Образование	54166,0	57674,7	61641,1	65773,4	73069,3
В целом по региону	70896,2	75086,9	79821,5	85446,8	97562,0
<i>Численность молодежи в возрасте 18–34 лет, тыс. человек</i>					
Численность	386,3	375	365,8	368,8	357,7
% от общей численности населения	23,2%	22,4%	21,7%	21,5%	20,7%

Как мы видим, позиция региона в различных рейтингах по оценке благополучия жителей (основными показателями которых являются среднемесячная заработная плата, объем вкладов; доля населения с доходами ниже границы бедности; доля семей, которые могли купить квартиру в ипотеку и др.) характеризуется устойчивым состоянием и нахождением в первой десятке лидеров, то есть регион относится к социально благополучным.

В контексте исследуемой нами профессиональной области и социально-демографической группы следует отметить, что среднегодовая численность занятых в сфере образования в течение последних пяти лет остается на стабильном уровне от 9,1% до 9,3% от общей численности занятых в экономике (в 2022 году этот показатель составил 67 тыс. человек), а также происходит рост заработной платы в этом секторе.

Но в то же время наблюдается сокращение числа и доли молодежи в ХМАО — Югре за последние пять лет. Проблема оттока трудоспособного населения и молодежи определена как одна из значимых и требующей решения в Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа — Югры до 2036 года с целевыми ориентирами до 2050 года [21]. В Стратегии сделан акцент на высокий уровень рождаемости в регионе, который влечет за собой усиление нагрузки на учреждения образования, что подтверждает актуальность изучения причин уменьшения числа молодых специалистов в этой сфере.

Таким образом, несмотря на достаточно высокие показатели региона в общероссийских рейтингах качества жизни и хорошее материальное положение жителей, отток молодежи из него является серьезной проблемой. Возможно, одной из причин такого положения является наличие проблем в субъективных оценках своего благополучия молодым поколением. В нашем исследовании анализ показателей субъективного благополучия будет построен на сравнении ответов трех выделенных групп работников с разными жизненными стратегиями:

- 1) тех, кто решил остаться в ХМАО — Югре;

- 2) тех, кто решил переехать;
- 3) тех, кто пока не определился.

ЦЕЛЬЮ статьи является анализ показателей субъективного социального благополучия как факторов оттока с рынка труда работающей молодежи в сфере образования и науки северного региона.

МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Исследование социального благополучия работающей молодежи ХМАО — Югры было реализовано весной 2022 года. Объем выборки составил 820 человек, из которых 359 являются работниками сферы образования и науки. Именно эта категория будет рассматриваться нами в дальнейшем описании результатов. Данные обрабатывались в программе обработки и анализа социологической и маркетинговой информации Vortex 10. Респондентами являлись 77,4% девушек и 22,6% юношей в возрасте 18–21 (3,6%), 22–25 (26,7%), 26–30 (31,2%) и 31–35 лет (38,4%). Среди респондентов высшее образование имеют 85,5%, распределение по профилю образования представлено в таблице 2.

Таблица 2. Профиль образования респондентов (не более 3-х вариантов ответа)

Профиль образования	Частота	%от отве- тов	%от опро- шенных
Гуманитарные специальности (история, археология, филология, иностранные языки, философия, этика, религия, искусство и др.)	158	38,9	44,0
Социальные науки (педагогика, психология, экономика и бизнес, социология, социальная работа, организация работы с молодежью, право, политология, социально-экономическая география и др.)	148	36,5	41,2
Естественно-научные специальности (математика, информатика, физика, химия и фармацевтика, биология, науки о Земле и об окружающей среде)	48	11,8	13,4
Технические специальности (инженерное дело, строительство, машиностроение, электроника, материаловедение, химические, био— и нано-технологии)	30	7,4	8,4
Медицина и здравоохранение (общая и клиническая медицина, науки о здоровье, медицинские биотехнологии)	7	1,7	1,9
Сельскохозяйственные специальности (сельское хозяйство, лесоводство, рыболовство и рыбоводство, ветеринария)	4	1,0	1,1
Не было специализации	2	0,5	0,6
Затрудняюсь ответить	9	2,2	2,5
Сумма:	406	100,0	113,1
Итого ответивших:	359		100,0

Почти половина опрошенных (47,1%) проживает на территории округа всю жизнь, более 10 лет 27,3%, 5–10 лет 14,2%, оставшиеся — менее 5 лет в таких населенных пунктах как Сургут (52,1%) и Сургутский район (11,7%), Ханты-Мансийск (10,6%); доля других муниципальных образований составляет менее 5% каждый. При этом важно отметить, что только чуть больше половины (53,5%) собираются остаться в округе в ближайшие десять лет; оставшиеся либо собираются покинуть регион (20,6%), либо пока не определились (25,9%).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В структуре занятости респондентов мы можем выделить следующие особенности: во-первых, среди работающих по специальности наибольшую долю составляют те, кто намерен остаться (80,6%); во-вторых, наибольший про-

Несмотря на почти одинаковые высокие показатели ощущения счастья во всех трех группах с разными жизненными стратегиями (от 81,5% до 89,2%), более несвободными себя ощущают те, кто собирается переехать и неопределившиеся (31,3% и 22% соответственно) (таблица 5).

Таблица 5. Ответы респондентов на вопросы «Считаете ли Вы себя счастливым человеком?», «Считаете ли Вы себя свободным человеком?»

Варианты ответа	Собираюсь остаться		Собираюсь уехать		Пока не определился	
	Считаете ли Вы себя счастливым человеком?	Считаете ли Вы себя свободным человеком?	Считаете ли Вы себя счастливым человеком?	Считаете ли Вы себя свободным человеком?	Считаете ли Вы себя счастливым человеком?	Считаете ли Вы себя свободным человеком?
Да	39,8	35,4	33,8	29,7	33,0	28,0
Скорее да, чем нет	49,4	42,8	47,7	37,9	52,8	40,8
Скорее нет, чем да	6,9	14,7	12,8	23,6	8,3	17,4
Нет	1,7	3,9	4,6	7,7	0,9	4,6
Затрудняюсь ответить	2,2	3,2	1,0	1,0	5,0	9,2
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Одной из центральных проблем изучения социального благополучия работающей молодежи (вне зависимости от профессии) является анализ её удовлетворенности различными аспектами своей жизни. Анализ представленных в таблице 6 данных показывает ряд острых проблем для региона. Если такие показатели, как удовлетворенность качеством полученного образования, уровнем своей культуры, отношениями с друзьями и родственниками находятся на относительно высоком уровне, то оценка состояния своего здоровья (а также связанный с ним показатель медицинского обслуживания и состояния окружающей среды) и экономического положения своей семьи (и как следствие, уровень проживания, условия досуга) вызывают серьезные опасения у всех опрошенных.

Таблица 6. Удовлетворенность работающей молодежи основными показателями качества жизни

№	Субъективные показатели качества жизни	Собираюсь остаться	Собираюсь уехать	Пока не определился
1	Получаемое образование	83,9%	72,9%	69,9%
2	Своё здоровье	65,6%	66,2%	57,0%
3	Свой уровень культуры	84,4%	72,9%	80,6%
4	Отношения с друзьями, соседями	84,3%	71,6%	77,4%
5	Отношения с родственниками, семьей	90,6%	87,9%	83,8%
6	Экономическое положение своей семьи	52,6%	41,9%	47,3%
7	Условия проживания	71,9%	58,1%	62,4%
8	Перспективы трудоустройства	81,8%	54,1%	60,2%
9	Уровень безопасности своей жизни	73,9%	54,0%	62,4%
10	Уровень медицинского обслуживания	51,5%	31,1%	45,2%
11	Условия культурного потребления (театры, музеи, библиотеки и пр.)	49,0%	33,8%	38,7%
12	Условия для досуга (спорт, поддержание здорового образа жизни, развлечения и пр.)	65,1%	43,2%	50,5%
13	Состояние окружающей среды (экологическими условиями жизни)	42,7%	24,4%	29,1%

Как мы видим, наиболее низкие оценки своего здоровья дают молодые работники, которые выразили желание переехать из ХМАО — Югры — северного региона, который имеет природно-географические особенности, влияющие на здоровье населения. Может ли эта ситуация быть определяющей в решении молодёжи сменить территорию проживания на более благоприятную? Может ли регион решить проблему через систему медицинской помощи? Результаты уточняющих вопросов показывают, что только чуть больше половины респондентов (51,3%) оценили доступность медицинской помощи как достаточно высокую. При этом большинству опрошенных обращаться к врачу приходится пару раз в год (69,9%) или пару раз в месяц (13,9%). Так как меньше половины респондентов (40,9%) отметили, что получить бесплатную консультацию врача-специалиста легко, то почти 80% из них приходится обращаться в частные медицинские организации, так как в них проще и быстрее записаться к нужному врачу (64,3%), есть специалисты, которых нет в государственных поликлиниках (36,5%), а также лучше уровень обслуживания (35,1%).

Помимо здоровья, серьезное недовольство вызывает у молодых работников сферы образования и науки экономическое положение их семей. Почти половине опрошенных (48,4%) денег хватает на еду и одежду, но покупка товаров длительного пользования (новый холодильник или телевизор) затруднительна. Позволить себе приобрести товары длительного пользования могут 27%, хватает на еду, но покупка одежды проблематична для 14,5%; только 3% могут позволить себе все, в том числе покупку машины, квартиры или дачи; оставшиеся 7,1% затруднились ответить. Так как регион занимает лидирующие позиции по материальному благополучию жителей (таблица 1), нельзя не обратить внимание на наличие возможности копить денежные средства. Здесь мы видим схожую ситуацию с предыдущим вопросом — возможность откладывать деньги есть только у 48,8% опрошенных, тогда как остальные не имеют «финансовую подушку безопасности», при этом значительных отличий в оценках своего материального положения у разных групп респондентов не наблюдается. Обращаясь к ранее приведенным ответам респондентов о значимых факторах своей профессии, мы можем сделать вывод о том, что, несмотря на высокую заработную плату и возможности профессионального роста, она не может обеспечить молодым работникам тот уровень жизни, который бы их удовлетворял.

От материального положения напрямую зависит удовлетворенность условиями проживания. Так, в своих квартирах или домах живут 62,2% опрошенных, у родителей или партнера 16,2%, в съемной квартире или комнате 15,8% и в общежитии 5,8% (средние значения по группам). Среди причин неудовлетворенности жилищными условиями молодое поколение всех трех опрашиваемых групп называет маленькую жилплощадь (63,3%), отсутствие личного пространства (22,4%), неудовлетворительные санитарные условия проживания (18,4%).

Созданные в округе условия для культурного потребления и досуга также оцениваются респондентами невысоко. Однако только 5,6% респондентов полностью недовольны тем, как проводят своё свободное время. Молодое поколение предпочитает проводить время с друзьями (60,4%), проводить время на природе и гулять (38,4%), читать книги (24,5%), проводить время в Интернете (22,3%), заниматься хобби (27,3%) и спортом (18,7%). При этом большая часть опрошенных редко посещает учреждения культуры: музеи (14,4%), библиотеки (20%), театры (18,1%), филармонии (10,9%), концертные залы (23,4%). Исключением являются только кинотеатры, которые посещает часто 50,1%. Ввиду редкого посещения каждый пятый респондент затруднился дать оценку деятельности учреждений культуры. Однако полученные ответы свидетельствуют о высокой удовлетворенности работой музеев (73%), библиотек (73,8%), театров (73,8%), концертных залов (71,6%) и кинотеатров (83,5%), исключение составляют филармонии (65,4%). Таким образом, мы видим парадоксальную ситуацию: с одной стороны, представленные в регионе

условия для культурного потребления и досуга не в полной мере удовлетворяют потребности молодежи. С другой стороны, учреждения культуры не пользуются спросом у молодых людей (при этом нареканий к их работе нет), которые предпочитают организовывать своё свободное время самостоятельно через встречи с друзьями, домашний досуг и др.

Наибольший разрыв в оценках работающей молодежи различных сторон своей жизни демонстрирует такой показатель как «перспективы трудоустройства»: если среди тех, кто остается 81,8% удовлетворен возможностью найти новую работу, то среди решивших уехать таких только 54,1% и среди неопределившихся 60,2%. Однако ситуация остаться без работы тревожит всех опрошенных примерно одинаково (69,3% решившихся остаться, 63,5% решивших уехать, 71% неопределившихся).

Особо необходимо обратить внимание на показатель удовлетворенности уровнем безопасности своей жизни. Обращаясь к представленным выше ответам о представлении будущего и ощущения свободы, можно сделать вывод о наличии чувства тревожности у молодого поколения. В этой связи необходимо понимать, как сами молодые работники оценивают свою готовность справляться с жизненными трудностями. Ответы респондентов свидетельствует о том, что наибольшая доля готовых решать любые проблемы оказалась среди собравшихся остаться (83,3%); среди собирающихся уехать таких 73,8 и среди неопределившихся — 78%.

ВЫВОДЫ. Обобщая результаты проведенного исследования социального благополучия работающей молодежи ХМАО — Югры в сфере образования и науки, мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, регион характеризуется достаточно высокими показателями социально-экономического развития, что, в свою очередь, должно отражаться на уровне социального благополучия его жителей. Однако результаты проведенного исследования показывают, что работники сферы образования и науки не удовлетворены многими аспектами своей жизни. Наиболее низкие оценки получили удовлетворенность здоровьем и экономическим положением семей, а также другие сопряженные с ними показатели: уровень медицинского обслуживания, условия культурного потребления (театры, музеи, библиотеки и пр.), условия для организации досуга (спорт, поддержание здорового образа жизни, развлечения и пр.), состояние окружающей среды (экологическими условиями жизни).

Во-вторых, представленные выше аспекты выделяются респондентами как основа благополучной жизни составляют: достаток, материальное благополучие, отсутствие нужды (78,8%), здоровье своё и близких (79,4%), семья, дети (48,2%). Неудивительно, что, несмотря на достаточно высокий уровень удовлетворенности своей жизнью (78,9%) пятая часть молодых работников (20,6%) собирается покинуть округ в течение ближайших 10 лет. Ведь неудовлетворённость своим здоровьем и материальным положением идут вразрез с представлением о благополучии.

В-третьих, особое внимание стоит уделить категории молодых работников, которая пока не определилась с решением остаться или уехать, ведь сравнивая ответы этой группы с остальными, мы можем увидеть, что они находятся в «пограничной» зоне между теми, кто решил уехать и теми, кто решил остаться, то есть велика вероятность их присоединения к группе уезжающих.

В-четвертых, сравнивая удовлетворенность различными аспектами жизни работающей молодежи в сфере образования и науки, мы понимаем, что само социальное благополучие является многогранным явлением, включающим в себя большое количество показателей, не рассмотренных в настоящей работе. Комплексный анализ этого феномена и поиск путей решения проблемы оттока молодежи с регионального рынка труда может стать основой дальнейшего исследования, которое поможет выработке эффективных управленческих решений по сохранению и развитию изучаемой профессиональной группы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агентство стратегических инициатив. Рейтинг качества жизни. URL: https://asi.ru/government_officials/quality-of-life-ranking/ (дата обращения: 17.10.2023).
2. Балабанова Е.С., Эфендиев, А.Г., Гоголева, А.С. Российская работающая молодежь: стратегии достижения благополучия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2021. Т. 14, № 1. С. 33–52.
3. Банникова Л.Н., Жилин А.С. Социальное самочувствие молодых работников промышленных предприятий и студентов: сравнительный анализ // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2021. № 1. С. 31–44.
4. Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Рязанцев В.И. Прекаризация занятости и ее особенности в поколенных группах работников в оценках профсоюзных экспертов // Социально-трудовые исследования. 2023. № 1(50). С. 31–40.
5. Бочаров В.Ю. Модели трудового поведения рабочей молодежи Урала // Петербургская социология сегодня. 2019. № 12. С. 22–46.
6. Бочаров В.Ю., Гаврилюк Т.В. Модели экономического поведения рабочей молодежи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2019. Т. 12. № 2. С. 134–152.
7. Брук Ж.Ю., Кухтерина Г.В., Патрушева, И.В., Федина, Л.В. Благополучие педагогов в условиях инклюзивной трансформации школы // ЦИТИСЭ. 2021. № 2(28). С. 533–542.
8. Воробьева И.В. Прекаризация молодежи в сфере социально-трудовых отношений // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 3. С. 100–112.
9. Дидковская Я.В. Работающая молодежь индустриальных регионов России: образ социального будущего как фактор развития инновационного потенциала // Социодинамика. 2020. № 1. С. 12–25.
10. Дидковская Я.В., Онегов, Д.В. Молодежь индустриальных регионов России: социальные ожидания и инновационный потенциал (на примере Свердловской области и Красноярского края) // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, № 3. С. 57–71.
11. Дидковская Я.В., Трынов Д.В. Социальное самочувствие и ожидания молодежи индустриального региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 1. С. 202–214.
12. Заусенко И.В., Соловьева, Е.М. Психологическое благополучие педагогов с разной позицией в межличностном взаимодействии // Образование и общество. 2015. № 2(91). С. 69–73.
13. Зборовский Г.Е. К исследованию социального благополучия молодежи: ключевые положения концепции // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2022. Т. 15, № 2. С. 23–39.
14. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежь на рынке труда: транзитивные процессы в условиях постсоветской трансформации // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 3. С. 3–27.
15. Козлов В.Н. Работающая молодежь: осознание себя и общества // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2006. № 2(57). С. 76–79.
16. Козырева П.М., Смирнов А.И. Российская молодежь на рынке труда в условиях экономического кризиса // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 15 / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2017. С. 49–71.
17. Кученкова А.В. Прекаризация занятости и субъективное благополучие работников разных возрастных групп // Социологический журнал. 2022. Т. 28. № 1. С. 101–120.
18. РИА Рейтинг. URL: <https://riarating.ru/> (дата обращения: 17.10.2023).
19. Рудакова, Е.Н. К проблеме оплаты труда как фактора формирования профессиональной мотивации современного педагога // Психолог. 2019. № 5. С. 57–65.
20. Сомова Н.Л., Кононова, А.С. Психологическое и социальное благополучие молодых педагогов-учителей общеобразовательных школ // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2022. № 206. С. 258–266.

21. Стратегия социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа — Югры до 2036 года с целевыми ориентирами до 2050 года. URL: https://depeconom.admhmao.ru/upload/iblock/220/2tc7n4hnpudiw8z9b4oiiv2sgkp7tfk/679_gp-Strategiya_-2050.pdf (дата обращения: 17.10.2023).
22. Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу-Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу. Краткий статистический сборник. Ханты-Мансийский автономный округ — Югра в цифрах. URL: <https://72.rosstat.gov.ru/ofpublic/document/30696> (дата обращения: 17.10.2023).
23. Усматова З.Э. Гендерный аспект проектирования жизненных стратегий работающей молодежи в условиях современного монопромышленного города // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2019. № 2(37). С. 66–71.
24. Эксперты сообщили о «вымывании» молодежи с рынка труда. Число работников до 35 лет достигло исторического минимума. URL: <https://www.rbc.ru/economics/11/04/2023/6433e7499a7947356c70a065> (дата обращения: 31.10.2023).

REFERENCES

1. *Agentstvo strategicheskikh iniciativ. Rejting kachestva zhizni* [Agency for Strategic Initiatives. Quality of life rating]. URL: https://asi.ru/government_officials/quality-of-life-ranking/ (data obrashheniya: 17.10.2023). (In Russian).
2. Balabanova E.S., Jefendiev A.G., Gogoleva A.S. *Rossijskaja rabotajushhaja molodezh': strategii dostizhenija blagopoluchija* [Russian working youth: strategies to achieve wellbeing] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologija*. 2021. T. 14, № 1. S. 33–52. (In Russian).
3. Bannikova L.N., Zhilin A.S. *Social'noe samochuvstvie molodyh rabotnikov promyshlennyh predpriyatij i studentov: sravnitel'nyj analiz* [Social well-being of young industrial workers and students: a comparative analysis] // *Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politehnicheskogo universiteta. Social'no-jekonomicheskie nauki*. 2021. № 1. S. 31–44. (In Russian).
4. Bobkov V.N., Odincova E.V., Rjazancev V.I. *Prekarizacija zanjatosti i ee osobennosti v pokolennyh gruppax rabotnikov v ocenkah profsojuznyh jekspertov* [Precarization of employment and its features in generational groups of employees in the assessments of trade union experts] // *Social'no-trudovye issledovanija*. 2023. № 1(50). S. 31–40. (In Russian).
5. Bocharov V.Ju. *Modeli trudovogo povedenija rabochej molodezhi Urala* [Models of labor behavior of working youth of the Urals] // *Peterburgskaja sociologija segodnja*. 2019. № 12. S. 22–46. (In Russian).
6. Bocharov V.Ju., Gavriljuk T.V. *Modeli jekonomicheskogo povedenija rabochej molodezhi* [Models of economic behavior of working youth] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologija*. 2019. T. 12. № 2. S. 134–152. (In Russian).
7. Bruk, Zh.Ju., Kuhterina G.V., Patrusheva I.V., Fedina L.V. *Blagopoluchie pedagogov v uslovijah inkluzivnoj transformacii shkoly* [Well-being of teachers in inclusive school transformation] // *CITISje*. 2021. № 2(28). S. 533–542. (In Russian).
8. Vorob'eva I.V. *Prekarizacija molodezhi v sfere social'no-trudovyh otnoshenij* [Precarization of youth in the field of social and labor relations] // *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2021. № 3. S. 100–112. (In Russian).
9. Didkovskaja Ja.V. *Rabotajushhaja molodezh' industrial'nyh regionov Rossii: obraz social'nogo budushhego kak faktor razvitija innovacionnogo potencijala* [Working youth of industrial regions of Russia: the image of the social future as a factor in the development of innovation potential] // *Sociodinamika*. 2020. № 1. S. 12–25. (In Russian).
10. Didkovskaja Ja.V., Onegov D.V. *Molodezh' industrial'nyh regionov Rossii: social'nye ozhidanija i innovacionnyj potencial (na primere Sverdlovskoj oblasti i Krasnojarskogo kraja)* [Young people from russian industrial regions: their social expectations and innovative potential (based on the example of Sverdlovsk region and Krasnoyarsk territory)] // *Nauchnyj rezul'tat. Sociologija i upravlenie*. 2018. T. 4, № 3. S. 57–71. (In Russian).

11. Didkovskaja Ja.V., Trynov D.V. *Social'noe samochuvstvie i ozhidaniya molodezhi industrial'nogo regiona* [Social well-being and expectations of the youth in the industrial region] // *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*. 2019. T. 12, № 1. S. 202–214. (In Russian).
12. Zausenko I.V., Solov'eva E. M. *Psihologicheskoe blagopoluchie pedagogov s raznoj poziciej v mezhllichnostnom vzaimodejstvii* [Psychological well-being of teachers with different positions in interpersonal interaction] // *Obrazovanie i obshhestvo*. 2015. № 2(91). S. 69–73. (In Russian).
13. Zborovskij G. E. *K issledovaniju social'nogo blagopoluchija molodezhi: ključevye položeniya koncepcii* [To the study of social well-being of youth: key provisions of the conception] // *Izvestija vysshih učebnyh zavedenij. Sociologija. Jekonomika. Politika*. 2022. T. 15, № 2. S. 23–39. (In Russian).
14. Zubok Ju.A., Chuprov V.I. *Molodezh' na rynke truda: tranzitivnye processy v uslovijah postsovetskoj transformacii* [Youth in the labor market: transitive processes in the conditions of post-Soviet transformation] // *Social'no-gumanitarnye znaniya*. 2012. № 3. S. 3–27. (In Russian).
15. Kozlov V.N. *Rabotajushhaja molodezh': osoznanie sebja i obshhestva* [Young workers, white-collar workers, and office workers: self-comprehension and comprehension of and societies] // *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Social'no-gumanitarnye nauki*. 2006. № 2(57). S. 76–79. (In Russian).
16. Kozyreva P.M., Smirnov A.I. *Rossijskaja molodezh' na rynke truda v uslovijah jekonomicheskogo krizisa* [Russian youths in the labor market during economic crisis] // *Rossija reformirujushhajasja: ezhegodnik. Vyp. 15 / Otv. red. M.K. Gorshkov. M.: Novyj Hronograf*, 2017. S. 49–71. (In Russian).
17. Kuchenkova A.V. *Prekarizacija zanjatosti i sub#ektivnoe blagopoluchie rabotnikov raznyh vozrastnyh grupp* [Employment precarization and subjective well-being of employees in different age groups] // *Sociologicheskij zhurnal*. 2022. T. 28, № 1. S. 101–120. (In Russian).
18. *RIA Rejting* [18. RIA Rating]. URL: <https://riarating.ru/> (data obrashheniya: 17.10.2023). (In Russian).
19. Rudakova E.N. *K probleme oplaty truda kak faktora formirovaniya professional'noj motivacii sovremennogo pedagoga* [Revisiting the problem of remuneration as a factor in formation of professional motivation of a modern teacher] // *Psiholog*. 2019. № 5. S. 57–65. (In Russian).
20. Somova N.L., Kononova A.S. *Psihologicheskoe i social'noe blagopoluchie molodyh pedagogov-uchitelej obshheobrazovatel'nyh shkol* [Psychological and social well-being of young teachers of general education schools] // *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*. 2022. № 206. S. 258–266. (In Russian).
21. *Strategija social'no-jekonomicheskogo razvitiya Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga — Jugry do 2036 goda s celevymi orientirami do 2050 goda* [Strategy of socio-economic development of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra until 2036 with targets until 2050]. URL: https://depeconom.admhmao.ru/upload/iblock/220/2tc7n4hnpudiw8z9b4oiiiv2sgkp7tfk/679_rp-Strategiya_-2050.pdf (data obrashheniya: 17.10.2023). (In Russian).
22. *Upravlenie Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Tjumenskoj oblasti, Hanty-Mansijskomu avtonomnomu okrugu-Jugre i Jamalo-Nenec'komu avtonomnomu okrugu. Kratkij statisticheskij sbornik. Hanty-Mansijskij avtonomnyj okrug — Jugra v cifrah* [Department of the Federal State Statistics Service for the Tyumen Region, Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra and Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. A brief statistical collection. Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra in numbers]. URL: <https://72.rosstat.gov.ru/ofpublic/document/30696> (data obrashheniya: 17.10.2023). (In Russian).
23. Usmatova Z. Je. *Gendernyj aspekt proektirovaniya zhiznennyh strategij rabotajushhej molodezhi v uslovijah sovremennogo monopromyshlennogo goroda* [Gender aspect in the design of life strategies of working youth in the conditions of the modern mono-industrial city] // *Kazanskij social'no-gumanitarnyj vestnik*. 2019. № 2(37). S. 66–71. (In Russian).
24. *Jeksperty soobshhili o «vymyvanii» molodezhi s rynka truda. Chislo rabotnikov do 35 let dostiglo istoricheskogo minimuma* [Experts reported on the «washing out» of young people from the labor market. The number of employees under 35 has reached a historic low]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/11/04/2023/6433e7499a7947356c70a065> (data obrashheniya: 31.10.2023). (In Russian).

DOI 10.26105/SSPU.2023.86.5.015

УДК 316.346.32-053.6:314.372.2

ББК 60.542.15-4+ 60.561.5-4

Э.И. ГАРАЕВА,
Н.Б. КОСТИНА**ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ
К ДОБРОВОЛЬНОЙ БЕЗДЕТНОСТИ
В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**E.I. GARAEVA,
N.B. KOSTINA**ATTITUDE OF YOUTH TO VOLUNTARY
CHILDRENLESS IN THE CONTEXT
OF ENSURING NATIONAL SECURITY**

Добровольная бездетность неоднозначно воспринимается в обществе, особенно в контексте государственной семейной и демографической политики, одной из ключевых задач которой выступает повышение рождаемости, безоговорочная поддержка материнства и детства, семей с детьми, многодетных семей. В то же время не определены сущность добровольной бездетности, ее степень распространенности, не выявлены разновидности, нет достаточной информации об отношении к данному феномену различных социально-демографических групп, не представлены прогнозы о ее трансформации. Рассмотрению этих вопросов и посвящена данная статья.

Voluntary childlessness is ambiguously perceived in society, especially in the fourth state family and demographic policy, as one of the key tasks that contribute to increasing the birth rate, unconditional support for motherhood and childhood, families with children, and large families.

We do not preserve the essence of voluntary childlessness, its degree of prevalence, undefined varieties, there is not sufficient information about the attitude of various socio-demographic groups to the development of the phenomenon, we do not make forecasts about its transformation.

To do this, we conducted a sociological study, which used various methods of collecting primary information (interviews, questionnaires, content analysis, etc.)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: бездетность, национальная безопасность, чайлдфри, добровольная бездетность, повышение рождаемости

KEY WORDS: childlessness, national security, childfree, voluntary childlessness, increasing the birth rate

ВВЕДЕНИЕ. Антонимом термину «безопасность» является «опасность», смысл которого состоит в обозначении угрозы для человека, общности, государства, факторов, вызывающих такую угрозу. Безопасность в таком случае может пониматься как действия (прежде всего управляющих субъектов) по обеспечению защищенности от угроз, противодействию вызывающих их факторов. Конечно, такое понимание опасности и безопасности весьма абстрактно, и каждый из видов безопасности предполагает конкретный анализ его содержания, условий обеспечения посредством принятия соответствующих управленческих решений. Под национальной безопасностью в современном обществе понимается защищенность жизненно важных интересов человека, государства, социума от угроз, как внешних, так и внутренних. 02.07.2021 г. Президентом Российской Федерации был подписан Указ № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», определяющей стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели и задачи государственной политики в сфере национальной безопасности

и устойчивого развития Российской Федерации. Национальная безопасность определяется в «Стратегии» как «состояние защищенности интересов Российской Федерации от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечивается реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономического развития страны» [8]. В п. 21 раздела II данной Стратегии зафиксировано, что «жизненно важное значение приобретает...защита традиционных духовно-нравственных основ российского общества...», а в п. 25 раздела III отмечено, что «национальными интересами Российской Федерации является сбережение народа, развитие человеческого потенциала, укрепление традиционных российских духовной-нравственных ценностей [9]. П. 30 раздела IV фиксирует, что особое внимание уделяется поддержке семьи, материнства, отцовства и детства, воспитанию и развитию детей. «Повышение рождаемости становится обязательным условием для увеличения численности населения» [8].

Таким образом, поддержка и распространение традиционных семейных ценностей, содействие повышению рождаемости являются важным стратегическим приоритетом, поскольку качество и уровень жизни граждан государства, количественные показатели уровня рождаемости и смертности — первостепенные условия как для существования государства, так и для его устойчивого развития.

В этом контексте заслуживает внимания анализ такого феномена, как выбор частью российского молодого поколения отказа от рождения и воспитания детей, получившего в научной литературе и публицистике обозначение «добровольная бездетность». Данный феномен для российского общества достаточно новый. По информации, опубликованной ВЦИОМ по результатам проведенных в 2018 г. исследований, 6% россиян добровольно отказываются от рождения детей [7]. В результате опроса, проведенного Национальным агентством финансовых исследований (НАФИ), 46% россиян в возрасте от 18 до 45 лет, отказываются от рождения детей (включая и тех, у кого уже есть дети), объясняя такой выбор неустойчивым материальным положением или отсутствием желания становиться родителями [6].

Данные опроса, проведенного исследовательским коллективом РАНГХиГС в рамках лонгитюдного исследования (2000–2020 гг) «Человек, семья, общество», показали, что увеличивается доля россиян (в возрасте от 18 до 44 лет), которые не хотят иметь детей, осознанно выбирая бездетный образ жизни: в 2015 г. таких было 5%, в 2017 — уже 10%, а в 2020 г. доля добровольно бездетных достигла 22% [1].

Добровольный выбор бездетного образа жизни распространен среди некоторой части, российской молодежи, а также и среди более старшей группы российских граждан репродуктивного возраста. Триггером пересмотра представителями различных социальных групп традиционных семейных ценностей являются социально-экономические события и процессы (COVID-19, СВО, увеличение социально-экономических рисков, геополитическая нестабильность). На смену официально регистрируемым бракам приходят сожительства как промежуточная, гораздо менее стабильная, форма союза мужчины и женщины [2]. Это актуализирует выявление распространенности идеи бездетного образа жизни среди российской молодежи и определения количественных параметров ее практического воплощения. Добровольная бездетность — сложившаяся реальность российского общества, несмотря на то, что ключевая задача государственной семейной и демографической политики — повышение рождаемости, безоговорочная поддержка материнства и детства, родительства, семей с детьми, многодетных семей.

Что касается теоретического аспекта исследования, то он предполагает выявление сущности данного феномена, его признаков, статуса; является ли добровольная бездетность

движением, идеологией, представляют ли ее приверженцы социальную общность, либо таковой не являются.

В научной литературе и публицистике феномен отказа от детей обозначается термином «чайлдфри», который используется в следующих смысловых трактовках.

1. «Чайлдфри» — современное общественное движение, сторонники которого придерживаются определенных мировоззренческих позиций в отношении детей, сознательно обосновывая отказ от родительства (Л. Лафайет, Э. Пек, Ш. Радл)
2. «Чайлдфри» — разновидность субкультуры, приверженцами которой является значительная совокупность людей, прежде всего — немалый сегмент современной молодежи, разделяющей те же мировоззренческие позиции, что и общественное движение «чайлдфри» (Д. Сайр, Д. Ньюпорт, М. Фергюсон и т. д.).
3. На уровне конкретной личности, индивидуального субъекта феномен «чайлдфри» проявляется в виде «разрыва» между инстинктом к размножению и его социально-культурным осознанием — и социальными, культурными, экономическими, экологическими и иными условиями, требующими от индивида изменения поведения и реконструкции традиционного института семьи (Д. Виверс, А. Еванс, А. Фернхам и т. д.)

Анализ теоретических источников приводит к выводу о том, что в научной литературе имеет место расширительное использование термина «чайлдфри», к добровольно бездетным относят и вынужденно бездетных (являющихся таковыми в силу действия медицинских и иных факторов), и откладывающих рождение детей на определенное время («отложенное» родительство). Это препятствует определению сущности добровольной бездетности как осознанного выбора отказа от детей при отсутствии препятствий для реализации субъектами этой функции, выявления статуса данного феномена и количественных параметров его последователей, прежде всего, среди молодежи, что является весьма важным для реализации Стратегии национальной безопасности, национального проекта «Демография».

Подходы, на основании которых предлагаются трактовки добровольной бездетности теории: второй демографической революции, рационального выбора, предпочтений, гендерного равенства, поколений, постматериалистических ценностей, избегания рисков, урбанизации, а также кризисной и трансформационной парадигм. В рамках статьи обратим внимание лишь на ключевые идеи ряда перечисленных подходов, значимые для понимания сущности добровольной бездетности как социального феномена.

Представители теории второй демографической революции (Дирк Ван де Каа [17] и Рон Лестег [14]), считают, что в 70-е годы XX века происходит трансформация семейных ценностей, выразившаяся в популяризации добрачных и внебрачных союзов, увеличении внебрачной рождаемости, сдвиге возраста вступления в брак. По существу, речь идет о ценностной трансформации, следствием которой становится изменение демографического поведения. Ван де Каа акцентирует внимание на факторах, влияющих на желание иметь детей, на увеличение группы людей, ориентированных на рождение ребенка, но при этом не желающих вступать в брак. Французский исследователь истории повседневности, семьи и детства доказывал, что европейский культ рождения ребенка нивелировался во 2-й пол. XX в. вследствие модификации моральных ценностей и сексуальных отношений, популяризации различных видов контрацепции и легализации аборта [5]. Совокупность этих факторов привела к нивелированию значения и социальной роли детей в социуме. Данная теория важна для понимания сущности феномена добровольной бездетности тем, что выявляет один из ключевых факторов, детерминирующих осознанный и добровольный выбор бездетности: кардинальную трансформацию ценностей представителей различных социальных групп экономических развитых государств, прежде всего, молодежи, в условиях социально-экономического подъема, формирования идеологии защиты прав человека, толерантности.

Для понимания феномена добровольной бездетности важны идеи, сформулированные в рамках теории гендерного равенства: австралийские демографы П.Макдональд, ВА.Лутц. П.Макдональд характеризует процесс снижения рождаемости в контексте социальных изменений — рефлексивной модернизации и нового капитализма. Проявления первой — увеличение бракоразводных процессов, распространение добрачных сексуальных отношений, второго — масштабные экономические потрясения, воздействующие на репродуктивное поведение, «откладывание» рождаемости. В. Лутц [15] и П.Макдональд формулируют идею о «ловушке низкой рождаемости»: каждое последующее поколение, вырастая в малодетном (или вовсе бездетном) обществе, принимает осознанное решение о копировании и проецировании модели малодетной или бездетной семьи в своих жизненных планах [16]. В результате рефлексивной модернизации, считает Макдональд, женщинам приходится прогнозировать возможности и риски построения карьеры и создания семьи, и обосновывает позицию, что, несмотря на кардинальные сдвиги в социальной и экономической структурах, семья — приоритетная ценность и ориентир в жизни для большинства людей (даже в странах с преобладающими либеральными ценностями и взглядами). Он справедливо обосновывает свою позицию тем, что источник семейных ценностей — природа человека, для которой характерно стремление к близким отношениям; семья защищает человека от одиночества и изоляции, воспитание детей дает глубокое эмоциональное удовлетворение. При этом решение супружеской пары о рождении детей в значительной степени определяется финансовой стабильностью, избеганию экономических рисков и рисков «нереализации» личностного развития. Результаты, полученные нами при проведении эмпирического исследования, подтверждают идеи австралийских будет сказано с разделе «результаты».

Важное значение для понимания факторов добровольного выбора бездетности либо малодетности имеет представленная в теории рационального выбора идея американского экономиста Гэри Беккера [12] о выборе в репродуктивном поведении между количеством детей и их «качеством», в которое он включает уровень образования и здоровья ребенка, создание условий для достижения в будущем благосостояния и высокого статуса. В своей работе «Трактат о семье» Г.Беккер не исследует непосредственно выбор бездетности, но представляется актуальной мысль о том, что такое решение обусловлено пониманием «ценности» и «полезности» ребенка (детей) для родителей, когда экономические расходы многократно превышают получаемые психологические выгоды [11]. Увеличение трудовой занятости женщин ведет к росту стоимости временных ресурсов, затрачиваемых на воспитание детей, связанный с рождением ребенка уровень временных издержек для женщин прямо пропорционален уровню квалификации. Это становится важным фактором влияния на добровольный отказ женщин от деторождения, оказать же позитивное влияние на выбор деторождения возможно посредством минимизации экономических расходов на воспитание детей и/или увеличения психологических выгод. Для востребованной на рынке труда женщины связанные с рождением детей издержки очень высоки, что, в конечном счете может при водить не только к отложенному родителству, но и к добровольному отказу от детей вообще.

Ценностный аспект процесса снижения рождаемости и выбора индивидами бездетного образа жизни представлен американским социологом и политологом Р.Ф. Инглхарт, создателем теории постматериализма. Он считает, что снижение рождаемости и распространение среди части представителей ряда социально-демографических групп добровольной обусловлено ценностной трансформацией, «смещением» ценностных ориентиров в позднеиндустриальном и становящемся постиндустриальном обществах от материальных к постматериальным ценностям. Рождение и воспитание детей в системе ценностей людей современного общества также можно рассматривать как ценность постматериалистическую.

Важность приведенных теорий для понимания феномена добровольной бездетности заключается в акцентировании внимания на ценностном аспекте изменения репродуктивных установок и репродуктивного поведения людей в современном обществе, на анализе обуславливающих эти изменения факторов — потребностей в самоутверждении, лидерстве, признании, в самовыражении, творческом использовании своих навыков, способностей и умений, в эстетическом удовлетворении, в избегании рисков.

ЦЕЛЬ статьи заключается в выявлении уровня добровольной бездетности в группах, среди которых она находит популярность, и тенденций ее распространения/устойчивого воспроизведения.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В сборе эмпирической основы исследования использовались методы анкетного опроса, полуструктурированного интервью, контент-анализа, мониторинга социальных сетей, мониторинга, анализа статистической информации. В период 2019–2022 гг. проведены следующие исследования. 1. Массовый анкетный опрос по репрезентативной квотной выборке населения Свердловской области в возрасте от 18-ти и старше; отбор респондентов проводился по полу, возрасту, типу поселения (Екатеринбург, крупные города, малые города, поселки городского типа, сельские поселения); объем выборочной совокупности 1200 человек, ее расчет производился на основе статистических данных о социально-демографических показателях генеральной совокупности — населения Свердловской области. На основе данных, полученных в результате массового опроса, выявлено отношение молодежи к феномену добровольной бездетности, о возможности и реальности такого выбора относительно себя, о влияющих на этот выбор факторах. 2. При проведении полуструктурированного интервью опрошено 56 сторонников добровольной бездетности в возрасте от 18 до 40 лет, информанты — 20 мужчин и 20 женщин (не состоящих в браке), 8 супружеских пар, выбравших бездетный образ жизни. Метод отбора респондентов — выбор целевых групп: лица вертильного возраста, преимущественно — молодежь, проживающая на территории РФ, относящая себя к добровольно выбравшим бездетный образ жизни. При проведении интервью использовались такие технологии, как аудиособеседование, видеозвонок. Тематические блоки гайд-интервью: социально-демографическая характеристика, мнения о факторах и мотивах выбора бездетного образа жизни, оценка отношения к добровольно бездетным со стороны микро— и макросреды. 3. Мониторинг социальных сетей с целью определения численности, возраста, гендерной принадлежности участников групп. 4. Анализ статистических данных о половозрастном составе населения Российской Федерации, о рождаемости и смертности, детности, разводах, данных Федеральной службы государственной статистики Росстата, Управления Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области (Свердловскстат).

РЕЗУЛЬТАТЫ И НАУЧНАЯ НОВИЗНА. На основании рассмотренных теоретических подходов трактовки факторов влияния на уровень рождаемости в современном обществе выявлено, что на отношение молодежи к добровольной бездетности и выбор некоторыми ее представителями бездетного образа жизни влияют общие социально-экономические условия (COVID-19, СВО, кризисные экономические и политические ситуации), так и индивидуальный ценностный выбор, психологические и мировоззренческие установки, профессионально-карьерные ориентации, оценка связанных с рождением детей рисков. Однако дальнейшего исследовательского внимания заслуживает изучение бездетности как ценностно-рационального выбора, детерминированного специфической для каждой личности (супружеской пары) системой ценностей. По нашему мнению, добровольная бездетность — это ценностно-рациональный выбор личности (супружеской пары), выражающийся в отказе от рождения и воспитания детей, предпочтении родителству других, прежде всего, нематериальных ценностей. Результаты проведенного исследования показали, что 37,6% опрошенных мужчин считает, что «необходимо сократить масштабы добро-

вольной бездетности», т.е. выразили отрицательное отношение к последней. Аналогичный ответ дали 28,9% опрошенных молодых женщин. При этом значительная доля опрошенных мужчин и женщин (53,2% и 64% мужчин и женщин соответственно) однозначно отмечают, что хотели бы самостоятельно решать, как им осуществлять выбор относительно деторождения. Лишь незначительное количество опрошенных (3,2% мужчин и 2,9% женщин соответственно) поддерживают позицию, что необходимо «распространять идею добровольной бездетности и поддерживать ее сторонников». Сторонников радикальных идей встречается совсем немного, что связано с устоявшимся и господствующим в российском обществе представлением людей о том, что семья традиционно представлена родителями, в первую очередь, с детьми. При этом мониторинг публикаций в соответствующих группах в социальных сетях показал, что о выборе бездетного образа жизни активнее заявляют как раз молодые женщины, отмечая при этом, что подвергаются осуждению со стороны общества, критике за отсутствие потребности в материнстве и продолжении рода.

В результате интервью выявлены существенные различия гендерных подгрупп в мотивации выбора добровольной бездетности. Для мужчин один из ведущих мотиваторов — желание жить комфортно и спокойно. «Мне приятнее возвращаться в свой спокойный и тихий дом» (пара, муж., 32 года, инженер, Екатеринбург; «Я работаю с людьми и хочу приходить домой в тишину, а бывшая жена хотела семью, вот поэтому мы и развелись» (муж., 33 года, кредитный консультант, Новосибирск). Для женщин это мотив менее значим, на первый план выходят желание сохранить гармоничные отношения с любимым человеком, семейный уклад: «остается больше времени на любимого человека и на свои хобби...» (пара, жен. 30 лет, косметолог, Краснодар). Важным фактором для женщин является риск потери партнера, не желающего иметь детей. Из двух этих ценностей — желание родить ребенка и желание сохранить отношения с партнером, не желающим иметь детей, они выбирают последнее (данные из анкетирования: «муж не хочет иметь детей, у него уже есть ребенок от первого брака»). Важное влияние на выбор женщин оказывает такой фактор, как связанные с беременностью и родами риски, опасения за здоровье свое и детей: «Есть страх беременности, родов, различных генетических заболеваний» (жен., 23 года, фотограф, Нижний Тагил). Опрос показал, что для женщин значимыми факторами выступают страх беременности и последующих родов, которые являются стрессогенными событиями для соматического и психического состояния, а также страх потери внешней привлекательности.

В ценностной иерархии молодых мужчин и женщин, позитивно оценивающих добровольную бездетность, высока значимость свободного выбора в принятии решения относительно деторождения и родительства, стремления избежать связанных с этим рисков, осознание высокой степени ответственности с приобретением статуса родителей. Различия в позициях женщин и мужчин проявляются в нежелании мужчин ставить под угрозу свое материальное положение и благополучие, стремлении «жить для себя», акцентировании внимания на своей независимости, своих потребностях и интересах. Интервьюируемые мужского пола многократно упоминали связанные с рождением и воспитанием детей материальные обязательства, к выполнению которых они не готовы («не готов к материальной ответственности, а безответственным я не хочу быть, поэтому мне лучше одному» (муж., 35 лет, комплектовщик, Казань). Женщины, выбирающие добровольную бездетность, не желают выполнять традиционные роли преимущественно «женщины-домохозяйки» или «женщины-матери», отказом от рождения детей выражают некий протест навязыванию традиционных гендерных ролей. Добровольная бездетность для них — это проявление свободы выбора и саморазвития, свободы заниматься любимым делом, не отвлекаясь на детей. Для женщин-чайлдфри наивысшей жизненной ценностью является личная свобода. Они заняты обучением, саморазвитием и реализацией своего потенциала преимущественно в профессиональной

сфере [5]. Мужчины больше акцентировали внимание на финансовом аспекте рождения и воспитания детей: «На детей необходимо тратить много денег, я не готов к такому шагу в своей жизни» (муж., 28 лет, системный администратор, Барнаул); «Мне вполне хватает того, сколько я зарабатываю. Я себе не отказываю сходить в хороший ресторан, т.к. люблю вкусно покушать, купить какой-то дорогой гаджет и т.д. У меня нет намерения делиться с кем-то или еще больше работать, чтобы обеспечить семью» (муж., 34 года, дизайнер, Москва). Для выбравших добровольную бездетность женщин-информантов, также свойственно стремление к свободе, которую они выражают через духовные составляющие — желание заниматься саморазвитием, хобби, профессиональной самореализацией. «Саморазвитие, эзотерика, познание себя, путешествие — в жизни столько всего интересного, что я не хочу тратить время на ребенка»: (пара, жен. 30 лет, косметолог, Краснодар). У информантов — и женщин, и мужчин, в структуре ценностей выявилась предпочтительная ориентация на индивидуализм, стремление к удовлетворению своих личных запросов, чему рождение и последующее воспитание детей, по их мнению, только препятствует.

Результаты исследования показали, что положительное отношение к бездетному образу жизни находится в обратной зависимости от возраста опрошенных: среди представителей подгруппы 18–24 гг. таких 18,2%, 25–34 гг. — 17,8%, 35–44 гг. — 16%, 45–54–13,4%.

Важное влияние на отношение к добровольной бездетности и на соответствующий личностный выбор оказывает фактор риска. Результаты нашего исследования показали, что опасение за свое здоровье влияет на отношение к деторождению. Самооценка состояния здоровья по 5-балльной шкале составила для всех мужчин 3,44 балла, для всех женщин — 3,54 балла. Для мужчин и женщин, не желающих иметь детей, оценки составили соответственно 3,03 балла и 3,10 балла. То есть, для респондентов, не имеющих детей, характерны менее оптимистичные оценки состояния своего здоровья. Люди, не имеющие детей и не планирующие родительство, опасаются за свое здоровье, поэтому в ситуации неопределенности, отсутствия уверенности в необходимой медицинской помощи для себя и будущего ребенка, они с большей вероятностью могут выбрать бездетность. Опрошенные отметили, что с рождением каждого последующего ребенка риски возрастают. Смещение приоритетов в сторону выбора бездетности и малодетности у людей с хорошим состоянием здоровья и стремлением избегать рисков ставит задачу по разработке мероприятий по созданию условий для преодоления связанных с родительством рисков.

Значимое воздействие на выбор стратегии бездетности оказывает и группа факторов, связанных с восприятием своего личного опыта, связанного с родительством, рождением детей, межпоколенческими отношениями в семье. Приверженцы добровольной бездетности в процессе интервью при пояснении своего выбора обратили внимание на детские психологические переживания:

- обиды на родителей: «...на улице весна, подружки зовут гулять, а мне нельзя, я в няньках, в такие моменты просто начинаешь ненавидеть своих родных» (жен., 30 лет, шеф-повар, Волгоград);
- неприязнь к детям из-за их деструктивного поведения: «...они капризные, шумные, и им постоянно что-то нужно» (муж., 28 лет, дизайнер, Москва);
- воспоминания о детских психотравмах: «Когда у меня умерла сестра, я видела, как страдает мама, вдруг и в моей семье случится такое горе, я хочу себя уберечь от этого» (жен., 21 год, фриланс, Краснодар).

Данные нашего интервью и вторичных исследований свидетельствуют о том, под влиянием психологического фактора нежелание иметь детей не является выбором «на всю жизнь»: если молодые респонденты выражали однозначный отказ от деторождения, то спустя 10 лет могли зафиксировать изменение этой позиции (однако при этом детей у таких людей также могло и не появиться к этому времени) [4].

Для выявления значимости ценностей семьи, детей, родительства, были изучены представления о том, должно быть у человека, считающего себя счастливым. С этой целью респондентам был предложен открытый вопрос. Кластерный анализ позволил объединить ответы в несколько групп и получить следующие результаты.

Таблица 1. **Мнения о характеристиках счастливого человека (допускалась возможность выбора нескольких вариантов ответа)**

Ответы	%
Семья (здесь ответы респондентов, связанные с семьей: «большая семья», «счастливая семья», «семья и дети»)	37,5
Здоровье (физическое и эмоциональное)	24,8
Близкие люди, друзья, социальное окружение (включено все, что с ними связано, их здоровье, благополучие и пр.)	19,3
Деньги, материальное благополучие	17,6
Внутреннее ощущение счастья (комфорта, порядка, гармонии, душевное спокойствие и пр.)	13,1
Карьера, любимое дело или деятельность	9,3
Любовь	8,4
Жизненные цели, мечты, ценности	5,5
Сама жизнь как счастье	3,3
Свобода (сама по себе, также выбора, действий и пр.)	3,1
Любовь к самому себе, уверенность к себе	2,8
Ощущение того, что счастлив, удовольствие от жизни	1,7
Самореализация	1,7
Удовлетворенность во всём	1
Вера	0,7
Другое	1,6

Данные, приведенные в таблице, свидетельствуют о том, что счастье, в понимании жителей Свердловской области, прежде всего ассоциируется с семьей, здоровьем, благополучным социальным окружением (близкими людьми, друзьями и т.п.). Исследования Цалко Е.О. и Гафизовой Н.Б., 2022 г. также подтверждают, что семья и дети по-прежнему остаются важными ценностями в молодежной среде [10]. Материальное благополучие, деньги, хотя и заняли 4-ю рейтинговую позицию, в процентном отношении значительно уступили ценностям, занявшим первые рейтинговые места. В то же время при выстраивании иерархии ценностей было выявлено, что на первом рейтинговом месте — здоровье (81,7% опрошенных), на втором — семья (77,1%), на третьем — уровень материального благосостояния (57%). Рейтинг же детей существенно ниже — 35,9%.

Таким образом, семья и родительство занимают важные позиции в ценностной структуре современной молодежи, а выбор добровольный выбор бездетности, бездетные семьи не является дефамализацией современного общества. Семья по-прежнему является одной из ключевых ценностей, но значимость семьи как таковой преобладает над значимостью семьи с детьми. В качестве главных функций семьи, с точки зрения выбирающих сознательный отказ от детей, выступают: психологическая поддержка, поддержание комфорта в духовном и материальном плане, саморазвитие и т.д. В появлении детей такие семьи видят опасность поддерживаемым ими ценностям. Родительство понимается ими

как труд (а оно действительно является трудом), требующий дополнительных издержек ресурсов, тем самым нарушая внутреннюю гармонию семьи и семьи как места отдыха и покоя для личности.

По мнению добровольно бездетных, ребенок в традиционной семье является фундаментом, вокруг которого эта семья начинает строиться, иначе говоря — формируется родительство, а для них самих — это скорее — «помеха». Высказываясь о том, как рождение детей может сказываться на жизни молодых родителей, опрошенные рассуждают о том, что дети будут мешать им проводить время по собственному усмотрению и друг с другом. «Я люблю посидеть с книжкой в тишине и спокойствии» (пара, жен., 27 лет, тату-художник, Челябинск). С появлением детей в семье меняются приоритеты, и это может сказываться на комфорте («Мы любим нянчиться с детьми друзей, но нам приятнее возвращаться в свой спокойный и тихий дом (пара, муж., 28 лет, монтажник, Москва). С точки зрения выбирающих добровольную бездетность, появление в семье ребенка — своего рода угроза материальному благосостоянию, психическому комфорту, личностному развитию.

ВЫВОДЫ. Используемый для обозначения феномена добровольной бездетности термин «чайлдфри» не позволяет выделить сторонников добровольного выбора отказа от детей из всех ситуаций бездетности. Последняя представляет собой осознанный ценностно-рациональный выбор женщинами, мужчинами, партнерскими парами отказа от рождения и воспитания детей при всех имеющихся для этого возможностях и условиях. Данный выбор осуществляется под влиянием следующих факторов: понимание ответственности за детей, неуверенность в завтрашнем дне, неуверенность в самом себе (в том, что будут хорошими родителями, опасение за жизнь детей и свою жизнь, проблемы со здоровьем, боязнь и неприязнь к процессам протекания беременности и родов, желание посвятить свободное время себе либо партнеру, карьероориентированность.

Интервьюирование сторонников бездетного образа жизни позволило выявить гендерный аспект ценностного выбора добровольной бездетности. Для мужчин ключевыми ценностями являются профессиональная деятельность и комфортная повседневная жизнь, не обремененная заботами о семье, детях и жене. Женщины при выборе бездетного образа жизни во главу угла ставят ценности общения с супругом (партнером), собственного физического здоровья и психологического комфорта (рождение и воспитание детей сопровождаются рисками).

Сторонники добровольной бездетности не стремятся пропагандировать свой выбор и настроены лишь на толерантное отношение к нему со стороны окружающих, вследствие чего значительный рост популярности добровольной бездетности в российском обществе вряд ли ожидаем. Тем не менее, вследствие влияния перечисленных факторов, а также активного обсуждения в сети Интернет, на молодежных форумах возможно изменение количественных параметров данного феномена.

В российском обществе нет организованных сообществ добровольно бездетных людей, но при этом существуют разнообразные неформальные группы в социальных сетях. Приверженцы добровольной бездетности лишь периодически общаются в сети Интернет. Данные признаки и позволяют определить их не как движение, идеологию, социальную общность с присущими ей свойствами, такими как: общность целей, интересов, совместная деятельность, обеспечиваемая системой норм и образцов, которые разделяются всеми членами общности, самоидентификацию, а сделать вывод, что добровольная бездетность — это социальный феномен, т.е. социальное явление, которое существует в реальной жизни, идеи и практики которого имеют последователей, проявления которого зафиксированы исследователями, но при этом не получили в социологическом знании системного толкования и понимания перспектив трансформации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доля бездетных россиян, которые не хотят обзаводиться детьми, достигла 22%. URL: <https://rdt-info.ru/2021011317895/dolya-bezdetnyh-rossiyan-kotorye-ne-hotyat-obzavoditsya-detmi-dostigla-22.html> (дата обращения 21.10.2023).
2. Калабихина И.Е., Казбекова, З.Г., Банин, Е.П., Клименко, Г.А. (2023). Демографические ценности и социально-демографический портрет пользователей ВКонтакте: есть ли связь? Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика, 58(3). С. 157-180. URL: <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-3-8>. (дата обращения 21.10.2023).
3. Карпова В.М. (2019). Особенности межпоколенной трансляции семейных ценностей. Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология, 25(3). С. 117-139. URL: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-3-117-139> (дата обращения 21.10.2023).
4. Кольцова И.В. Чайлдфри как социокультурная социально-психологическая проблема в контексте современного материнства / И. В. Кольцова // Педагогика и психология родительства и семейного воспитания: Учебное пособие / Под общей редакцией С.В. Бобрышова. — Москва: Знание-М, 2020. С. 162-175.
5. Перова А.П., Кара Ж.Ю. Психологические особенности женщин-чайлдфри: современный взгляд // Мир науки. Педагогика и психология, 2020 № 6, URL: <https://mir-nauki.com/PDF/115PSMN620.pdf> (дата обращения 21.10.2023).
6. Россияне рассказали про барьеры, которые мешают им завести детей. URL: <https://nafi.ru/analytics/sokratilas-dolya-bezdetnykh-rossiyan-kotorye-khotyat-zavesti-detey/> (дата обращения 21.10.2023).
7. Топ-7 главных социальных фактов о россиянах в январе 2018 // Всероссийский центр исследования общественного мнения (ВЦИОМ) URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8911> (дата обращения 21.10.2023).
8. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/cb0c5bc1eaf4bd94d8e78f233af494e8e9dcde2b/ (дата обращения 21.10.2023).
9. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения 21.10.2023).
10. Цалко Е.О., Гафизова Н.Б., Восприятие бездетности современной молодежью: (Региональный аспект) // Женщина в российском обществе. 2023. № 2. С. 120-132.
11. Becker G.S. An economic analysis of fertility // Demographic change and economic change in developed countries. National bureau of economic research. Princeton: Princeton University Press. 1960.
12. Becker G.S., Lewis H.G. Interaction between Quantity and Quality of Children // The National Bureau of Economic Research.
13. Inglehart R. The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics / R. Inglehart. Princeton, 1977. P. 216.
14. Lesthaeghe R. The Unfolding Story of the Second Demographic Transition // Population and development review. 2010. Vol. 36. № 2. P. 211-251.
15. Lutz W., V. Skirbekk, M. R. Testa The low-fertility trap hypothesis: forces that may lead to further postponement and fewer births in Europe // Vienna Yearbook of Population Research. 2006. № 4. P. 167-192.
16. McDonald P. Gender equity, social institutions and the future of fertility // Journal of population research. 2000. Т. 17. № 1. P. 1-16.
17. Van de Kaa D.J. Europe's Second Demographic Transition // Population Bulletin, 1987. Vol. 42. N 1. P. 1-59.

REFERENCE

1. *Dolya bezdetnykh rossiyan, kotorye ne hotyat obzavodit'sya det'mi, dostigla 22%*. [The share of childless Russians who do not want to have children has reached 22%]. URL: <https://rtd-info.ru/2021011317895/dolya-bezdetnykh-rossiyan-kotorye-ne-hotyat-obzavoditsya-detmi-dostigla-22.html> (data obrashcheniya 21.10.2023). (In Russian).
2. Kalabihina I.E., Kazbekova Z.G., Banin E.P., Klimenko G.A. (2023). *Demograficheskie cennosti i social'no-demograficheskij portret pol'zovatelej VKontakte: est' li svyaz'?* [Demographic values and socio-demographic profile of VKontakte users: is there a connection?]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika*, 58(3). S. 157-180. URL: <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-3-8> (data obrashcheniya 21.10.2023). (In Russian).
3. Karpova V.M. *Osobennosti mezhpokolenoj translyacii semejnykh cennostej*. [Features of intergenerational transmission of family values]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*, 2019. 25(3). S. 117-139. URL: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-3-117-139> (data obrashcheniya 21.10.2023). (In Russian).
4. Kol'cova I.V. *Chaldfri kak sociokul'turnayai social'no-psihologicheskaya problema v kontekste sovremennogo materinstva* [Childfree as a socio-cultural and socio-psychological problem in the context of modern motherhood] // I. V. Kol'cova // *Pedagogika i psihologiya roditel'stva i semejnogo vospitaniya: Uchebnoe posobie / Pod obshchej redakciej S.V. Bobryshova. M.: Znanie-M, 2020. S. 162-175.* (In Russian).
5. Perova A.P., Kara ZH.YU. *Psihologicheskie osobennosti zhenshchin-chajldfri: sovremennyy vzglyad* [Psychological characteristics of childfree women: a modern view] // *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya*, 2020 № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/115PSMN620.pdf>. (In Russian).
6. *Rossiyanе rasskazali pro bar'ery, kotorye meshayut im zavesti detej*. [Russians told about the barriers that prevent them from having children]. URL: <https://nafi.ru/analytics/sokratilas-dolya-bezdetnykh-rossiyan-kotorye-khotyat-zavesti-detey/> (data obrashcheniya 21.10.2023). (In Russian).
7. *Top-7 glavnykh social'nykh faktov o rossiyanah v yanvare 2018* [Top-7 main social facts about Russians in January 2018] // *Vserossijskij centr issledovaniya obshchestvennogo mneniya (VCIOM)* URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8911> (data obrashcheniya 21.10.2023). (In Russian).
8. *Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 N 400 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii»* [Decree of the President of the Russian Federation dated 02.07.2021 N 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation»]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/cb0c5bc1eaf4bd94d8e78f233af494e8e9dcde2b/ (data obrashcheniya 21.10.2023). (In Russian).
9. *Ukaz Prezidenta RF ot 9 noyabrya 2022 g. № 809 «Ob utverzhenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sohraneniyu i ukrepleniyu tradicionnykh rossijskikh duhovno-nravstvennykh cennostej»* [Decree of the President of the Russian Federation of 9 November 2022 No. 809 «On the approval of the Foundations of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values»]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (data obrashcheniya 21.10.2023). (In Russian).
10. Calko E.O., Gafizova N.B. *Vospriyatie bezdetnosti sovremennoj molodezh'yu: (Regional'nyj aspekt)* [Perception of childlessness by modern youth: (Regional aspect)] // *ZHenshchina v rossijskom obshchestve*. 2023. № 2. S. 120-132. (In Russian).
11. Becker G.S. (1960). *An economic analysis of fertility* // *Demographic change and economic change in developed countries*. National bureau of economic research. Princeton: Princeton University Press. (In English).
12. Becker G.S., Lewis H.G. *Interaction between Quantity and Quality of Children* // *The National Bureau of Economic Research*. (In English).
13. Inglehart R. *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics* / R. Inglehart. Princeton, 1977. P. 216. (In English).

14. Lesthaeghe R. *The Unfolding Story of the Second Demographic Transition* // Population and development review. 2010. Vol. 36. № 2. P. 211-251. (In English).
15. Lutz W., V. Skirbekk, M. R. Testa *The low-fertility trap hypothesis: forces that may lead to further postponement and fewer births in Europe* // Vienna Yearbook of Population Research. 2006. № 4. P. 167-192. (In English).
16. McDonald P. *Gender equity, social institutions and the future of fertility* // Journal of population research. 2000. T. 17, № 1. P. 1-16. (In English).
17. Van de Kaa D.J. *Europe's Second Demographic Transition* // Population Bulletin, 1987. Vol. 42. N 1. P. 1-59. (In English).

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА**SOCIOLOGY AND SOCIAL WORK**

DOI 10.26105/SSPU.2023.86.5.016

УДК 316.354

ББК 60.55-4

М.В. ДУМИНСКАЯ,
В.В. БРЫК**ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
АДАПТАЦИИ СОТРУДНИКОВ
СОЦИАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ:
НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**M.V. DUMINSKAYA,
V.V. BRYK**FEATURES AND PROBLEMS OF SOCIAL
AND PROFESSIONAL ADAPTATION
OF EMPLOYEES OF SOCIAL INSTITUTIONS:
BASED ON THE MATERIALS
OF A SOCIOLOGICAL STUDY**

Статья посвящена рассмотрению проблемы социально-профессиональной адаптации сотрудников социальных учреждений. На основе анализа научных работ, посвященных исследованию данной проблематики, определена необходимость комплексного рассмотрения данного феномена, а также проведения социологического исследования, позволяющего диагностировать уровень адаптивного потенциала сотрудников социальной сферы с учетом организационно-управленческой системы социального учреждения и специфики социальной работы как профессионального вида деятельности. На основе анализа результатов проведенного социологического исследования среди сотрудников социального учреждения дана характеристика профессионально-адаптивного состояния респондентов; определены основные факторы, оказывающие как негативное, так и позитивное влияние на успешность адаптации в конкретном учреждении; выделены проблемы, требующие особого внимания со стороны руководства. На основе полученных результатов могут быть разработаны рекомендации по профилактике профессиональной дезадаптации сотрудников, работающих в учреждениях социальной сферы.

The article is devoted to the consideration of the problem of social and professional adaptation of employees of social institutions. Based on the analysis of scientific works devoted to the study of this issue, the need for a comprehensive consideration of this phenomenon was determined, as well as conducting a sociological study that allows us to diagnose the level of adaptive potential of social workers, taking into account the organizational and managerial system of a social institution and the specifics of social work as a professional activity. Based on the analysis of the results of a sociological study among employees of a social institution, a description of the professional-adaptive state of respondents is given; the main factors that have both a negative and a positive impact on the success of adaptation in a particular institution have been identified; problems that require special attention from management are highlighted. Based on the results

obtained, recommendations can be developed for the prevention of professional maladaptation of employees working in social sector institutions.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социально-профессиональная адаптация, профессионально-деятельностная адаптация, организационная адаптация, социально-психологическая адаптация, профессиональная дезадаптация, социальная работа, социальные учреждения.

KEY WORDS: socio-professional adaptation, professional-activity adaptation, organizational adaptation, socio-psychological adaptation, professional maladaptation, social work, social institutions.

ВЕДЕНИЕ. В настоящее время большое внимание уделяется рассмотрению вопросов создания условий для повышения эффективности деятельности учреждений социальной сферы. Одним из таких условий является не только привлечение компетентных специалистов, обладающих определенным набором компетенций и опыта в данной сфере деятельности, но и реализация мер, направленных на содействие успешной адаптации работников в условиях конкретного социального учреждения.

В научной литературе теоретический анализ феномена профессиональной адаптации и проблем дезадаптации индивида в профессиональной сфере представлен в работах зарубежных и отечественных авторов (Г. Селье, Ж. Пиаже, К. Роджерса, М.А. Дмитриевой, Р.М. Грановской, С.А. Трифионовой, С.П. Безносова, А.П. Растигеева и др.). Выделяются несколько подходов к рассмотрению понятия и специфики социальной адаптации: системный подход (Л. Фон Бергаланфи, Л.А. Петрушенко, И.Б. Новика и др.); информационный (Н.М. Амосов, Н. Винер, В.Г. Афанасьев); феноменологический подход (Э. Гуссерль, М. Шелер, А. Шюц); нормативный подход (Э. Дюркгейм, К. Леви-Стросс, Б. Малиновский, Р.К. Мертон, А. Радклифф-Браун, Г. Спенсер, Т. Парсонс); деятельностный подход (О.С. Разумовский, Т.А. Петрушенко, Дж. Хоманс и др.).

Следует отметить, что в данной работе социальная адаптация рассматривается, прежде всего, с позиции деятельностного подхода, в рамках которого данный процесс понимается как преобразование социальной среды, а также преодоление и предупреждение различных адаптивных конфликтов, барьеров и противоречий, возникающих в процессе жизнедеятельности индивида в различных сферах его жизнедеятельности.

Изучением вопросов, связанных исследованием процесса адаптации в условиях трудовой деятельности и управлением социально-профессиональным становлением сотрудников, в том числе социальных учреждений, занимались С.О. Авчинникова, Е.А. Андреева, Н.П. Клушина, И.Г. Кузина, Н.Е. Мажар, В.Н. Медведева, Р.И. Мокшанцев, Г.Х. Мусина-Мазнова, Е.Ю. Невельсон, П.Д. Никитенко, Т.Н. Сафонова, А.С. Шило и другие. Как отмечает А.Н. Пинчук, «от внимания социологов не должны ускользнуть особенности взаимодействия человека и меняющейся социально-профессиональной среды, артикулируемые в рамках адаптационного процесса, тем более, когда адаптивность становится крайне востребованной характеристикой современных специалистов» [6, с. 97].

Однако при всем многообразии научных работ по обозначенной теме, не проводилось специального исследования, позволяющего выявить особенности и проблемы социально-профессиональной адаптации социальных работников, а также специалистов учреждений социального обслуживания с учетом организационно-управленческой специфики конкретной организации. В большей степени представлены работы, в которых предпринимаются попытки произвести концептуализацию социальной профессиональной адаптации и рассмотреть особенности его социологического измерения на эмпирическом уровне.

В этой связи, **ЦЕЛЬ** нашего исследования — выявление особенностей и проблем социально-профессиональной адаптации работников социальных учреждений на основе результатов проведенного социологического исследования.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В ходе исследования проводился анализ научной литературы по рассматриваемой проблематике. Решение поставленных задач осуществлялось на основе применения теоретических методов исследования (описание, обобщение, анализ, систематизация, индукция, дедукция), а также таких эмпирических методов как анкетирование и интервьюирование.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Анализ научной литературы по теме исследования показал, что в широком смысле социальная адаптация понимается как «вид взаимодействия личности или социальной группы с социальной средой, в ходе которого согласовываются требования и ожидания его участников. Важнейший компонент адаптации — согласование самооценок, притязаний и ожиданий субъекта с его возможностями и с реальностью социальной среды» [4, с. 253]. Социальная адаптация рассматривается как систематический коммуникативный процесс, в котором индивиды на этапе приспособления включаются в структуру социальных отношений и формируют определенные способы взаимодействия с элементами общественной среды, что приводит к выстраиванию ценностно-нормативной системы определенной социальной общности и развитию межличностной коммуникации [2, с. 30].

А. Н. Осянин, анализируя процессы социальной адаптации и социализации личности, приходит к выводу о необходимости их рассмотрения как самостоятельных процессов, которые взаимосвязаны друг с другом, выделяя свойственные им общие характеристики: «оба процесса связаны непосредственно с формированием личности индивида, они предполагают активную позицию субъекта, связаны с усвоением и последующим воспроизводством социального опыта, протекают в разных видах деятельности, предполагают активность субъекта и заключаются в усвоении и воспроизводстве социального опыта, оба процесса затрагивают как внутренние, так и внешние стороны взаимодействия личности и среды» [5, с. 341].

В качестве одного из видов социальной адаптации выделяют профессиональную адаптацию, под которой в широком смысле понимается привыкание индивида к условиям, требованиям, особенностям профессии, осознание целей и мотивов включения в неё, выстраивание эффективных коммуникативных связей с профессиональной группой и вхождение в её ролевую структуру, а также приспособление к производственным и социальным нормам поведения, необходимым для успешного функционирования в рамках определенной трудовой деятельности [2, с. 26–27].

Представляется целесообразным с учетом специфики социальной работы как профессионального вида деятельности рассматривать профессиональную адаптацию с различных сторон для того, чтобы при разработке способов профилактики профессиональной дезадаптации сотрудников, работающих в области социальной работы, можно было учитывать все необходимые составляющие и аспекты данной проблемы.

На наш взгляд, использование понятия «социально-профессиональная адаптация» наиболее точно отражает сложность и многоаспектность исследования адаптации применительно к специфике ее проявления в рамках определенной профессиональной деятельности.

На основе обобщения определенных концептуальных положений А. Н. Пинчук предлагает следующее определение термина «социально-профессиональная адаптация» — это «многоуровневый и комплексный феномен, который предполагает:

- 1) вовлечение в профессию через формирование профессиональной идентичности в ходе освоения профессиональной роли,
- 2) нахождение баланса с окружающей средой посредством согласования внутренних потребностей в профессиональной самореализации и требований профессиональной среды и, наконец,

3) выстраивание способов взаимодействия с профессиональной средой и сообществом» [6, с. 100-101].

На основе вышесказанного в социально-профессиональном адаптационном процессе сотрудников социальных учреждений, на наш взгляд, следует выделять нескольких сторон:

- Профессионально-деятельностная (непосредственно связана с приобретением важных профессиональных компетенций и профессионального опыта; оказываясь в новой трудовой среде, сотрудник проходит этапы обучения и наставления опытными сотрудниками организации; адаптироваться в соответствующих предметных областях, к содержанию, условиям и средствам новой профессиональной деятельности;
- Социально-психологическая включает коммуникативную составляющую (установление взаимосвязи работника с коллективом и руководством). Помимо этого, новому специалисту необходимо принять и приспособиться к культурной, нормативной и ценностной системам во внутренней среде организации; не менее важно работнику пройти процесс привыкания к психологическим ролевым функциям, неофициальным нормам, отношениям в коллективе, освоить те условия социума, где он будет осуществлять свою трудовую деятельность.
- Психофизиологическая сторона процесса адаптации характеризуется приспособлением сотрудника к новому режиму труда и отдыха, интенсивности работы и психофизическим нагрузкам;
- Организационная-нормативная адаптация включает в себя осознание специалистом его трудовых целей и задач, должностных обязанностей, норм. Сотруднику необходимо адаптироваться к требованиям, нормам и правилам организации, определить свое место в организационной системе и трудовом процессе.

Вместе с этим следует выделить два основных вида социально-профессиональной адаптации: первичная адаптация (осуществляется при приеме на работу нового специалиста); вторичная адаптация (связана с переводом работника на новую должность или в случае смены рода деятельности сотрудника в рамках профессиональной области).

Таким образом, в процессе социально-профессиональной адаптации сотруднику необходимо адаптироваться к особенностям и условиям труда, к системе управления, условиям труда, комплексу взаимосвязей в учреждении, успешно включиться в рабочий коллектив, осознать и освоить его организационные особенности, ценности, нормы поведения и т.д. Безусловно, что в процессе адаптации работник может сталкиваться с определенными сложностями на разных стадиях профессионально-трудового становления.

Процесс социально-профессиональной адаптации сотрудников неразрывно связан с системой управления в организации, что требует от руководителя построения и реализации программы социально-профессиональной адаптации сотрудников. В содержание такой программы может быть направлено на: сокращение первоначальных издержек (особенности влияния нового сотрудника на рабочий коллектив, которые могут сказаться на его продуктивности; прогнозирование влияния индивидуальных особенностей потенциального сотрудника на его более успешный адаптационный процесс в организации и последующую эффективность в работе); снижение тревожности и неуверенности в своём профессионализме со стороны нового сотрудника (психологическая поддержка руководства повышает самооценку индивида и снижает риск его потенциальных ошибок в процессе трудовой деятельности); сокращение текучести кадров (повышение эффективности работы организации за счет стабильной и функциональной рабочей команды); экономии времени непосредственного руководителя и рядовых работников и др.

В центре внимания данной работы — особенности социально-профессиональной адаптации сотрудников социальных учреждений. В этой связи важно отметить, что социальная

работа реализуется через деятельность системы социальных служб и социальных учреждений — институт социального благосостояния. Сегодня, как отмечает Е.Ю. Невельсон, «существует потребность в хорошо подготовленных, грамотных специалистах, способных эффективно выполнять профессиональные функции в различных структурах социальной сферы. Успешная профессиональная адаптация этих людей — залог эффективной работы как в социальной сфере в целом, так и в отдельных ее организациях» [4, с. 249]. Задача данного института заключается в поддержке социальной политики государства, содействии нормальному функционированию социальной среды и поддержании общественной стабильности при помощи оптимизации жизнедеятельности членов социума. Как справедливо отмечает В.Н. Медведева, «миссия социального работника благородна, но условия ее выполнения далеко от идеальных: решая «чужие» проблемы, считая это своим профессиональным долгом, с одной стороны, и своим предназначением, с другой, социальный работник помогает социально больным людям и обществу освободиться от негативных явлений: непродуктивных жизненных позиций, несовершенства общественных отношений, поведенческих стереотипов, негативных установок, не нашедшей выхода агрессии, социальной напряженности, страхов... Выполнить эту миссию способен только лично зрелый человек, внутреннее и профессионально подготовленный к решению стоящих перед ним социальных задач» [3, с. 73].

Поэтому цели социальной работы неразрывно связаны с поддержанием личности клиента социальных служб, а задачи меняются относительно сфер социальной практики, характера общественных проблем, социально-психологических особенностей клиентов, условий отдельного социума и т.д.

Специфика профессиональной деятельности социального работника требует от него определенной компетентности и эрудированности в различных областях (правовой, психологической, социально-медицинской, психологической, экономической и др.). Важной особенностью социальной работы как профессии является ее посреднический характер, который является результатом её интегральности и пограничности, нацеленности на целостного индивида и направленности на проблемы жизни людей в обществе.

Многофункциональность и сложность профессиональной деятельности в области социальной работы, безусловно, налагает определенные трудности, в том числе к осуществлению коммуникативных практик в процессе решения проблем клиентов социальных служб и учреждений, что обуславливает необходимость в систематическом проведении мониторинга, позволяющего отслеживать уровень адаптивности сотрудников на различных этапах их профессиональной деятельности.

На основе анализа научной литературы, к числу наиболее распространенных проблем следует отнести следующие:

- несоответствие ожидаемых представлений об особенностях трудовой деятельности и реального положения дел, недостаточное объективное оценивание уровня профессиональных и личностных возможностей сотрудника для осуществления поставленных целей;
- проблемы социального взаимодействия сотрудника с профессиональной средой (отдельными людьми или группами, другими сотрудниками, клиентами);
- недостаточный уровень компетентности, необходимый для выполнения поставленных трудовых задач, что вызывает эмоционально-психологические сложности, связанные с проявлением феномена личностной несостоятельности, отторжение от коллектива;
- неустойчивость мотивационной стороны профессиональной деятельности сотрудника;
- сложность в принятии ценностной культуры профессиональной среды;

- недостаточный уровень личностной самоактуализации в профессиональной деятельности, что вызывает чувство неуверенности в правильности выбора профессионального становления и дальнейшем профессиональном росте;
- сложности в выборе адаптивных механизмов в профессионально-трудовой деятельности (приоритетность выбора защитных поведенческих реакций, применение преимущественно деструктивных способов решения возникающих проблем, нежели конструктивных);
- нарушения трудовой дисциплины (отсутствие пунктуальности, важных личностных качеств сотрудника, необходимых для выполнения профессиональных обязанностей, отказ выполнения поручений руководства);
- низкий уровень удовлетворенности сотрудника условиями труда.

Как правило, необходимость в социально-профессиональной адаптации возникает в результате существенных организационных изменений в деятельности учреждения и/или технологий управления; в ситуации вступления сотрудника в новую должность, или смены учреждения; по причине недостаточного уровня социальной мобильности, изменений в ценностных установках и приоритетных целей жизнедеятельности работника, а также наличие социально-трудовых конфликтов, отсутствие превентивных мер в отношении дезадаптации сотрудников в учреждении и т.д. Все это может оказаться в числе факторов, негативно влияющих на адаптивный потенциал сотрудника, и как следствие на качество и эффективность выполнения возлагаемых на него трудовых функций и обязанностей, уровень работоспособности и в итоге спровоцировать тенденцию к профессиональному выгоранию личности и др.

В рамках исследования нами был разработан социологический инструментарий, позволяющий выделить особенности и проблемы социально-профессиональной адаптации сотрудников социальных учреждений. Социологическое исследование проводилось нами на базе БУ ХМАО-Югры «Сургутский центр социальной помощи семье и детям» в 2023 году.

В социологическом исследовании использовались количественные и качественные методы: анкетирование сотрудников и формализованное интервью с представителями административно-управленческого блока. В анкетировании приняли участие 68 сотрудников учреждения, в интервью — 5 сотрудников, занимающих руководящие должности разного уровня.

Все респонденты (100%) являются представителями женского пола и в своём большинстве (84,6%) относятся к возрастной категории от 30 до 63 лет. Наиболее активно приняли участие в анкетировании специалисты со стажем работы в социальной сфере до 10 лет — 43,6%, 21–30 лет — 30,8% респондентов, и со стажем 11–20 лет — 23,1%. Опрошенные, в своём большинстве, занимают должности ассистентов (28,2%) и специалистов по работе с семьей (25,6%), а также, относятся к категории сотрудников, которые продолжительный период работают без смены должности и места работы (61,5%).

Первый блок нашего исследования позволил респондентам произвести самооценку степени социально-профессиональной адаптации в условиях работы в данном учреждении. Оценивание производилось по пятибалльной шкале, где 5-наивысший балл, 1 — низший балл. Исходя из полученных результатов, было выявлено, что преобладающее большинство респондентов оценили уровень своей адаптации выше среднего (5 баллов — 48,7%, 4 балла — 46,2%), и лишь незначительная доля опрошенных (3 балла — 5,1%) оценила свою профессиональную адаптацию на среднем уровне. Как видим в целом степень адаптированности, по оценке сотрудников складывается весьма положительно.

Далее для нас было важно выделить те значимые составляющие, которые позволяют сотрудникам произвести такое самооценивание. Для этого респондентам было предложено ответить на ряд вопросов закрытого типа, которые позволили определить уровень их

профессиональной и организационной самоидентификации. Анализ полученных ответов показал, что их самооценка вполне обоснована:

- большинство опрошенных в полной мере понимают содержание своей работы (87,2%), скорее согласны с этим утверждением 12,8% респондентов;
- из общего числа респондентов только 59% уверены, что для выполнения своих профессиональных обязанностей у них достаточно знаний, умений и навыков. Определенную степень сомнения в достаточности имеющихся профессиональных компетенций отметили 35,9% респондентов и 5,1% из числа опрошенных скорее осознают, что их уровень профессиональной компетентности недостаточен;
- большинство сотрудников (82,1%) полагают, что понимают, каким образом результаты их работы связаны с достижением целей организации, 15,4% скорее согласны с этим утверждением и только 2,6% отметили, что, скорее всего не понимают этой взаимосвязи;
- более 70% респондентов отметили, что полностью поддерживают правила и ценности, принятые в организации, активно интегрированы в рабочий коллектив, хорошо знают организационную структуру и специфику деятельности других подразделений учреждения, свободно ориентируется в их местоположении. Оставшаяся часть опрошенных отметили вариант ответа «скорее согласны с этим утверждением». Это указывает на то, что данная группа все-таки имеет незначительные сложности в профессионально-коммуникативной и организационной составляющих профессиональной деятельности.

В целом полученные результаты по данному блоку вопросов показали, что респонденты достаточно объективно произвели самооценку уровня социально-профессиональной адаптации. Это позволяет сделать вывод о том, что большинство респондентов высоко оценивают уровень своей социально-профессиональной адаптации: в полной мере осознают свою значимость в выполнении профессиональных функций и общих целей социального учреждения, владеют для этого достаточным уровнем профессиональных компетенций, хорошо ориентируются в организационной структуре учреждения, разделяют общие ценности и принципы правила и ценности, принятые в организации.

Безусловно, такая ситуация способствует наиболее эффективной деятельности учреждения в целом, обеспечивает сплоченность коллектива, что повышает степень скоординированности действий сотрудников различных структурных подразделений для решения поставленных задач, способствует развитию корпоративной культуры в данной организации. Тем не менее, незначительная группа респондентов вызывает определенную обеспокоенность, поскольку возможно развитие негативных тенденций, связанных с их профессиональной дезадаптацией.

В связи с этим следующий блок вопросов был направлен на выявление уровня удовлетворенности респондентами работой в данном учреждении по целому ряду показателей (см. таблицу1):

- а) содержание труда, результаты труда, соответствие характера и содержания работы индивидуальным способностям.

Анализ ответов показал, что по данным показателям в среднем 60% выразили полную степень удовлетворенности, 28% указали, что «скорее удовлетворены»; 10% опрошенных удовлетворены частично и около 2% затруднились с ответом.

- б) информированность о делах коллектива и компании, условия труда и организация труда, социальный климат в организации, взаимоотношения в рабочем коллективе.

Ответы респондентов показали, что всего лишь около 3% выразили неудовлетворенность текущим положением, а в оценке уровня удовлетворенности организацией труда отрицательно оценили 5,1% опрошенных сотрудников.

Таблица 1. **Результаты ответов на вопрос
«В какой мере Вы удовлетворены показателями,
перечисленными в таблице, в Вашей трудовой деятельности?»**

Варианты ответов	Процент
<i>Информированность о делах коллектива и компании</i>	
Полностью удовлетворен	59,0%
Скорее удовлетворен	28,2%
Частично удовлетворен	7,7%
Не удовлетворен	2,6%
Затрудняюсь ответить	2,6%
Итого:	100,0%
<i>Условия труда</i>	
Полностью удовлетворен	61,5%
Скорее удовлетворен	25,6%
Частично удовлетворен	7,7%
Не удовлетворен	2,6%
Затрудняюсь ответить	2,6%
Итого:	100,0%
<i>Организация труда</i>	
Полностью удовлетворен	64,1%
Скорее удовлетворен	23,1%
Частично удовлетворен	5,1%
Не удовлетворен	5,1%
Затрудняюсь ответить	2,6%
Итого:	100,0%
<i>Социальный климат в организации</i>	
Полностью удовлетворен	51,3%
Скорее удовлетворен	23,1%
Частично удовлетворен	17,9%
Не удовлетворен	5,1%
Затрудняюсь ответить	2,6%
Итого:	100,0%
<i>Взаимоотношения в рабочем коллективе</i>	
Полностью удовлетворен	53,8%
Скорее удовлетворен	23,1%
Частично удовлетворен	17,9%
Не удовлетворен	2,6%
Затрудняюсь ответить	2,6%
Итого:	100,0%

На наш взгляд, такие высокие показатели удовлетворённости респондентов показателями, представленными в таблице 1, свидетельствуют, во-первых, о достаточно эффективной системе подбора сотрудников, которые отличаются высоким уровнем профессиональной

подготовки и мотивации, при этом чувствующих себя в организации достаточно уверенно и комфортно. Во-вторых, со стороны руководства проявляется забота, поддержка и уважение к сотрудникам, что позволяет им осознавать свою роль и вклад в общее дело, создает достаточно благоприятную психологическую атмосферу в коллективе. Тем не менее, при общей положительной динамике оценивания указанных показателей встречаются ответы, указывающие на низкую степень удовлетворенности определенной группы респондентов. Данное обстоятельство требует к себе особого внимания со стороны руководства, которое, на наш взгляд, должно быть в первую очередь направлено на выявление конкретных причин такой оценки. Ведь от того какие созданы условия труда и как грамотно организован рабочий процесс, насколько эффективно выстроены коммуникативные связи в рабочем коллективе и работают механизмы взаимопомощи зависит общий уровень работоспособности персонала и эффективность выполнения задач в рамках деятельности учреждения социальной сферы в целом.

Результаты ответов респондентов на вопрос, как часто в процессе трудовой деятельности им приходится сталкиваться с ситуациями, к которым необходимо адаптироваться, показали, что 5,1% опрошенных в своей трудовой деятельности вообще не сталкивались с такими ситуациями; большинство респондентов (71,8%) отметили, что такие ситуации возникают достаточно редко; часто в ситуациях, требующих адаптации, оказываются 15,4% респондентов; 7,7% из числа опрошенных сотрудников затруднились дать однозначный ответ на данный вопрос.

На основе этого можно предположить, что в данном учреждении, во-первых, хорошо отлажены организационные механизмы работы. В силу этого сотрудникам не приходится регулярно сталкиваться с новыми или необычными ситуациями, требующими адаптации; во-вторых, в организации используются процедуры и методы работы, позволяющие большинству сотрудников легко адаптироваться в случае возникновения такой необходимости. Вместе с этим, следует отметить, что некоторые сотрудники не всегда готовы принимать неудобства и трудности, которые могут возникнуть в процессе работы. Полагаем, что это может быть связано с недостаточным уровнем их профессиональной подготовки, неготовностью к изменениям или нежеланием брать на себя дополнительные задачи и функции.

Распределение ответов респондентов на вопрос: «В каких ситуациях Вы в наибольшей степени испытывали сложности в процессе адаптации?», позволило выделить наиболее актуальные ситуации, требующие особого внимания. Респонденты могли выбрать не более 3 ответов. Проранжированные нами варианты представлены в таблице 2.

Таблица 2. **Ситуации, вызывающие наибольшие сложности в процессе адаптации (по мнению респондентов)**

Варианты ответов	Процент
Первичное трудоустройство	21,3%
Смена места работы	20,0%
Смена рабочего коллектива	17,5%
Совмещение должностей	12,5%
Смена руководства	10,0%
Реструктуризация учреждения	8,8%
Смена должности	6,3%
Изменение должностных инструкций	3,8%
Итого:	100,0%

Как видно из полученных результатов, наибольшее количество сотрудников (21,3%) указали, что в основном испытывали сложности при первичном трудоустройстве. Мы полагаем, что трудности были связаны в первую очередь фактом принятия новой социальной роли, профессиональной самоидентификацией сотрудника, установлением коммуникативных связей с коллегами, овладением организационными процедурами и требованиями в учреждении, необходимыми для выполнения профессиональных задач в трудовом коллективе. На втором месте в числе сложных адаптивных ситуаций (20%) — смена места работы, связанная с переходом из одного учреждения в другое. Действительно, в таком случае работникам вновь приходится привыкать к новому социальному окружению, меняя привычную обстановку, осваивать особенности трудовой деятельности в учреждении и т.д. Смена рабочего коллектива в учреждении (17,5%) в списке ситуаций, требующих адаптации, заняла третью позицию. Это указывает на то, что изменений в основном кадровом составе также становится на какое-то время дестабилизирующим фактором, поскольку влечет за собой изменение динамики взаимодействия с новыми коллегами. Это требует от сотрудника дополнительных временных, психологических, коммуникативных ресурсов, необходимых для установления эффективных форм взаимоотношений в обновленном коллективе. По мнению респондентов, в наименьшей степени возникают сложности в ситуациях совмещения должностей (12,5%), смены руководства (10%) и смены должности (6,3%). Неожиданным для нас стал тот факт, что для большинства сотрудников-респондентов переход на новую должность не является дестабилизирующим фактором профессиональной деятельности и не требует затраты адаптивных ресурсов. На наш взгляд, это говорит о том, что процесс перехода на новую должность является для сотрудника в данной организации вполне закономерным и ожидаемым событием на пути его профессионального развития, соответствует его профессиональным и личностным ожиданиям.

Ответы респондентов на следующий вопрос позволили выделить основные причины, которые могут препятствовать успешному и быстрому включению в работу и негативно сказываться на процессе последующей профессиональной адаптации. Респондентам было предложено выбрать не более 5 вариантов. На основе ранжирования полученных ответов сформировался перечень наиболее значимых позиций, представленных в таблице 3.

Таблица 3. Причины, препятствующие успешному и быстрому включению в работу и последующей профессиональной адаптации в учреждении (по мнению респондентов)

Варианты ответов	Процент
Недостаток опыта работы в данной сфере	15,9%
Напряженный социальный климат в организации	14,8%
Конфликтные отношения в коллективе	12,5%
Плохо организованные условия труда	10,2%
Отсутствие связей, контактов	8,0%
Отсутствие определенных личностных качеств	8,0%
Отсутствие четко прописанных должностных обязанностей	6,8%
Недостаточная профессиональная подготовка	5,7%
Низкая мотивация со стороны руководства	5,7%
Отсутствие помощи со стороны непосредственного руководителя	3,4%
Отсутствие помощи со стороны коллег по работе	3,4%
Неудобный режим работы	2,3%

Полученные данные показывают, что к числу наиболее значимых причин, создающих препятствия для успешной адаптации сотрудников социальных учреждений, по мнению респондентов, относятся следующие: недостаток опыта работы в данной сфере, напряженный социальный климат в организации, конфликтные отношения в коллективе, плохо организованные условия труда.

Далее респондентам было предложено выделить положительные факторы, которые помогали им в различные адаптационные периоды профессиональной деятельности. Респондентам могли выбрать не более 5 вариантов ответа. На основе ранжирования полученных ответов сформировался перечень наиболее значимых позиций. Наиболее часто выбираемым фактором оказались доброжелательные отношения в коллективе (17,8%). Это указывает на то, в рабочем коллективе сотрудникам в сложный период была оказана поддержка со стороны коллег, что способствовало их комфортной интеграции и повышению работоспособности. Вторым по значимости фактором (17,1%) стала позиция — возможность обращаться за помощью к непосредственному руководителю. Это говорит о включенности и понимании значимости проблемы адаптации первого руководителя данного учреждения, создания условий для открытости и своевременной поддержки сотрудников в различных ситуациях. Уверенность в том, что работники могут получить помощь от своего непосредственного начальства, способствует успешной адаптации и профессиональному росту.

На следующих ступенях по значимости респонденты располагают: во-первых, наличие определенных личностных качеств (14,0%), которые способствуют эффективной коммуникации, установлению доверительных отношений и преодолению трудностей в работе (например, таких как эмоциональная стабильность, толерантность, умение работать в коллективе и эмпатия и др.); во-вторых, опыт работы в данной сфере (12,4%) и хорошая профессиональная подготовка (9,3%). Это вновь подчеркивает значимость уже имеющегося опыта работы в социальной сфере и наличие специализированного качественного образования, что обуславливает успешную адаптацию в социальном учреждении и эффективность выполнения поставленных профессиональных задач. Создание хороших организационных условий труда в данном учреждении стало значимым положительным фактором для 11,6% респондентов.

ВЫВОДЫ. Общие результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что в данном социальном учреждении созданы условия для успешной социально-профессиональной адаптации сотрудников. Наблюдается положительная адаптационная динамика большинства сотрудников. Среди наиболее значимых факторов, влияющих на эффективность адаптации работников социальной сферы, выделяются, во-первых, профессионально-деятельностные составляющие (наличие опыта работа в данной сфере, профессиональная компетентность, профессионально-личностные качества), во-вторых, социально-психологические и коммуникативные аспекты, в-третьих, создание организационных условий для работы. С учетом специфики данной профессии значительные препятствия как в процессе адаптации, так и профессиональном развитии сотрудника зависят от того, насколько у работника социальной сферы высок уровень внутренней мотивации к выполнению профессионального долга, связанного с высокой миссией служения людям, насколько он готов к постоянному профессиональному саморазвитию и способен выстраивать продуктивную коммуникацию на всех уровнях взаимоотношений (клиент, сотрудник, руководитель), а также принимать объективные организационные условия трудовой деятельности. При этом особого внимания со стороны руководства требует группа сотрудников, находящихся в сложных адаптивных ситуациях (первичном трудоустройстве, смене места работы или состава коллектива и др.), что предполагает разработку и реализацию комплекса мер по профилактике дезадаптации сотрудников социального учреждения с учетом специфики социальной работы и индивидуальных особенностей личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безюлёва Г.В. Психолого-педагогическое сопровождение профессиональной адаптации учащихся и студентов. М.: НОУ ВПО Московский психолого-социальный институт, 2008. 320 с.
2. Власова Т.А. Теоретико-методологические основания исследования рисков социально-профессиональной адаптации выпускников вуза // Высшая школа: научные исследования: Материалы Межвузовского международного конгресса, Москва, 19 августа 2021 года. М.: Инфинити, 2021. С. 26–35.
3. Медведева В.Н. Профессиональное становление специалистов по социальной работе // Наука и современность. 2011. № 12–2. С. 71–74.
4. Невельсон Е.Ю. Адаптация социальных работников к профессиональной деятельности: теоретические подходы к проблеме // Вестник пермского университета. 2019. Вып. 8(13). С. 249–254.
5. Осянин А.Н. Анализ содержания процессов адаптации и социализации личности (теоретический аспект) // Вестник нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.серия: социальные науки. 2021. Вып. 1(5). С. 336–341.
6. Пинчук А.Н. Социально-профессиональная адаптация: от концептуализации к измерению // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Вып. 2. С. 96–114.

REFERENCES

1. Bezyulyova G.V. *Psihologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie professional'noj adaptacii uchaschichsya i studentov*. [Psychological and pedagogical support for professional adaptation of pupils and students]. M.: NOU VPO Moskovskij psihologo-social'nyj institut. 2008. 320 s. (In Russian).
2. Vlasova T.A. *Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya issledovaniya riskov social'no-professional'noj adaptacii vypusknikov vuza* [Theoretical and methodological foundations for studying the risks of socio-professional adaptation of university graduates] // *Vysshaya shkola: nauchnye issledovaniya: Materialy Mezhvuzovskogo mezhdunarodnogo kongressa*, Moskva, 19 avgusta 2021 goda. M.: Infiniti, 2021. S. 26–35. (In Russian).
3. Medvedeva V.N. *Professional'noe stanovlenie specialistov po social'noj rabote* [Professional development of social work specialists // *Nauka i sovremennost'*]. 2011. № 12–2. S. 71–74. (In Russian).
4. Nevel'son E. YU. *Adaptaciya social'nyh rabotnikov k professional'noj deyatel'nosti: teoreticheskie podhody k probleme* [Adaptation of social workers to professional activities: theoretical approaches to the problem] // *Vestnik permskogo universiteta*. 2019. Vyp. 8(13). S. 249–254. (In Russian).
5. Osyenin A.N. *Analiz sodержaniya processov adaptacii i socializacii lichnosti (teoreticheskij aspekt)* [Analysis of the content of the processes of adaptation and socialization of the individual (theoretical aspect)] // *Vestnik nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo.seriya: social'nye nauki*. 2021. Vyp. 1(5). S.336–341. (In Russian).
6. Pinchuk A.N. *Social'no-professional'naya adaptaciya: ot konceptualizacii k izmereniyu* [Socio-professional adaptation: from conceptualization to measurement] // *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*. 2021. Vyp. 2. S. 96–114. (In Russian).

DOI 10.26105/SSPU.2023.86.5.017

УДК 331.108

ББК 60.823.3н

Ю.В. КАЛЕГИНА,
Е.В. АНФАЛОВ,
Ю.И. АВЕРЬЯНОВ

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
ОРГАНИЗАЦИИ СТАЖИРОВОК
ПО ОХРАНЕ ТРУДА**

YU.V. KALEGINA,
E.V. ANFALOV,
YU.I. AVERYANOV

**METHODOLOGICAL GROUNDS
FOR ORGANIZATION
OF OCCUPATIONAL SAFETY
INTERNSHIPS**

Актуальность проблематики обусловлена необходимостью развития общей культуры безопасности граждан. Реализация этой задачи рассматривается через интеграцию науки об охране труда с современными исследованиями, через преобразование методологического обеспечения процесса подготовки сотрудников в области безопасности трудовой деятельности.

Цель — выявление и обоснование нового методологического основания в построении системы стажировок по охране труда сотрудников.

Решение этой проблемы представляется в обеспечении единства теоретического и практического аспектов подготовки по охране труда, посредством построения непротиворечивой многоуровневой методологической основы практической подготовки сотрудников по охране труда.

Авторам представляется, что одной из возможных стратегий реализации современного обучения может выступить система стажировок, спроектированная на новых методологических основаниях: системном, синергетическом, ресурсном, деятельностном подходах — на стратегическом уровне методологии; контекстно-компетентностном, партисипативном подходах и теории индивидуализации образования — на тактическом уровне; принципах андрагогики, баланса интериоризации и экстериоризации знаний, несовпадения периодов индивидуально-возрастного и социально-профессионального развития человека.

Выводы. Новые методологические основания организации стажировок были бы полезны методистам учебных центров, корпоративных университетов, преподавателям профессионального образования, руководителям отделов развития карьеры сотрудников, педагогам-исследователям.

The relevance of the issue is due to the need to develop a common culture of citizens safety. The implementation of this task is considered through the integration of occupational health science with modern research, through the transformation of the methodological support of the process of training employees in the field of labor safety.

The purpose of this article is to identify and substantiate a new methodological basis in the construction of a system of occupational safety internships for employees.

Materials and methods. The solution to this problem is to ensure the unity of the theoretical and practical aspects of training on labor protection, by building a consistent multi-level methodological basis for practical training of employees on labor protection.

Results and discussion of results. It seems to the authors that one of the possible strategies for the implementation of modern training can be a system of internships designed on new methodological grounds: systemic, synergistic, resource, activity approaches — at the stra-

tegic level of the methodology; context-competence, participatory approaches and theory of individualization of education — at the tactical level; the principles of andragogy, the balance of interiorization and extriorization of knowledge, the mismatch of periods of individual-age and socio-professional development of a person.

New methodological grounds for organizing internships would be useful for methodologists of training centers, corporate universities, teachers of professional education, heads of employee career development departments, and research teachers.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: методология организации стажировок, стажировки по охране труда, принципы подготовки сотрудников по охране труда, развитие культуры безопасности труда.

KEY WORDS: methodology for organizing internships, occupational safety internships, principles for training employees on occupational safety, development of occupational safety culture.

ВВЕДЕНИЕ. Современные исследования, связанные с охраной труда, носят, как правило, межпредметный характер и иллюстрируют, что традиционные подходы к теоретическому обучению уже работающих сотрудников к организации закрепления их знаний на практике нуждаются в преобразовании, поскольку не обеспечивают требуемого от специалиста в организациях уровня культуры безопасности [10; 15]. В отечественной и мировой практике производств и социальной практике возникают новые компетенции, опережающие процесс подготовки сотрудников к их исполнению безопасным способом, возрастают актуальные требования не только к знаниям человека, но и его ценностным ориентациям, опыту, личным качествам [1; 2; 7; 11; 15].

Из года в год в отзывах работодателей отмечается низкий уровень практической подготовки в области охраны труда молодых сотрудников производственных предприятий. Растет процент травматизма на рабочем месте по вине самого человека.

Так Федеральная служба по труду и занятости и Федерация независимых профсоюзов свидетельствуют о росте отчиталась об увеличении несчастных случаях (в том числе групповых) на производстве, имеющих тяжелые последствия для пострадавших в 2020–2022 годах по отношению к предыдущим пяти годам с коэффициентом 1.3 (5563 в 2022 году к 5171 в 2020 году) [13].

Отмечается также, что индивидуальная практическая подготовка сотрудников на всех этапах профессионализации не обеспечивает необходимый уровень компетенций безопасности их труда в полной мере.

Анализ этих упущений в подготовке в области охраны труда, непрерывные поиски лучших отечественных и зарубежных практик, изучение современных тенденций по формированию компетенций безопасности труда современного специалиста XXI в., экспертиза существующих образовательных средств развития практических умений сотрудников вывели на проблему исследования.

Ее суть состоит в поиске пути разрешения противоречия между необходимостью повышения эффективности образовательного процесса по охране труда сотрудников организаций и отсутствием современных методологических ориентиров для совершенствования дополнительного профессионального образования по охране труда. Следует отметить, что, одновременно, решение обозначенной проблемы выступает одним из решений педагогами более масштабной актуальной задачи — развития культуры безопасности человека [4].

Основные задачи статьи видятся в следующем:

— представить стажировку как ведущую формы развития деятельностного компонента культуры безопасности человека;

- рассмотреть традиционные методологические основания организации стажировок в ДПО;
- определить подходы стратегического, тактического и оперативного уровней, на основании которых целесообразно преобразовать традиционную систему стажировок сотрудников по охране труда;
- определить организационно-педагогические условия для успешного функционирования системы стажировок сотрудников организаций с учетом их индивидуальных особенностей и образовательных потребностей.

ЦЕЛЬ — разработка методологического основания в построении системы стажировок по охране труда сотрудников, выявление и анализ уже существующих в теории и практике образования, прежде всего профессионального, подходов к самой стажировке.

Изучение теоретических предпосылок позволило сделать вывод о том, что идея представления стажировки не как одной из организационно-педагогических форм закрепления теоретических знаний в области охраны труда на практике, но как ведущего способа развития всей культуры безопасности человека разрабатывалась исследователями разных научных направлений [2; 5; 8; 11].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В психолого-педагогических науках охрана труда представляется как средство развития общей культуры безопасности человека в интегративной социально-профессиональной сфере. Исследователи теории образования соотносят формирование каждого компонента культуры безопасности с этапами образовательной траектории человека, устанавливают связь содержания и форм образования с уровнем развития каждого компонента культуры безопасности, связывают уровень развития культуры безопасности с индивидуально-возрастными особенностями человека [8; 9; 10]. Вместе с тем методологическая основа стажировки недостаточно структурирована, что препятствует отнесению ее к приоритетным формам развития культуры безопасности сотрудника и способствует недооценке ее педагогического потенциала.

Обнаружены исследования, в которых предложены методологические основания развития культуры безопасности в образовательном процессе вуза, к которым отнесены системно-деятельностный, культурологический и компетентностный подходы. В их положениях сделаны акценты:

- на приоритетный (18–25 лет) возраст развития культуры безопасности;
- на ценностные аспекты содержания образования сотрудников, включающие ценности безопасности (семьи, жизни, здоровья, природы, государства, личности и др.) [7];
- на необходимость гармонизации теоретических и практических форм образования в сфере безопасности для эффективного развития всех компонентов культуры безопасности [6];
- на способы отбора содержания образования и адекватные формы его предъявления, как педагогических средств развития универсальных компетенций человека (компонента культуры безопасности) [2];
- на усиление мобильности человека и его адаптации к профессиональным, культурным, экономическим и иным требованиям жизни в обществе через привлечение его в индивидуализированные программы ДПО [10; 11].

Очевидно, что за скобками остались вопросы:

- воспитательного аспекта целеполагания в организации стажировок;
- отбора содержания и форм развития культуры безопасности взрослого, работающего населения,
- учета индивидуального образовательного опыта человека в содержании программы подготовки в сфере безопасности труда,

- отбора содержания и форм развития деятельностного компонента культуры безопасности, актуализации практикоориентированных форм подготовки по охране труда, а также их применения.

Одновременно с представленными результатами исследователи педагогической практики предлагают иную методологию к освоению новых компетенций именно по охране труда, ориентированную на удовлетворение образовательных потребностей личности и общества, которая, как правило, апробируется в рамках инновационных площадок по реализации программ развития именно деятельностного компонента культуры безопасности в форме системы стажировок [15].

К этой методологии относят компетентностный, ресурсный и индивидуально-ориентированный подходы. В этой методологии предложены:

- основание и системное использование ресурсов человека и ресурсов образовательной организации;
- способы проектирования индивидуальных стажировок для развития компетенций по охране труда у обучающегося в открытом образовательном пространстве, включающие самостоятельную работу с документацией по охране труда (административной, учебно-методической, нормативной и др.); развитие универсальных, профессиональных компетенций в сфере безопасности труда, в том числе дублирование функциональных обязанностей должностных лиц;
- способы использования современных цифровых образовательных технологий в образовательном процессе, овладение умениями проектирования и анализа процесса подготовки в сфере безопасности труда;
- способы отражения в содержании стажировки интересов организаций, направляющих специалистов на стажировку, вплоть до организации методического надзора или тьюторского сопровождения стажировок.

В отечественной практике профессионального образования взрослых образование в сфере охраны труда в форме стажировки используется работодателями для потенциальных работников в период испытательного срока перед зачислением в штат организации. Эта традиция обусловлена Законом о народном образовании СССР (статья 77), где была предусмотрена стажировка выпускников вузов для совершенствования практических навыков. В современной практической реализации данной методологии на аудитории взрослых людей, сотрудников организаций исследователи опираются на нормативные основания Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ, посвященной видам программ ДПО — программам профессиональной переподготовки и повышения квалификации, которая потенциальную возможность их реализации в формате стажировки. Порядок организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам в форме стажировки изложен в приказе Министерства образования и науки Российской Федерации от 1 июля 2013 г. № 499.

Анализ современной производственной практики иллюстрирует, что работодатели обращаются к такой форме практического обучения как стажировка в целях развития, прежде всего новых компетенций у сотрудников или развития уже имеющихся компетенций с уровня «знает, осведомлен» до уровня «умеет, готов».

Богатый отечественный опыт проведения стажировок именно по охране труда для сотрудников и в учебных центрах, и на производстве базируется на «выросшей» из практики методологии к организации стажировки: в нее вошли компетентностный, индивидуально-ориентированный и ресурсный подходы. Следует отметить, что в рамках этой методологии у системы стажировок очевидны упущения, связанные с недостаточным теоретическим осмыслением методологии и, как следствие, неуместным применением методологических

оснований одного уровня на другом при разработке и реализации системы стажировок. Наиболее распространены следующие примеры некорректности:

- учет индивидуальных особенностей сотрудников производства редуцирован до учета их индивидуальных образовательных потребностей и игнорирует всю целостность психологических особенностей (психофизиологических и личностных) сотрудников, всю структуру его человеческого ресурса;
- компетенция в области охраны труда рассматривается как конечный, самостоятельный результат, а не компонент системного свойства — культуры безопасности человека, что сводит все многообразие педагогических средств мировой системы ДПО до частных и не позволяет выйти с результатом стажировки за границы профессиональной деятельности.

В сфере социологических наук исследователи изучили и систематизировали социологические аспекты выбора работодателями стажировки как наиболее эффективной формы реализации программ дополнительного профессионального образования [01; 12; 14]. К таким аспектам относят возраст сотрудника, уже имеющийся уровень профессионального образования у сотрудника и форма его получения. Проведенные методами социологического опроса, включенного наблюдения, социального моделирования изыскания позволяют говорить, что работодатели отвергают стажировку для сотрудников, имеющих преимущественно среднее профессиональное образование, рассчитывая на имеющийся у них опыт прохождения производственных практик, разновидностью которых является стажировка. Вместе с тем, беседа с работодателями показывают, что работодатели предпочитают стажировку для выпускников вузов, которым привычно освоение знаний в теоретической форме, инструктивно или через самостоятельную подготовку к квалификационному экзамену. Так выборочный опрос работодателей и слушателей показал, что и те, и другие отдают предпочтение именно формату стажировки при освоении их сотрудниками программ дополнительного профессионального образования, как уникальной форме адресного, практико-ориентированного обучения.

В специфичных сферах военных наук и безопасности стажировки рассматриваются как основные формы совершенствования процесса формирования профессиональных умений и навыков сотрудников (служащих) [5]. В их современных исследованиях обосновывается необходимость системной (в части субъектов, целей, периодичности, содержания, разнообразия форм организации и т. д.) организации стажировок в профессиональной деятельности как оптимальной методологической основы деятельностного компонента культуры безопасности человека.

В области обеспечения безопасных условий и охраны труда, согласно Трудовому кодексу Российской Федерации (статьи 212, 216, 224, 225, 357), работодатель обеспечивает обучение лиц, принимаемых на работу с вредными и (или) опасными условиями труда, безопасным методам и приемам выполнения работ со стажировкой на рабочем месте. Анализ исследований в данной сфере показывает обращение к идее учета в организации стажировок индивидуально-психологических свойств сотрудников, их участия в планировании и реализации своего образования в области охраны труда, отражения в содержании стажировок стихийно возникающих компетенций безопасности, форм занятий, содействующих готовности действовать в нестандартных ситуациях, случайных коммуникациях.

Выводы исследователей доказывают корреляцию развития деятельностного компонента культуры безопасности с имеющимися личностными особенностями сотрудника — его образованием, опытом, возрастом. Представленные результаты требуют включения в методологические основания организации стажировки: контекстного, индивидуально-ориентированного, деятельностного и синергетического подходов. Именно на этих методологических основаниях стажировка по охране труда исследователями представлена

как ведущая форма наполнения деятельностного компонента культуры безопасности сотрудника

Представленная методология очевидно более применима в практике, вместе с тем, в ней отсутствуют правила, способы совмещения психолого-педагогических знаний о развитии культуры безопасности взрослого и запрос на индивидуализацию программ стажировок.

В данной статье авторы осуществили попытку рассмотреть стажировку по охране труда как средство влияния на уровень развитости культуры безопасности через активную кооперацию ее компонентов: деятельностного, аксиологического и когнитивного, и, таким образом, предложить многоуровневую методологию организации системы стажировок с учетом всех имеющихся в смежных науках методологических оснований. Целесообразно для развития культуры безопасности человека упорядочить уровни методологии организации стажировок в соответствии с этапами процесса организации. Расположить системный, синергетический, деятельностный, контекстно-компетентностный, партиципативный, индивидуально-ориентированный подходы, на стратегическом (этап целеполагания в стажировке), тактическом (этап планирования стажировки) и оперативном (этап проведения стажировки) уровнях, упорядочить терминологическое поле.

Для анализа методологии организации системы стажировок в области охраны труда был использован трехуровневый методологический инструмент сопоставления подходов.

Решение задачи анализа методологических оснований концепции предварялось определением их состава. К методологии были отнесены: совокупность подходов к собственно организации системы стажировок по охране труда; общие принципы реализации предлагаемой методологии в связи с задачей развития культуры безопасности сотрудников, скрепленные единым понятийным пространством.

Для анализа подходов, привлеченных в качестве методологического основания был использован многоуровневый методологический инструмент сопоставления подходов, который является «общей схемой» уровней методологии.

Стратегический уровень методологии организации стажировок относится ко всей науке по охране труда в целом и определяется как уровень общенаучных правил и норм исследования. Подходы этого уровня определяются апелляцией к развитию культуры безопасности человека вообще, к общим чертам процесса подготовки сотрудника в области охраны труда.

Тактический уровень методологического анализа это — конкретно-научная методология, т.е. совокупность методов, принципов и правил взаимодействия участников стажировки в ходе образования сотрудника в области охраны труда.

Оперативный уровень соотносится с методикой стажировок, с разработкой технологии, общих процедур реализации приемов и методов в формировании и развитии компетенций безопасности в новых обстоятельствах.

При решении данных задач мы исходили из следующих посылок:

- всякий нижний уровень подходов в иерархии определяется и задается свойствами высшего;
- подходы, относящиеся к различным этапам разработки системы стажировок, взаимодействуют и могут дополнять друг друга.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ. В результате сравнительного методологического анализа совокупности подходов, теорий и принципов методологические основания были структурированы по трем уровням (табл. 1). Подходы не противоречат друг другу, имея системную основу, они дополняют и детализируют процесс организации стажировок на каждом этапе: целеполагания, отбора содержания и форм организации, планирования частных учебных занятий и диагностических мероприятий.

Таблица 1. **Обоснование методологии организации стажировок по охране труда**

Стратегический уровень предполагает опору на представленные подходы на этапе определения целей систем стажировок в организации: системный, синергетический, ресурсный, деятельностный подходы	
Системный подход.	Позволил выявить и изучить системные свойства культуры безопасности человека и процесса ее развития, рассмотреть культуру безопасности как личный ресурс человека и развивающуюся целостность; последовательно упрощая системно изучить собственно процесс подготовки в области охраны труда до конкретных частных образовательных заданий в ходе ее ведущей формы — стажировки. Обосновал разработку программ стажировки в формате единого методического замысла и с заменой разнородных дисциплин дисциплинами с сильными межпредметными и внутрипредметными связями.
Синергетический подход.	Позволил сформулировать идею о рассмотрении культуры безопасности человека и коллектива сотрудников как сложной, нелинейно развивающейся целостности. Стал основой отражения сложной системы учебно-педагогического взаимодействия в форме социального диалога как средства развития деятельностного компонента культуры безопасности. В рамках подхода стажировка представлена открытой системой информационного обмена и взаимодействия учебно-педагогической, педагогической, административно-педагогической, социально-педагогической, социально-профессиональной составляющих безопасность труда внутри более масштабных систем индивидуальных образовательных маршрутов сотрудников организации, дополнительного профессионального образования региона и страны. Опираясь на подход стало возможным обеспечить в ходе стажировки переход от управления к самоуправлению; от группового к индивидуальному уровню участия, от стажировки по ранее разработанным планам к ее организации на основе стихийно возникающих потребностей.
Ресурсный подход.	Позволил рассмотреть безопасность труда сотрудников как организационный ресурс, обеспеченность которого реализуется в ходе системы стажировок; сделать интеграцию личного ресурса педагогов и сотрудников в разработке индивидуальных и организационных программ стажировок в сфере охраны труда необходимым условием развития культуры безопасности сотрудников, а идею рассмотрения любой инициативы сотрудника в развитии своей культуры безопасности представить средством развития человеческого ресурса всей организации. Обусловил: необходимость непрерывной объективной оценки актуализировавшихся проблем в уровне развития культуры безопасности сотрудников в целях своевременного устранения в ресурсном обеспечении деятельности организации; обеспечение соответствия педагогических ресурсов в организации стажировки конкретным трудовым ситуациям для достижения целей стажировки в существующих обстоятельствах.
Деятельностный подход.	Послужил основой построения и изучения стажировки как деятельного педагогического средства преобразования знаний в области охраны труда в личный опыт человека, а аспекты трудовой деятельности (цель, средства, содержание, формы, результаты, субъекты), сущностно увязать с каждым компонентом культуры безопасности сотрудника. Позволил представить стажировку как деятельное педагогическое средство преобразования знаний в опыт сотрудника. Провозгласил навык безопасного действия главным результатом стажировки, показателем культуры безопасности сотрудника.

Тактический уровень методологии предполагает опору на представленные подходы на этапе отбора содержания и форм организации стажировок. К этому уровню относятся: контекстно-компетентностный подход, который позволил:

- сориентировать содержание стажировки сотрудника на отражение связи социально-профессионального контекста с формируемыми актуальными компетенциями безопасности трудовых действий; связать контекст учебно-педагогического взаимо-

действия в ходе стажировки с развитием культуры безопасности сотрудника и трудового коллектива;

- отобрать содержание стажировки, связывающее актуальные компетенции безопасности трудовых действий (как элементы деятельностного компонента) со всей культурой безопасности сотрудника;
- обосновать примат интерактивных форм организации стажировок и теория индивидуализации образования, с помощью которой стало возможным рассмотреть развитость культуры безопасности отдельного сотрудника как основание ревизии содержания стажировки по охране труда, осуществить исследования наиболее эффективных для каждой категории сотрудников способов развития их культуры безопасности, разработать диагностику ее развитости у каждого сотрудника с учетом его начального уровня образования в области охраны труда, индивидуальных особенностей и образовательных потребностей, а формы инициативного пользования компетенциями безопасности трудовых действий сотрудником в социально-профессиональном контексте принимать как проявление развитости всей культуры безопасности человека [7].

Партисипативный подход позволил: сформулировать и воплотить идею участия сотрудников и работодателей в проектировании и организации стажировки, оценки ее результатов и их вовлечение в деятельность по систематизации опыта безопасного труда, сформулировать идею о проектировании самим сотрудником вариативной части своей стажировки и ее результатов. В рамках этого подхода обоснованы сверхнормативность в выходе участников стажировки за привычные границы функций, компетенций, задачи учебно-педагогического взаимодействия; участие и работодателей и сотрудников в решении социально-значимых проблем охраны труда в организации на этапах отбора содержания и форм стажировок; учебно-педагогическое взаимодействие в формулировка целей и исполнение решения по ее достижению на каждом этапе стажировки; добровольность и заинтересованность всех участников стажировки; признание групповой и индивидуальной ответственности за результаты партисипации, предметом которой стала программа стажировки; педагогическое сопровождение сотрудника в ходе стажировки на этапе перевода знаний в навыки и привычки.

В этой связи, по результатам разработки нового методологического основания для стажировок, совместно с работодателем и сотрудником педагогами учебного центра по охране труда были скорректированы планы стажировок для каждого сотрудника с учетом его индивидуальных особенностей, типа культуры безопасности, навыков безопасного поведения, готовностью к служению сформулированы ожидаемые от стажировки результаты — в изменении культуры безопасности сотрудников в существующем социально-профессиональном контексте.

ВЫВОДЫ. Стажировка в области охраны труда является ведущей формой развития деятельностного компонента системного свойства человека — его культуры безопасности. Стажировка по охране труда не исчерпала свои возможности как педагогическое средство, но построение стажировки на упорядоченной многоуровневой структуре методологических оснований повышает ее педагогический потенциал.

При определении целей и ожидаемых результатов стажировок разработчикам следует руководствоваться системным, синергетическим и ресурсным подходами, то есть:

- учитывая начальные индивидуальные особенности (ресурсы) сотрудников проектировать многоаспектную, вариативную систему стажировок;
- определяя цели и ожидаемые результаты считать любую программу стажировки эффективным педагогическим ресурсом, если она оказалась полезной для развития культуры безопасности сотрудника;
- интегрировать цели государства, работодателя и сотрудника в едином методическом замысле программы стажировок.

При разработке содержания программ стажировок разработчикам следует опираться на руководствуются следующими подходами тактического уровня методологии. Управляющим средством на этапе определения частных действий педагога в ходе стажировки может являться построенные на новых методологических основаниях содержание и формы организации стажировки. Ценность отобранного нового фрагмента содержания стажировки должна определяться возможностью с его помощью:

- иллюстрировать связи между учебной дисциплиной и реальными проблемами охраны труда, безопасности в техносфере и социуме;
- согласовать по времени и тематике содержание теоретических занятий в ходе стажировки по охране труда с решением реальных практических задач безопасности труда в осуществляемой в этот момент профессиональной деятельности сотрудника;
- приобщать сотрудников к деятельности по принятию решений в сфере охраны труда;
- формировать у сотрудников личную ответственность за безопасность труда перед социумом, повышать их субъектную и экспертную позицию;
- развивать у сотрудников мотивацию добровольного гражданского участия в деятельности по обеспечению охраны труда.

Приоритетность форм предъявления содержания стажировки должна определяться педагогом исходя из:

- эффективности формы переводить знания и умения сотрудника в навыки и личные, профессионально-значимые привычки;
- возможности формы результативно развивать у сотрудников компетенции к деятельности безопасным способом в быстро и непрерывно меняющемся социально-профессиональном контексте.

На этапе реализации программы стажировки целесообразно опираться на принципы баланса интериоризации и экстериоризации знаний, несовпадения периодов индивидуально-возрастного и социально-профессионального развития человека. Таким образом, чтобы разработка заданий для стажировки должна учитывать:

- личный социально-профессиональный опыт сотрудника (предпочтение отдать индивидуальным заданиям);
- возможность содействия педагога на всех этапах выполнения сотрудником задания;
- навыки выполнения заданий должны быть востребованы сотрудником в самое ближайшее время в трудовой деятельности.

Для придания системе методологических оснований организации стажировки по охране труда большей стройности и целостности авторы считают необходимым провести дополнительные исследования и поставили перед собой решение задач:

- апробации новой методологии к организации стажировок в иных, кроме охраны труда сферах;
- приданию новой методологии большей специфичности, связанной именно с охраной труда, индивидуально-возрастными особенностями учащихся, современными педагогическими технологиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова К.Р., Созинова И.М., Александров Ю.И. Мозговые основы моральной оценки действий. Современная зарубежная психология, 2020. Том 9. № 2. С. 68-81.
2. Бухтояров В.Ф. Нравственные и духовные аспекты безопасности труда: монография. Челябинск: ИЦ ЮУрГУ, 2020. 228 с.
3. Ганзюк А.А. Формирование военно-профессиональных умений и навыков курсантов в ходе практик и войсковых стажировок: Автореф. дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.08

- / Ганзюк А.А. Москва: ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации, 2022. 24 с.
4. Головин Н.Л. Педагогический анализ понятия «культура безопасности жизнедеятельности» для среднего общего и профессионального образования // Педагогический журнал, 2020. Т. 10. № 3-1. С. 11-26.
  5. Губанов В.М., Капшунова И.К. Философская интерпретация безопасности жизнедеятельности // Педагогика высшей школы, 2016. № 3.1 (6.1). С. 62-68.
  6. Калганова Н.В., Гаврилин И.И. Особенности формирования культуры безопасности у студентов // Безопасность жизнедеятельности глазами молодежи. Сборник материалов VI Всероссийской студенческой конференции (с международным участием): в 2 т. Челябинск. ИЦ ЮУрГУ, 2021. С. 220-223.
  7. Калегина Ю.В. Исследование ценностных ориентиров развития культуры безопасности студентов // Безопасность жизнедеятельности, 2022. № 4 (256). С. 46-56.
  8. Котик М.И. Психология и безопасность. Монография по психологии труда. Питер, 2006. 285 с.
  9. Кузнецова С.А. Культура безопасности и поведенческие аудиты безопасности // Охрана труда и техника безопасности на промышленных предприятиях, 2021. № 7. С. 48-54.
  10. Муштонина Е.А., Кузнецова Е.А., Сорокина Е.А. Культура безопасности как элемент обеспечения безопасных условий труда работников // Проблемы безопасности российского общества., 2018. № 3. С. 13-15.
  11. Обознов А.А., Бессонова Ю.В. Культура безопасности в техногенном мире // Мир психологии, 2018. № 4 (96). С. 115-123.
  12. Соколова И.И., Ильина Л.Н. Новые дискурсы образования взрослых от дополнительного профессионального образования к обучению через всю жизнь // Непрерывное образование, 2018. № 4 (26). С. 10-12.
  13. Письмо Федеральной службы по труду и занятости и Федерации Независимых Профсоюзов России от 14 декабря 2022 г. № 0893-3-1, 109-109/159 «По отдельным вопросам расследования несчастных случаев» <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406038321>
  14. Тимофеева Л.Л. Культура безопасности: генезис и развитие // ОБЖ: Основы безопасности жизни, 2021. № 2. С. 23-27.
  15. Stewart G.L., Courtright S.H., Manz C.C. Self-Leadership: A Paradoxical Core of Organizational Behavior// Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior, 2019. Vol. 6. pp. 47-67.

REFERENCES

1. Arutyunova K.R., Sozinova I.M., Aleksandrov Yu. I. *Mozgovye osnovy moral'noj ocenki dejstvij. Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya* [Brain activity during moral judgement of action Journal of Modern Foreign Psychology]: 2020. Vol. 9. No 2. S. 68-81. (In Russian).
2. Buhtoyarov V.F. *Nravstvennye i duhovnye aspekty bezopasnosti truda: monografiya* [Moral and spiritual aspects of occupational safety: monograph]: Chelyabinsk: SUSU Research Center, 2020. 228 s. (In Russian).
3. Ganzjuk A.A. *Formirovanie voenno-professional'nyh umenij i navykov kursantov v hode praktik i vojskovykh stazhirovok* [Formation of military-professional skills and skills of cadets in the course of practices and military internships]: abstract dis... Candidate of Pedagogical Sciences: 13.00.08 / Ganzjuk A.A., M.: «Military University named after Prince Alexander Nevsky» of the Ministry of Defense of the Russian Federation, 2022. 24 s. (In Russian).
4. Golovin N.L. *Pedagogicheskij analiz ponyatiya «kul'tura bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti» dlya srednego obshchego i professional'nogo obrazovaniya* [Pedagogical analysis of the concept of "life safety culture" for secondary general and vocational education] // Pedagogical journal, 2020. Vol. 10. No 3-1. S. 11-26. (In Russian).

5. Gubanov V.M., Kapshunova I.K. *Filosofskaya interpretatsiya bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti* [Philosophical interpretation of life safety] // *Pedagogy of higher education*, 2016. No 3.1 (6.1). S. 62–68. (In Russian).
6. Kalganova N.V., Gavrilin I.I. *Osobennosti formirovaniya kul'tury bezopasnosti u studentov* [Features of the formation of a safety culture among students] // *Safety of life through the eyes of youth. Collection of materials of the VI All-Russian Student Conference (with international participation): in 2 volumes Chelyabinsk. Research Center of SUSU, 2021 S. 220–223.* (In Russian).
7. Kalegina Yu. V. *Issledovanie cennostnykh orientirov razvitiya kul'tury bezopasnosti studentov* [Research of value orientations of development of safety culture of students] // *Life safety*, 2022. No 4 (256). S. 46–56. (In Russian).
8. Kotik M.I. *Psihologiya i bezopasnost'* [Psychology and safety]. Monografiya po psihologii truda: Peter, 2006. 285 s. (In Russian).
9. Kuznetcova S.A. *Kul'tura bezopasnosti i povedencheskie audity bezopasnosti* [Safety culture and behavioral safety audits] // *Occupational health and safety at industrial enterprises*, 2021. No 7. S. 48–54. (In Russian).
10. Mushtonina E.A., Sorokina E.A. *Kul'tura bezopasnosti kak element obespecheniya bezopasnykh uslovij truda rabotnikov* [Safety culture as an element of ensuring safe working conditions for workers] // *Problems of safety of the Russian society*, 2018. No 3. S. 13–15. (In Russian).
11. Oboznov A.A., Bessonova Yu.V. *Kul'tura bezopasnosti v tekhnogennom mire* [Safety culture in the technogenic world] // *World of psychology*, 2018. No 4 (96). S. 115–123. (In Russian).
12. Sokolova I.I., Ilyina L.N. *Novye diskursy obrazovaniya vzroslykh ot dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya k obucheniyu cherez vsyu zhizn'* [New discourses of adult education from additional vocational education to lifelong learning] // *Continuing education*, 2018. No 4 (26). S. 10–12. (In Russian).
13. *Pis'mo Federal'noj sluzhby po trudu i zanyatosti i Federacii Nezavisimyh Profsoyuzov Rossii ot 14 dekabrya 2022, No 0893–3–1, 109–109/159 «Po otdel'nym voprosam rassledovaniya neschastnykh sluchaev»*. [Letter of the Federal Service for Labor and Employment and the Federation of Independent Trade Unions of Russia dated December 14, 2022 No. 0893–3–1, 109–109/159 «On certain issues of accident investigation»] <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406038321>. (In Russian).
14. Timofeeva L.L. *Kul'tura bezopasnosti: genezis i razvitie* [Safety culture: genesis and development] // *SLF: Fundamentals of life security*, 2021. No 2. S. 23–27. (In Russian).
15. Stewart G.L., Courtright S.H., Manz C.C. *Self-Leadership: A Paradoxical Core of Organizational Behavior* // *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*, 2019. Vol. 6. S. 47–67. (In English).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТРАСЛЕВЫХ СОЦИОЛОГИЙ**TOPICAL ISSUES OF BRANCH SOCIOLOGIES**

DOI 10.26105/SSPU.2023.86.5.018

УДК 316.77:070

ББК 60.524.224.026в682+76.000в682

V.B. ГАВРИЛОВ   **КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ
РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО МАССОВОГО
МЕДИАОБРАЗОВАНИЯ (НА ОСНОВЕ
ИЗУЧЕНИЯ МНЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
МЕДИАСООБЩЕСТВА УРАЛЬСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)**

V.V. GAVRILOV   **KEY PROBLEMS AND TRENDS
IN THE DEVELOPMENT OF MODERN MASS
MEDIA EDUCATION (BASED ON THE STUDY
OF THE OPINION OF REPRESENTATIVES
OF THE MEDIA COMMUNITY
OF THE URAL FEDERAL DISTRICT)**

В статье, на основе анализа научных работ по выбранному направлению (А.В. Федоров, И.В. Жилавская, Е.А. Бондаренко, Н.Ф. Хилько, И.А. Фатеева и др.), дается краткая характеристика основных взглядов на суть и перспективы развития российского медиаобразования. Автор статьи приходит к выводу о том, что в настоящее время в научной среде отсутствует единство в понимании и трактовке данного аспекта проблемы. В этой связи является актуальным изучение мнения практикующих журналистов и студентов, обучающихся по направлению «Журналистика», относительно тех проблемных вопросов, которые сформировались внутри медиасообщества, и тех направлений, по которым должно развиваться отечественное медиаобразование с учетом обозначенных проблем. Было опрошено (метод анкетирования) около 200 человек, выявлен ряд противоречий в видении журналистами текущей ситуации в медиаполе, а также обозначены основные направления, по которым должно осуществляться формирование целостной медиаличности.

The article, based on the analysis of scientific works in the chosen direction (A.V. Fedorov, I.V. Zhilavskaya, E.A. Bondarenko, N.F. Khilko, I.A. Fateeva, etc.), gives a brief description of the main views on the essence and prospects of the development of Russian media education. The author of the article comes to the conclusion that currently there is no unity in the scientific community in understanding and interpretation of this aspect of the problem. In this regard, it is relevant to study the opinions of practicing journalists and students studying in the field of Journalism regarding those problematic issues that have formed within the media community, and those areas in which domestic media education should develop, taking into account the identified problems. About 200 people were interviewed (questionnaire method), a number of contradictions in the journalists' vision of the current situation in the media field were revealed, and the main directions for the formation of a holistic media personality were identified.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиаобразование, цифровизация СМИ, медиаполе, целостная медиаличность, журналистика, медиасообщество.

KEY WORDS: media education, media digitalization, media field, holistic media personality, journalism, media community.

ВЕДЕНИЕ. Последние два десятилетия принесли кардинальные изменения в сфере журналистики. Многие ученые даже говорят о «цифровом взрыве», отмечая высокую степень цифровизации современной журналистики, ее движение в сторону конвергенции жанров, знаковых систем, средств сбора информации и воздействия на аудиторию. Изменения в медиапространстве, безусловно, бросают вызов отечественной системе медиаобразования, на который ей необходимо реагировать, причем в кратчайшие сроки.

К сожалению, долгое время концепции, модели отечественного медиаобразования разрабатывались педагогами и культурологами как в структуре РАН (Л.М. Баженова, Е.А. Бондаренко, С.И. Гудилина, А.А. Журин, Л.С. Зазнобина, Л.С. Прессман, К.М. Тихомирова, Ю.Н. Усов, А.В. Шариков, Е.Н. Ястребцева), так и в педагогических вузах (О.А. Баранов, Н.Б. Кириллова, С.Н. Пензин, Г.А. Поличко, А.В. Федоров, Н.Ф. Хилько). При этом журналисты-практики зачастую игнорировали назревшие изменения в системе СМИ и медиаобразования. И лишь в последние годы стали активно высказываться по данному вопросу.

Следует согласиться с выводом А.В. Федорова о том, что «медиаобразование в России все еще не продвинулось от эксперимента к широкому практическому внедрению. Здесь необходима консолидация педагогических вузов, факультетов журналистики, медиапедагогов-экспериментаторов и также медийного сообщества, координация взаимодействия государственных структур, уже существующих медиаобразовательных центров и экспериментальных площадок в данной области» [7, с. 20].

В этой связи, **ЦЕЛЬ** нашего исследования — определение основных проблем и тенденций развития отечественного медиаобразования на основе изучения мнения журналистов-практиков.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В работе использовались методы анкетирования, теоретико-методологического анализа (изучение степени разработанности проблемы) и метод дискурсивной рефлексии (построение теоретических положений и формулировка практических рекомендаций на основе имеющегося опыта).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Каковы же цели и задачи современного медиаобразования? В научной литературе до сих пор по этому вопросу нет единого мнения.

Анализируя школьную систему медиаобразования, Е.А. Бондаренко пишет следующее: «В рамках реформ российского образования разрабатывается методология включения в систему образования внешкольных ресурсов (создание образовательной среды); развитие модели образования, ориентированного на будущее, и создание системы самообразования, способствующего формированию способов учения и развитию компетенций. Сам образовательный процесс в новых стандартах рассматривается, как взаимодействие обучения и самообразования» [1, с. 15]. Автор видит основной целью современного медиаобразования формирование медиакультуры не только обучающихся, но и педагогов, предлагает следующий порядок формирования информационных умений:

- «— умение воспринимать альтернативные точки зрения и высказывать обоснованные аргументы «за» и «против» каждой из них;
- умение устанавливать ассоциативные и практически целесообразные связи между информационными сообщениями;
- умение находить и перерабатывать информацию в разных источниках;
- умение извлекать из предложенной информации данные и представлять их в табличной или иной форме;
- умение переводить информацию визуальную в вербальную и наоборот» [1, с. 15].

Как видим, основной акцент делается на работе с информацией, умении перерабатывать и верифицировать ее.

Учитывая сложившиеся тенденции в медиаобразовании, Н.Ф. Хилько выделяет следующие направления, требующие пристального внимания педагогов, методистов, культурологов и журналистов-практиков:

- «— возрождение и все большее распространение академических форм массового медиаобразования: факультативов, спецкурсов;
  - устранение диспропорции между развитием сети форм массового медиаобразования в европейской части России и в Сибири, где их число невелико;
  - проведение в сибирских городах медиафорумов и фестивалей любительского фото/видеотворчества, спецкурсов и олимпиад для школьников и студентов;
  - увеличение числа организационных форм массового медиаобразования при творческих союзах и их взаимодействие с коммерческой сферой;
  - создание новых интегративных форм (галереи-студии при музеях, мастерские-студии при творческих союзах, школы-студии при учреждениях дополнительного образования в сфере кино и фотографии);
  - создание отделов кино/фотоискусства при Центрах искусств;
  - творческая и научная консолидация различных организаций, обновление организационных форм и все большее взаимодействие с Ассоциацией медиаобразования и кинопедагогики России;
  - возрождение школ руководителей кино/видеолюбительских объединений при Всероссийском университете кинематографии, Санкт-Петербургском университете кино и телевидения, московской фотошколе им. А. Родченко» [9, с. 2015–216].
- Нетрудно заметить, что акцент автор делает на культурной, творческой составляющей массового медиаобразования. Об изменении структуры и содержания медиаобразования, о трансформации ее концепции в новых социокультурных условиях речи не идет.

В свою очередь, И.А. Фатеева понимает медиаобразование как «научно-образовательную область, предметом которой являются средства массовой информации и коммуникации в педагогическом аспекте их многообразных связей с миром, обществом и человеком. В теоретическом отношении эта область лежит на пересечении педагогики и комплексной науки о медиа, а в практическом подразумевает совместную деятельность обучающихся и обучаемых по подготовке населения к жизни в медиатизированном мире, ... все целенаправленные и систематические действия, предназначенные для удовлетворения образовательных потребностей, порождаемых фактом существования массмедиа» [5, с. 11, 13–14].

Совершенно очевидно, что автор основной целью медиаобразования видит подготовку обучающихся к устойчивому, системно организованному взаимодействию с реципиентами, но при этом настаивает не только на обучении производству медиапродукта, но и пользованию информацией в медиасфере. То есть медиаобразование понимается как процесс двустороннего взаимодействия, в рамках которого индивид выступает не только как субъект (создатель и транслятор информации в медиaprостранстве), но и как объект (т.е. грамотный квалифицированный потребитель информации, пользователь, способный противостоять угрозам, существующим в медиополе). Акцент делается на демократических и гуманистических ценностях.

При этом мы не можем согласиться с мнением И.В. Жилавской, которая считает, что «результативность журналисткой медиаобразовательной модели проявляется в формировании коммуникативной среды на основе взаимовыгодного сотрудничества с аудиторией, формировании позитивного имиджа СМИ, привлечении аудитории, повышение

тиражей, рейтингов, прибыли» [3, с. 107]. Прагматический подход к оценке медиапродукта не нов. Особенно активно коммерциализация СМИ осуществлялась в России в середине 90-х годов прошлого века. Однако повторим, что за последние два десятилетия в российской журналистике произошли существенные трансформации, и ставить основной задачей деятельности журналиста коммерческую выгоду, «повышение рейтингов и тиражей» изданий мы, конечно, не имеем права. Акцент (и здесь следует согласиться с А.В. Федоровым) необходимо сделать на развитие медиакомпетентности и критического мышления у обучающихся, сохранить вектор формирования «общества медиакомпетентных граждан» [6].

Известный эксперт в области медиаобразования А.В. Федоров считает, что развитие современного медиаобразования в России тормозят, во-первых, инертность системы высшего образования, отсутствие конкретных медиаобразовательных курсов (в рамках системы курсов по выбору и «регионального компонента»), а во-вторых, «традиционные подходы структур Министерства образования и науки, концентрирующих свое внимание на поддержке учебных курсов по информатике и информационным образовательным технологиям при куда меньшем внимании к актуальным проблемам медиапедагогики» [7, с. 20]. В самом деле, нельзя ограничивать медиаобразование лишь формированием информационной грамотности — существование индивида в цифровом медийном пространстве определяет его саморазвитие, самоидентификацию.

Современные исследователи (В.В. Тулупов, В.Ф. Олешко, А.В. Федоров, И.А. Фатеева, Т.Ф. Ляпкина и др.) все чаще приходят к выводу, что современное медиаобразование в эпоху цифровизации медиапространства должно прежде всего заниматься формированием массмедийной личности пользователя.

Вне всяких сомнений, цифровое пространство несет в себе как угрозы, так и преимущества для формирующейся личности. По сути, цифровые технологии — это инструмент, который можно использовать как во благо, то есть с целью повышения уровня образования, познания мира и себя, так и с деструктивными целями.

Социологический портрет «цифрового поколения» в настоящее время «образуют такие качества, как «тотальная» креативность, инновационность (подразумевающая разрушение и отказ от традиционных устоявшихся форм в бизнесе и построении деловых отношений — демократичность), информированность, благодаря постоянной включенности в поисковую деятельность, многозадачность (способность решать несколько когнитивных задач одновременно). Исследователи также определяют и проблемные зоны «цифрового поколения» — информационную перегруженность и как следствие — снижение способности формировать и оперировать знаниями (т.е. систематизировать информацию, последовательно ее осваивать, выстраивать логические связи, структурировать материал), интернет-зависимость, контакты со злоумышленниками и доступ к «опасному» контенту (проявления агрессии, домогательства, призывы к насилию, порнография), трансформация (порой разрушительная) понятий личного пространства, защиты личных данных, авторских прав» [8]. Как видим, работа с информацией в медиапространстве неизменно оказывает влияние на формирование личности, ее самоидентификации.

Проанализировав различные аспекты влияния социальных медиа на идентичность человека, Т.Ф. Ляпкина выделяет следующие положительные моменты, связанные с разрешением молодежью экзистенциальных вопросов и поиска себя:

- «— помощь в осознании и принятии бренности своего тела и болезней, а также смерти;
- предоставление возможности заглянуть в жизнь другого человека;
- расширение своего личного опыта» [4, с. 293].

Человек постигает окружающий мир, его нравственные законы, ищет ответы на сложные вопросы.

Итак, учитывая отсутствие в науке единого взгляда на пути развития отечественного медиаобразования, в 2023 году мы решили провести анкетирование, цель которого — определение проблем российского медиаобразования и тех направлений, по которым оно могло бы развиваться в эпоху цифровизации СМИ. Было опрошено 197 человек в возрасте от 18 до 60 лет, так или иначе имеющих отношение к практической журналистике или медиаобразованию (студенты и преподаватели вузов УрФО, журналисты).

Одним из ключевых мы считаем вопрос «Какие проблемы практической журналистской деятельности Вы считаете наиболее актуальными?» Респондентам предлагалось выбрать не более трех вариантов ответов из предлагаемых 14 или указать свой. Ключевым этот вопрос мы считаем потому, что при выборе направления развития отечественного медиаобразования, создания педагогической концепции или модели необходимо исходить из того, с какими проблемами сталкиваются журналисты-практики, работающие в СМИ в настоящее время. В пятерку «лидеров» вошли следующие проблемы: 1) *Большой объем информации* (этот вариант выбрало подавляющее большинство опрошенных — 87%). Об этой проблеме говорят практически все эксперты, исследователи. Цифровизация предоставляет доступ к информации, но зачастую специалист не в состоянии ее качественно переработать (особенно если это касается аналитических жанров), сделать объективные выводы. И тогда на помощь журналисту приходит ИИ, программы, способные анализировать большие объемы данных (мы имеем в виду такие широко распространенные в журналистской среде, использующиеся в конвергентных редакциях программы, как «Медialogия SM», «Медialogия PR», «СКАН-Интерфакс», «Brand Analytics», Industry Insights, Meltwater, «Интегрум Мониторинг СМИ» и др.). То есть цифровые инструменты отодвигают личность / профессионала на второй план. 2) *Манипуляции общественным сознанием со стороны СМИ* (64% выборов) и 3) *Профессиональная этика журналиста* (53%). Мы полагаем, что отнюдь не случайно вопросы о манипуляции сознанием и профессиональной этике оказались в этом перечне рядом. Очевидно, что перед журналистом, обладающим практически неограниченными возможностями, которые дает цифровизация, неизменно встает вопрос о том, какие действия являются этичными, а какие выходят за рамки журналистской этики. С учетом ангажированности СМИ, а также в условиях информационной войны следует особое внимание уделить данным вопросам в рамках медиаобразования. Только целостная медиаличность, хорошо образованная, имеющая нравственный стержень, способна противостоять указанным угрозам, сохранить себя от выгорания. Также в «пятерку» вошли: 4) *взаимодействие властных структур и представителей СМИ* (44%) и 5) *законодательство по СМИ* (39%). Проблемы эти являются давними, глубоко укоренившимися в отечественной (впрочем, как и в зарубежной) журналистике. Несовершенное, по мнению респондентов, законодательство о СМИ и давление со стороны власти, с одной стороны, ограничивают свободу журналиста, но с другой — очерчивают определенные рамки (культуросообразная норма) и снижают степень вседозволенности, упорядочивают тот информационный хаос, который наблюдался в России в конце 90-х. Такие проблемы, как гласность и доступ к информации; юридическая и экономическая зависимость СМИ; конкуренция со стороны «гражданских журналистов»; цифровизация СМИ; конвергентные процессы в журналистике и ряд других получили меньшее количество «выборов». Это вовсе не означает, что этих проблем в медиапространстве не существует. Напротив, конвергенция знаковых систем и цифровизация развиваются в области журналистики достаточно активно. Другое дело, что, к сожалению, журналистской общественностью они пока не осознаны. И просвещение по данным вопросам также должно стать одной из целей медиаобразования.

Благодаря следующему вопросу «Назовите характеристики, отличительные черты, личностные качества журналиста-профессионала (не менее 5)» мы определяли, по сути, образ

идеального журналиста, то есть для нас — образ выпускника, которого должно готовить современное медиаобразование. Предлагаем перечень таких качеств, проранжированных нами в соответствии с количествами выборов респондентов.

Таблица 1. Ключевые характеристики журналиста-профессионала

№	Характеристика
1	Профессионализм, компетентность
2	Желание узнавать новое
3	Коммуникативность
4	Гражданственность
5	Грамотность
6	Ответственность
7	Оперативность
8	Работоспособность
9	Внимание к деталям
10	Правдивость
11	Креативность

Коммуникативность, грамотность, любознательность, оперативность — качества, которые, безусловно, необходимы любому журналисту (так было всегда). При этом важно, что респонденты на «почетное» четвертое место поставили гражданственность, то есть служение не личным интересам, а государству и его гражданам. В условиях информационных войн, противостояния идеологий в рамках медиаполя, как нам кажется, это чрезвычайно важный аспект при реализации современной концепции медиаобразования.

Для нас стало неожиданностью, что креативность оказалась на последнем месте. Мы предполагали, что именно креативность должна стать той базовой характеристикой журналиста-профессионала, целостной медальности, которая позволит конкурировать с информационными продуктами ИИ и «гражданскими журналистами». Однако респонденты не видят данной угрозы или не придают ей особого значения.

Кроме того, данный ответ в некоторой степени противоречит их ответу на вопрос «По-Вашему, в журналистике больше от творчества или ремесла? Аргументируйте, пожалуйста, свой ответ». Как правило, респонденты сходились на том, что в журналистике «того и другого должно быть поровну», «50 на 50», «одно без другого невозможно». Очевидно, именно «оперативности» и «работоспособности» (7 и 8 места в рейтинге) требует сейчас от журналиста рынок медиауслуг (большой объем поступающей информации, сжатые сроки при подготовке материала, политика редакции, возможно, низкий порог качества материалов и т.д.). И в этой связи приходится констатировать, что пока побеждает в конвергентной редакции «рутина», «ремесло», скорость, а не творческий подход к подготовке медиаматериала.

Далее респондентам предлагалось оценить современное медиаобразование в России по шкале от 1 до 10. Как правило, это была наивысшая оценка. При этом большинство респондентов (95%) утверждали, что вузовское журналистское образование соответствует современным реалиям, запросам российского общества. Полагаем, мы получили такие ответы не в силу того, что в российском медиаобразовании не существует никаких проблем и противоречий, но потому, что, как правило, журналисты-практики не задумываются о них, трудясь в ограниченном пространстве редакции, решая локальные задачи. Не будем забывать, что журналистика УрФО относится к региональной, а это означает, что перед нею, как правило, стоят конкретные задачи освещения проблем округа. Региональные жур-

налисты нечасто выходят на проблемы российского общества (в том числе на тенденции в развитии медиаобразования на государственном уровне), ограничиваясь региональными вопросами¹.

В этой связи интерес для нас представляют ответы на вопрос «Что мешает студенту-журналисту в его профессиональном развитии при обучении в вузе?». Респондентам предлагалось выбрать не менее 5 вариантов из предложенных.

В первую пятерку вошли следующие помехи и затруднения: *неумение распределять усилия, время в рамках образовательного процесса (87%); незнание законодательства РФ (63%); боязнь публичного выступления (59%); нет возможности реализовать творческие способности на учебных занятиях (55%); нет погружения в практику журналистской деятельности (много теории) (52%). Также достаточно большое количество выборов получил такой вариант, как «Не хватает консультаций, учебных занятий с журналистами-практиками, будущими работодателями» (35%).*

Остальные проблемные моменты (отсутствие авторитетов, образцов для подражания; большое количество предметов; непонятен набор предметов (не все имеют отношение к журналистике); недостаточная материально-техническая база в вузе (отсутствие необходимой техники, оборудования, кабинетов и т.д.); отсутствие методических рекомендаций, учебных пособий по дисциплинам; не хватает погружения в научную деятельность (подготовка статей, проведение экспериментов, конференции и т.д.); низкое качество преподавания; недостаточная цифровизация обучения) не были отмечены респондентами как значимые.

Таким образом, опрошенные констатируют разрыв между теорией и практикой в обучении. Знание законодательства, ораторские навыки, погружение в практическую работу и реализация в рамках профессиональной деятельности своего творческого потенциала — вот те аспекты, которые действительно могут содействовать более успешной социализации и профессионализации выпускников. Также отметим, что респонденты не видят проблем, связанных с цифровизацией СМИ, хотя очевидно, что этот процесс становится сейчас доминирующим в медиапространстве. Полагаем, что именно на эти аспекты необходимо прежде всего обратить внимание педагогической общественности, медиапедагогам. В этом случае набор дисциплин, материально-техническое обеспечение и научная деятельность будут являться важными, но сопровождающими / сопутствующими составляющими вузовского медиаобразования.

Чтобы избежать субъективности в сделанных нами выводах, мы решили уточнить у респондентов: «Каким аспектам современной журналистики следует уделить внимание медиапедагогам и преподавателям журфаков?». Ответы на данный вопрос, как нам кажется, способны помочь исследователям при разработке педагогической концепции / модели медиаобразования в России, зададут вектор развития медиаобразования с учетом новейших социокультурных трансформаций. Проранжированные нами варианты ответов представлены в Таблице 2.

Таблица 2. **Ключевые аспекты медиаобразования (по мнению респондентов)**

№	Характеристика
1	Конвергенция
2	Обратная связь с потребителями информации
3	Средства и способы распространения информации

¹ Этот вывод отчасти подтверждает наше исследование, в котором журналистские тексты Югры рассматривались как единый культурный феномен (см.: Гаврилов В.В. К вопросу концептуализации журналистского текста как текста культуры // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 1 (9). С. 7-17)

4	Креолизованные (изобразительные) тексты
5	Работа с большими объемами данных (сбор, анализ).
6	Манипулирование сознанием
7	Творческая реализация журналиста
8	Коммерциализация СМИ
9	Виртуальные угрозы
10	Цифровизация СМИ
11	Новые жанры

И вновь обнаруживается ряд противоречий. Доминируют практические аспекты, связанные непосредственно с подготовкой медиапродукта и его трансляцией на аудиторию (пункты со 2 по 7). Безусловно, современный журналист должен уметь находить информацию, творчески перерабатывать большие объемы данных, работать в различных знаковых системах, рефлексировать по поводу обратной связи. При этом большинство респондентов отметило, что современному журналисту приходится работать в условиях конвергентной редакции, однако сама цифровизация, которая, собственно, и породила данный феномен в журналистике, а также виртуальные угрозы, которые цифровизация несет пользователям, поставлены на 9 и 10 позиции.

Одним из основополагающих в свете выбранной нами темы стал вопрос «Какие компетенции помогут начинающему журналисту стать конкурентоспособным на медиарынке?». Респондентам предлагалось выбрать не более 5 вариантов ответа. Лидирующие позиции заняли следующие компетенции:

- 1) умение оценивать состояние медиaprостранства и социокультурные трансформации в обществе (83%);
- 2) творческие способности (79%);
- 3) мотивация (72%);
- 4) умение находить, перерабатывать и транслировать информацию (68%);
- 5) способность создавать оригинальные медиатексты — анализировать целевую аудиторию (61%);
- 6) эффективно использовать информационные технологии в профессиональной деятельности» (52%).

Журналисты-практики и студенты, обучающиеся по направлению журналистика, существуя все-таки в региональном медиaprостранстве, не выделяют как значимые такие компетенции, как «высокий уровень языковой компетенции и речевой коммуникации», «аналитические способности», «четкая гражданская позиция», «способность к рефлексии (то есть способность оценивать эффективность собственной деятельности)», «стремление к саморазвитию и самообразованию»; «умение эффективно работать в условиях конвергентной редакции». К сожалению, в большинстве случаев рутинная работа в редакции не предполагает, по мнению респондентов, применения аналитических способностей, не требует профессионального роста.

Тем не менее, компетенции, выделенные как значимые, должны акцентировать внимание медиапедагогов на развитии творческих способностей обучающихся при работе с информацией и подготовке оригинального медиапродукта, на повышении мотивации, а также — на работе с информационными технологиями.

Полученные результаты в достаточной степени коррелируют с нашими выводами относительно необходимых составляющих «целостной медиаличности». Назовем их: «Умение анализировать информацию и креативно ее перерабатывать; способность к рефлексии и саморефлексии; знание концептосферы родного края <...>, владение культурным кодом,

принципами культуросообразности; ясная гражданская позиция с опорой на социокультурную норму; стремление к самообразованию, саморазвитию; стремление к социальной адаптации и профессионализации; умение анализировать общественное мнение, понимание текущей политической ситуации; знание медиарынка, его трендов; владение информационными технологиями; опыт медиапроектирования, умение создавать оригинальные журналистские тексты в различных знаковых системах» [2, с. 371].

ВЫВОДЫ. Итак, анализ научной литературы по теме показал отсутствие единого понимания перспектив развития отечественного медиаобразования. В этой связи актуальным представляется изучение мнения акторов медиaprостранства (журналистов-практиков и студентов-журналистов). Было опрошено 197 респондентов, выявлен ряд противоречий в видении журналистами текущей ситуации в медиаполе. Прежде всего, респонденты не видят угроз цифровизации СМИ, а также не придают большого значения тем преимуществам, которые дает использование цифровых инструментов при обработке больших объемов данных, при подготовке оригинальных медиапродуктов и их трансляции на аудиторию.

С учетом полученных данных обозначены основные направления, по которым должно осуществляться формирование целостной медиаличности в рамках отечественного медиаобразования.

Мы убеждены, что системный взгляд на проблему, выделение ключевых компетенций медиаличности, которые будут востребованы на рынке труда, позволят создать универсальную и эффективную медиаобразовательную модель, учитывающую социокультурные трансформации последних лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондаренко Е.А. Современное массовое медиаобразование в России: концептуальные проблемы // Материалы международной научной конференции «Современное состояние медиаобразования в России в контексте мировых тенденций / Отв. ред. К.Э. Разлогов и А.В. Федоров. М.: Российский институт культурологии, 2012. С. 15–23.
2. Гаврилов В.В. Роль технологии вузовского проектного обучения в подготовке целостной медиаличности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 2. С. 368–380.
3. Жилавская И.В. Медиаобразование молодежной аудитории. Томск: ТИИТ, 2009. 322 с.
4. Ляпкина Т.Ф. Конструирование и репрезентация идентичности в массмедиа // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Том 16. Выпуск 2. С. 286–294.
5. Фатеева И.А. Медиаобразование: теоретические основы и опыт реализации. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2007. 270 с.
6. Федоров А.В. Развитие медиакомпетентности и критического мышления студентов педагогического вуза. М.: Директ-Медиа, 2014. 617 с.
7. Федоров А.В. Современное массовое медиаобразование в России: поиски новых теоретических концепций и моделей // Инновации в образовании. 2009. № 9. С. 4–24.
8. Формирование личной идентичности пользователей посредством новых медиа. URL: <https://cyberpedia.su/23x4d83.html> (дата обращения: 16.10.2023).
9. Хилько Н.Ф. Особенности развития современного медиаобразования в России // Материалы международной научной конференции «Современное состояние медиаобразования в России в контексте мировых тенденций / Отв. ред. К.Э. Разлогов и А.В. Федоров. М.: Российский институт культурологии, 2012. С. 214–217.

REFERENCES

1. Bondarenko E.A. *Sovremennoe massovoe mediabrazovanie v Rossii: konceptual'nye problemy* [Modern mass media education in Russia: conceptual problems] // *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj*

- конференции «Современное состояние медиаобразования в России в контексте мировых тенденций / Отв. ред. К.Е. Разлогов и А.В. Федоров. М.: Российский институт культурологии, 2012. С.15–23. (In Russian).
2. Gavrilov V.V. *Rol' tekhnologii vuzovskogo proektnogo obucheniya v podgotovke celostnoj medialichnosti* [Role technologies of university project training in the preparation of holistic media personality] // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. ZHumalistika*. 2023. T. 28. № 2. S. 368–380. (In Russian).
  3. ZHilavskaya I.V. *Mediaobrazovanie molodezhnoj auditoria* [Media education of the youth audience]. Tomsk: TIIT, 2009. 322 s. (In Russian).
  4. Lyapkina T.F. *Konstruirovaniye i reprezentatsiya identichnosti v massmedia* [Construction and representation of identity in mass media] // *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii*. 2015. Tom 16. Vypusk 2. S. 286–294. (In Russian).
  5. Fateeva I.A. *Mediaobrazovanie: teoreticheskie osnovy i opyt realizatsii* [Media education: theoretical foundations and implementation experience]. CHelyabinsk: Izd-vo CHelyab. gos. un-ta, 2007. 270 s. (In Russian).
  6. Fedorov A.V. *Razvitiye mediakompetentnosti i kriticheskogo myshleniya studentov pedagogicheskogo vuz* [Development of media competence and critical thinking of pedagogical university students]. M.: Direkt-Media, 2014. 617 s. (In Russian).
  7. Fedorov A.V. *Sovremennoe massovoe mediaobrazovanie v rossii: poiski novyh teoreticheskikh koncepcij i modelej* [Modern mass media education in Russia: search for new theoretical concepts and models] // *Innovatsii v obrazovanii*. 2009. № 9. S. 4–24. (In Russian).
  8. *Formirovaniye lichnoj identichnosti pol'zovatelej posredstvom novyh media* [Formation of personal identity of users through new media]. URL: <https://cyberpedia.su/23x4d83.html> (data obrashcheniya: 16.10.2023). (In Russian).
  9. Hil'ko N.F. *Osobennosti razvitiya sovremennogo mediaobrazovaniya v Rossii* [Features of the development of modern media education in Russia] // *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii «Sovremennoe sostoyaniye mediaobrazovaniya v Rossii v kontekste mirovykh tendentsij / Otv. red. K.E. Razlogov i A.V. Fedorov. M.: Rossijskij institut kul'turologii, 2012. S.214–217. (In Russian).*

DOI 10.26105/SSPU.2023.86.5.019

УДК 316.37

ББК 60.53

Е.Е. КУТЯВИНА,
Г.С. ПАК**СИНДРОМ ОТЛОЖЕННОЙ ЖИЗНИ –
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕПРЕТАЦИЯ**E.E. KUTYAVINA,
G.S. PAK**DELAYED LIFE SYNDROME –
THEORETICAL INTERPRETATION**

В преддверии социологического эмпирического исследования синдрома отложенной жизни на примере миграционных установок жителей отдаленных регионов выдвигается и обсуждается гипотеза, что в основе изучаемого синдрома лежит механизм временной децентрации психологического восприятия социального времени. Определяются условия, при которых временная децентрация на будущее превращается из вполне нормального явления в искаженный вариант восприятия социального времени. Социальное время представлено в его отличии от физического времени, подчеркивается его качественное своеобразие и многомерность, проявляющиеся в единстве циклического времени и линейного, его прерывности и непрерывности, связи повседневности с жизненными событиями. Реализация миграционных планов представляется событием, способным прервать сложившийся ход повседневной жизни, её кардинальное преобразование и приводит к недооценке настоящего как временного преходящего явления. Умение жить настоящим является условием психологического здоровья личности, в то время как синдром отложенной жизни способен привести к дезадаптации и невротическими реакциями на текущие проблемы. Социологическая интерпретация варианта восприятия социального времени с фиксацией на будущем конкретизируется (на основе работ В.П. Серкина) как комплекс социальных установок, характерных для социальных групп, которые живут в ожидании события, изменяющего их территориальную идентичность.

On the threshold of empirical research of the syndrome of deferred life on the example of migration attitudes of residents of remote regions, the hypothesis is put forward and discussed, which suggests that the mechanism of temporal decentration of psychological perception of social time lies at the heart of the studied syndrome. The conditions under which temporal decentration for the future turns from a quite normal phenomenon into a distorted version of social time perception are defined. Social time is presented in its difference from physical time, its qualitative uniqueness and multidimensionality are emphasized, manifested in the unity of cyclic and linear time, its discontinuity and continuity, the connection between everyday life and life events. The realization of migration plans seems to be an event capable of interrupting the established course of everyday life, its cardinal transformation and leads to the underestimation of the present as a temporary transient phenomenon. The ability to live in the present is a condition of psychological health of a person, while the syndrome of deferred life can lead to maladaptation and neurotic reactions to current problems. The sociological interpretation of the variant of social time perception with fixation on the future is concretized (based on the works of V.P. Serkin) as a set of social attitudes characteristic of social groups that live in expectation of an event that changes their territorial identity.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: синдром отложенной жизни, невроз отложенной жизни, социальное время, модели восприятия времени, временные децентрации, психологическое время.

KEY WORDS: deferred life syndrome, neurosis of deferred life, social time, models of time perception, temporal decentration, psychological time.

ВВЕДЕНИЕ. Понятия «синдром отложенной жизни» и «синдром временщика» часто используется в публицистике и журналистике для описания жизненных сценариев, акцентированных на будущем и недостаточным вниманием к настоящему. Понятие «синдром отложенной жизни» предложил В.П. Серкин для описания комплекса социальных установок, типичных для северян, которые рассматривают свою жизнь как «временную», «ненастоящую», как подготовку к переезду в центральные или южные регионы РФ с более мягким климатом и развитой инфраструктурой [11, С. 20–23]. Данное явление исследуют и в других сферах: сценарий замужества [8, С. 186–193], декретный сценарий [10, С. 80–86], сценарий отложенной жизни у линейных менеджеров [7, С. 201–227]. В.П. Серкин использует также термин «невроз отложенной жизни» для обозначения крайнего варианта пренебрежения настоящим, приводящего к дезадаптации и невротическим реакциям на текущие проблемы (равнодушие к комфорту, пренебрежение здоровьем, откладывание решения актуальных задач) [11]. Отличительной особенностью невроза отложенной жизни является и то, что человек не прилагает усилий для достижения желаемого будущего и даже не имеет согласованного, последовательного плана его достижения. Сближает данные понятия недовольство настоящим, противопоставляемым будущему, позитивному и даже идеализируемому.

Синдром отложенной жизни не связан исключительно с миграцией и не является новым явлением. Можно вспомнить литературные образы, отражающие сходные жизненные сценарии и установки: три сестры А.П. Чехова, живущие в ожидании отъезда в Москву, крестьяне, надеющиеся на то, что «приедет барин, барин нас рассудит». Можно найти примеры в самых разных сферах жизни: человек, живущий на съемной квартире, не воспринимает ее как постоянное жилье и не делает ремонт, не вкладывает силы и деньги в комфорт; человек, воспринимающий место работы, как временное, не стремится к профессиональному росту. Как проявление синдрома отложенной жизни можно рассмотреть репродуктивные стратегии, связанные с откладыванием деторождения до неких значимых событий в будущем (достижение определенных карьерных позиций, покупка или улучшение жилья, закрытие ипотеки и т.п.). Социологическая интерпретация и эмпирическая оценка данного феномена представляется актуальной задачей.

ЦЕЛЬЮ настоящей работы является теоретико-социологическая интерпретации «синдрома отложенной жизни» или «синдрома временщика».

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Для того, чтобы разобраться с синдромом отложенной жизни для начала необходимо определить исходные мировоззренческие и методологические установки исследования, определяющие и ограничивающие поле возможных находок. Концепт "синдром отложенной жизни" теоретически нагружен. Подчеркнем, что это именно концепт, который рождает образ, вызывает определенное чувство, а в его глубине "мерцает" понятие. Понятием, которое содержится в концепте "синдром отложенной жизни" является время личности. Личность выражает меру усвоения социального опыта отдельным индивидом. Быть личностью можно только в той или иной социальной общности. Для социолога это положение является аксиомой. В изучении времени отдельной личности можно идти двумя путями: индуктивным и дедуктивным способами. На этапе выяснения методологических установок задача состоит в определении социального времени, которое является значимым контекстом исследования личностного времени.

Мифологическим образом времени является всепожирающий бог Кронос, не знающий жалости ни к чему на свете. Следующей важной вехой в развитии представлений о времени являются слова Аврелия Августина о том, что мы прекрасно представляем

себе, что такое время, пока нас об этом не спрашивают. Нас спросили, и это означает приглашение к исследованию феномена времени. Если ограничиться социологической литературой, то создается впечатление, что за прошедшие два с лишним тысячелетия мало что изменилось. Так Энтони Гидденс в 1984 году писал: «Время является, пожалуй, наиболее загадочной характеристикой человеческого опыта» [4, С. 81.]. По-прежнему остается открытым даже вопрос об адекватном определении социального времени. [12, С. 15]. В лучшем случае даются обзоры к пониманию социального времени, знакомство с которыми приводит к выводу, что понятие социального времени не приобрело своего статуса в социологии. [14, 19].

Обратимся к историческому контексту. Введение термина «социальное время» состоялось в далеком 1937 г., когда вышла в свет статья Р. Мертона и П. Сорокина «Социальное время: опыт методологического и функционального анализа» [13]. В работе обосновывается необходимость введения термина «социальное время» в структуру социологического знания, поскольку оно принципиально отличается от астрономического времени, подчеркивается его качественная неоднородность, прерывность. Обращение к понятию социального времени не просто блестящая догадка талантливых исследователей, а закономерный итог развития философских и научных представлений о времени. Со времен И. Ньютона и Г. Лейбница существовали две наиболее популярные в научном сообществе концепции времени: субстанциальная и реляционная. С точки зрения И. Ньютона пространство и время являются независимыми величинами и носят субстанциальный характер, поскольку являются *causa sui*, причиной самих себя. Пространство в этом случае можно представить в виде огромного пустого ящика, а время в виде часов, равномерно и беспристрастно отмеряющих свой ход. Пространство и время безразличны к тому, что происходит в мире, ни в каких условиях они не изменяют своих характеристик. Г. Лейбниц занимал прямо противоположную позицию, он считал, что не существует никакого пространства и времени вне взаимодействия вещей, явлений, процессов. Позиция Г. Лейбница получила название реляционной концепции времени. В споре двух современников победу одержал И. Ньютон и субстанциальная концепция пространства и времени стала доминирующей в течение почти трех столетий. Открытие специальной теории относительности и формулировка общей теории относительности А. Эйнштейном подтвердили правоту немецкого мыслителя. Справедливости ради стоит заметить, что специальная теория относительности создана трудами Г. Минковского, А. Пуанкаре, А. Эйнштейна. Последнему принадлежит окончательная формулировка идеи относительности пространства и времени. Пространство и время относительны, поскольку зависят от характера взаимодействия вещей, явлений, процессов, имманентно связаны друг с другом и правильнее говорить о пространственно-временном континууме. Отсюда следует вывод о качественном многообразии пространственно-временных отношений. Признание научным сообществом реляционной концепции времени является основанием для введения в обиход ученых представления о социальном времени. Развитие социологического знания не стоит в стороне от столбовой дороги общей эволюции науки.

Время повседневности является циклическим и адаптировано к природным циклам, поскольку человек, являясь человеком, не перестал быть природным, биологическим существом. Повседневность раскрывает себя как мир типических повторяющихся действий, А. Шюц называл её верховной реальностью, покидая её, мы всегда возвращаемся [17, С. 127–139]. Повседневность формируется под влиянием традиций, которые передаются из поколения в поколение веками и тысячелетиями. Ф. Бродель считал мир повседневности наиболее устойчивой основой человеческого бытия, той огромной частью айсберга, которая скрывается под толщей воды. Для описания времени повседневности он применяет язык длительной временной протяженности, диалектики прошлого и настоящего, который его ни разу не обманул [3].

Линейность социального времени представлена событийной стороной человеческой деятельности. Представление о линейной направленности времени как движения от прошлого, через настоящее к будущему утвердилось благодаря христианству. Человеческая история разворачивается между двумя событиями — от рождества Христова до второго пришествия Христа и конца света. Если циклическое время характеризует социальное время с точки зрения его непрерывности, то события прерывают повседневное время, нарушают привычный порядок, качество и количество изменений зависят от важности происшедшего события. В обществе разорванную связь времен восстанавливает мир культуры, вписывая новое в структуры повседневности, соединяя обратимое и необратимое время. Так в общих чертах выглядит одна из философских концепций социального времени.

Идея многомерности социального времени не только не противоречит представлениям социологов о социальном времени, напротив, их органично соединяет в единое целое. Э. Дюркгейм обращал внимание на событийный аспект времени, на последовательность событий во времени, в основе измерения которого лежат физические циклические процессы. О времени он писал: «Это абстрактная и безличная рамка, которая охватывает не только наше индивидуальное существование, но существование человечества. Это как бы бесконечная доска, на которой перед умственным взором выставлено все время, и все возможные события могут быть расположены в соответствии с определенными, четкими ориентирами» [6, С. 186–187]. Относительность процедуры измерения социального времени, подчеркивали П. Сорокин и Р. Мертон: «Социальное время показывает изменение или движение одного социального явления, соизмеренного с другим социальным явлением, принятым как мера счета» [13]; Представление о социальном времени П. Штомпки делают очевидной его приверженность реляционной концепции «Время, — писал, он — это неопределенное, естественное окружение всего человеческого опыта. ...это не субстанция, не специфическая форма бытия, а, скорее, ряд связей, упорядочивающих последовательность и ритмичность социальных событий. ...Поток времени не нейтрален, гладок и однообразен; существуют явные ускорения и пустоты. [16, С. 82–84]. Мир повседневности А. Шюца характеризует социальное время со стороны его цикличности. Понятие времени является стержневой категорией культурологии, что предполагает исследование восприятия времени в культуре и времени самой культуры, но кросс культурный анализ дело не простое и не входит в задачу нашего исследования тем более, что культурное измерение присутствует в представлениях о социальном времени.

Социологическое рассмотрение синдрома отложенной жизни непосредственно связано с психологическим временем личности. В нашем исследовании последнее означает необходимость перейти от рассмотрения объективных и интерсубъективных представлений о времени к особенностям их психологического восприятия. У истоков субъективистской концепции времени стоит уже упоминавшийся Аврелий Августин, отрицая объективность существования времени он считал время человеческой способностью. В публикациях о субъективном восприятии социального времени описываются различные модели социального времени (циклическая, линейная, точечная, фазовая), связанные с определенными социальными условиями [5], и анализируются типы установок по отношению к прошлому, настоящему и будущему [9]. Наличие различных установок по отношению к прошлому, настоящему и будущему позволило вести речь о временных децентрациях в психологическом восприятии времени. Временные децентрации представляют собой избыточную сосредоточенность на одном из временных модусов. Временные децентрации имеют своим основанием биологический возраст личности, но прямой и однозначной зависимости между биологическим и психологическим возрастом личности психологами не установлено. Пожилые и старые люди с удовольствием вспоминают прошедшие времена и события. Молодые люди естественно устремлены в будущее, им так много еще предстоит сделать. На ум при-

ходят слова из «Песни о Родине», написанной композитором И. Дунаевским на слова поэта В.И. Лебедева-Кумача для кинофильма «Цирк», вышедшего в 1936 году: "Молодым — везде у нас дорога, Старикам — везде у нас почет ". Сегодня они употребляется как в прямом, так и в ироническом смысле в зависимости от ситуации и от конкретной личности. Временная децентрация в прошлое ограничивает кругозор личности повседневными делами и заботами, никаких значимых событий в будущем не планируется. Временная децентрация на будущем ведет к пренебрежению настоящим, ожиданием события, которое коренным образом изменит жизнь человека. Наиболее конструктивный и гармоничный тип установок предполагает позитивное и сбалансированное восприятие и прошлого, и настоящего, и будущего. Такое состояние достигается только в настоящем. Святой Августин был прав, что правильнее говорить о настоящем прошедшего, настоящим настоящего и настоящим будущего. Таким образом, сосредоточенность на любой из фаз может стать фактором дезадаптации. Фиксация на прошлом не способствует динамике, развитию; она часто отражает негативное отношение к настоящему, уныние, отсутствие позитивного образа будущего. Фиксация на настоящем, отрицающим длительность настоящего, при котором настоящее воспринимается как миг между прошлым и будущим, отражает проблемы с долгосрочным планированием и с возможностями опереться на традиции. Фиксация на будущем — сосредоточенность на отдаленных, возможно, нереалистичных планах, невнимание к настоящему, отрицание традиции (или равнодушие к ней). Последний вариант искаженного восприятия социального времени как проявление временной децентрации в психологическом восприятии времени является основой синдрома отложенной жизни. Все перечисленные варианты описываются как негативные и связываются исследователями с кризисными, переломными моментами истории. П. Штопка, анализируя оптимальные условия прогрессивных социальных изменений, выделяет, в том числе, благоприятно и активно воспринимаемые естественные условия (настоящее); длительные, последовательные и уважаемые традиции (прошлое); оптимистичный образ будущего и долгосрочное его планирование [16], тем самым конкретизируется представление о порциальности настоящего и многомерности социального времени. Если добавить к этому оптимальные человеческие и структурные ресурсы, то получится «идеальный (с установкой на прогрессивную самотрансформацию) тип «активного общества» (если воспользоваться термином Амитаи Этциони), которое генерирует прогрессивно ориентированную деятельность» [16, С.64].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. При рассмотрении синдрома отложенной жизни на примере «северного сценария», очевидным маркером данного феномена будет временная децентрация на будущее; событием, которое разорвет связь времен, будет реализация миграционных планов. Однако само по себе наличие миграционных планов, как и любых других долгожданных событий, не является негативным явлением. Ориентация на будущее может свидетельствовать о целеустремленности человека, активности, способности к долгосрочному планированию. Когда целей и планов много, то и будущего становится много.

Для понимания сущности механизма временной децентрации обратимся к идеям индивидуальной психологии А. Адлера. Децентрация характеризует стиль жизни, одно из важнейших понятий психологии личности. В основе стиля жизни лежит мировоззрение индивида, определяющего стержень его личности. [1, С. 214]. Мировоззрение "северян" содержит в себе комплекс неполноценности, обусловленный их нынешней территориальной идентичностью. Будущий переезд представляет собой компенсаторную функцию. Любой организм обладает способностью компенсировать свою слабость. При болезни одного органа другой орган способен взять на себя его функции и нести при этом двойную нагрузку. [15]. Заслуга описания процесса компенсации в психической сфере принадлежит Адлеру. Еще одной важной идеей для нашего исследования является представление о фиктивном финализме.

Согласно этой концепции жизненным ориентиром выступают самостоятельно созданные представления, названные А. Адлером фикциями, организующими и систематизирующими реальность и определяющими поведение каждого из нас.

Понятие фикции А. Адлер считал возможным применить к главным жизненным целям человека. Убеждение, разделяемое большинством, что упорный труд и немного везения являются средством достижения желаемого, является просто удобной фикцией, поскольку многие, кто напряженно работает, не получают желаемого и заслуженного. Существование фикций закономерно, поскольку обусловлено несовершенством человеческой психики. Наши фикции имеют много общего с фикциями в науке, они существуют в сознании, но не существуют в реальности. Следует согласиться, что на самом деле нет никаких меридианов и параллелей, разделяющих землю. [1, С. 52]

Будущие ожидания личности больше значимы для личности, чем её прошлый опыт, но существуют эти ожидания в настоящем. Цели являются фиктивными, поскольку не приводят с необходимостью к желаемому результату, но обладают удивительной способностью оказывать влияние на поведение, которое понимается А. Адлером как стремление к превосходству. [1, С. 218]. Согласно этой концепции, будущий переезд является фикцией (до тех пор, пока он не реализовался).

Элементом синдрома отложенной жизни временная децентрация на будущем становится только в том случае, если сочетается с негативным отношением к сложившейся повседневной жизни, нарушением связи между субъективным прошлым, настоящим и будущим. В этой связи представляет несомненный интерес структурный анализ личности, имеющий знаковый характер в психологии, психотерапии и психиатрии. Речь пойдет об Э. Берне, описавшим состояние человеческой психики в реальном времени. Ощущение себя в настоящем имеет три ипостаси: ребенок, родитель, взрослый.

Это не расстройство личности, аналогичное раздвоению, а особое психическое состояние. Я-ребенок является выражением радости жизни, направлен на будущее, но не предполагает ответственности. Я-Родитель обращен в прошлое, осмысливает прошлый негативный опыт для того, чтобы уберечь от подобных ошибок ребенка, формулирует запреты. Я-Взрослый существует в настоящем он наблюдает и понимает, что имеет значение не то, что произошло и происходит, смысл имеет лишь его интерпретация. Отмечая важность всех трех состояний, Э. Берн подчеркивает, что всякие попытки уменьшить или возвеличить один из трех модусов, которые мы обозначили в качестве временных децентраций, способны внести дисбаланс в жизнь. Сократовский призыв "Познай самого себя" принимает вид необходимости осознания того психического состояния, в котором созрело конкретное решение и является условием преодоления сложных жизненных ситуаций. Сценарный подход к исследованию жизненного пути продуктивен, возможно, сценарий отложенной жизни не един, а включает подтипы, которые можно связать с социальными или психологическими характеристиками субъекта. Материал для подобного сценария может быть получен лишь в ходе эмпирического исследования сочетающего качественные и количественные методы. Грамотный анализ себя самого (или с помощью психолога) поможет человеку понять, из каких состояний эго принималось то или иное решение, и как выбираться из тупиковых ситуаций. [2].

Итак, общий диагноз таков: аутентичная личность откровенно признает свое прошлое, приобретает определенную власть над своим настоящим и образом будущего [18]. Пренебрежение прошлым безосновательно, поскольку любое настоящее родом из прошлого. Можно предположить, что пренебрежение настоящим отразится на качестве социального капитала — если будущее не связано с данным социумом, то нет смысла развивать социальные связи в нем (поддерживать хорошие отношения с соседями, дружеские связи, может быть, даже родственные). Могут существенно различаться самооценки индивидуального

(или семейного) прошлого, настоящего и будущего. Настоящее в данном случае оценивается негативно, отношение к прошлому может варьировать у разных групп, в зависимости, например, от возраста. Для старших возрастных групп, или просто людей, родившихся в других регионах, прошлое соединяется с будущим; будущее — это возврат к «старым добрым временам» и комфортной жизни «на материке». Младшие возрастные группы могут вообще не выделять прошлое как особый период и оценивать его, потому что прошлого у них не так много. Таким образом, возможны два сценария желательного будущего — как возврата к прошлому и как кардинального разрыва с настоящим.

ВЫВОДЫ. Перед проведением конкретно-эмпирического исследования синдрома отложенной жизни проделана предварительная работа по выдвижению гипотезы и её обсуждению. В основе феномена отложенной жизни лежит временная децентрация на будущее психологического времени личности. Временные децентрации психологического восприятия личности коррелируют с возрастом. Децентрация на будущее характерна для молодых людей и является нормальным явлением, в то время как феномен отложенной жизни, связанный с миграционными планами, присущ людям зрелого и старшего возраста. В этом случае речь идет о синдроме отложенной жизни и сопутствующему ему «неврозу отложенной жизни», который проявляется в равнодушии к собственной повседневной жизни, в пренебрежении к комфорту, в переносе решения актуальных задач на будущее, связанное с изменением территориальной идентичности. Неумение и нежелание жить настоящим в ожидании желательного будущего проблематизирует преемственность в развитии личности, способно привести к дезадаптации и серьезным личностным проблемам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адлер. А. Понять природу человека/ пер. Е.А. Цыплина. Санкт Петербург: «Академический проект», 2000. 256 с.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. пер. с англ. А. Грузберга. Москва: Эксмо, 2019. 576 с.
3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XIII вв. Т. 1. Структуры повседневности. Возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1992. 680 с.
4. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005. 528 с.
5. Давыдов А.А. Модели социального времени // Социологические исследования. 1998. № 4.
6. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. В кн.: Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. / Пер. с англ., нем., фр. Сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. М.: Канон+, 1998. С. 173–231.
7. Костылева Ю.А., Серкин В.П. Феноменология сценария и невроза отложенной жизни у линейных менеджеров // Организационная психология. 2022. Т. 12. № 1. С. 201–227.
8. Панченкова О.В., Серкин В.П. Незамужество женщин среднего возраста как фактор сценариев и неврозов отложенной жизни // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2017. № 7. С. 186–193.
9. Попова И.М. Представления о настоящем, прошедшем и будущем как переживания социального времени // Социологические исследования. 1999. № 10. С. 135–145.
10. Сафина А.С. Краткий сценарий отложенной жизни: декретный сценарий // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2019. № 9. С. 80–86.
11. Серкин В.П. Жизненные сценарии северян и их влияние на принятие решений // Колыма. 1997. № 4. С. 20–23.
12. Соколова М.Е. Социальное время и новые электронные технологии. Аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 2006. 105 с.

13. Сорокин П.А., Мертон Р.К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа. // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 112–119.
14. Фомичев П.Н. Современные социологические теории социального времени: Научно-аналитический обзор. — М: ИНИОН РАН, 1993. 46 с.
15. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. 3-е изд. СПб.: Питер, 2008. 607 с.
16. Штомпка П. Социология социальных изменений/ пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. — 416 с.
17. Шюц А. Структура повседневного мышления// Социологические исследования. 1988. № 2. С. 127–139.
18. LOEWALD HW. The superego and the ego-ideal. Superego and time. Int J Psychoanal. 1962 Jul-Oct; 43: P. 264–268.
19. Ryan Dan. Time and Social Theory. In book: Encyclopedia of Social Theory. Publisher: Sage, Editors: Ritzer, George. Chapter January 2004. URL: https://www.researchgate.net/publication/215701567_Time_and_Social_Theory_2004 (дата обращения 12.10.2023).

REFERENCES

1. Adler A. *Ponyat' prirodu cheloveka* [Understand human nature] per. E.A. Cyplina. Sankt Peterburg: «Akademicheskij projekt», 2000. 256 s. (In Russian).
2. Bern E. *Igry, v kotorye igrayut lyudi. Lyudi, kotorye igrayut v igry*. [Games People Play. What Do You Say After You Say Hello?]. per. s angl. A. Gruzberga. Moskva: Eksmo, 2019. 576 s. (In Russian).
3. Brodel' F. *Material'naya civilizaciya, ekonomika i kapitalizm XV–XIII vv.* [Material civilization, economics, and capitalism in the fifteenth and eighteenth centuries] T. 1. *Struktury povsednevnosti. Vozmozhnoe i nevozmozhnoe*. M.: Progress, 1992. 680 s. (In Russian).
4. Giddens E. *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturacii*. [The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration] 2-e izd. M.: Akademicheskij Projekt, 2005. 528 s. (In Russian).
5. Davydov A.A. *Modeli social'nogo vremeni* [Models of social time] *Sociologicheskie issledovaniya*. 1998. № 4. (In Russian).
6. Dyurkgejm E. *Elementarnye formy religioznoj zhizni*. [Elementary forms of religious life] V kn.: *Mistika. Religiya. Nauka. Klassiki mirovogo religiovedeniya. Antologiya*. Per. s angl., nem., fr. Sost. i obshch. red. A. N. Krasnikova. M.: Kanon+, 1998. S. 173–231 (In Russian).
7. Kostyleva YU.A., Serkin V.P. *Fenomenologiya scenariya i nevroza otlozhennoj zhizni u linejnyh menedzherov* [Phenomenology of scenario and deferred life neurosis in line managers] *Organizacionnaya psihologiya*. 2022. T. 12. № 1. S. 201–227. (In Russian).
8. Panchenkova O.V., Serkin V.P. *Nezamuzhestvo zhenshchin srednego vozrasta kak faktor scenarijev i nevrozov otlozhennoj zhizni* [Middle-aged women's unmarried as a factor in postponed life scripts and neuroses] *Lichnost' v ekstremal'nyh usloviyah i krizisnyh situacijah zhiznedeyatel'nosti*. 2017. № 7. S. 186–193. (In Russian).
9. Popova I.M. *Predstavleniya o nastoyashchem, proshedshem i budushchem kak perezhivaniya social'nogo vremeni* [Representations of present, past and future as experiences of social time] *Sociologicheskie issledovaniya*. 1999. № 10. S.135–145. (In Russian)
10. Safina A.S. *Kratkij scenarij otlozhennoj zhizni: dekretnyj scenarij* [A brief scenario for a postponed life: the maternity scenario] *Lichnost' v ekstremal'nyh usloviyah i krizisnyh situacijah zhiznedeyatel'nosti*. 2019. № 9. S. 80–86. (In Russian).
11. Serkin V.P. *Zhiznennye scenarii severyan i ih vliyanie na prinyatie reshenij* [Life scenarios of northerners and their influence on decision making] *Kolyma*. 1997. № 4. S. 20–23. (In Russian).
12. Sokolova M.E. *Social'noe vremya i novye elektronnye tekhnologii. Analiticheskij obzor*. [Social time and new electronic technologies. Analytical review] M.: INION RAN, 2006. 105 s. (In Russian)
13. Sorokin P.A., Merton R.K. *Social'noe vremya: opyt metodologicheskogo i funkcional'nogo analiza*. [Social Time: A Methodological and Functional Analysis] *Sociologicheskie issledovaniya*. 2004. № 6. S. 112–119 (In Russian)

14. Fomichev P.N. *Sovremennye sociologicheskie teorii social'nogo vremeni: Nauchno-analiticheskij obzor* [Modern Sociological Theories of Social Time: A Scientific and Analytical Review] M: INION RAN, 1993. 46 s. (In Russian)
15. Hjelle L., Ziegler D. *Teorii lichnosti*. [Personality Theories: Basic Assumptions, Research, and Applications] 3-e izd. SPb.: Piter, 2008. 607 s. (In Russian).
16. Shtompka P. *Sociologiya social'nyh izmenenij* [Sociology of social change] per. s angl. pod red. V.A. YAdova. M.: Aspekt Press, 1996. 416 s. (In Russian).
17. Shyutc A. *Struktura povsednevnogo myshleniya* [The structure of everyday thinking] Sociologicheskie issledovaniya. 1988. № 2. S. 127–139 (In Russian).
18. LOEWALD HW. *The superego and the ego-ideal. Superego and time. Int J Psychoanal.* 1962 Jul-Oct; 43: P. 264–268. (In English).
19. Ryan Dan. *Time and Social Theory*. In book: Encyclopedia of Social Theory. Publisher: Sage, Editors: Ritzer, George. Chapter January 2004. URL: https://www.researchgate.net/publication/215701567_Time_and_Social_Theory_2004 (data obrashheniya 12.10.2023). (In English).

DOI 10.26105/SSPU.2023.86.5.020

УДК 316.25

ББК 60.507

О.В. ТРЕТЬЯКОВА,
К.Д. ЗАЙЦЕВ**ФЕНОМЕН
КРЕАТИВНОЙ СОЦИОЛОГИИ**O.V. TRETYAKOVA,
K.D. ZAYTSEV**THE PHENOMENON
OF CREATIVE SOCIOLOGY**

Глобализационные и интеграционные изменения в обществе, преобладающая роль знаний и творческого подхода к организации бизнес-процессов привели к формированию креативной социологии, функционирование которой основывается на использовании инновационных технологий и творчества, навыков, умений индивидов. В настоящее время она существует в развитых странах, которые отличаются высоким уровнем экономического развития, уровнем доходов населения, активным применением различных технологий, коммерциализации идей, которые создаются в научно-исследовательской области и распространяются на все сферы хозяйствования. Принимая во внимание интеграционные процессы, которые характерны для современного этапа общественного развития, можно предположить высокую вероятность возникновения данного явления в развивающихся странах, что определяет актуальность настоящего исследования.

Цель статьи — исследование феномена креативной социологии и предложение нового ее участника, а именно — креативной кластерной бизнес-экосистемы.

При написании работы были использованы материалы статей в периодических изданиях, а также данные сети Интернет.

В качестве методологии необходимо выделить анализ ресурсов, соответствующих тематике исследования, синтез и обобщение полученных данных.

К результатам работы можно отнести проведение детального анализа теоретико-методологических основ и истории формирования креативной социологии, ее роли, а также предложение нового ее участника, деятельность которого позволит повысить эффективность ее функционирования.

Авторами предложена периодизация эволюции развития креативной индустрии в социокультурной сфере с опорой на детализированный анализ концепций, на которых она базируется, предложение нового участника.

Globalization and integration changes in society, the prevailing role of knowledge and creative approach to the organization of business processes have led to the formation of creative sociology, the functioning of which is based on the use of innovative technologies and creativity, skills, abilities of individuals. Currently, it exists in developed countries, which are distinguished by a high level of economic development, the level of income of the population, the active use of various technologies, the commercialization of ideas that are created in the research field and spread to all spheres of management. Taking into account the integration processes that are characteristic of the current stage of social development, we can assume a high probability of occurrence of this phenomenon in developing countries, which determines the relevance of this study.

The purpose of the article is to study the phenomenon of creative sociology and propose a new participant, namely, a creative cluster business ecosystem.

When writing the work, materials of articles in periodicals, as well as Internet data were used.

As a methodology, it is necessary to highlight the analysis of resources corresponding to the research topic, synthesis and generalization of the data obtained.

The results of the work include a detailed analysis of the theoretical and methodological foundations and the history of the formation of creative sociology, its role, as well as the proposal of a new participant, whose activities will improve the efficiency of its functioning.

The authors propose a periodization of the evolution of the development of the creative industry in the socio-cultural sphere based on a detailed analysis of the concepts on which it is based, the proposal of a new participant.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: креативная социология, креативный кластер, синтетическое знание, интеллектуальный капитал, инновационные разработки.

KEY WORDS: creative sociology, creative cluster, synthetic knowledge, intellectual capital, innovative developments.

ВВЕДЕНИЕ. Цифровизация, глобализационные и интеграционные процессы распространяются на все страны и их отрасли, приводя к тому, что большее внимание уделяется развитию не только социокультурных сфер, а интеллектуального капитала, инновационных разработок и знаний, составляющих новую сферу хозяйствования, обозначаемую креативной социологией. На становление данного феномена, как отмечает В.В. Кондратенко, оказали воздействие различные теории, важнейшими из которых являются: концепция постиндустриального развития, теории креативного класса и креативных индустрий [5]. Цель статьи — исследование феномена креативной социологии и предложение нового ее участника, а именно — креативной кластерной бизнес-экосистемы.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. При написании работы были использован контент-анализ: материалы статей в периодических изданиях, а также данные сети Интернет. В качестве методологии необходимо выделить анализ ресурсов, соответствующих тематике исследования, синтез и обобщение полученных данных.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. В современных условиях Россия переживает сложный период, связанный с началом инновационных преобразований всех сфер общественной науки. Однако противоречивая направленность этого процесса напрямую обусловлена не только внешними обстоятельствами глобального кризиса, но, прежде всего, недостаточно полным раскрытием реального творческого потенциала российского общества и невысоким уровнем активизации (проявления) креативных способностей, которые не всегда готовы адекватно (профессионально) отвечать на вызовы времени и практически решать возникающие те или иные трудности. Поэтому наличие проблемной ситуации в системе инновационных изменений обусловило необходимость появления новой отрасли научного знания — креативной социологии.

В общепризнанном понимании социология изучает общие принципы воспроизводства и изменения основных форм социальных взаимодействий. При этом на главенствующие позиции в настоящее время выводится новая категория населения, креаторы, которые функционируют в большинстве своем в культурных сферах, что определяет тесную связь между социологией культуры и ее креативным направлением. Представляя собой отрасль социологического знания, которая нацелена на изучение социальных закономерностей культуры и форм их проявления в человеческой деятельности, связанной с созданием, усвоением, сохранением и распространением идей, представлений, культурных норм и ценностей, образцов поведения, регулирующих отношения в обществе, а также между обществом и природой, креативная социология подразумевает формирование активного взаимодействия с креативной экономикой, которая позволяет увеличить эффективность использования разработанных идей, знания, культурных ценностей и т.д.

Цифровизация и информатизация приводят к формированию нового типа социологии, которую современные исследователи обозначают в качестве креативной или социологии знаний, базирующейся на инновационных разработках и использовании новых техноло-

гий в специализированных креативных индустриях, связанных со следующими видами деятельности: писатель, изобретатель, музыкант, маркетолог и т.д. Произведенные ими интеллектуальные ресурсы распространяются и монетизируются.

Проведенный нами анализ трудов современных авторов позволил выявить ряд этапов эволюции и развития креативной индустрии [2; 4; 7; 8; 9; 10; 11; 13]. Представим их краткую характеристику.

Первый этап связан с обозначением ключевой роли знания для развития постиндустриального общества. Креативная социология базируется на интеллектуальном капитале, который является основным стимулом производства в настоящее время. Первоначально важность науки и знания обозначалась в концепции постиндустриального развития Д. Белла, который изучал общественные трансформации в рамках перехода от индустриального к постиндустриальному общественному укладу. Согласно мнению исследователя, двигателем прогресса в новых условиях станет информация и знания, которыми располагают индивиды, что приводит к тому, что ключевое значение для развития государств, роста ВВП и других важнейших показателей будет иметь технологический и интеллектуальный капитал [9].

Второй этап связан с появлением термина индустрии знаний. Развивая теорию Д. Белла, экономист Ф. Махлуп в 1960-е годы выделяет новый сегмент, который нацелен на создание и распределение интеллектуальных ресурсов. При этом исследователь не относит изучаемый феномен к отдельному типу [2].

Третий этап относится к появлению и развитию концепции П. Друкера, который обозначал важнейшим производственным фактором информацию, ввиду того, что компетентность, обладание теми или иными сведениями способствует росту эффективности деятельности по поиску и внедрению инноваций. Его последователем, Т. Сакайя, было определено воздействие знания на итоговую стоимость товаров и услуг, которая имеет достаточно субъективный характер.

Необходимо отметить, что П. Друкер не только разрабатывал и развивал собственную концепцию, но и проводил систематизацию существующих на тот момент трудов, в которых ученые в той или иной степени рассматривали, каким образом происходит вытеснение категории труд информацией. В качестве результата проведенного анализа П. Друкером было выделено три основных стадии, которые олицетворяли эволюцию знаний при капиталистическом общественном устройстве:

- 1750-е — 1880-е годы, в рамках которых происходит применение знаний для создания орудий труда, различных технологий и непосредственно товаров и услуг при осуществлении промышленной эволюции;
- 1880-е — вторая половина 1940-х годов, в течение которых использование информации в рамках осуществления трудовой деятельности становится причиной революционных изменений и приводит к значительному росту производительности труда;
- 1950-е годы и далее, с которых происходит трансформация в управленческих системах, отражающаяся в определении знания в качестве более важного по сравнению с капиталом и рабочей силой фактора [11].

Четвертый этап охватывает XX век, то есть весь период времени, в рамках которого происходит формирование и развитие постиндустриального общества, когда технические способности заменяются интеллектуальным капиталом. В результате произошедших трансформации во второй половине XX века, а именно в 1990-е годы, создается социологическая система, функционирующая на основе знаний, которую определяют как индустрия знаний. Среди важнейших ее составляющих, по мнению А.П. Старковой выделяют знания и информацию в качестве главного производственного ресурса и технологии, которые базируются на их использовании. Предпосылками появления нового типа социологии явилось создание

высокотехнологичных компаний, возникновение инновационных наукоемких производств, развитие коммуникативных сетей и различного рода инвестиций, подверженных высокому риску [13].

Пятый этап связан с появлением и дальнейшим развитием концепций, которые стали предпосылками формирования феномена креативной социологии. В рамках изучения интеллектуального капитала Л. Эдвинссон и М. Мэлоун разделяют его на человеческий и структурный, каждый из которых создается знаниями индивидов, имеющих скрытые источники ценности. Ученые акцентировали внимание на одном положении, которое актуально для современного этапа развития креативной социологии, а именно — интеллектуальный капитал создается сотрудниками организации и является их личной собственностью, к которой компания не имеет отношения. По мнению исследователей, данный ресурс состоял не только из практического опыта персонала, но и их навыков, умений, нравственно-моральных ценностей, отношения к работе в организации и т. д. К структурному капиталу Л. Эдвинссон и М. Мэлоун относили используемое компьютерное обеспечение, лицензии, патенты, торговые знаки и т. д., что позволяет говорить о значительном субъективизме человеческого капитала, определяемого показателями, которые невозможно оценить и рассчитать, и объективизме структурного капитала. В связи с тем, что стоимость интеллектуального капитала не имеет строгих критериев и параметров, ценность продукции, относящейся к сфере искусства, технологий, дизайна и иных сфер определяется довольно предвзято.

Важным вкладом в развитие креативной социологии стала теория креативного класса, разработанная Р. Флоридой, в рамках которой внимание акцентировалось на креативности как важнейшего стимула развития нового типа экономики. В.С. Шкарина отмечает, что ученым не рассматривалось творчество, которое в ряде случаев в русском языке является синонимичным понятию креативность, по причине того, что оно представляет собой незапланированный процесс, результатом которого является возникновение нового предмета, продукции и т. д. Креативность обозначает наличие возможностей, навыков, потенциала разработать уникальную идею, предложение по совершенствованию того или иного направления, которые подразумевают в будущем детальное освоение и развитие выбранной альтернативы. Она опирается на стратегические цели и задачи функционирования организации и отсутствием уникальных подходов к решению тех или иных вопросов [8].

Согласно концепции, разработанной Р. Флоридой, креативный класс обозначает значительную по численности категорию населения, важнейшей функцией которой является создание инноваций, новых технологий и их креативной сущности. Это позволяет сделать вывод о том, что обозначенные граждане получают прибыль при изобретении чего-то уникального. Уровень полученных ими доходов, как минимум, в два раза выше, чем у других категорий населения. Креативный класс отличается такими характеристиками, как самостоятельность мышления, независимость, высокий уровень образования, практического опыта, навыков и т. д. Представители обозначенной категории воспринимают все технологические, культурные и экономические составляющие креативности в качестве взаимозависимых и сведенных воедино. Они задействованы в различных сферах, например, научно-исследовательской, образовательной, событийной, законодательно-правовой, финансовой и технологической видах деятельности, дизайне, искусстве, музыке и т. д. При этом креативный класс нельзя отнести к однородному, так как он разделяется на суперкреаторов и специалистов, которые имеют отличные от других категорий населения ценности такие, как стремление к самостоятельности и ответственности, индивидуализм, транспарентность, уважение к достижениям других сотрудников и нацеленность на профессиональное признание.

Эффективность функционирования креативного класса находится в прямой зависимости от факторов окружающей среды. Так, они стремятся к удобному географическому положе-

нию места занятости, наличию развитой инфраструктуры, свободному графику деятельности и т. д. и обозначают в качестве ее основы использование творческого подхода [4].

Шестой этап связан с появлением понятия креативная социология, которое было разработано и представлено в конце XX — начале XXI веков П. Койа. С точки зрения автора, в течение постиндустриального периода к наиболее прибыльным и успешным будут относиться те компании, которые обладают инновационной и интеллектуальной собственностью. Продолжая изучение обозначенного феномена, Дж. Хокинс определял в качестве важнейшего нацеленность современных индивидов на удовлетворение, прежде всего, эмоциональных и интеллектуальных нужд. В связи с этим ключевое значение для развития креативной социологии имеет защита прав на интеллектуальную собственность, авторские права на разработки и идеи и т. д., а ее основой служат те сферы хозяйствования, в которых творчество выступает наиболее существенной продукцией. В соответствии с данными критериями Дж. Хокинс выделял пятнадцать индустрий, в которые были включены мода, дизайн, IT-технологии и т. д., которые производят в результате деятельности творческую продукцию, обладающую определенной стоимостью. В качестве важнейших составляющих креативной социологии ученый выделял торговые марки, патенты, образцы промышленной продукции, учреждения, занимающиеся защитой интеллектуальной собственности. Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что под термином креативной экономики исследователи понимали творческие индустрии в постиндустриальной экономике, их финансовую стабильность и возможности к организации воспроизводственной деятельности [10].

Необходимо отметить, что не все ученые поддерживали введение термина креативная социология. Например, А. А. Овечкина отмечает, что в настоящее время нет необходимости выделения отдельного креативного сектора в связи с тем, что во всех отраслях хозяйствования происходит создание тех или иных инноваций. Негативное отношение вызывает у исследователя выделение отдельного класса граждан, что способствует расслоению общества [10]. Однако вне зависимости от наличия критики, концепция креативной социологии оказалась поддержана большинством отечественных и зарубежных исследователей.

В настоящее время наиболее актуальным направлением развития креативной социологии, как обозначают В. В. Латкин, М. С. Соловьев, является совместное развитие творчества и экономики, что приводит к появлению предпринимателей-креаторов, функционирующих в различных сферах хозяйствования [7]. Современные компании акцентируют внимание на внедрении и развитии инноваций и разграничении функциональных обязанностей для получения конкурентных преимуществ. Креативность и инновация представляют собой важнейшие составляющие бизнеса, которые действуют на совместной основе, так как инновация обозначается как возможность трансформации интеллектуального капитала в новую продукцию, а креативность — направления комбинирования элементов и значений различными способами. С точки зрения Л. Тевено наиболее характерными для современного этапа развития социологии являются так называемые факторы творческой модификации, которые обозначают текущие трансформации в массовом производстве промышленной продукции, международном разделении труда, для развития которых необходимы новые ресурсы для устойчивого роста и повышения добавленной стоимости, прежде всего, в развитых странах [12].

Цифровизация и информатизация приводят к развитию инновационных коммуникационных технологий, которые оказывают существенное воздействие на общество. Они приводят к появлению новых практик, созданию нематериальных активов, изменению в ценностях и образе жизни населения, которые, в конечном счете, влияют на нужды целевой аудитории в отношении увеличения потребности на инновации и новые технологии, что, в свою очередь, приводит к появлению и распространению бизнес-экосистем и креативных кластеров, функционирование которых базируется на результатах научно-исследовательской

деятельности, получении прибыли как важнейшей цели любого бизнеса и организации творческого подхода, которые являются наиболее распространенными видами участников рынка в условиях креативной социологии [1].

Бизнес-экосистема представляет собой совокупность различных компаний, в той или иной степени связанных друг с другом в самоорганизующейся среде. К ним относятся фирмы, оказывающие консультационные и юридические услуги, медиакомпании, финансовые и образовательные учреждения, которые осуществляют активный обмен опытом, технологиями и т.д. При этом все организации имеют одинаковое положение, зависят одна от другой, что обуславливает гибкость системы и ее высокую адаптивность в условиях изменяющихся факторов внешней и внутренней среды [3]. В целях настоящего исследования остановимся подробнее на изучении понятия бизнес-экосистема.

С точки зрения М. Рассела и К. Дэвлина она является сплетением специалистов различных сфер, компаний и принимаемых решений, базирующихся на основе совместного восприятия и выделения направлений совершенствования того или иного процесса. Г.Б. Клейнер определяет бизнес-экосистему как сосредоточение фирм, бизнес-процессов, инновационных разработок и необходимой для их осуществления и функционирования инфраструктуры, которая может действовать длительный период времени, основываясь на циркулировании ресурсной и продуктовой базы [3].

Креативные кластеры являются еще одним видом участников креативной социологии. По мнению С. Эванса, они представляют собой множество креаторов, которые активно разрабатывают инновации, применяют творческий подход к деятельности и функционируют на замкнутой территории [6].

С точки зрения М. Комаровски креативные кластеры относятся строго к медиаотрасли и являются определенного рода содружеством аудиовизуальных компаний. М. Ингstrup, С. Йенсен и П. Кристенсен обозначают креативные кластеры как особые системы организаций различных сфер хозяйствования, которые функционируют, базируясь в основном на интеллектуальном капитале. При этом авторами выделяется два этапа его развития. Первый из которых охватывает период, когда кластер управляется одной организацией, и в нем преобладают синтетические знания (технологии, программное обеспечение, оборудование). Второй — когда компании имеют равное положение, а и деятельность основывается на художественном и творческом капитале, а также символических знаниях [1]. При этом креативный кластер в большинстве своем включает в себя компании, занимающиеся производством интеллектуального капитала и использованием аналитической информации, нацеленные на создание стимулов и повышения квалификации сотрудников, что позволяет повысить их креативность и производительность в целом.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что креативный кластер включает в себя организации, нацеленную на осуществление инновационной деятельности в определенной сфере хозяйствования. Бизнес-экосистема состоит из некоторого количества взаимосвязанных между собой компаний, функционирующих в рамках общего цифрового контура.

Интеграционные и глобализационные процессы распространяются на все отрасли и субъекты хозяйствования, приводя к их объединению, а также совместному функционированию креативных социологии и экономики. В этой связи, с нашей точки зрения, перспективным является создание единой системы, состоящей из креативного кластера и бизнес-экосистемы, которая может быть обозначена как креативная кластерная бизнес-экосистема, объединяющая в себе как синтетическое знание (технологии, инновации и т.д.), так и аналитические способности (интеллектуальный капитал), деятельность которой будет способствовать появлению новых направлений развития рынка. В связи с этим необходимым видится создание необходимой инфраструктуры, удовлетворяющей требова-

ниям обеих организаций, нормативно-правового регулирования, вовлечение государства и корпораций в качестве инвесторов. Значительную роль для увеличения узнаваемости и получения информации о деятельности и трудоустройстве в системе будет играть активная маркетинговая деятельность в онлайн и офлайн пространствах, в рамках которой будет повышаться инновационная грамотность населения. Наконец, функционирование креативной кластерной бизнес-экосистемы позволит повысить результативность стратегии импортозамещения, как в отношении разработки комплектующих и иных необходимых материалов, так и в целях развития различных отечественных индустрий.

ВЫВОДЫ. Таким образом, предпосылками формирования креативной социологии стала совокупность экономических, социальных, технологических процессов, которые были характерны для постиндустриальной экономики, а также множество теорий, которые объясняли происхождение феномена экономики знаний. В рамках креативной социологии наибольшее значение имеет интеллектуальный капитал как важнейший ресурс, обеспечивающий финансовую устойчивость и прибыльность компаний. Максимальное раскрытие и использование творческого потенциала сотрудников, защита прав интеллектуальной собственности и нужд населения способствовали увеличению численности креативных индустрий, в рамках которых происходит создание добавленной собственности. Все вышесказанное определяет актуальность настоящего исследования.

Основной участник креативной социологии — креативный класс, представители которого имеют собственные нормы поведения, нацеленность на творческий подход, значительный уровень самостоятельности и создание продукции, основной на интеллектуальном капитале.

В соответствии с современными процессами интеграции нами было предложено создание креативной кластерной бизнес-экосистемы, деятельность которой позволит не только свести воедино аналитическое и синтетическое знание, но и увеличить результативность осуществления концепции импортозамещения, а также будет способствовать развитию отечественных индустрий.

Авторами предложена периодизация эволюции развития креативной индустрии в социокультурной сфере с опорой на детализированный анализ концепций, на которых она базируется, предложение нового участника новой системы, которая подразумевает объединение креативной социологии и экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бжинаева М.В., Нерсесян Г.Р. О понятии «креативность» в современных гуманитарных исследованиях. URL: https://upload.pgu.ru/iblock/145/Pages-from-CH-2_-_90-ekz._12.pdf (дата обращения: 03.11.2023).
2. Боровинская Д.Н. Экономические и культурные основания креативности. URL: <https://journals.tsu.ru/uploads/import/1104/files/388-047.pdf> (дата обращения: 03.11.2023).
3. Викторов А.Ш. Креативная социология (теория и практика). URL: <https://psihdocs.ru/organizacionno-metodicheskij-razdel-cele-disciplini.html> (дата обращения: 03.11.2023).
4. Иванов Д.В., Асочаков Ю.В., Богомягкова Е.С. Включенность в интернет-коммуникации и креативность в социальных сетях как показатели социального развития // Социология культуры. 2021. Т. 24. № 2. С. 56–80.
5. Качераускас Т. Креативность и концепция креативного общества в социологии. URL: <https://www.libnauka.ru/item.php?doi=10.7868/S0132162517100038> (дата обращения: 03.11.2023).
6. Культурные и креативные индустрии. URL: <https://www.culturepartnership.eu/publishing/course/lecture-5> (дата обращения: 03.11.2023).
7. Латкин В.В., Соловьев М.С. Креативные индустрии как сектор культуры. URL: <http://intjournal.ru/kreativnye-industrii-kak-sektor-kultury/> (дата обращения: 03.11.2023).

8. Мацевич-Духан И. Я. От понятия к концепту креативного общества. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/248165/1/25-37.pdf> (дата обращения: 03.11.2023).
9. Мешкова Н.В. Социальная креативность и социальный контекст: перспективы исследования // Современная зарубежная психология. 2023. Том 12. № 1. С. 100–108.
10. Овечкина А.А. Креативные индустрии как понятие социально-культурной деятельности. URL: <http://theoryofculture.ru/issues/73/974/942/> (дата обращения: 03.11.2023).
11. Пивоваров А. Социология креативности: современное состояние направления исследований. URL: https://creasphere.tilda.ws/pivovarov_sociology_of_creativity_1 (дата обращения: 03.11.2023).
12. Тевено Л. Креативные конфигурации в гуманитарных науках и конфигурации социальной общности. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2006/1/kreativnye-konfiguracii-v-gumanitarnyh-naukah-i-figuracii-sotsialnoj-obshhnosti.html> (дата обращения: 03.11.2023).
13. Яркова Е. Н. Механизмы самоорганизации общества и культуры: от прошлого к будущему. URL: https://elib.utmn.ru/jspui/bitstream/ru-tsu/13880/1/17_Yarkova_No8_Sociologiya_2012.pdf (дата обращения: 03.11.2023).

REFERENCES

1. Bzhinaeva M.V., Nersesyan G.R. *O ponyatii «kreativnost'» v sovremennykh gumanitarnykh issledovaniyakh* [On the concept of «creativity» in modern humanities research]. URL: https://upload.pgu.ru/iblock/145/Pages-from-CH-2_-_90-ekz._12.pdf (data obrashheniya: 11.03.2023). (In Russian).
2. Borovinskaya D.N. *Ekonomicheskiye i kul'turnyye osnovaniya kreativnosti* [Economic and cultural foundations of creativity]. URL: <https://journals.tsu.ru/uploads/import/1104/files/388-047.pdf> (data obrashheniya: 11.03.2023). (In Russian).
3. Viktorov A.Sh. *Kreativnaya sotsiologiya (teoriya i praktika)* [Creative sociology (theory and practice)]. URL: <https://psihdocs.ru/i-organizacionno-metodicheskij-razdel-cele-disciplini.html> (data obrashheniya: 11.03.2023). (In Russian).
4. Ivanov D.V., Asochakov Yu.V., Bogomyagkova E.S. *Vklyuchennost' v internet-kommunikatsii i kreativnost' v sotsial'nykh setyakh kak pokazateli sotsial'nogo razvitiya* [Involvement in Internet communications and creativity in social networks as indicators of social development] // *Sotsiologiya kul'tury*. 2021. T. 24. № 2. S. 56–80. (In Russian).
5. Kacherauskas T. *Kreativnost' i kontseptsiya kreativnogo obshchestva v sotsiologii* [Creativity and the concept of creative society in sociology]. URL: <https://www.libnauka.ru/item.php?doi=10.7868/S0132162517100038> (data obrashheniya: 11.03.2023). (In Russian).
6. *Kul'turnyye i kreativnyye industrii* [Cultural and creative industries]. URL: <https://www.culturepartnership.eu/publishing/course/lecture-5> (data obrashheniya: 11.03.2023). (In Russian).
7. Latkin V.V., Solovyov M.S. *Kreativnyye industrii kak sektor kul'tury* [Creative industries as a cultural sector]. URL: <http://intjournal.ru/kreativnye-industrii-kak-sektor-kul'tury/> (data obrashheniya: 11.03.2023). (In Russian)
8. Matsevich-Dukhan I.Ya. *Ot ponyatiya k kontseptu kreativnogo obshchestva* [From concept to concept of a creative society]. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/248165/1/25-37.pdf> (data obrashheniya: 11.03.2023). (In Russian).
9. Meshkova N.V. *Sotsial'naya kreativnost' i sotsial'nyy kontekst: perspektivy issledovaniya* [Social creativity and social context: research prospects] // *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*. 2023. Volume 12. № 1. S. 100–108. (In Russian).
10. Ovechkina A.A. *Kreativnyye industrii kak ponyatiye sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nosti* [Creative industries as a concept of socio-cultural activity]. URL: <http://theoryofculture.ru/issues/73/974/942/> (data obrashheniya: 11.03.2023). (In Russian).
11. Pivovarov A. *Sotsiologiya kreativnosti: sovremennoye sostoyaniye napravleniya issledovaniy* [Sociology of creativity: current state of research direction]. URL: https://creasphere.tilda.ws/pivovarov_sociology_of_creativity_1 (data obrashheniya: 11.03.2023). (In Russian).

12. Thévenot L. *Kreativnyye konfiguratsii v gumanitarnykh naukakh i figuratsii sotsial'noy obshchnosti* [Creative configurations in the humanities and figurations of the social community]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2006/1/kreativnye-konfiguracii-v-gumanitarnykh-naukakh-i-figuracii-sotsialnoj-obshchnosti.html> (data obrashheniya: 11.03.2023). (In Russian).
13. Yarkova E.N. *Mekhanizmy samoorganizatsii obshchestva i kul'tury: ot proshlogo k budushchemu* [Mechanisms of self-organization of society and culture: from past to future]. URL: https://elib.utmn.ru/jspui/bitstream/ru-tsu/13880/1/17_Yarkova_No8_Sociologiya_2012.pdf (data obrashheniya: 11.03.2023). (In Russian).

DOI 10.26105/SSPU.2023.86.5.021

УДК 316.346.32-053.6

ББК 60.543.172

C.C. ЗАХАРЧЕНКО ЭТНОФОЛИЗМЫ В КОНТЕКСТЕ
АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА
(ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ
МОЛОДЕЖИ)

S.S. ZAKHARCHENKO ETHNOPHAILISMS IN THE CONTEXT
OF ASSOCIATIVE EXPERIMENT
(REPRESENTATION OF STUDENT YOUTH)

Настоящая статья посвящена семантическому анализу сформированных в сознании студенческой молодежи стереотипных образов конкретных этносов. Цель работы — выделение ключевых групп атрибутов — ядра стереотипных образов и выявление в структуре этих образов этнофолизмов как маркеров языка вражды. Для выявления стереотипных образов в настоящей статье использованы элементы ассоциативного эксперимента, дающего богатый материал для анализа пары «стимул — реакция». В качестве результата исследования автором статьи очерчены стереотипные представления студентов о конкретных этносах, в структуре которых в качестве маркеров языка вражды выявлены этнофолизмы общероссийского распространения, характерные для дискурса бытового. Автор приходит к выводу, что экспрессивные этнонимы все же не входят в активную лексику студенческой молодежи, в случае их появления (фиксации) основываются скорее на общественных стереотипах, чаще всего используются неосознанно, а не с целью оскорбить представителей чуждых этносов. Кроме того, их употребление (количество) не всегда пропорционально отрицательному образу этноса в сознании респондентов.

The paper is devoted to the semantic analysis of the stereotypical images of some certain ethnic groups. The research task is to define some key attributive groups — nuclear of these stereotypical images and to reveal ethnophaulisms in the structure of the images as the markers of the hate speech. The elements of the associative experiment were used as research method. As a result, the author highlights student youth's stereotypical images of certain ethnic groups, in which some ethnophaulisms of all-Russian conveyance as the markers of hate speech typical for everyday discourse are revealed. The author concludes that the expressive ethnonyms are not included in active student youth's vocabulary, the cases of their usage are based upon some social stereotypes, are used unconsciously mostly, not to insult a representative of alien ethnos. Moreover, their usage is not always proportional to a negative image of ethnos in respondents' consciousness.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ассоциативный эксперимент, стереотипный образ, автостереотипный образ, язык вражды, этнос, этнофолизмы, студенческая молодежь

KEY WORDS: associative experiment, stereotypical image, auto stereotypical image, hate speech, ethnos, ethnophaulisms, student youth

ВВЕДЕНИЕ. Прежде чем перейти непосредственно к представлению результатов ассоциативного эксперимента, обратим внимание на категорию, ставшую предметом нашего исследования. Этнофолизмы — номинации с семой «народ», «представитель

народа», эмоционально маркированные адресантом, автором высказывания, уничижительной, отрицательной оценкой (в основе термина греч. «народ, племя» и «дурной, ничтожный»). Этнофолизмы включают в себя негативно коннотированные именованные представители различных этносов в жаргонах-социолектах, проникающие оттуда благодаря своей экспрессивности как средство стилизации в литературный язык, в язык повседневного общения. В отличие от нейтрально коннотируемых этнонимов, семантике этнофолизмов свойственны не только оппозиция «свой — чужой», но и значение чуждости именуемого, при этом негативность коннотации может варьировать от иронично-пренебрежительной до уничижительной, презрительной и бранной [1]. В современном дискурсе этнофолизмы становятся маркером языка вражды, оказываясь в разряде инвективной лексики (так называемые «лексемы агрессии»), свидетельствуют о проявлении деструктивных настроений адресанта, или, по меньшей мере о его отрицательном коммуникативном намерении [4].

В контексте настоящего исследования значимой становится категория «национальный стереотип» [7]. В.А. Ядов определяет стереотип как продукт социальной среды и социального восприятия, имеющий высокую устойчивость [8]. Именно «язык выступает средством распространения стереотипов, в том числе и национальных. Стереотип не существует без вербального выражения, и вербальное выражение не существует без стереотипа [2]. В настоящей статье мы основываемся на определении В.В. Красных, которая рассматривает стереотип как представление фрагмента окружающей действительности, фиксированную ментальную картинку, являющуюся результатом отражения в сознании личности «типичного» фрагмента реального мира, некий инвариант определенного участка картины мира [6; с. 177-178]. В результате исследовательница разграничивает все стереотипы на стереотипы-поведения и стереотипы-представления, которые имеют, в свою очередь две разновидности: стереотипы-ситуации и стереотипы-образы. Последние, на которых мы и сосредоточились в настоящей статье, представлены набором вербальных реакций респондентов на стимул, т.е. представляют собой вербальные единицы, существующие в языковом сознании, реализуемые говорящим в речевом сообщении и представляющие собой упрощенный, устойчивый образ той или иной социальной группы (общности).

ЦЕЛЬ. В задачи нашего исследования входили организация ассоциативного эксперимента среди студентов педагогического университета филологического факультета и интерпретация полученных данных с целью семантического анализа сформированных в сознании студенческой молодежи образов конкретных этносов — выделения ключевых групп атрибутов — ядра стереотипных образов и выявления в структуре этих образов этнофолизмов как маркеров языка вражды.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Для выявления стереотипных образов мы использовали элементы ассоциативного эксперимента, дающего богатый материал для анализа пары «стимул — реакция» («Теория слова как средства доступа к единой перцептивной базе человека», разработанная А.А. Залевской (1979/2010); идеи и положения о коммуникативной природе ассоциативного поля, представленные в работах А.А. Залевской, В.А. Пищальниковой (2007); Ю.Н. Караулова) [3; 5].

Предложенная респондентам анкета включала два теста. Первый тест — на свободную интерпретацию псевдотавтологий, например, респонденту предложена фраза «русский есть русский» + инструкция: «если бы Вы услышали, что кто-то сказал это, то что, по-вашему, он имел в виду?». Второй тест направлен на выявление эмоционально-оценочного отношения респондента к конкретным словам-стимулам — этнонимам («зафиксируйте, на ваш взгляд, близкие по значению к представленным этнонимам слова»).

Остановимся на обосновании выбора стимулов, в число которых нами были включены этнонимы «русский», «украинец», «еврей», «кавказец». Выбор первого стимула — «русские»,

очевиден: по официальным данным национальный состав России на 82% состоит из русских (в ХМАО — 68%). Выбор второго стимула можно обосновать статистическими данными (4% украинцев проживают на территории РФ), но, в большей мере мы руководствовались, конечно, существующей социальной ситуацией в связи с проведением специальной военной операцией.

Обобщенный этноним «кавказец» тоже возник не случайно (на Кавказе проживают народы абхазо-адыгейской группы (кабардинцы, адыги, черкесы) и неско-дагестанской группы (чеченцы, ингушы, аварцы, лезгины, осетины), сами народы идентифицируют себя как «кавказцы»). ХМАО — Югра — регион вот уже несколько лет сохраняющий свой статус мигрантоемкого региона. Четвертый стимул — этноним «еврей» представляет особый исследовательский интерес в связи с существующими в обществе предрассудками, которые «заложены» в языковую картину мира.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. В эксперименте приняли участие 81 респондент — студенты филологического факультета 1–4 курсов Сургутского государственного педагогического университета, возрастная группа от 17 до 29 лет: 43% студентов — 19 лет; восемнадцатилетних — 27%; 15% студенты в возрасте 21 года, остальные (17, 20, 22–24, 29) — менее 2 процентов от общей численности. 12 респондентов — лица мужского пола (15%), остальные — женского. Выборка случайная, на наш взгляд, валидная, позволяет выявить основные (общие) тенденции. Кроме того, исследование носит локальный характер. По результатам проведенного ассоциативного эксперимента получены 628 реакций на предъявляемые в рамках обоих тестов стимулы, из них 556 реакций — условно отнесённые нами в разряд «вербально (словесно) выраженные» (представляют собой слово, словосочетание, фразу) и реакции — «умолчания» (респондент либо ставит прочерк, таких реакций — 48), либо оставляет стимул неотвеченным (24), на наш взгляд, такие реакции тоже являются информативными.

В ходе первого этапа работы по анализу экспериментальных данных мы осуществили их количественный (частотный) анализ (табл. 1).

Таблица 1. Количественный и частотный анализ реакций на предложенные стимулы

Этноним — «стимул»	Реакция	Количество повторений
русский	славянин	14
	русский;	7
	«———»;	6
	национальность; язык; медведь; Россия; человек	5
	стереотип	4
	Россиянин	3
	Борщ; гражданин России; душа; культура; матрешка; менталитет; оскорбление; прямолинейность; патриот; православный; РУСНЯ; свой; сильный духом; честность;	2
	Авось; армия; белый; белообрый; безразличный; белый мужик; береза; бессмертный; высокий; гостеприимство; готов к суровому климату; гражданин; деревня; добродушный; доброта; душевный; задумчивый; идет до конца; картошка; легкий на подъем; конкретная разница в менталитете; культурный; маты; мировоззрение; молодец; могучий; напролом; народ; народность; насрать; национализм; националист; национальность; наш; не сдаётся; носитель; похвала; патриотизм; пельмени; Путин; риск; Родина; российский; россияне; родился в РФ; русич; русский; русскоязычный; с русской душой, светлый, сильный; смелый; старославянский; солдат; тавтология; татарин; хмельной; суровый; упрямый; упрямство; характер; хладнокровный; пока гром не грянет мужик не перекрестится; храбрость; холод; целеустремленный; широта; щедрый; юмор	1

украинец	«—»;	19
	борщ	14
	хохол	11
	славяне;	8
	украинец	7
	Человек (люди)	6
	Национальность; Сало;	5
	Война; укр	3
	гостеприимный; оскорбление; стереотип; борщевик; деревенщина; доброта (добрый); свинья; Украина; укроп;	2
	Биться за права; бедные; белорус; близкие; блондин; борщ; брат; вареники с вишней; взгляд; враг; вкусная еда; гадкий; говорливый; голубь; гражданин Украины; Гуцул; житель; житель Украины; запорожец; гостеприимство; дружелюбный; ест сало; ест сало и борщ; жалко их; житель; злость; казак; красивый; кринж; коренные жители Украины; красивоговорящий; наглый; любитель салца с луком; манты; национализм; недорусский; похвала; они крутые; оскорбление; поле; подлый; плохой; презрение; политическая нестабильность; разговорчивый; подлый; похвала; свобода; странный; сине-желтый; скупой; лук; национализм; украинец; украинский; украсть; хитрый; этническая общность; чужой; шо	1
кавказец	Горы (горные вершины; горная местность)	10
	«—»;	9
	Кавказец (население Кавказа, проживающий на Кавказе);	8
	сила (сильный); нерусь; национальность; человек;	5
	Агрессивный человек (агрессия); традиции;	4
	Борода (бородач); Кавказ; мусульманин; приора; черный	3
	Горячая кровь; гостеприимность; дерзкий; наглость (наглый); нация; оскорбление; стереотип; строгий; темперамент (темпераментный); горный житель (житель горной местности); ислам; с гор спустился; родился на Кавказе (уроженец Кавказа); шашлык;	2
	05 регион; анекдот; армяне; аул; боец; буйность; борзый; вспыльчивость; вацок; всадник на коне; грузин; житель; вспыльчивый; Владикавказ; дагестанец; волевой; иностранец; кавказский; мясо; мужество; нарцисс; национализм; нацизм; недоброжелательность; плов; отзывчивость; представитель южных республик; похвала; подозрительный; свобода; сллоченные; своеобразный; слон он и в Африке слон; страх; устроил драку; человек; уважающий; уважающий родителей; узурпаторы; честь; чеченец; хам; чурка; чужой; этническая общность; шаурма; шаурмечную открыли; шаурмечник	1
еврей	Жадность/жадный (Жадина);	30
	«—»;	13
	Деньги;	10
	Хитрый (хитрость);	9
	ЖИД;	7
	Еврей; человек;	6
	иудей	5
	национальность;	4
	Израильтянин; иврит; финансы;	3
	стереотип; экономный; национальность;	2
Высокомерность; гадостливый; гнида; даргинец; еврей; еврейский; Европа; ермолка; гражданин Израиля; а че ними; Еся; Израиль; культура; зажал 50 рублей; иудаизм; жестокие; жук; костел; мелочный; пожалел милостыню; оскорбление; очки; республика; рубль не вернули; отличается чем-то; скряга; свечи; синагога; с дредами в черной шляпе; скупой; скупость; скурпулезный; содержательность; страна; тупой; точен в деньгах; я тоже еврей и что?; юмор; этническая общность; уроженец Израиля; неверующий; непостоянный; кочевник; умный; скряга; Фарисей; шабат; экономный	1	

Представленные реакции являются отражением стереотипных образов конкретных этносов в языковом сознании студентов. Однако, такой подход не в полной мере отражает суть проблемы. Кроме того, в представленных реакциях мы обращаем внимание и на такие, которые можно признать семантически близкими. В этой связи на следующем этапе работы с эмпирическими данными мы сочли необходимым произвести анализ полученных реакций на семантическом уровне, что позволило нам, выделив обобщающую характеристику — свойство обобщённого атрибута, которое строится на частных реакциях респондентов, определить ядро стереотипов образов исследуемых этносов. В результате систематизации полученного материала мы выделили 7 групп атрибутов (табл. 2)

Таблица 2. Распределение реакций по выделенным группам атрибутов

№	Атрибут	Русский	Кавказец	Еврей	Украинец	ВСЕГО	Процент от общего
1	Нейтральные	93	94	71	66	324	57,5%
	(география, этнонимы, нейтральные номинации, еда,	53	61	37	32	183	33%
	культура;	4	6	5	4	19	3,5%
	внешность;	15	6	—	27	48	8,5%
	религия;	10	10	2	2	24	4%
	символы;	2	5	12	0	19	3%
	деньги)	9	6	1	1	17	3%
	—	—	14	—	14	2,5%	
2	Характер (отрицательные / положительные)	29	17	58	14	118	21%
		6/23	11/6	50/8	5/9		
3	Вражда (война / мы/они/ национализм/)	9	32	12	43	96	17
	этнофолизмы	7	20	5	24	56	10%
		2	12	7	19	40	7%
4	патриотизм	8				8	1,5%
5	душа	6				6	1%
6	Вызывают сочувствие				2	2	менее 1%
7	интеллект			2		2	менее 1%
	ИТОГО:	145	143	143	125	556	

Следует обратить внимание, что полученные реакции достаточно равномерно распределены на две группы: реакции в основе которых нет оценки/оценочного компонента (нейтральные), таких 57,5%) и 42,5% реакций оценочных.

Именно реакции, отнесенные нами в категорию нейтральных, и составляют ядро образов этнических групп в сознании студентов. Во-первых, преобладание таких реакций (с отсутствием какого бы то ни было оценочного компонента) позволяет говорить об отсутствии деструктивных проявлений, агрессивных вербальных реакций в студенческой среде, на что влияют несколько факторов. Мы имеем дело со студентами педагогического вуза, в котором выстроена система гражданско-патриотического воспитания, направленная на формирование гражданской идентичности, толерантного отношения к представителям различных этнических групп, религий, культур. Образы этнических групп складываются в сознании студентов из оценочно немаркированных, нейтральных ассоциаций — географических названий, символов, культурных феноменов (в этой части при анализе реакций удивило

то, что студенты — филологи не «выдают» в ответах на стимул «русский», например, русских классиков, литературных героев, фольклорные образы, а напротив, ассоциируют представителей той или иной нации с неодушевленными предметами / объектами мира материального, не духовного). В группу атрибутов «символы», например, мы отнесли: приора, матрешка, желто-синий (о флаге). Атрибуты, объединенные в группу «культура» (мы включили в нее и «язык») также не фиксируют культурных феноменов как таковых, свойственных народам Кавказа, украинцам, русским, евреям, фиксируют абстрактные категории: язык, мировоззрение, менталитет, маты (русский); деревенщина; красивоговорящий; шо (украинец).

За самой многочисленной группой нейтральных атрибутов следуют группы реакций, основной смысл употребления которых — оценка.

Атрибуты со значением «характер», учитывая их объем от общего массива — 21% — тоже выступают доминантными (табл. 2). Здесь важно ранжировать реакции на положительные и отрицательные. Неудивительно, что число реакций в отношении этнической группы «русские» составляет пятую часть (20% от совокупности реакций на стимул в масштабе исследования), мы по сути имеем дело с автостереотипным образом. При этом на 70% реакций (23) образ — положительный. Среди отрицательных характеристик респонденты называют: упрямый (упрямство), хладнокровный, авось, насрать. В 2015 году на основе анализа аналогичных эмпирических данных нами был сконструирован автостереотип этнической группы «русские», тогда результаты вызвали определенное беспокойство — фиксировался серьезный крен в сторону реакций с отрицательной семантикой [2]. В семантическое поле «русский характер» респонденты включают такие черты как: сильный духом; храбрый; прямолинейность; не сдастся; целеустремленный, честный, толерантность, не сдастся. Позволим себе предположить, что на сформированный в языковом сознании респондентов образ русского народа оказывает влияние социально-политическая ситуация в стране, мире. Подчеркивают эту идею, значительно меньшая по объему, но принципиально важная группа атрибутов, она выделена нами только при анализе реакций на стимул «русский» — группа «патриотизм» (гражданин России, Родина, патриотизм (патриот)). Количество реакций, включенных в нее, составляет 1,5 процента от всех полученных (556), 5,5% (от 145) — от реакций на стимул «русский». Еще одна выделенная группа — «душа», включающая такие реакции как душа, душевный, с русской душой, добродушный, широта души, приписывается респондентами только русским.

Интерес представляют реакции респондентов группы атрибутов «характер» на стимул «еврей». Представления молодежи о нации основываются на стереотипах и предрассудках. В их сознании прочный отрицательный образ еврейского народа — из 58 реакций этой группы — 50 (86%) — отрицательные. При большом количестве отрицательных реакций этой группы — процент этнофолизмов минимален. Образ народов Кавказа в сознании студенчества более чем на 60% отрицательный. Среди реакций на стимул «украинец» положительных черт национального характера вдвое больше отрицательных. Вместе с тем, полученные реакции противоречат числу реакций на тот же стимул в группе атрибутов «вражда» — третья группа по численности, относимая нами к ядру образов (табл. 3)

Таблица 3. Ядро образов

Еврей	Русский	Кавказец	Украинец
Нейтральные (50%)	Нейтральные (64%)	Нейтральные (66%)	Нейтральные (53%)
Характер (отрицательные) (35%)	Характер (положительные) (16%)	Вражда (включая этнофолизмы) (22%)	Вражда (включая этнофолизмы) (34%)
Вражда (включая этнофолизмы) (8%)	Вражда (включая этнофолизмы) (6%)/ Патриотизм (5,5%)	Характер (отрицательные) (8%)	Характер (положительные) (7%)

Безусловно, группа атрибутов «вражда» вызывает интерес исследовательский вместе с тем вызывает беспокойство исследователя как гражданина.

Понятие языка вражды — комплексный феномен, включающий в себя не только определенные лексические разряды, глаголы с деструктивной семантикой, слова, содержащие в себе экспрессивную негативную оценку личности, но и маркеры дискурса отчуждения и мы-дискурса, слова, объединенные, например, семантическим полем «война». Безусловно, этнофолизмы по определению, входят в группу атрибутов «вражда», эти номинации отражают примитивные представления, не только враждебные мнения, но и всяческие предрассудки о разных народах и нациях. Использование этнофолизмов становится маркером языка вражды, маркером материалов с признаками экстремизма. Этнофолизмы, в этой связи выступают действенным средством разжигания (подогрева) межнациональной розни, вражды, в качестве инвективы — для демонстрации неполноценности нации по каким-либо признакам, выражают унижение. В рамках настоящего исследования мы имеем дело с анализом дискурса бытового, этнофолизмы все же не являются активной лексикой в этом жанре, тем не менее число реакций этой группы атрибутов (этнофолизмы) составляет 7% (от общего массива). В таблице 4 представлено распределение реакций по этносам.

Таблица 4. Распределение этнофолизмов по этническим группам

Русский	Кавказец	Еврей	Украинец
Русня (2)	Нерусь (5) Черный (2) С гор спустился (2) Узурпаторы (1) Шаурмечник (1) Чурка (1)	Жид (7)	Хохол (11) Укр (2) Укроп (1) Борщевик (2) Недорусский (1) Гуцул (1)
2	12	7	19

Преобладающее большинство реакций — этнофолизмов — на стимул «украинец».

Так, например, «хохол» (11 повторений) — устаревшее бранное прозвище украинцев, мотивированное названием прически, в связи с развернувшимся русско-украинским конфликтом, используемое именно в качестве этнофолизма, оскорбления. При этом слово не имеет ярко выраженного оскорбительного оттенка, номинация связана с некогда распространенным среди запорожских казаков обычаем выбривать голову, оставляя нетронутой прядь волос, является в структуре бытового дискурса (с которым мы имеем дело в настоящем исследовании) — этнонимом. Номинация «укр» — либо сокращенное от «украинец», либо «укроп». В первом случае «укр» квалифицируется как автоэтноним, не несет собой оскорбительной характеристики, во втором же, сегодняшнем контексте — пренебрежительное обращение к украинцам, поддерживающим новую власть и ориентации на Запад. По мнению некоторых филологов дисфемизм «укроп»/ «укр» указывает оппоненту на буквальное превращение его в пищу. «Борщевик» — этнофолизм, мотивированный в пределах родного языка культурным признаком (названием пищи). Почему реакция оказывается в рассматриваемой группе атрибутов? В отличие от нейтральной «борщ» (14 повторений), «борщевик» является семантической деривацией на основе метафорического / метонимического переноса — этнофолизмом, отражающим примитивные представления о нации. Этнофолизм «недорусский», образован посредством использования этнонима, называющего представителя другой национальности: в основе оппозиции — идея «полноценности» русского против «неполноценности» украинца. В целом, этнофолизм может быть приписан представителю любой другой нации. В молодежном дискурсе прилагательное «недорусский» означает безграмотных носителей родного языка (есть немало недорусских словарей в сети,

например, фиксирующих распространенные ошибки в письменной/ устной речи носителей русского языка). «Недорусский» в структуре молодежного бытового дискурса из разряда бранной оскорбительной лексики тоже может перейти в разряд сленга. Таким образом, ряд этнофолизмов, в частности «хохол» / «недорусский», оказавшиеся в группе атрибутов «вражда», могут быть перенесены в группу нейтральных номинаций / этнонимов. В качестве основания принимаем во внимание и факт наличия среди реакций на стимул «украинец» положительных черт национального характера (их вдвое больше отрицательных) — образ типичного представителя украинского народа либо не маркирован компонентом «оценка» вовсе, либо маркирован положительно. В этой связи обращает на себя внимание и выделенная нами группа атрибутов со значением «сочувствие» (2 реакции на стимул «украинец»), никакой другой стимул не вызвал реакции этой группы.

Второй по численности реакций — этнофолизмов является группа стимула «кавказец». Применительно к этой этнической группе фиксируется прямая зависимость представлений о характере типичного представителя Кавказа (образ народов Кавказа в сознании студенчества более чем на 60% отрицательный) и наличия самого разнообразного (в структуре настоящего исследования) спектра этнофолизмов как по части мотивированности (мотивированные названием пищи (шаурмечник); расовым признаком (черный); так и по способу словообразования (этнофолизмы — «выражения» без компонента / семы «народ» в своей структуре (например, «с гор спустился»); этнофолизмы, мотивированные другими этнонимами «нерусь»). В основе последней — оппозиция «свой — чужой», по сути, фундамент языка вражды. В отличие от описываемой выше реакции «недорусский», «нерусь»-собирательное экспрессивное этнонимическое понятие, передающее усредненно-отрицательную оценку лиц, не относимых к числу русских. Экспрессивный этноним «узурпатор», с позиции психолингвистов, —okkaзиональный этнофолизм, (мотивированный определенным событием в новейшей мировой истории). Оказывается номинация в настоящей группе атрибутов по причине в структуре ее значения антиобщественных, социально-осуждаемых действия по незаконному захвату власти / территории. Семь полученных реакций «жид» на стимул «еврей», на наш взгляд, не что иное, как проявление в сознании молодежи стереотипов в отношении нации. Являясь этнофолизмом общероссийского распространения, в сознании молодежи номинация «жид» существует скорее как этноним — синоним к номинации «еврей». Набор реакций на стимул минимальный, что позволяет нам заключить, что представления об этносе — самые примитивные, зачастую отсутствуют вовсе.

ВЫВОДЫ. Ядро образов этнических групп в сознании студентов составляют реакции, отнесенные нами в категорию нейтральных. Преобладание таких реакций (с отсутствием какого бы то ни было оценочного компонента) позволяет говорить об отсутствии деструктивных проявлений, агрессивных вербальных реакций в студенческой среде. Образы этнических групп складываются в сознании студентов из оценочно немаркированных, нейтральных ассоциаций — географических названий, символов, культурных феноменов.

Самым «благополучным» (по составу ядра образов, табл. 3) в представлениях студенческой молодежи является образ «русский», обозначенный нами как образ автостереотипный. Ядро образа «русский» составляют реакции группы «нейтральные» — 64%; положительно маркированные реакции группы «характер» (16%) и объединенные в группу атрибутов «патриотизм» 5,5% реакций на стимул. «Благополучным» видится образ и по причине наименьшей доли от общей совокупности полученных на стимул реакций (6%), отнесенных нами в группу «вражда» (включая этнофолизмы как маркеры языка вражды). Самым «проблемным» оказывается в этой части стереотипный образ «украинец» (процент реакций на стимул группы «вражда» от общего числа составляет 34%), что свидетельствует о проявлении деструктивных настроений адресанта, или, по меньшей мере о его отрицательном коммуникативном намерении [4]. Вместе с тем в структуре ядра образов две других состав-

ляющих — нейтральные реакции (53%) и положительно маркированные реакции группы «характер» (7%). Ядро образа «кавказец» составляют реакции нейтральные (их объем — 66% от всех полученных), реакции группы «вражда» (22%) и 8% отрицательно маркированных реакций группы «характер». В отношении евреев в языковом сознании студенческой молодежи сформирован образ на 35% состоящий из отрицательно маркированных реакций группы «характер» и 8% реакций группы «вражда», включая этнофолизмы.

Выявленные 7% реакций — этнофолизмов (табл. 2) в общем массиве данных позволяют заключить, что экспрессивные этнонимы все же не входят в активную лексику студенческой молодежи, в случае их появления (фиксации) основываются скорее на общественных стереотипах, чаще всего используются неосознанно, а не с целью унижить / оскорбить представителей чуждых этносов. Распределение этих реакций в структуре ядра образов позволяет сформулировать вывод о том, что их употребление (количество) не всегда пропорционально отрицательному образу этноса в сознании респондента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грищенко А.И. Источники возникновения экспрессивных этнонимов (этнофолизмов) в современном русском и английском языках: этимологический, мотивационный и деривационный аспекты // Активные процессы в современной лексике и фразеологии: Материалы международной конференции 2007 г. памяти Л.В. Николенко и Ю.П. Солодуба (МПГУ) / гл.ред. Н.А. Николина. М., Ярославль: Ремдер, 2007. С. 40–52
2. Дрига С.С. Выявление стереотипных образов «русский», «мигрант» (опыт лексико-семантического эксперимента) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 4(37). С. 122–132
3. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
4. Захарченко С.С. Этнофолизмы в спорных текстах. Попытка типологизации // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 4 (12). С. 33–44
5. Караулов Ю.Н. Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. статей / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 1996. С. 67–96
6. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: «Гнозис», 2002. 284 с.
7. Липпман У. Общественное мнение / под ред. К.А. Левинсон, К.В. Петренко; пер. с англ. Т.В. Барчунова. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
8. Ядов В.А. Стереотип социальный // Философский энциклопедический словарь; гл. ред. Л.Ф. Ильичев. М.: Сов. Энциклопедия, 1989. 840 с.

REFERENCES

1. Grischenko A.I. *Istochniki vzniknoveniya ekspressivnyh etnonimov (etnofolizmov) v sovremennom russkom i anglijskom yazykah: etimologicheskij, motivacionnyj i derivacionnyj aspekty* [Sources of expressive ethnonyms (ethnophaulisms) in contemporary Russian and English] // *Aktivnye processy v sovremennoj leksike i frazeologii: Materialy mezhdunarodnoj konferencii 2007 g. pamyati L.V. Nikolenko i YU.P. Soloduba (MPGU) / gl.red. N.A. Nikolina. M., YAroslavl': Remder, 2007. S.40–52. (In Russian).*
2. Driga S.S. *Vyyavlenie stereotipnyh obrazov «russkij», «migrant» (opyt leksiko-semanticheskogo eksperimenta)* [Definition of the steriotypical images «Russian», «Migrant» (lexico-semantic experiment's experience)]// *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2015. № 4(37). S. 122–132 (In Russian).*
3. Zalevskaya A.A. *Psiholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst: izbrannye Trudy* [Psycholinguistic researches. Word. Text: selected works]. M.: Gnozis, 2005. 543 (In Russian).

4. Zaharchenko S.S. *Etnofolizmy v spornyhtekstah. Popytka tipologizacii* [Ethnophaulisms in controversial texts. Attempts of typologisation] // *Filologicheskij vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. № 4 (12), 2022. S.33-44 (In Russian).
5. Karaulov YU.N. *Tipy kommunikativnogo povedeniya nositelya yazyka v situacii lingvisticheskogo eksperimenta* [Types of communicative behaviour of a native speaker in a situation of linguistic experiment] // *Etnokul'turnaya specifika yazykovogo soznaniya: sb. statej / otv. red. N.V. Ufimceva*. M.: IYARAN, 1996. S. 67-96(In Russian).
6. Krasnyh V.V. *Etnopsiholingvistika i lingvokul'turologiya: Kurs lekcij* [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: lectures' course. — M.: «Gnozis», 2002. — 284 s. (In Russian).
7. Lippman U. *Obshchestvennoe mnenie* [Public opinion] / pod red. K.A. Levinson, K.V. Petrenko; per. s angl. T.V. Barchunova. M.: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2004. 384 s. (In Russian).
8. YAdov V.A. *Stereotip social'nyj* [Stereotype social] // *Filosofskij enciklopedicheskij slovar'*; gl.red. L.F.Ilichev. M.: Sov. Enciklopediya, 1989. 840 s. (In Russian).

DOI 10.26105/SSPU.2023.86.5.022

УДК 316.356.2

ББК 60.561.5

Е.Н. МИРОНОВА,
А.С. ВАТОРОПИН**СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ
ПОРТРЕТ АКТИВНОГО УЧАСТНИКА
СООБЩЕСТВА ПОЛИАМОРОВ**E.N. MIRONOVA,
A.S. VATOROPIN**SOCIO-DEMOGRAPHIC PORTRAIT
OF AN ACTIVE PARTICIPANT
IN THE POLYAMOROUS COMMUNITY**

Статья посвящена описанию социально-демографических характеристик активного участника сообщества полиаморов, чьи взгляды противоречат традиционным семейным ценностям российского общества и поэтому представляют определенную угрозу для россиян, особенно молодежи. Отсюда необходимость исследования данного сообщества для контроля за ним со стороны как государства, так и гражданского общества. Непосредственной целью работы является составление и описание социального портрета активного участника сообщества полиаморов на площадке Telegram. В качестве основного метода исследования использован анкетный опрос. Авторы делают вывод о том, что активным участником сообщества является женщина 25–34 лет, имеющая высшее образование, находящаяся в незарегистрированных отношениях, является либо специалистом, либо имеет свое дело / работает на себя, проживает на территории России в мегаполисе.

Также делается вывод о том, что на данный момент территориями, наиболее насыщенными представителями сообщества, готовыми к социальным взаимодействиям и знакомствам, являются Москва, Московская область и Санкт-Петербург. Отметим, что, несмотря на то, что сообщество заявляется как российское, в целом оно выходит за территориальные границы России. Оно включает участников из стран СНГ, ближнего зарубежья, некоторых европейских стран. В большей степени это связано с эмиграцией полиаморов, при этом сохраняется их статус внутри сообщества в России.

The article is devoted to the description of the socio-demographic characteristics of an active member of the polyamorous community, whose views contradict the traditional family values of Russian society and therefore pose a certain threat to Russians, especially young people. Hence the need to study this community in order to control it from both the state and civil society. The immediate purpose of the work is to compile and describe a social portrait of an active member of the polyamore community on the Telegram platform. A questionnaire survey was used as the main research method. The authors conclude that an active participant in the community is a 25–34-year-old woman with a higher education, who is in an unregistered relationship, is either a specialist, or has her own business / works for herself, lives on the territory of Russia in a megalopolis.

It is also concluded that at the moment the territories most saturated with representatives of the community, ready for social interactions and acquaintances, are Moscow, the Moscow region and St. Petersburg. It should be noted that, despite the fact that the community is declared as Russian, in general it goes beyond the territorial borders of Russia. It includes participants from CIS countries, neighboring countries, and some European countries. To a greater extent, this is due to the emigration of polyamores, while maintaining their status within the community in Russia.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальные группы, полиамория, полиаморы, интернет-сообщество, виртуальная группа, альтернативные формы семейно-брачных отношений.

KEY WORDS: social groups, polyamory, polyamorists, online community, virtual group, alternative forms of family and marriage relations

ВВЕДЕНИЕ. В России моногамия и моногамные отношения являются социально-одобряемой формой семейно-брачных отношений. Однако исследователи фиксируют распространение и различных альтернативных форм. Учитывая тот факт, что последние противоречат традиционным семейным ценностям российского общества, очевидна необходимость в изучении данных альтернативных форм, чтобы предотвратить возможность их неконтролируемого распространения, особенно в среде российской молодежи. В нашем исследовании речь пойдет о таком феномене, как полиамория. Под полиаморией мы понимаем форму «этичных» немонагамных отношений, а также соответствующие мировоззренческие взгляды на романтические отношения, которые допускают наличие у человека более одного романтического / сексуального партнера одновременно с условием открытости и согласия всех участников «семьи» [5]. Отметим, что полиамория не тождественна полигамии.

Научное обсуждение полиамории актуализировалось в конце XX — начале XXI вв., а предметом исследования выступали межличностные отношения в полиаморных сообществах США и Великобритании [1]. С точки зрения культуролога и социолога К. Клессе, стоит говорить о полиамории не столько как о структуре и форме отношений, сколько о системе ценностей и определенной этике отношений [3]. Американский социолог Э. Шефф имеет ряд работ, которые основываются на исследовании полиаморов из США, имеющих детей [6; 7]. Среди отечественных исследователей О. Григоренко в своей работе «Феномен полиамории в современном обществе: социологический анализ» исследовала ключевые элементы этоса полиаморного типа межличностных отношений, а также установила предпосылки возникновения и распространения явления полиамории в современном обществе [1]. В. Горленко в учебном пособии «Семьеведение. Типология семей: практическое руководство» описывает полиаморный формат отношений, рассматривая ее как одну из форм альтернативных традиционным брачно-семейных отношений [2]. При этом очевидно, что далеко не все аспекты данного феномена получили достаточно глубокое научное освещение, и поэтому необходимы дополнительные исследования полиамории, в том числе социологические.

Актуальность исследования. Исследователям важно не упускать моменты зарождения и развития социальных феноменов, исследовать их представителей. Демографические показатели структуры населения являются важнейшей характеристикой населения [4]. Понимание социально-демографических характеристик представителей различных социальных групп дает понимание особенностей данных групп, что способствует более точному изучению как самой группы, так и идей, которые поддерживает группа.

ЦЕЛЬЮ нашей работы является описание социально-демографического портрета активного участника сообщества полиаморов. Для достижения поставленной цели необходимо было осуществить решение следующих задач:

1. Проанализировать релевантные результаты проведенного нами анкетного опроса среди представителей сообщества полиаморов на площадке Telegram.
2. На основе анализа результатов анкетного опроса выявить социально-демографические характеристики участников полиаморного сообщества.

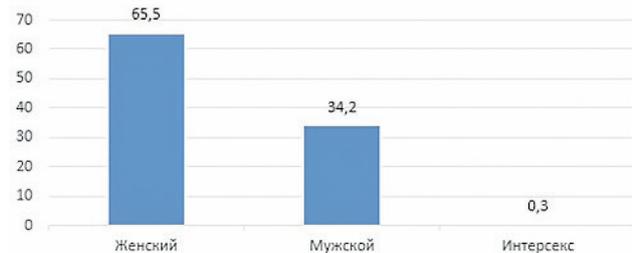
МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Для того чтобы выявить социально-демографические характеристики участников, был проведен анкетный опрос полиаморов посредством Интернета. Поиск респондентов проводился методом выбора целевых групп, опрошено N=300 участников полиаморного сообщества. Возрастной интервал респондентов — от 18 до 65 лет (основная возрастная когорта опрошенных — 25–34 года).

Анкета включала несколько смысловых блоков: о полиаморном сообществе в России; о полиаморном статусе самого респондента; о готовности афишировать свой статус и на-

личии/отсутствии опыта столкновения со стигматизацией; о коммуникациях с другими полиаморами и некоторые другие вопросы. В данной статье мы опишем блок, касающийся непосредственно социально-демографических характеристик полиаморов.

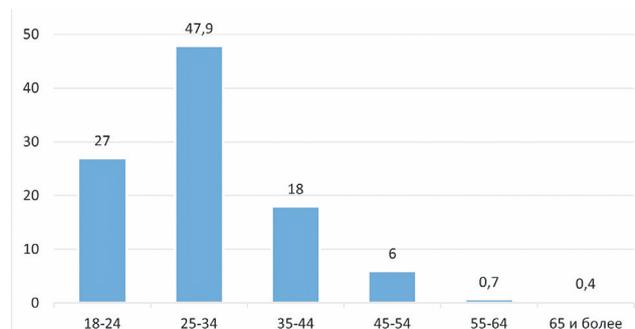
Результаты и обсуждение результатов. Перейдем к описанию полученного социально-демографического портрета. Распределение респондентов по полу: 65,5% опрошенных женщины, 34,2% мужчины, 0,3% интерсекс¹ (см. рис. 1.).

Рис. 1. **Распределение респондентов по полу (% от ответивших)**

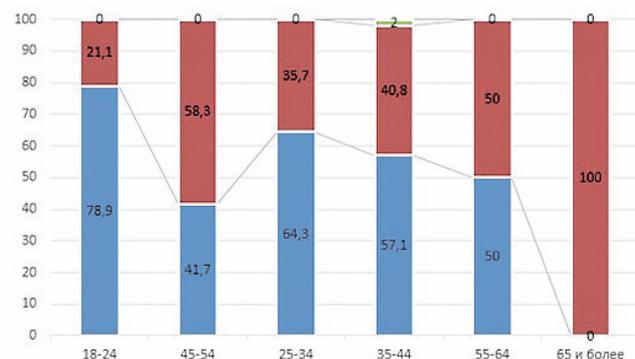
Большая часть опрошенных — представители возрастной когорты 24–34 года: 47,9% (см. рис. 2.).

Рис. 2. **Распределение респондентов по возрасту (% от ответивших)**

Распределение респондентов по полу и возрасту представлено на рисунке 3.

Рис. 3. **Распределение респондентов по полу и возрасту (% от ответивших)**

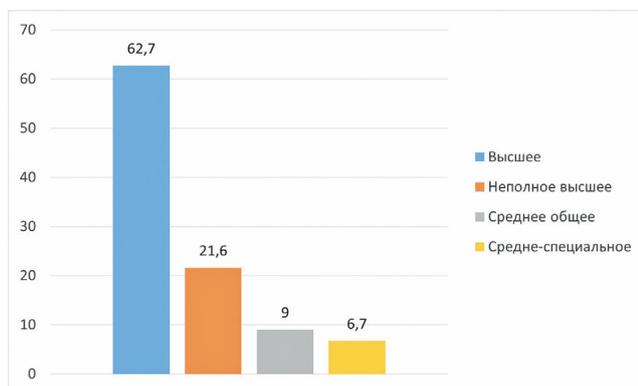

Среди возрастной группы 18–24 года представлено наибольшее количество женщин, в группе 25–34 их чуть меньше. Можем сделать вывод, что готовых к репрезентации женщин-полиаморов среди молодежи больше, чем мужчин.

¹ Интерсексная характеристика — это характеристика, относящаяся к биологическому полу, что отличает ее от сексуальной ориентации или гендерной идентичности. Человек, рожденный с половыми характеристиками (включая гениталии, половые железы и набор хромосом), которые не вписываются в стереотипы бинарной системы восприятия мужского и женского тела. Например, врожденным нетипичным строением гениталий

На рисунке 4 отражено распределение респондентов по уровню образования. Полиаморы чаще имеют высшее образование (62,7%). Также каждый пятый имеет неоконченное высшее образование (21,6%).

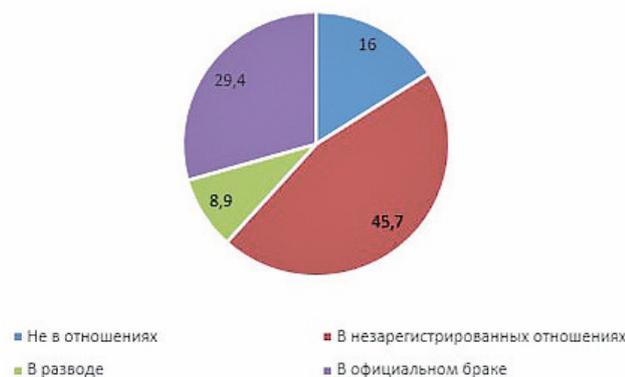
Рис. 4. **Распределение респондентов по уровню образования (% от ответивших)**

Среди респондентов достаточно много специалистов / служащих (37,5% опрошенных), самозанятых (23,4%), предпринимателей (11,5%) и крайне мало представителей рабочих профессий (3,7% опрошенных). Каждый 8-й является студентом (11,9%). Стоит подчеркнуть, что полностью отсутствуют военные.

Говоря о семейном статусе полиаморов, отметим, что только треть (29,4%) респондентов на момент проведения исследования (март-апрель 2023 год) состояли в официальном браке. При этом большинство находятся в незарегистрированных отношениях (45,7%). Данные отражены на рисунке 5.

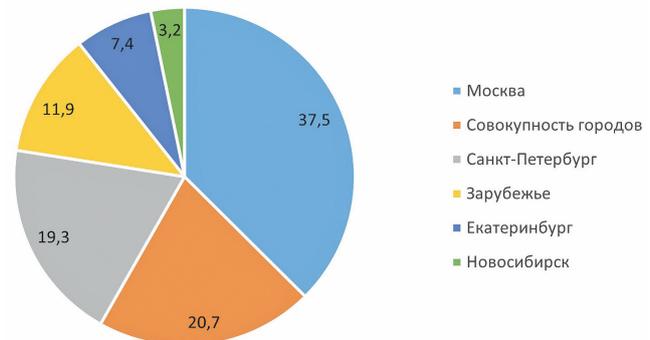
Рис. 5. **Распределение респондентов по семейному положению (% от ответивших)**

Можем сделать вывод о том, что категория полиаморного сообщества, выбравшая участие в исследовании, вероятно, является и более или менее активной частью исследуемого сообщества. Активной, как минимум, в том, что они небезразлично относятся к сообществу и готовы к саморепрезентации. Подчеркнем, что в большей части это женщины. Для того чтобы ответить на вопрос, почему именно женщины-полиаморы готовы более открыто, чем мужчины, демонстрировать свою позицию, необходимо провести дополнительные исследования.

Среди городов России ожидаемо лидирующие позиции по количеству полиаморов занимают Москва (37,5%) и Санкт-Петербург (19,3%). Относительно много респондентов проживают в Екатеринбурге (7,4%) и Новосибирске (3,2%) — по сравнению с другими региональными центрами и городами (там не более 1% в каждом; объединены на рисунке в совокупность регионов*). Данные представлены на рисунке 6.

Рис. 6. **Распределение респондентов по месту жительства (% от ответивших)**

*Совокупность регионов: Алатырь, Анапа, Брянск, Благовещенск, Волгоград, Вологда, Воронеж, Казань, Иннополис, Калининград, Кемерово, Комсомольск-на-Амуре, Королев, Красноярск, Краснодар, Королев, Нижний Новгород, Обнинск, Омск, Пермь, Петрозаводск, Ростов-на-Дону, Самара, Ставрополь, Тольятти, Томск, Троицк, Улан-Удэ, Уссурийск, Хадыженск, Челябинск, Чернь.

Отметим, что каждый 8-й респондент (11,9%) проживал на момент исследования не в России, но при этом являлся членом русскоязычного полиаморного сообщества. Мы говорим о таких странах, как Азербайджан, Армения, Белоруссия, Германия, Израиль, Индонезия, Испания, Италия, Казахстан, Литва, Польша, Турция, Украина, Чехия, Эстония. Такие данные могут быть связаны с эмиграцией участников сообщества по политическим мотивам или в связи с проведением СВО на территории Украины.

Что касается темы родительства и детства в контексте полиаморного сообщества в России, то были получены следующие результаты. Среди опрошенных менее чем у четверти есть дети (см. табл. 1); у большинства они появились до начала полиаморных отношений — 76,0%, а у 24,0% во время полиаморных отношений.

Таблица 1. **Наличие детей у респондентов**

Значения	% от ответивших
Да	21,5
Нет	78,5
Итого ответивших:	100,0

На основании этих данных мы не можем сделать достоверного заключения о том, способствует или нет полиамория решению о появлении детей в полиаморных «семьях», так как необходимы данные за более длительный период. На данный момент мы можем зафиксировать факт наличия детей у родителей в полиаморных отношениях и отметить невысокий процент полиаморов, имеющих детей.

ВЫВОДЫ. Итак, сообщество полиаморов состоит из представителей разных слоев населения: возрастных когорт от 18 до 65 лет, с разным уровнем образования и родом деятельности. При этом представитель активных полиаморов выглядит следующим образом: женщина 25–34 лет, имеющая высшее образование, находится в незарегистрированных отношениях, является специалистом, либо имеет свое дело/ работает на себя, проживает на территории России в мегаполисе.

Также авторы приходят к выводу, что на данный момент территориями, наиболее насыщенными представителями сообщества, готовыми к проявлению, социальным взаимодействиям и знакомствам, являются Москва, Московская область и Санкт-Петербург.

При этом, сообщество, основанное на территории России, становится скорее международным, русскоязычным, так как весомая доля респондентов (11,9% опрошенных) находятся в странах ближнего зарубежья.

На наш взгляд, необходимо дальнейшее изучение полиамории и полиаморов для мониторинга процесса развития данной социальной группы, более глубокого понимания причин ее появления в современной России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григоренко О.В. Феномен полиамории в современном обществе: социологический анализ / О.В. Григоренко // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 2. С. 139-155.
2. Горленко В.П. Семейведение. Типология семей: практ. рук-во / В. П. Горленко; М-во образования РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины. 2013. 48 с.
3. Клессе К. Понятия о любви в полиамории: составляющие дискурса о множественных любовных отношениях. Резюме // Laboratorium. 2011. № 2. С. 121-127.
4. Методологические положения по статистике (выпуск 1,2,3,4,5) // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/bgd/free/B99_10/IssWWW.exe/Stg/d000/i000030r.htm (дата обращения 10.06.2023).
5. Миронова Е.Н., Ваторопин А.С. Сообщество полиаморов как виртуальная группа: анализ интернет-сообщества // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 5(80). С. 114-121.
6. Sheff E. Polyamory Is Deviant — But Not for the Reasons You May Think, *Deviant Behavior*. 2010 P. 882–892.
7. Sheff E. & Tesene. M. Consensual non-monogamies in industrialized nations. In J. DeLamater & R. F. Plante, *Handbook of the sociology of sexualities*. Springer International Publishing/Springer Nature. 2015. P. 223-224.

REFERENCES

1. Grigorenko O.V. *Fenomen poliamorii v sovremennom obshchestve: sociologicheskij analiz* [The phenomenon of polyamory in modern society: a sociological analysis] / O. V. Grigorenko // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18 Sociologiya i politologiya. 2018. № 2. S. 139–155. (In Russian).
2. Gorlenko V.P. *Sem'evedenie. Tipologiya semej: prakt. ruk-vo* [Family Science. Typology of Families: Practical Handbook] / V. P. Gorlenko; M-vo obrazovaniya RB, Gomeľ'skij gos. un-t im. F. Skoriny. Gomeľ: GGU im. F. Skoriny, 2013. 48 s. (In Russian).
3. Klesse K. *Ponyatiya o lyubvi v poliamorii: sostavlyayushchie diskursa o mnozhestvennyh lyubovnyh otnosheniyah* [Notions of love in polyamory: the components of the discourse of multiple love relationships. Summary] // Laboratorium. 2011. № 2. S. 121–127. (In Russian).
4. *Metodologicheskie polozheniya po statistike* [Methodological provisions of statistics] (vypusk 1,2,3,4,5) // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. URL: https://www.gks.ru/bgd/free/B99_10/IssWWW.exe/Stg/d000/i000030r.htm (data obrashheniya: 11.08.2020). (In Russian).
5. Mironova E.N., Vatoropin A.S. *Soobshchestvo poliamorov kak virtual'naya gruppy: analiz internet-soobshchestva* [The Polyamory Community as a Virtual Group: An Analysis of the Internet Community] // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2022. № 5(80). S. 114–121. (In Russian).
6. Sheff E. Polyamory Is Deviant — But Not for the Reasons You May Think, *Deviant Behavior*. 2010. P. 882–892. (In English).
7. Sheff E. & Tesene, M. Consensual non-monogamies in industrialized nations. In J. DeLamater & R. F. Plante, *Handbook of the sociology of sexualities*. Springer International Publishing/Springer Nature. 2015. P. 223–224. (In English).

DOI 10.26105/SSPU.2023.86.5.023

УДК 316.454.2

ББК 60.524.56

Е.Н. ГОГОЛЕВА

**СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ**

E.N. GOGOLEVA

**SOCIAL IDENTITY IN SOCIOLOGICAL
DISCOURSE: THEORETICAL
AND METHODOLOGICAL ANALYSIS**

Осмысление феномена идентичности, установление исходных положений для выработки концепции идентичности являются приоритетными направлениями развития современной социологической теории. Однако междисциплинарный подход современного социально-гуманитарного знания в отношении изучаемого объекта обуславливает фрагментарность и размытость понятия, что затрудняет его содержательное и структурно-логическое измерение. Цель данной статьи заключается в теоретическом анализе концепций идентичности, уточнении понятийно-категориального аппарата и выделении базисных характеристик для социологического понимания идентичности. Констатируется, что фокус социологических исследований сместился с выявления значимости системы общественного устройства в процессах формирования субъектности человека как детерминант социальной интеграции, консолидации и солидарности на трансформацию модальностей современной идентичности как продукта производства различия и исключения, преодоление ее кризисности и фрагментарности.

The comprehension of the phenomenon of identity, the establishment of the starting points for the development of the concept of identity are the priority directions of the development of modern sociological theory. However, the interdisciplinary approach of modern socio-humanitarian knowledge in relation to the studied object causes fragmentation and blurring of the concept, which complicates its substantive and structural-logical measurement. The purpose of this article is to theoretically analyze the concepts of identity, clarify the conceptual and categorical apparatus and highlight the basic characteristics for the sociological understanding of identity. It is stated that the focus of sociological research has shifted from identifying the importance of the system of social structure in the processes of formation of human subjectivity as determinants of social integration, consolidation and solidarity to the transformation of the modalities of modern identity as a product of the production of difference and exclusion, overcoming its crisis and fragmentation.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальная идентичность, социокультурная реальность, субъектность, самоопределение.

KEY WORDS: social identity, sociocultural reality, social subjectivity, self-determination.

ВВЕДЕНИЕ. Вопросы идентичности напрямую связаны с вектором развития современных обществ. Идентичность в самом общем виде представляет собой результат осознания человеком своего места в обществе. Идентификация осуществляется посредством усвоения ценностей и поведенческих моделей, устанавливающихся на основе самоотжествления индивида с общественно значимыми социокультурными ориентирами и ролевыми функциями в обществе, с социальными институтами, структурами и отношениями,

распространенными в той или иной социальной среде и детерминирующими и упорядочивающими процесс пространственно-временного движения социальной реальности. Соответственно, идентификация обозначает самописание, самоопределение, обретение субъектности, а идентичность подтверждает определенный онтологический и воображаемый статус субъекта, будь то индивидуальное или коллективное Я.

В социологии проблематика идентичности получила широкое распространение в силу огромных возможностей данного концепта в объяснении динамики значимых социальных процессов и групповых взаимоотношений. В конце XX века идентичность прочно вошла в популярный, политический и академический лексикон. В то же время сам термин обесценился, чрезмерная его эксплуатация привела к неоднозначности его значения и содержания, неправомерности использования в теории и практике. Рассредоточение научного знания об идентичности в русле многообразных социально-гуманитарных наук требует от социологии анализа и систематизации наиболее известных и популярных трактовок данного феномена для формирования адекватной теоретико-методологической базы исследования и корректной его интерпретации. Это обуславливает объективную необходимость и актуальность социологического изучения социальной идентичности для описания, анализа и эмпирического измерения современных трансформационных процессов, выявления механизмов формирования конструктивных и деструктивных форм идентичности (солидарность, интеграция, конъюнкция, кризисы, социальные и духовные потрясения, социальные конфликты и т.д.) и их инструментального использования.

ЦЕЛЬ статьи заключается в определении характеристик социальной идентичности в процессе возникновения и утверждения аутентичности личности как социального агента для формирования в обществе культуры доверия, распространения идей солидарности и консолидации, преодоления дезинтеграции, аномии и нестабильности.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Разнообразие теоретико-методологических подходов к изучаемому явлению обусловило необходимость установления определенных рамок его изучения в русле социологии. Теоретико-методологической основой работы являются труды социологов, психологов и социальных философов, посвященные анализу особенностей, проблематики и основных аспектов самоопределения людей. На основе синтеза и обобщения ряда концепций были определены значимые для интерпретации и операционализации аспекты социальной идентичности, выявлены механизмы ее конструирования, оценены функциональные и дисфункциональные тенденции в процессе осмысления места человека в современном мире.

Исследование социальной идентичности как социологического конструкта предполагает также осуществление макросоциологического и микросоциологического анализа. Макросоциологический анализ предполагает акцентирование внимания на интенсивном характере изменений социальной идентичности, выявлении новых форм агентности и способов ее выражения, влияния идентичности на значимые социальные процессы. Микросоциологический анализ позволяет исследовать внутренние аспекты идентификации, а также определять механизмы и динамику формирования идентичности субъекта в контексте различных событий, выявлять специфические и типические черты социальной идентичности личности.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ. Социальная идентичность — это активный, непрерывный и дифференцированный процесс, сопровождающий человека на протяжении всей жизни и отражающий представления субъекта о самом себе, следствием чего является установление аутентичности, с одной стороны, и отождествление себя с некими социальными образцами социокультурной среды — с другой.

Идентичность — это и осознание собственной индивидуальности, и определение схожести индивида с различными социальными группами (национальными, языковыми, экономическими, профессиональными, политическими, религиозными, территориальными и др.)

через усвоение определенных групповых ценностей, социальных норм и ролей. Процесс самоопределения происходит посредством включения индивида в систему социальных отношений посредством освоения социальных ролей и паттернов поведения.

Выделим наиболее значимые параметры измерения социальной идентичности.

Во-первых, структура идентичности включает в себя и индивидуальные характеристики, которые специфичны и уникальны, и социальные характеристики, которые демонстрируют членство индивида в различных социальных группах. Дж. Г. Мид [18], являющийся родоначальником социологического изучения данного феномена, в рамках концепции символического интеракционизма определяет идентичность как устойчивую систему взаимодействия индивидуального I и социального Me, что является гарантом успешной адаптации человека в социуме. Это результат постоянного диалога между внутриспсихическим состоянием и социальным окружением: с одной стороны, существуют нормы, ценности и традиции социума, которые воздействуют на индивида в процессе его социализации, с другой стороны, сам индивид определяет для себя ценностные ориентиры и воплощает их в жизнь.

По мнению Э. Эриксона, представителя психоаналитического направления, идентификация связана с потребностью человека выделения из общей массы людей, как на индивидуальном уровне, так и на групповом, что выражается не только в создании и представлении собственного «Я», но и установлении принадлежности к определенной социальной среде. Идентификация как социальный процесс предполагает соотнесение своих индивидуальных качеств и характеристик с признаками и свойствами, важными для существования группы, в результате чего достигается тождество индивидуального и группового сознания [4, с. 160–161]. Полнота и цельность идентичности будет зависеть «от той поддержки, которую человек черпает из коллективного чувства идентичности, характеризующего значимые для него социальные группы: его класс, его нация, его культура» [12, с. 136]. При этом самоопределение личности, развитие чувства самоощущения имеет динамичный и непостоянный характер, поскольку формируется в процессе жизнедеятельности человека. Полученные знания об окружающем мире и попытки на их основе ответить на главные для личности вопросы — кем он является и кем он хочет быть — являют базисом для конструирования идентичности. При этом идентичность рассматривается как следствие интеграции жизненного опыта, в то же время, это незавершенный процесс в силу культурного многообразия и противоречивости современной информационной эпохи, опосредованной различными формами коммуникации.

Во-вторых, идентичность является механизмом социального воспроизводства: создание, передача и воссоздание самой общественной ткани осуществляется посредством интернализации системы представлений об окружающем мире. Г. Тэджфел с позиции теории социальных представлений разработал механизм социальной идентичности, который отражает процесс формирования социальной агентности человека через его включение в субъективно проинтерпретированные социальные категории [19]. Основным регулятором общественной жизни являются коллективные ценности, которые, в свою очередь, подготавливают индивида для включения в систему социальных ролей, облегчая процесс социального взаимодействия. Включенность человека в сообщества, «системы общественного устройства, которые он каждый день структурирует, символы, нормы и ценности, которые он разделяет с другими членами общества», определяют вопросы социальной интеграции, консолидации, солидарности [5, с. 7].

Можно утверждать, что идентичность выступает механизмом социального контроля, посредством которого происходит поддержание социального и институционального порядка общества. Общество — это не хаос, а организация, это определенные конфигурации, т.е. переплетение отношений людей и установление различных взаимозависимостей. При таком взаимодействии создается определённый порядок, который устанавливает правила

следования ему, в то же время, происходит инициирование процессуальных изменений индивидами, которые изменяют существующий порядок и изменяются сами.

Соответственно, идентификация предполагает динамику развития как внутренних, так и внешних механизмов самоопределения. С одной стороны, социальная адаптация человека в окружающем мире происходит за счет усвоения ролевых ожиданий и интериоризации социально значимых ценностей. С другой стороны, социальная спатиализация, т.е. проецирование социальной активности и материальной культуры на определенное пространство осуществляется посредством соотнесения себя с территорией, на которой проживаешь, сквозь призму взаимодействия с государством и общественными институтами.

В-третьих, формирование идентичности в современных обществах опосредовано различными формами коммуникаций, которые создают и поддерживают зафиксированные в коллективной памяти ценности общества и образцы поведения. Ю. Хабермас в своей теории коммуникативного действия отмечает [9], что коммуникация воспроизводит жизненный мир личности, определяет основы его существования, его духовной сущности. При этом повседневная общественная деятельность, реализуемая посредством коммуникативного взаимодействия, способствует поддержанию жизненного мира личности, не подавляя и принуждая его институциональными структурами общества, а воссоздавая его посредством человеческого взаимопонимания. «Подобная коммуникация имеет разную архитектуру, всегда воспроизводит себя в новой событийной среде, часто нормативно не закреплена, невидима в политическом процессе, но активно воздействует на нормативный дискурс политической системы» [2, с. 97]. В этом случае речь идет о «дискурсивной идентичности», которая имеет исключительно символическую природу. Подразумевается, что любая идентичность «проявляется в игре особых модальностей власти» [8, с. 4]: государство посредством коммуникации использует доступные ему дискурсивные смыслы для идеологического конструирования реальности, которую индивиды рассматривают как адекватную в конкретной ситуации. Это позволяет рассматривать идентичность как практическую динамическую категорию: трансформация политической ситуации видоизменяет риторику политических лидеров и партий. Как следствие, актуализируются те ценностные ориентиры, которые за счет добавления новых значений и изменения смысловых отношений между ними, позволяют интерпретировать данный феномен в том дискурсе, который отвечает политическим целям.

В современных условиях коммуникация на всех уровнях опосредована интернетом, что является средой постоянных социальных контактов. В результате формируется сетевая идентичность, которая становится виртуальной оболочкой реальной идентичности. При этом увеличивается круг лиц с высокой виртуальной идентичностью: для них характерна тенденция искажения реальной идентичности, сужение ее поля исключительно до индивидуального уровня, что сопровождается исчезновением социального, коллективного начала. Вследствие этого происходит утрата связи с культурными архетипами своего общества, усвоение новых норм, ценностей и правил сетевого сообщества, которые изменяют внутренний мир и отношение к социальной действительности. В этих обстоятельствах снижается влияние базовых институтов социализации (семья, образование, труд), растет значение нетрадиционных агентов социализации (референтные группы, паблики, блогеры и т.д.), которые выступают наиболее активными трансляторами социального опыта и практик социального взаимодействия в информационном обществе [10, с. 742-743].

В-четвертых, идентичность характеризуется амбивалентностью и автономностью, которая сплетена из отношений тождественности и дифференциации, свободы и принуждения. Осознание социокультурной реальности базируется на характерной взаимосвязи переменных известности, испытанности и соответствия/несоответствия образцов поведения. Данный процесс обозначает поиск знаков сходства или различия, совпадения или несовпадения определенному шаблону, отображаясь в различных дискурсивных практиках, т.е. исключи-

тельно на символической опоре значений. Подобное свойство идентичности, определенное в рамках постмодернизма (Р. Барт [14], Ж. Бодрийярд [15], М. Фуко [17]), позволяет установить проблему отражения самого себя через признание или оспаривание идентичности. Раздвоение идентичности основывается на стремлении к персонализации коллективной идентичности субъекта («один за всех и все за одного»), но в тоже время в идентичность вписана проблема самоотождествления, уподобления себя некоему образу. Амбивалентность идентичности раскрывается в диалектической связи «отсутствия-присутствия», «принятия-исключения» и открывает перед личностью пограничную (лиминальную) реальность как единственную, неповторимую среду развития своей индивидуальности. Данное свойство идентичности ведет к тому, что «цельность жизни личности распадается на случайный набор единичных событий, следствием чего является деконструкция личности и культуры как единой системы» [7, с. 107].

Балансирование идентичности между двумя пограничными состояниями обуславливает появление нового явления — номадической идентичности как попытки обретения и осознания множества степеней свободы и стремящейся уменьшить влияние «насильственно-принудительной идентификации на индивида, ориентируя его избирательно реагировать на обращения» [12, с. 256]. В то же время, это обозначает проблему обнаружения оппозиционных пар в системе «свой — чужой», что приносит с собой утрату субъектом коллективного Я, автономизируя и сепарируя его в социальном пространстве. Номадизм — это стремительное движение к деконструированию идентичности, молекуляризации «Я». Индивид, осуществляя выбор своей идентичности, отказывается от жестких, иерархизированных структур социально-группового взаимодействия, стремление к социальной интеграции подменяется детерриторизацией; социальное пространство становится результатом индивидуального мифотворчества, общество выступает лишь как инструмент достижения абсолютной индивидуализации. В результате система идентичностей приобретает мозаичную структуру, элементы которой не только логически не связаны между собой, но и антагонистичны друг другу. Индивид погружается исключительно в собственное «Я», демонстрируя пассивность, усталость и безразличие.

О свободе личности в выборе своей идентичности говорит и Э. Гидденс в теории структуризации [3]. Индивид предпочитает такую ориентацию, которая в большей степени востребована и удобна в конкретной жизненной ситуации. Динамика общественного развития выражается в разделении пространства и времени, действиях «высвобождающих механизмов» и институциональной рефлексивности. Социальные действия и социальные отношения не детерминированы конкретным контекстом, а свободно перемещаются в пространственно-временных рамках, происходит делокализация социальных институтов. «Высвобождающиеся механизмы», соединяющие в себя экспертное знание и символические знаки, «отрывают» социальную жизнь от устоявшихся социальных образцов и практик поведения. Возникает институциональная рефлексивность, которая связана с постоянным осмыслением социокультурной реальности, ее организацией и преобразованием. В результате, идентичность предстает как рефлексивный проект индивида, в рамках которого происходит осмысление собственного «Я» без оков традиции и культуры, главным механизмом формирования и поддержания идентичности является внутренняя референтность. Как следствие, актуализируется проблема акта отражения самого себя, происходит постоянное установление или оспаривание идентичности. Поэтому формирование идентичности выступает как незавершенный ризоморфный процесс, сопровождаемый потрясениями, разрывами, вызовами и т.п.

В-пятых, в настоящее время индивид обладает множественной идентичностью, которая развивается посредством переживания и осознания человеком своего опыта, и это ставит вопрос о возможностях и пределах его идентификационной матрицы. Согласно парадигме социального конструктивизма (П. Бергер, Т. Лукман [16]) устанавливается взаимозависи-

мость множественности идентичности и социальной активности человека. Широкий спектр идентичностей увеличивает интенсивность социальных отношений индивида, формирует и развивает его адаптационный потенциал. Ограничение личного статуса индивида лишь одной идентичностью «является признаком социокультурной ограниченности, которая обуславливает воспроизводство только рутинизированных образцов поведения и стандартизированного ценностного набора» [1, с. 14]. Современная идентичность является результатом взаимодействия индивидуального сознания и социально-структурных отношений, что позволяет концентрировать внимание на вариативности разнообразных социальных ролей, изменении их содержания под влиянием трансформационных процессов, установлении принадлежности к различным социальным общностям, самопредставлении и самопрезентации личности. Увеличивающаяся субъектность человека в информационном обществе меняет значение реальных и виртуальных групп, которые возникают как реакция на социальную структуру общества и способны воздействовать, поддерживать, адаптировать или даже реформировать ее.

Однако динамизм внешней социокультурной среды приобретает настолько стремительный характер, что психика и духовный мир человека не успевают приспособиться к этим изменениям. Изменения приобретают, как правило, деструктивный характер, они девальвируют, размывают традиционные базисные структуры личности. «Неопределенность становится главным фактором, объединяющим как вариативность и множественность явлений индивидуального и общественного сознания, так и область деконструкции самоидентичности» [6, с. 104]. Плюралистичная и аморфная идентичность приводит к утрате значимости целей, ценностей и убеждений, поддерживавших человека ранее, как следствие, возникает кризис идентичности. Это проявляется в снижении институционального влияния на идентификационный процесс, укоренении в обществе стихийного развития идентичности, противоречивом воздействии разнообразных акторов, что приводит к появлению рассогласованности между политической подсистемой государства и политическим поведением граждан.

Итак, идентичность становится тем концептом, который получил широкую распространенность в социологическом дискурсе в связи с необходимостью упорядочивать и систематизировать разнообразные элементы социокультурной реальности в единую систему. Полипарадигмальность социальной идентичности, с одной стороны, позволяет акцентировать внимание на макросоциологических и микросоциологических аспектах изучаемого феномена; с другой стороны, обуславливает фрагментарность, отсутствие целостного отражения социальной идентичности с точки зрения сущностного, структурно-логического, содержательного аспектов. Теоретико-методологический анализ социальной идентичности в предметном поле социологии позволяет определить широкий арсенал существенных для современного человека средств, возможностей и ориентиров самоопределения и выражения своей субъектности в окружающем мире. Многосоставность и дискретность социальной идентичности обуславливает репрезентацию тех ее составляющих, которые наиболее адекватны сложившейся ситуации. При этом наиболее интересным с исследовательской точки зрения является вопрос формирования социальной агентности человека для достижения социальной интеграции, консолидации и солидарности нестабильного общества и уменьшения оснований для производства различий и исключений, преодоления кризисности и фрагментарности идентичности.

ВЫВОДЫ. Социологическая проблематика детерминирует анализ идентичности в русле более широких социальных процессов: социального взаимодействия, социализации личности, самокатегоризации и самоопределения, социальной коммуникации, социально-структурных аспектов общества и т.д. Анализ концепций идентичности, определение понятийно-категориального аппарата и установление исходных положений для дальнейшего теоретического и эмпирического изучения данного феномена, — это активная попытка

интерпретировать, оценить и понять меняющуюся социальную действительность и повлиять на эти изменения. Концептуализация социальной идентичности подразумевает синтез динамических и статических характеристик изучаемого объекта исследования, пространственных и темпоральных аспектов его функционирования, что способствует установлению базовых параметров для его теоретического и эмпирического осмысления в рамках современной социологии.

Синтез и обобщение классических теорий позволяет обозначить ряд ключевых положений. Экстернализация индивида в окружающем мире и интернализация социальной действительности как реальной является обязательным условием формирования идентичности, на основе данных процессов вырабатываются устойчивые социальные связи, соединяющие индивидов с социальными группами посредством сочетания последовательности ситуаций в интересующий мир. Социокультурная реальность выступает и как среда формирования идентичности, и как способ влияния на формирование социальной агентности людей посредством «культурных универсалий», предстающих в форме мифов, символов, коммуникации. Посредством символической интерпретации социальных процессов и отношений, протекающих в обществе, происходит объективация индивидов через отождествление с определенными позициями в социальной структуре и фиксируется через социальные практики уместного поведения, за счет чего происходит формирование институционального и общественного порядка.

Ядром идентичности является усвоенное самим индивидом знание, детерминированное социально значимыми ценностями и имеющее предписывающий характер. Наличие постоянного, устойчивого центра, возникающего на основе сопричастности культуре, традициям, памяти и т.д., представляет собой специфический комплекс идеально-символических и материально-экономических шаблонов самоопределения и самоотождествления. Помимо этих основных элементов идентичности (ценностей и стандартов поведения) индивидуальное или коллективное «я» содержит также периферические компоненты, которые не являются моральным императивом, они приобретаются благодаря избирательному позитивному выбору по отношению к желаемому и обусловлены жизненными событиями и их интерпретацией [11, с. 36–37]. Это позволяет в эмпирическом изучении данного феномена выделить два измерения содержания идентичности: контекст сравнения, определяющий степень соотношения, и контекст изменения, определяющий ее процессуальный характер ее развития.

Современное общество имеет широкие возможности изменять социальную реальность и самому изменяться под его воздействием. При этом общественные институты и неинституциональные практики в условиях информационного общества производят и транслируют новые формы и виды идентичностей. Как следствие, модальная личность размывается, внутренние структуры личности не имеют сходства с предшествующими системами идентичностей. Отсутствие в обществе государственной политики по формированию и утверждению особой коллективной идентичности, консолидирующей общество, приводит к разрешению его целостности и единства, увеличению симулякров, когда искаженная копия реальности заменяет достоверную картину социальной действительности. Социальная идентичность становится более мобильной, размытой, виртуализированной. В конечном счете, в обществе развивается кризис идентичности, который приобретает массовый и очевидный характер. Люди ощущают беспомощность, демонстрируют свою неспособность справиться с внешними обстоятельствами, нарастающий динамизм жизни лишает привычных основ бытия. В этих условиях идентичность становится нестабильной и проблематичной, она интолерантна и конфликтна, выступая инструментом не преодоления, а углубления глубоких социальных и этнокультурных различий.

Это обуславливает необходимость государственного регулирования идентификационных процессов для снижения аномии, вызванной рассогласованностью жизненных целей и спо-

собов их достижения, уменьшения стагнации в сфере гражданского сознания и конвенционального поведения. Конструирование социальной идентичности — это целенаправленная практическая деятельность государства, связанная с наблюдением, анализом и проектированием конкретных ситуаций, в которых данное понятие употребляется и используется для целеполагания и целедостижения. Установление понятных и значимых оснований для самоопределения личности детерминирует процесс формирования мотивации деятельности людей, влияет на их индивидуальные усилия в процессе решения социально значимых задач, определяет стабильное развитие социума и его институтов посредством усвоения и воспроизводства устойчивых социальных практик и стратегий поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Н.Л., Бусыгин А.Г. Идентичность как социальный феномен: теоретико-методологические основания социального конструктивизма // Теория и практика общественного развития. 2019. № 2(132). С. 12–16.
2. Беспалова Т.В. Новая идентичность сложносоставных обществ в концепции Ю. Хабермаса: социально-философский анализ // Философия права. 2005. № 5(30). С. 95–98.
3. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации; Пер. И. Тюрина. М.: Академический проект, 2018. 528 с.
4. Гоголева Е.Н., Юрков С.Е. Конструирование идентичности в современной российской политике // Актуальные проблемы научных исследований: теоретический и практический аспекты: сборник статей международной научно-практической конференции (07 июня 2023 г., г. Саратов). / в 2 ч. Ч. 2. Уфа: OMEGA SCIENCE, 2023. С. 160–162.
5. Кармадонов О.А. Солидарность, интеграция, конъюнкция // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 3–12.
6. Маслова Е.С. Постмодерн и идентичность: альтернативные интерпретации // Современные исследования социальных проблем. 2019. Т. 11. № 2. С. 91–107.
7. Маслова Е.С. Эрозия идентичности в постмодернизме // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 6. С. 105–111.
8. Санина А.Г. Генезис идеи идентичности в социологии и смежных науках // Социологические исследования. 2014. № 12. С. 3–11.
9. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности / пер. с нем. А.К. Судакова. М. Издательство «Весь Мир», 2022. 880 с.
10. Черкашин М.Д., Дагаев Р.Р. Медиакультура в процессах социализации молодежи в современном обществе // НОМОТНИКА: Философия. Социология. Право. 2022. № 47(4). С. 736–746.
11. Шефер Б., Скарабис М., Шлёдер Б. Социально-психологическая модель восприятия чужого: идентичность, знание, амбивалентность // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2004. Т. 1. № 1. С. 24–51.
12. Шляков А.В. Номадизм постмодерна в свете краха идентичности // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20. С. 255–257.
13. Эриксон Э. Трагедия личности / Перевод Е. Длугач и др. М.: Родина, 2019. 253 с.
14. Barthes R. Mythologies. Paris: Editions du Seuil, 1957. 252 p.
15. Baudrillard J. Simulacra and simulation. Translated by Sheila Faria Gaser. Michigan: University of Michigan Press, 1994. 164 p.
16. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. Garden City, NY: Anchor Books, 1966. 240 p.
17. Foucault M. The Archaeology of Knowledge. Trans. A.M. Sheridan Smith. London and New York: Routledge, 1969. 275 p.
18. Mead G.H. Mind, self, and society: from the Standpoint of a social behaviorist; Ed. and with an introduction by C.W. Morris. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1992. 401 p.

19. Tajfel H. Social identity and intergroup behavior // *Social Science Information / sur les sciences sociales*, 1974. T. 13. № 2. P. 65–93.

REFERENCES

1. Antonova N.L., Busygin A.G. *Identichnost' kak social'nyj fenomen: teoretiko-metodologicheskie osnovaniya social'nogo konstruktivizma* [Identity as a social phenomenon: theoretical and methodological foundations of social constructivism]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2019. 2(132). S. 12–16. (In Russian).
2. Bepalova T.V. *Novaya identichnost' slozhnosostavnykh obshchestv v kontseptsii YU. Khabermasa: sotsial'no-filosofskiy analiz* [New identity of compound societies in J. Habermas conception: socio-philosophical analysis]. *Filosofiya prava*. 2005. № 5(30). S. 95–98. (In Russian).
3. Giddens A. *Ustroyeniye obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii* [The constitution of society outline of the theory of structuration]; Per. I. Tyurina. M.: Akademicheskij proyekt, 2018. 528 s. (In Russian).
4. Gogoleva E.N., Yurkov S.E. *Konstruirovaniye identichnosti v sovremennoy rossiyskoy politike* [Construction of identity in modern Russian politics] // *Aktual'nyye problemy nauchnykh issledovaniy: teoreticheskii i prakticheskiy aspekty: sbornik statey mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (07 iyunya 2023 g., g. Saratov)*. / v 2 ch. CH. 2. Ufa: OMEGA SCIENCE, 2023. S.160–162. (In Russian).
5. Karmadonov O.A. *Solidamost', integratsiya, kon'yunktsiya* [Solidarity, integration, conjunction]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2015. № 2. S. 3–12. (In Russian).
6. Maslova E.S. *Postmodern i identichnost': alternativnye interpretatsii* [Postmodern and identity: alternative interpretations]. *Sovremennye issledovaniya social'nykh problem*. 2019. T. 11. № 2. S. 91–107. (in Russian)
7. Maslova E.S. *Eroziya identichnosti v postmodernizme* [Erosion of identity in postmodernism]. *Gumanitarnij YUga Rossii*. 2018. T. 7. № 6. S. 105–111. (In Russian).
8. Sanina A.G. *Genezis idei identichnosti v sociologii i smezhnykh naukah* [The genesis of the idea of identity in sociology and related sciences]. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2014. № 12. S. 3–11. (In Russian).
9. Habermas J. *Teoriya kommunikativnoy deyatel'nosti* [The theory of communicative action]. *Perevod s nem. A.K. Sudakova. M. Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2022. 880 s.* (in Russian).
10. Cherkashin M.D., Dagaev R.R. *Mediakul'tura v processah socializatsii molodezhi v sovremennom obshchestve* [Media culture in the processes of youth socialization in modern society]. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sociologiya. Pravo*. 2022. № 47(4). S. 736–746. (In Russian).
11. Schäfer B., Scarabis M., Schlöder B. *Social'no-psihologicheskaya model' vospriyatiya chuzhogo: identichnost', znanie, ambivalentnost'* [Ein Sozialpsychologisches Modell der Erfahrung des Fremden]. *Psichologiya. ZHumal vysshej shkoly ekonomiki*. 2004. T. 1. № 1.S. 24–51. (In Russian).
12. Shlyakov A.V. *Nomadizm setevogo obshchestva postmoderna* [The nomadism of network society of the postmodernity]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2015. № 20. S. 255–257. (In Russian).
13. Erickson E. *Tragediya lichnosti* [Tragedy of personality]. *Perevod E. Dlugach i dr. M.: Rodina*, 2019. 253 s. (in Russian).
14. Barthes R. *Mythologies*. Paris: Editions du Seuil, 1957. 252 p. (in English).
15. Baudrillard J. *Simulacra and simulation*. Translated by Sheila Faria Gaser. Michigan: University of Michigan Press, 1994. 164 p. (In English).
16. Berger P., Luckmann T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Garden City, NY: Anchor Books, 1966. 240 p. (in English).
17. Foucault M. *The Archaeology of Knowledge*. Trans. A.M. Sheridan Smith. London and New York: Routledge, 1969. 275 p. (In English).
18. Mead G.H. *Mind, self, and society: from the Standpoint of a social behaviorist*; Ed. and with an introduction by C.W. Morris. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1992. 401 p. (In English).
19. Tajfel H. *Social identity and intergroup behavior*. *Social Science Information / sur les sciences sociales*. 1974. T. 13. № 2. P. 65–93. (In English).

Сведения об авторах

Аверьянов Юрий Иванович — доктор технических наук, профессор, профессор 21 кафедры боевого управления авиацией и управления воздушным движением Филиала федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего образования «Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж) Министерства обороны Российской Федерации в г. Челябинске».

Averyanov Yuri Ivanovich — Doctor of Technical Sciences, Professor, Professor of the 21st Department of Combat Aviation Control and Air Traffic Control of the Branch of the Federal State State Military Military Educational Institution of Higher Education «Military Training and Scientific Center of the Air Force» Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin» (Voronezh) of the Ministry of Defense of the Russian Federation in Chelyabinsk».

E-mail: aver541710@mail.ru.

Амбарова Полина Анатольевна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института экономики и управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Ambarova Polina Anatolyevna — Doctor of Sc. (Sociology), Professor, Department of Sociology and Technology of Public Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

E-mail: borges75@mail.ru

Анфалов Евгений Владимирович — кандидат педагогических наук, доцент 23 кафедры боевого применения автоматизированных систем управления Филиала федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего образования «Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж) Министерства обороны Российской Федерации в г. Челябинске».

Anfalov Evgeny Vladimirovich — PhD (Pedagogical Sciences), Associate Professor of 23 departments of combat use of automated control systems of the Branch of the Federal State State Military Educational Institution of Higher Education «Military Training and Scientific Center of the Air Force «Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin» (Voronezh) of the Ministry of Defense of the Russian Federation in Chelyabinsk».

E-mail: eafalov66@mail.ru.

Богдан Дарья Ивановна — начальник отдела мониторинга качества обучения, БУ «Сургутский государственный педагогический университет»

Bogdan Darya Ivanovna — head of the Training Quality Monitoring Department, Surgut State Pedagogical University

E-mail: dfilippova@surgpu.ru

Брык Вероника Викторовна — магистр по направлению «Социальная работа»

Bryk Veronika Viktorovna — Master's Degree in Social Work

E-mail: veroni4ka11.03.97@mail.ru

Ваторопин Александр Сергеевич — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры управления персоналом и социологии, Уральский институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ.

Vatoropin Aleksandr Sergeevich — Doctor of Sociology, Associate Professor, Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

E-mail: vatoropin-as@ranepa.ru

Власова Ольга Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социально-экономического образования и философии, проректор по научной работе, БУ «Сургутский государственный педагогический университет»

Vlasova Olga Vladimirovna — PhD (Sociology), Associate Professor of the Department of Socio-Economic Education and Philosophy, Vice-rector for Scientific Work, Surgut State Pedagogical University

E-mail: ovlasova@surgpu.ru

Гаврилов Виктор Викторович — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры филологического образования и журналистики, БУ «Сургутский государственный педагогический университет».

Gavrilov Victor Victorovich — PhD (Pedagogical Sciences), Associate Professor, Associate Professor of Department of Philological Education and Journalism, Surgut State Pedagogical University.

E-mail: victorg12@mail.ru

Гараева Эльнара Ильфатовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры управления персоналом и социологии, Уральский институт управления — филиал РАНХиГС

Garayeva Elnara Ilfatovna — PhD (Sociological Sciences), Associate Professor of the Department of Personnel Management and Sociology, Ural Institute of Management — Branch of RANEPa

E-mail: el.garaeva@bk.ru

Гоголева Елена Николаевна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и политологии, Тульский государственный университет.

Gogoleva Elena Nikolaevna — PhD (Sociology), Associate Professor, Associate Professor of the Department Sociology and Political Sciences, Tula State University.

E-mail: elenagog@yandex.ru

Горева Ольга Михайловна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры математики и прикладных информационных технологий ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет»

Goreva Olga Mikhailovna — PhD (Sociological Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Mathematics and Applied Information Technologies of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Tyumen Industrial University»

E-mail: gorevaom@tyuiu.ru

Думинская Марина Викторовна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социально-экономического образования и философии, Сургутский государственный педагогический университет

Duminskaya Marina Viktorovna — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Socio-Economic Education and Philosophy of the Surgut State Pedagogical University

E-mail: marina-duminskaya@yandex.ru

Ермолаева Светлана Георгиевна — старший преподаватель кафедры управления персоналом и психологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Ermolaeva Svetlana Georgievna — Senior Lecturer, Department of Personnel management and Psychology, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

E-mail: Svetlana.Ermolaeva@urfu.ru

Заглодина Татьяна Алексеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, социологии и социальной работы, Институт гуманитарного и социально-экономического образования, ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»

Zaglodina Tatyana Alekseevna — PhD (Sociological Sciences), Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Social Work, Russian State Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg

E-mail: tz1708@yandex.ru

Зайцев Кирилл Дмитриевич — аспирант 2 курса Тюменского индустриального университета

Zaytsev Kirill Dmitrievich, Industrial University of Tyumen.

E-mail: kirill@fotofaktura.ru

Засыпкин Владислав Павлович — доктор социологических наук, доцент, ректор БУ «Сургутский государственный педагогический университет»

Zasyupkin Vladislav Pavlovich — Doctor of Sociology, Associate Professor, Rector, Surgut State Pedagogical University

E-mail: vzasypkin@surgpu.ru

Захарченко Светлана Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистического образования и межкультурной коммуникации, БУ «Сургутский государственный педагогический университет»

Zakharchenko Svetlana Sergeevna — PhD (Philology), Associate Professor, Associate Professor of Linguistic Education and Cross-Cultural Communication Department, Surgut State Pedagogical University

E-mail: svetlana_driga@mail.ru

Зборовский Гарольд Ефимович — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор-исследователь кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института экономики и управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург).

Zborovskiy Garold Yefimovich — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Institute of Economics and Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Honored Scientist of the Russian Federation (Yekaterinburg).

E-mail: garoldzborovskiy@gmail.com

Исакова Ксения Леонидовна — аспирант 2 курса Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Isakova Kseniya Leonidovna — 2nd year postgraduate student of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

E-mail: ksenya_isakova@bk.ru

Калегина Юлия Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Безопасность жизнедеятельности» Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»

Kalegina Yulia Vladimirovna — PhD (Pedagogical Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Life Safety of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «South Ural State University (National Research University)»

E-mail: kaleginayv@susu.ru

Косинцева Тамара Дмитриевна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры филологических дисциплин, Тюменский государственный медицинский университет

Kosintseva Tamara Dmitrievna — PhD (Sociological Sciences), Associate Professor, Associate Professor of Philological Disciplines Department, Tyumen State Medical University

E-mail: tamarakosinceva@mail.ru

Костина Наталия Борисовна — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и технологий ГМУ, Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина

Kostina Natalia Borisovna — Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Sociology and Technology of the State Medical University, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

E-mail: kostinanb30@gmail.com

Кутявина Елена Евгеньевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Kutyavina Elena Evgenievna — PhD in Sociology, Associate Professor, Department of General Sociology and Social Work, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod

E-mail: kutyavina@gmail.com

Мальцев Алексей Владимирович — кандидат биологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Maltsev Aleksey Vladimirovich — PhD (Biological Sciences), Associate Professor, Department of General and Social Psychology, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

E-mail: A.V. Maltsev@urfu.ru

Миронова Екатерина Николаевна — аспирант кафедры управления персоналом и социологии, Уральский институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ.

Mironova Ekaterina Nikolaevna — Postgraduate student of the Department of Personnel Management and Sociology, Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

E-mail: m_katerina@e1.ru

Нархов Дмитрий Юрьевич — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры «Организация работы с молодежью», ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Narkhov Dmitry Yuryevich — PhD (Sociology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of «Organization of Work with Youth», Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin»

E-mail: d_narkhov@mail.ru

Нидергаус Елена Олеговна — кандидат социологических наук, доцент кафедры управления персоналом и психологии, начальник отдела проектирования и развития образовательных программ УГИ, ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Niedergaus Elena Olegovna — PhD (Sociology), Associate Professor of the Department of Personnel Management and Psychology, Head of the Department of Design and Development of educational Programs of the UGI, FSAOU VO «UrFU named after the first President of Russia B.N. Yeltsin»

E-mail: e.o.nidergaus@urfu.ru

Омеланко Наталия Викторовна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет»

Omelaenko Natalia Viktorovna — PhD (Sociology), Associate Professor Foreign Language department, Industrial University of Tyumen

E-mail: omelaenkonv@tyuiu.ru

Осипова Любовь Борисовна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет»

Osipova Lyubov Borisovna — PhD (Sociological Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Marketing and Municipal Management of Tyumen Industrial University

E-mail: lev1026@yandex.ru

Пак Галина Станиславовна — доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», г. Нижний Новгород

Pak Galina Stanislavovna — Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod

E-mail: pak@phys.unn.ru.

Панкратова Лариса Эльмировна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, социологии и социальной работы, Институт гуманитарного и социально-экономического образования, ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»

Pankratova Larisa Elmirovna — PhD (Philosophical Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Social Work, Russian State Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg

E-mail: l.panratowa2011@yandex.ru

Прямикова Елена Викторовна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры философии, социологии и культурологии Уральского государственного педагогического университета.

Pryamikova Elena Viktorovna — Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies, Ural State Pedagogical University.

E-mail: pryamikova@yandex.ru

Ткачёва Нина Алексеевна — доктор социологических наук, главный научный сотрудник Западно-Сибирского филиала, доцент, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет»

Tkacheva Nina Alekseevna — Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Chief Researcher of the West Siberian Branch, associate professor, Professor of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

E-mail: tkachevana@tyuiu.ru

Толстоухова Ирина Васильевна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук и технологий ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет»

Tolstoukhova Irina Vasilevna — PhD (Pedagogical Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Technologies of Tyumen Industrial University

E-mail: i_tolstouhova@inbox.ru

Третьякова Оксана Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры Маркетинга и муниципального управления ФГБОУ «Тюменский индустриальный университет»

Tretyakova Oksana Vladimirovna — PhD (Sociological), Associate Professor, Associate Professor of Marketing and Municipal Management Department, Tyumen industrial University.

E-mail: 33909074@mail.ru

Шабатура Любовь Николаевна — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Сибирской Академии Наук высшей школы, член российского философского общества, отличник системы профтехобразования, член Тюменского отделения Российского профессорского собрания, профессор кафедры гуманитарных наук и технологий, ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет»

Shabatura Lyubov Nikolaevna — Doctor of Philosophy, Corresponding member of the Siberian Academy of Sciences of the Higher School, member of the Russian Philosophical Society, excellent student of the vocational education system, member of the Tyumen branch of the Russian Professorial Assembly, Professor of the Department of Humanities and Technologies, Industrial University of Tyumen

E-mail: shabaturaln@tyuiu.ru

Юдашкина Валентина Владимировна — старший преподаватель кафедры иностранных языков, ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет»

Iudashkina Valentina Vladimirovna — Senior Lecturer, Foreign Language Department, Industrial University of Tyumen

E-mail: brentano@yandex.ru

Яцевич Ольга Евгеньевна — кандидат философских наук, доцент, член Российского философского общества, доцент кафедры иностранных языков, ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет»

Iatsevich Olga Evgenevna — PhD (Philosophy), Associate Professor Foreign Language department, Industrial University of Tyumen

E-mail: maru-safronova@rambler.ru

Правила представления рукописи авторами

Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей в научном журнале «Вестник Сургутского государственного педагогического университета»

1 Общие положения

- 1.1 Редакция журнала «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» принимает к рассмотрению материалы, отвечающие профилю издания, не опубликованные ранее в других научных журналах и в сети Интернет. Присланные в редакцию материалы должны представлять собой оригинальные научные статьи, научные обзоры, научные рецензии, отзывы, основные результаты диссертационных исследований на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук. Для подтверждения этого требования мы рекомендуем заполнить автору статьи бланк соответствующего обязательства (см. Приложение).
- 1.2 Журнал публикует материалы в соответствии с актуальными рубриками:
  - в области педагогических наук: теория и методика профессионального образования;
  - в области исторических наук: отечественная история;
  - в области социологических наук: социальная структура, социальные институты и процессы.
- 1.3 Периодичность издания: выходит 6 раз в год и распространяется на территории Российской Федерации.
- 1.4 Редакция журнала «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» в процессе рассмотрения публикации статей руководствуется нормами международного и российского законодательства, этическими нормами, принятыми международным сообществом (Committee of Publication Ethics), также принципами независимости, добросовестности и ответственности редакторов и рецензентов.
- 1.5 Передача автором материалов в издание рассматривается как добровольная, безвозмездная и бессрочная передача прав на произведение научному журналу «Вестник Сургутского государственного педагогического университета».

2 Приём научных статей для публикации

- 2.1 Статьи принимаются к рассмотрению при строгом соблюдении требований к авторским оригиналам статей и наличии всех сопроводительных документов (сведения об авторах, авторское обязательство, отзыв научного руководителя для аспирантов).
- 2.2 Основаниями для включения статьи в журнал являются:
  - выполнение правил представления рукописей, сведений об авторах и требований к их оформлению;
  - оригинальность представленных материалов: она должна составлять не менее 75% (редакция проводит проверку статей с помощью сервиса «Антиплагиат»);
  - положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционной коллегией журнала.
- 2.3 К статьям аспирантов необходимо прилагать отзывы-рекомендации научных руководителей о целесообразности опубликования статьи.
- 2.4 Авторы несут ответственность за содержание статьи, за оригинальность, объективность и обоснованность публикуемых материалов, за достоверность приводимых результатов, отсутствие плагиата/фальсификации, за правильность ссылок на цитированные работы.

- 2.5 В журнале принято ограничение на возможное количество статей одного автора в одном выпуске журнала — до одной статьи, выполненной индивидуально, и до двух статей, выполненных в соавторстве.
- 2.6 Редакция оставляет за собой право редактирования текста статьи (небольшие исправления стилистического и формального характера, внесение несущественных изменений, не меняющих сути публикации, редактирование производятся без согласования с авторами) или отклонения материалов от публикации. При необходимости более серьёзных исправлений правка согласовывается с авторами или статья направляется авторам на доработку. Исправленная рукопись (электронный вариант) должна быть возвращена в редакцию в течение 14 дней и повторно направляется на рецензирование.

3 Рецензирование научных статей, поступивших в редакцию

- 3.1 Редакция журнала «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих его тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3-х лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Редакционная коллегия определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет её на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой рукописи. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются с учётом создания условий для максимально оперативной публикации статьи, но составляют не более 30 дней. Рецензирование является слепым.
- 3.2 Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет. Редакция научного журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий в электронном виде в случае мотивированного отказа опубликовать статью. Редакция также обязуется направлять копии рецензий в Высшую аттестационную комиссию и/или Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.
- 3.3 Неопубликованные рукописи не используются для личных целей и не передаются третьим лицам полностью или частично без письменного согласия автора.
- 3.4 С 1 июня 2016 года авторам опубликованных материалов бесплатно предоставляется электронная версия журнала. Печатный вариант можно получить, оформив полугодовую подписку.
- 3.5 Каждой опубликованной статье присваивается дискретный идентификатор объекта DOI (стандарт обозначения представленной в сети информации об объекте).

4 Требования к материалам и рукописям

- 4.1 Статьи и электронные версии всех необходимых документов (сведения об авторе/ авторах, отзыв-рекомендация научного руководителя и т.п.) отдельными файлами направляются в редакцию журнала по электронной почте на адрес: vestnik@surgpu.ru. При пересылке материалов по электронной почте в строке «тема» указать: «Статья в журнал».
- 4.2 В сведениях об авторе/авторах на русском и английском языках указываются:
- фамилия, имя, отчество (полностью);
  - учёная степень (полностью, без сокращений, с указанием специальности, по которой защищена диссертация и основных направления научных исследований);
  - учёное звание;

- должность и место работы (без сокращений; название организации должно совпадать с названием в Уставе организации);
- адрес с почтовым индексом;
- контактные данные: телефоны (рабочий, домашний, сотовый), адрес электронной почты.

Образец:

Гололобов Евгений Ильич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарного образования, проректор по научной работе, БУ «Сургутский государственный педагогический университет».

Gololobov Evgeny Ilyich — Doctor of Sciences (History), Professor, Professor of Social and Humanities Study Department, Vice-rector on scientific work, Surgut State Pedagogical University.

E-mail: pr_science@surgpu.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСИ СТАТЬИ**Электронная копия**

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc. В качестве имени файла указывается фамилия автора русскими буквами (например: Иванов_doc.).

Гарнитура (шрифт)

Times New Roman, размер — 14 пт.

Форматирование основного текста

Абзацный отступ — 1 см. Междустрочный интервал — полустрочный.

Выравнивание по ширине. Все поля — 2 см. Без уплотнения и ручных переносов.

Оформление статьи

Структура текста:

- индексы УДК и ББК с выравниванием по левому краю;
- информация об авторе/ авторах: инициалы и фамилия (с выравниванием по левому краю заглавными буквами) на русском и английском языках;
- название статьи (заглавными буквами с выравниванием по центру) на русском и английском языках;
- аннотация статьи (объем — от 500 до 1800 знаков с пробелами) размещается после названия статьи на русском и английском языках (слово «аннотация» не пишется) с обязательными компонентами: «Введение», «Цель», «Материал и методы» и «Результаты и научная новизна»;
- ключевые слова по содержанию статьи размещаются после аннотации с заголовком «Ключевые слова» (указывается до 8 слов на русском и английском языках);
- основной текст статьи должен включать в себя следующие разделы: Введение; Цель; Материалы и методы; Результаты и обсуждение результатов; Выводы. В статье необходимо обозначить актуальность и новизну исследования. Объем статьи — 15–40 тыс. знаков;
- литература должна быть представлена на русском языке с переводом на английский язык (требования к списку литературы указаны ниже).

Не допускается вставка разрывов страниц, разделов и т.д.

Примечания. Сокращения. Ссылки. Цитаты

Примечания, комментарии и пояснения к тексту статьи даются в виде постраничных сносок. Вводимые в статью сокращения (кроме общеизвестных), аббревиатуры

атуры организаций, названия тестов, анкет, условные обозначения и т.д. должны быть расшифрованы сразу после первого упоминания.

Ссылки на первоисточники приводятся по тексту статьи. В конце предложения заключаются в квадратные скобки с указанием номера источника из библиографического списка и страницы, например: ...о преимуществах деятельностного подхода [3, с. 52]. Если осуществляется ссылка на несколько источников, то они перечисляются в порядке возрастания номеров в списке литературы через запятую, например: [3, с. 29-28; 5, 12].

Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются.

Цитаты заключаются в кавычки, например: «...однозначно принято решение о реализации компетентностного подхода в вузе» [7, с. 21]. В квадратных скобках первым указан номер источника, после запятой — номер страницы, с которой взята цитата.

Требования к списку литературы

Список литературы (входит в общий объем статьи) должен обозначаться словом «Литература», размещаться в конце статьи.

Количественные требования: не менее 7 и не более 15 для статьи, для обзора — не более 30.

Качественные требования: желательно упоминать работы не только отечественных исследователей, но и зарубежных; не включать в список литературы учебные пособия, если это не оправдано целями исследования, научных трудов, которые не имеют отношения к теме исследования, степень давности литературных источников не должна превышать 10 лет, кроме случаев отсутствия аналогичных источников за данный период, к таким, в частности, относятся классические работы без переизданий.

Этические требования: допускается самоцитирование автора не более 30% всех источников из списка литературы, обязательна новизна исследования, если оно опирается на ранее изданные самим автором работы.

Образец:

Литература

1. А.А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. Т.Г. Динесман. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 990 с.
2. Авдеева О.А. Средства выражения концепта «возраст» в английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 220 с.
3. Аристотель. Афинская полиция. Государственное устройство афинян / пер., примеч. и послесл. С.И. Радцига. 3-е изд., испр. М.: Флинта: МСПИ, 2007. 233 с.
4. Бессарабова Н.Д. Метафора и образность газетно-публицистической речи // Поэтика публицистики: [Сб. ст.] / Под ред. Г.Я. Солганика. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 21-34.
5. Королькова А.В. Афористика И.С. Тургенева // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 2 (83). С. 113-116.
6. Патенко Г.Р. Русская антропонимия романического пространства Д.И. Стахеева: Автореф. ... канд. филол. наук. Елабуга, 2007. 22 с.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
8. Токтагазин М.Б. Жанрово-стилистические особенности русской эпистолярной публицистики в исторической ретроспективе и современности. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=19766> (дата обращения: 11.08.2020).

References

1. A.A. Fet i ego literaturnoe okruzhenie [A.A. Fet and his literary environment]: v 2 kn. Kn. 1 / otv. red. T.G. Dinesman. M.: IMLI RAN, 2008. 990 s. (In Russian).
2. Avdeeva O.A. Sredstva vy'razheniya koncepta «vozrast» v anglijskom yazy'ke [Means of Expressing the Concept «Age» In English]: Dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2007. 220 s. (In Russian).
3. Aristotel'. Afinskaya politiya. Gosudarstvennoe ustrojstvo afinyan [Athenian polity. State structure of the Athenians] / per., primech. i poslesl. S.I. Radciga. 3-e izd., ispr. M.: Flinta: MSPI, 2007. 233 s. (In Russian).
4. Bessarabova N.D. Metafora i obraznost' gazetno-publicisticheskoy rechi [Metaphor and imagery of newspaper and publicistic speech] // Poe'tika publicistiki: [Sb. st.] / Pod red. G.Ya. Solganika. M.: Izd-vo MGU, 1990. S. 21–34. (In Russian).
5. Korol'kova A.V. Aforistika I. S. Turgeneva [The aphoristics of I. S. Turgenev] // Ucheny'e zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarny'e i social'ny'e nauki. 2019. № 2 (83). S. 113–116. (In Russian).
6. Patenko G.R. Russkaya antroponimiya romanicheskogo prostranstva D.I. Staxeeva [Russian anthroponymy of the romantic space of D.I. Stakheeva]: Avtoref. ... kand. filol. nauk. Elabuga, 2007. 22 s. (In Russian).
7. Popova Z.D., Sternin I.A. Semantiko-kognitivny`j analiz yazy'ka [Semanticcognitive analysis of language]. Monografiya. Voronezh: Istoki, 2007. 250 s. (In Russian).
8. Toktagazin M.B. Zhanrovo-stilisticheskie osobennosti russkoj e'pistol'yarnoj publicistiki v istoricheskoy retrospektive i sovremennosti [Genre and stylistic features of Russian epistolary journalism in historical retrospective and the present]. URL: [http:// science-education.ru/ru/article/view?id=19766](http://science-education.ru/ru/article/view?id=19766) (data obrashheniya: 11.08.2020). (In Russian).

Таблицы. Рисунки. Иллюстрации. Диаграммы

Все таблицы, рисунки, диаграммы и прочие графические объекты размещаются строго в рамках указанных полей шириной 12,5 см, размер кегля — 10 пт, междустрочный интервал — одинарный.

Таблицы (не более 10 столбцов) должны иметь содержательное название.

Как таблицы, так и рисунки следует пронумеровать, если их несколько.

В примечаниях к таблицам объясняются все сокращения или обозначения. В тексте статьи должны быть ссылки на таблицы и рисунки после первого же упоминания, например: (табл. 1), (рис. 3).

Иллюстрации в статье должны быть чёткими, графики и диаграммы должны быть подписаны, каждая ось координат должна иметь название или единицы измерения.

5 Опубликование статей

- 5.1 После принятия Редакционной коллегией решения о допуске статьи к публикации ответственный за выпуск журнала информирует об этом автора и указывает сроки публикации.
- 5.2 Редакционная коллегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей.
- 5.3 Публикация осуществляется бесплатно.
- 5.4 С «Правилами направления, рецензирования и опубликования научных статей в журнале «Вестник Сургутского государственного педагогического университета», с примерами оформления литературы, сведений об авторе, PDF версиями журнала можно ознакомиться на сайте Сургутского государственного педагогического университета»: www.surgpu.ru

Состав редколлегии

Главный редактор:

КОНОПЛИНА Надежда Васильевна, доктор педагогических наук, профессор,
Президент Сургутского государственного педагогического университета

Ответственный редактор:

ГАВРИЛОВ Виктор Викторович, кандидат педагогических наук, доцент

Редакционная коллегия:

АЛЕКСЕЕВА Любовь Васильевна, доктор исторических наук, профессор

АМБАРОВА Полина Анатольевна, доктор социологических наук, доцент

БОЗИЕВ Руслан Сахитович, доктор педагогических наук, профессор

ВАТОРОПИН Александр Сергеевич, доктор социологических наук, доцент

ГОЛОЛОБОВ Евгений Ильич, доктор исторических наук, профессор

ДВОРЯШИН Юрий Александрович, доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

ДЖОЗЕФСОН Пол Роберт, доктор исторических наук, профессор (США)

ДОКТОРОВ Борис Зусманович, доктор философских наук, профессор (США)

ДУЛИНА Надежда Васильевна, доктор социологических наук, профессор

ДУРНОВЦЕВ Валерий Иванович, доктор исторических наук, профессор

ЗАСЫПКИН Владислав Павлович, доктор социологических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки ХМАО — Югры

ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович, доктор философских наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

КОРЬЧАНКОВА Симона, доктор педагогических наук (Чехия)

ЛАЗАРЕВ Валерий Семёнович, доктор психологических наук, профессор, академик РАО

ЛАРКОВИЧ Дмитрий Владимирович, доктор филологических наук, профессор

ЛАШКОВА Лия Лутовна, доктор педагогических наук, доцент

МИЛЕВСКИЙ Олег Анатольевич, доктор исторических наук, доцент

МИЩЕНКО Владимир Александрович, доктор педагогических наук, доцент

СЕМЁНОВ Леонид Алексеевич, доктор педагогических наук, профессор

СИНЯВСКИЙ Николай Иванович, доктор педагогических наук, профессор

СИПКО Йозеф, доктор педагогических наук (Словакия)

СТЕПАНОВА Галина Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор

ШИБАЕВА Людмила Васильевна, доктор психологических наук, профессор

ШУКЛИНА Елена Анатольевна, доктор социологических наук, профессор

Editorial staff

The Chief Editor:

KONOPLINA Nadezhda Vasilyevna, Doctor of Education, Professor,
President of the Surgut State Pedagogical University

The Editor-in-Chief:

GAVRILOV Victor Viktorovich, Ph.D., Pedagogical Sciences

The Editorial Staff:

ALEKSEEVA Lubov Vasilyevna, Doctor of Historical Sciences, Professor

AMBAROVA Polina Anatolyevna, Doctor of Sociology, Associate Professor

BOZIEV Ruslan Sakhitovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

VATOROPIN Alexander Sergeevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

GOLOLOBOV Yevgeniy Ilyich, Doctor of Historical Sciences, Professor

DVORYASHIN Yuriy Aleksandrovich, Doctor of Philological Sciences, Professor

JOSEPHSON Paul Robert, Doctor of Historical Sciences, Professor (USA)

DOCTOROV Boris Zusmanovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (USA)

DULINA Nadezhda Vasilyevna, Doctor of Sociological Sciences, Professor

DURNOVTSEV Valery Ivanovich, Doctor of History, Professor

ZASYPKIN Vladislav Pavlovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor

ZBOROVSKIY Garold Yefimovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor

KORYCHANKOVA Simona, Doctor of Education (Czech Republic)

LAZAREV Valeriy Semyonovich, Doctor of Psychological Sciences, Professor,
Academician of the Russian Education Academy

LARKOVICH Dmitriy Vladimirovich, Doctor of Philological Sciences, Professor

LASHKOVA Liya Lutovna, Doctor of Education, Associate Professor

MILEVSKIY Oleg Anatolyevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

MISHCHENKO Vladimir Alexandrovich, Doctor of Pedagogical Sciences,
Associate Professor

SEMYONOV Leonid Alekseyevich, Doctor of Education, Professor

SINYAVSKIY Nikolay Ivanovich, Doctor of Education, Professor

SIPKO Joseph, Doctor of Education (Slovakia)

STEPANOVA Galina Alekseevna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

SHIBAYEVA Lyudmila Vasilyevna, Doctor of Psychological Sciences, Professor

SHUKLINA Yelena Anatolyevna, Doctor of Sociological Sciences, Professor